

И. В. Ружицкая

«Просвещенная бюрократия»

1800—
1860-е гг.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

И.В.Ружицкая

**ПРОСВЕЩЕННАЯ
БЮРОКРАТИЯ
(1800–1860-Е ГГ.)**

**Москва
2009**

Монография посвящена трем представителям «просвещенной» или «либеральной» бюрократии: П.Д. Киселеву, Д.Н. Блудову, М.А. Корфу. На их примере автор рассматривает генезис правительственного реформизма и показывает вклад государственных деятелей этого направления в дело модернизации России, исходя при этом из представления о царствовании императора Николая I как времени подготовки реформ 1860-х гг. Центральные персонажи работы олицетворяют основные направления, по которым шла подготовка преобразований во второй четверти XIX столетия, – крестьянский вопрос, систематизация права, реорганизация самоуправления. В работе освещены неизвестные стороны деятельности П.Д. Киселева по крестьянскому вопросу, доказывается, что при Николае I полным ходом шла кодификация судебного законодательства под руководством Д.Н. Блудова, в новом свете представлена история первого курса Царскосельского лицея, где учился М.А. Корф. Если Киселеву посвящено значительное количество литературы, то биографии Блудова и Корфа практически не исследованы. Данную работу можно рассматривать, как первую в историографии попытку проследить жизненный путь этих двух деятелей.

Рецензенты:

д-р ист. наук *Аксенов А.И.*
канд. ист. наук *Аурова Н.Н.*

ВВЕДЕНИЕ

«Просвещенные бюрократы» – представители правительственного реформизма первой половины XIX в.

«Просвещенные бюрократы» – новый тип российского чиновника: опыт характеристики

Ключевым моментом отечественной истории XIX в. стали реформы 1860-х гг., в результате которых Россия вступила на путь модернизации¹. Предшествующее развитие страны, с начала столетия, можно рассматривать как время подготовки реформ, создания для них предпосылок. Тридцатилетнее правление императора Николая I (1825–1855) стало одним из звеньев поступательного движения России. Постановка и разработка многих насущных вопросов при этом императоре оказали влияние на процесс преобразований следующего царствования. При нем был, наконец, преодолен «хаос в законодательстве» и завершено его упорядочение: создан Свод законов Российской империи, ставший правовой базой реформ. Большую роль в дальнейшем преобразовании крепостного права сыграл «опыт обсуждения и мероприятия по решению крестьянского вопроса»². В этой области, выражаясь современным языком, проигрывалась модель будущих преобразований. Деятельность крестьянских комитетов второй четверти XIX в. можно рассматривать как этапы выработки *механизма* перехода от одного способа хозяйствования к другому: был сформулирован ряд положений будущей реформы, такие как необходимость переходного периода (обязанное состояние), отказ от выкупа личной свободы и безземельного освобождения, разработан порядок наделения крестьян землей при сохранении дворянского землевла-

дения, в общих чертах определены будущее административное и судебное устройство крестьян.

При Николае I были подготовлены и *силы*, осуществившие реформы 1860-х гг. К концу правления этого монарха в России существовал целый слой высокопоставленных государственных деятелей, лучше других подготовленных к участию в переустройстве общества. К ним относится ряд сановников, в данной работе речь пойдет о таких фигурах российского политического Олимпа, как П.Д. Киселев, Д.Н. Блудов, М.А. Корф. При всей разнице масштабов все трое представляли собой новый тип российских чиновников, которых обычно называют «просвещенными» или «либеральными» бюрократами.

Термин «либеральная бюрократия» получил распространение в советской исторической литературе 1960–1970-х гг. В современной западной историографии бытует понятие *enlightened bureaucrats* – «просвещенные бюрократы», подчеркивающее отличие российских чиновников-реформаторов от европейских либералов XIX в.³ Оба термина, по мнению некоторых ученых, являются условными и нуждаются в дальнейшем уточнении⁴. На мой взгляд, «просвещенная бюрократия», термин, более удачный, чем бюрократия либеральная, поскольку основой мировоззрения всех представителей этой группы чиновничества была идеология французского Просвещения, его постулаты определили особенности их поведения и деятельности.

Существует несколько определений «просвещенной» или «либеральной» бюрократии, наиболее приемлемым мне кажется следующее: слой прогрессивно мыслящих, интеллигентных людей, объединенных общностью взглядов на задачи предстоящих преобразований и методы их исполнения, которые не были отгорожены от общественных сил страны, формируясь в содружестве с либеральными общественными деятелями, литераторами, учеными⁵. Ряд историков относят к «просвещенным бюрократам», прежде всего, молодых государственных деятелей, группировавшихся вокруг великого князя Константина Николаевича и ставших активными участниками преобразований 1860-х гг. (Н. и Д. Милютины, А.В. Головнин и др.). Однако была и другая группа деятелей реформ: крупные сановники

николаевского царствования, к середине 50-х гг. XIX в. занимавшие достаточно высокие посты, чтобы иметь возможность оказывать существенное влияние на государственные дела; назовем их «просвещенными бюрократами первой волны»; центральные персонажи данного исследования – из их числа.

Существует точка зрения, которая «разводит» понятия «просвещенная» и «либеральная» бюрократия: к представителям последней ее сторонники относят непосредственных участников реформ из окружения Константина Николаевича; «просвещенные бюрократы», по их мнению, это их предшественники и единомышленники в правительственном аппарате первой половины XIX в.⁶ Автор настоящей работы полагает, что и те, и другие могут быть названы «просвещенными» или «либеральными» бюрократами.

Становление этого типа чиновников началось с начала XIX в., что было обусловлено усложнением системы управления, прежде всего, образованием министерств, и связанными с этим усилиями власти по подготовке новой, более образованной генерации чиновников. У истоков этого явления стоял М.М. Сперанский.

«Просвещенные» («либеральные») бюрократы или представители правительственного реформизма имеют ряд черт, отличающих их от других представителей чиновничества; персонажи данного исследования наделены ими в большей или меньшей степени.

В мировой историографии последнего десятилетия обрели «вторую жизнь» идеи немецкого социолога первой половины XX в. Н. Элиаса, введшего понятие *придворного общества*, которым он определял преобладающий в XVI–XVIII вв. в европейских государствах тип управления⁷. Исходя из его концепции и учения Макса Вебера о трех типах власти – *традиционного, харизматического и рационального*, историки приходят к заключению, что в России первой половины XIX в. традиционный тип власти постепенно трансформируется в рациональный, проявлением этого процесса (по Веберу) явилась бюрократизация управления. На смену власти, освященной традицией и религиозными нормами, приходит власть, опирающаяся на сис-

тому общих правил и норм, установленных с известной «разумной» целью. Носителем этой «разумности» (т.е. рациональных начал) и являлась бюрократия, представители которой как «профессионалы обладают знаниями, приобретенными через формальное обучение ... твердо придерживаются стандартов поведения, закрепленных процессом социализации с опорой на службу»⁸. Именно в «просвещенной бюрократии» некоторые исследователи видят носителя *принципов рационального управления*; эти принципы ее представители «старались внедрить в отечественную действительность, отказываясь от традиций “придворного общества”». В этом усматривают одну из особенностей правительственных либералов в России первой половины XIX в.⁹

Другой отличительной чертой чиновников нового типа было то, что основу их мировоззрения составили идеи французского Просвещения: народное благосостояние – высшая цель государственной жизни; гражданская свобода составляет основу народного благосостояния, она – неотъемлемое прирожденное право человеческой личности; сущность гражданской свободы заключается в хозяйственной и правовой независимости, обеспеченной государственными законами. На основе этих положений делались следующие выводы: на Западе гражданская свобода установлена и охраняется законом, в России ее еще предстоит установить, прежде всего, наделив гражданскими правами крепостных крестьян. Французская революция показала, насколько страшны могут быть последствия непредусмотрительности власти, которая не сообразуется с «духом времени». Поэтому вернуть крестьянам их прирожденные или естественные права может только правительство. Таким образом, чиновникам-реформаторам была присуща рационалистическая концепция, заключающая в себе особенности просветительской идеологии: отрицание действующего порядка с точки зрения человеческого разума, учение о неотчуждаемых правах личности, понятие о законе как гарантии гражданской свободы¹⁰.

Из того же идейного источника – и другие мировоззренческие и поведенческие установки: осознание необходимости строго придерживаться, особенно в служебной деятельности,

законных форм, стремление к «общей пользе». Несмотря на сильно развитое честолюбие, представители сановного либерализма руководствовались искренней любовью к отечеству, поэтому свою служебную деятельность рассматривали не только в свете личной карьеры, но и как возможность содействовать общественному благу, причем карьерный рост представлялся средством расширить поле деятельности¹¹.

Позднейшие идеологические воздействия попадали на «удобренную» просветительскими учениями почву. Так случилось с учением французских либералов времен Реставрации¹², которое своеобразно синтезировалось у молодых русских дворян с взглядами, сложившимися в детские и юношеские годы: «восприятие произведений Б. Констана и мадам де Сталь накладывалось на прочный культурный фундамент, заложенный детским чтением произведений Руссо, Монтескье, Вольтера»¹³. Однако практическое воплощение либеральных идей было актуально для Франции, где многие постулаты Просвещения были «опробованы» на практике, и где уже были провозглашены «свобода, равенство и братство», но не в России, где было рано говорить об индивидуальной свободе, пока большая часть населения оставалась в «рабстве диком».

Источником общественного блага и личного благосостояния, с точки зрения столичного дворянства первой половины XIX в., являлся император – только он мог стать инициатором каких бы то ни было перемен в общественном механизме. В необходимости же усовершенствования существующей системы такие чиновники были абсолютно уверены, сознавая, что если ничего не предпринимать, то Россия все больше будет отставать от процесса модернизации, охватившего Европу. Поэтому от помазанника Божьего ждали санкции на преобразование российской жизни¹⁴.

В данном случае речь идет о *гувернаменталистской* составляющей мировоззрения той группы высших администраторов первой половины XIX в., которых называют «просвещенными бюрократами». Под этим понимается *признание самодержавного государства главным субъектом и инструментом преобразования страны*. С другой стороны, реформаторские планы и

усилия правящей элиты Российской империи необходимо рассматривать как отечественную разновидность *европейского легитимизма*, под которым понимается общественно-политическое течение, которое стремилось сочетать постепенное реформирование общества с сохранением абсолютной монархии и социального господства дворянства¹⁵.

Представители нового для России типа сановника выделялись литературным талантом. Это связано с той ролью, которую играла литература в жизни русского общества на протяжении всего XIX в. «Литература, журналистика оказывались и лабораторией, и трибуной, генерирующими идеи и внедряющими их в общественное сознание»¹⁶. Литературное творчество занимало в жизни столичной дворянской молодежи начала столетия не меньше места, чем административная деятельность. «Наиболее крупными представителями нового типа дворянина – гражданского чиновника» в начале столетия были «молодые бюрократы, основавшие литературное общество “Арзамас”». Последние стали «носителями новой бюрократической ментальности», с годами все больше определявшей лицо столичного чиновничества¹⁷.

Характерной чертой, присущей «просвещенным бюрократам», была и потребность в интеллектуальной деятельности. Словосочетание «чиновник-интеллектуал» или «бюрократ-интеллигент» зачастую вызывает протест: это связано с господствующим в российском обществе уже более столетия стереотипом «интеллигентного человека», определяемого не только по уровню полученного им образования, но и по нравственным установкам и даже манере поведения. Между тем, если интеллигенция – это «социальная группа, состоящая из людей, профессионально занятых умственным трудом» (к которым принадлежит и «большая часть служащих»), то П.Д. Киселева, Д.Н. Блудова, М.А. Корфа, всю жизнь занимавшихся именно таким трудом, следует отнести к ней. Они были теми, кого позже Г.Г. Шпет назовет «правительственной интеллигенцией».

Для большинства чиновников нового типа было характерно уважительное и внимательное отношение к подчиненным, отсутствие формализма. Нашим героям это качество было прису-

ще в значительной степени. Корф умел работать с людьми, не подавлять их своим авторитетом, для пользы дела зачастую жертвовал личными амбициями; по словам одного из сослуживцев, он был начальником, который «позволял своим подчиненным думать и даже высказывать то, что они думали», что было для того времени «редким исключением». Киселева отличала «большая способность привязывать к себе людей и особенно подчиненных», с которыми он «был взыскателен, но очень вежлив в обращении», «с младшими вел себя ласково и снисходительно»¹⁸.

Все эти качества отличали трех центральных персонажей настоящей работы. Но между ними были и отличия, связанные с различными условиями их формирования и особенностями характера. Все трое получили первоначальное домашнее образование, но только Корф продолжил учебу в Лицее, который дал ему все необходимые знания и навыки для «службы государственной». Отсутствие систематического образования у Киселева и Блудова давало о себе знать впоследствии; так, в деятельности Блудова сказались преобладание гуманитарного образования: при «поэтическом» (или «романическом») складе характера он легко увлекался и так же легко охладевал к новым делам и идеям; Киселеву пришлось в зрелом возрасте заниматься самообразованием, но он был последователен и тверд в делах: годы военной службы с ее строгой дисциплиной не прошли даром.

Блудов, как и другие бывшие «арзамасцы», был человеком, склонным к литературным занятиям, но волею судьбы попавшим в орбиту административной деятельности; свой «литературный темперамент» ему приходилось приноравливать к служебным обязанностям. Подобные качества были присущи и другим его товарищам по «Арзамасу», так, даже небольшая деловая записка Д.В. Дашкова «содержала в себе какую-нибудь оконченную мысль, и все было образцом слога и даже почерка»¹⁹; «высокохудожественными» были официальные бумаги С.С. Уварова. Эти министры получали удовольствие от самого процесса составления и редакторского оформления документов, придавая большее значение их форме, судьба готовых проектов интересовала их в меньшей степени.

К другой «разновидности» этого типа чиновников принадлежали П.Д. Киселев и М.А. Корф. Для них важно было не только «красиво» изложить свои идеи, но и реализовать их, это – практики. Администраторы подобного типа встречались не только на министерском уровне, их можно было встретить среди губернаторов и чиновников более мелкого масштаба. Так, к ним принадлежал друг Киселева, наместник Кавказа М.С. Воронцов, ряд губернаторов²⁰.

И приверженцы «изящного» слога, такие как Блудов, и сторонники более решительных действий, наподобие Киселева и Корфа, были представителями лагеря сановников-реформаторов, понимающих необходимость преобразований, принимающих их неизбежность и стремящихся помочь верховной власти провести их с наименьшими потерями.

Задача настоящей работы – не общая и исчерпывающая характеристика сторонников преобразований в среде высшей бюрократии Российской империи, она гораздо скромнее: показать вклад трех конкретных представителей этой группы чиновничества в дело модернизации России. При этом автор стремится подчеркнуть в их деятельности и личных качествах то общее, что было присуще формирующемуся во второй четверти XIX в. новому типу чиновника, к которому принадлежали все трое. Подобный подход обусловил необходимость дать существующие в современной историографии трактовки самого термина «просвещенная» или «либеральная» бюрократия и обозначить свою позицию по этому вопросу. Вместе с тем, каждый из представленных в работе деятелей, как любой отдельный индивидуум, обладал рядом черт, обусловивших его отличие от других представителей данной группы сановников. Эти особенности отразились на их деятельности, сказавшись на ее конечных результатах.

Выбор персонажей далеко не случаен – они знаменуют направления, по которым в царствование императора Николая I шли основные законодательные работы: попытки приблизить решение крестьянского вопроса, систематизация и кодификация права, разрешение проблемы самоуправления. Эти усилия в сфере законодательной деятельности впоследствии переросли

в основные реформы следующего царствования. Имя каждого из трех, рассматриваемых в настоящем исследовании представителей правительственного реформизма, так или иначе, связано с одной или несколькими реформами. Этим определяется цель работы: на конкретном материале показать вклад каждого из них в дело переустройства страны, с тем, чтобы прояснить и уточнить вопрос о роли в процессе модернизации России целого направления отечественной администрации, получившей «добро» от монарха.

Проблема подготовки кадров для реформ 1860-х гг. в отечественной историографии до последнего времени практически не разрабатывалась. Трактовка преобразований Александра II как стремительного и одномоментного процесса нуждается в пересмотре: эти преобразования стали возможны благодаря многократным усилиям высшей администрации предшествующего времени, направленным на всеобъемлющую реорганизацию государственного механизма. В ходе этих усилий рождалась концепция реформ, разрабатывались пути перехода от одного качественного состояния в другое, выявлялись и воспитывались люди, чьи убеждения, знания и практический опыт составили тот человеческий потенциал, который был использован властью в процессе подготовки и проведения реформ 1860-х гг.

Наиболее ярким представителем той генерации высшего чиновничества, чья деятельность стала реальным вкладом в дело преобразований, был Павел Дмитриевич Киселев. Именно с его именем связаны основные мероприятия правительства Николая I по крестьянскому вопросу: реформа государственной деревни, указ об обязанных крестьянах, инвентаризация помещичьей деревни в западных областях. Несмотря на многочисленные работы (в том числе и четырехтомный труд Заблоцкого-Десятовского), вопрос об условиях формирования личности Киселева остается открытым; нуждаются в современном прочтении вопросы о преобразованиях в казенной деревне, об идейной преемственности взглядов Киселева (были ли они связаны с идеями декабристов, получили ли развитие при подготовке реформы 1861 г.). Неисследованными остались его усилия по реализации ряда проектов, в частности, по созданию образцовых

имений с рациональной системой хозяйствования и устроенными по-новому отношениями между крестьянами и владельцами земли.

Что касается Дмитрия Николаевича Блудова, вопрос о его вкладе в реформы не так однозначен, как в случае с Киселевым, и гораздо меньше изучен. Его многолетняя деятельность как главноуправляющего Вторым отделением (1839–1861) по преобразованию гражданского и уголовного судопроизводства, увенчавшаяся проектами 1857 г. и 1860 г., освещена в литературе недостаточно полно. Не до конца прояснен вопрос, насколько сильно было влияние проектов, разработанных под его руководством, на судебные уставы 1864 г.

Во второй четверти XIX в. третий центральный персонаж настоящей работы, М.А. Корф, не достиг таких административных высот, как Киселев и Блудов. Однако именно ему довелось принять самое деятельное и непосредственное участие в реформаторском процессе 1860–х гг. В разгар этого процесса он возглавил Второе отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕИВК), через которое проходили проекты преобразований. Благодаря его активному вмешательству была расширена сфера деятельности и самостоятельность земских учреждений и преодолен сословный подход при выборах в них.

Названные лица были не единственными сторонниками модернизации России в высшей бюрократии. Как уже отмечалось, в 1830–1840–е гг. сформировался *целый слой* чиновников высшего эшелона власти, понимающих и принимающих необходимость перемен и готовых их осуществить. Не все из них смогли реализовать свой преобразовательный потенциал в силу различных причин, тем не менее, таковых среди министров Николая I было не так уж мало: Д.В. Дашков, С.С. Уваров, Л.А. Перовский, Д.Г. Бибииков. Результаты их деятельности были неоднозначны, но их менталитет был близок умонастроениям Киселева и Блудова. К этому же поколению относился товарищ министра внутренних дел при Александре II, инициатор непосредственного приступа к подготовке крестьянской реформы А.И. Лёвшин.

Отдельные представители реформаторского крыла в правительственном лагере действовали на ниве отечественной администрации и раньше. Наиболее ярким из них был М.М. Сперанский; к этому направлению относились В.П. Кочубей, Е.Ф. Канкрин²¹.

Таким образом, в правительственном лагере накануне реформ существовало два основных направления, придерживавшиеся различных взглядов на будущее России: представители одного стремились к переменам, представители другого призывали к сохранению status quo. И эти направления появились и укрепились не в одночасье, их генезис гораздо сложнее и имеет многолетнюю историю. Если взглядам «крепостников» в исторической литературе прошедшего века уделялось достаточно внимания, то сторонникам преобразований повезло меньше. Заполнить эту лакуну и призвано настоящее исследование.

Разработка проблемы в исторической литературе. Источниковая база исследования

Отечественная и зарубежная историография добилась немалых успехов в изучении непосредственной подготовки и проведения Великих реформ. Эпоха, предшествовавшая отмене крепостного права в России, – время правления императоров Александра I и Николая I, когда созрели предпосылки для модернизации жизни российского общества, – остается одним из наименее изученных этапов отечественной истории имперского периода. Правящая элита Российской империи этого времени, выдвинувшая реформаторов середины столетия, только в последние десятилетия стала объектом пристального внимания исторической науки.

В изучении реформаторского направления в среде правящей элиты Российской империи первой половины XIX в. можно выделить три этапа, которые хронологически совпадают с основными периодами развития отечественной исторической науки:

завершающим этапом первого из них является 1917 г.; второй приходится на советский период отечественной историографии; третий начинается с 1990-х гг. Внутри первого, дореволюционного этапа, в свою очередь, можно выделить два периода изучения правительственного реформаторства первой половины XIX в.: первый охватывает 1850–1890-е гг., второй приходится на время, наступившее после первой революции в России²².

Родоначальником литературы о «просвещенной бюрократии» можно считать М.А. Корфа, автора биографии М.М. Сперанского²³. Его книга послужила поводом к обсуждению в обществе преобразовательных планов верховной власти начала XIX в., а ее главный персонаж, безусловно, может быть назван «отцом» не только русской бюрократии в целом, но и ее реформаторского крыла в частности. Сюжет о самом крупном проекте «великого реформатора» – «Плане государственного преобразования» в работу не вошел по цензурным соображениям. Сочинение Корфа было написано с использованием большого круга источников, доступных автору в силу его положения, хотя, как большинство официальных изданий, не содержало широких обобщений.

Книга Е.П. Ковалевского о Д.Н. Блудове, к сожалению, осталась не законченной, повествуя только о начале жизненного пути Блудова. Зато биография П.Д. Киселева, написанная его ближайшим сотрудником А.П. Заблоцким-Десятовским, представляла собой четырехтомное издание, снабженное приложениями, и прослеживало путь своего героя на всем его протяжении²⁴. Эти работы апологетичны, а их выводы не всегда соответствуют истинному положению вещей. Тем не менее, надо признать, что они стали первыми исследованиями, посвященными сановникам интересующего нас направления, взгляды которых рассматривались как выражение заданного императором «настроения».

У истоков другого подхода в изучении «просвещенной бюрократии» стоял А.И. Герцен, обличительный пафос сочинений которого существенно повлиял на всю последующую историографию. Его оценка роли бюрократии в реформировании России была негативной; планы преобразований, исходившие от

отдельных представителей власти, рассматривались исключительно как проявление их личных качеств, а не как свидетельство намечающейся тенденции правительственной политики.

В эти же годы зародилось и третье направление изучения проблемы «Власть и реформы в России», сторонники которого пытались найти в историческом опыте постановки вопроса о преобразованиях первой половины XIX в. основу для компромисса между властью и обществом. Последователи К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина из числа историков права преимущественно анализировали юридические рамки, в которых развивалась русская государственность²⁵. Основу конкретно-исторического изучения реформаторского направления в правящей элите Российской империи заложили труды А.Н. Пыпина, оказавшие значительное влияние на последующих исследователей. Однако один из его важнейших выводов – о тесной связи эволюции государственного аппарата и бюрократии с общественной мыслью и общественным движением – на следующих этапах развития отечественной историографии был забыт²⁶.

События революции 1905–1907 гг. заставили современников по-новому взглянуть на историю преобразований в России и открыли следующий период изучения проблемы. Расширение источниковой базы, появление новых методологических подходов, превращение дореформенной эпохи в относительно отдаленное прошлое – все эти факторы создали условия для более объективного анализа проблемы «просвещенной бюрократии». Свидетельством этого стала статья А.А. Кизиветтера «Николай I как конституционный монарх», в которой давалась новая трактовка его внутренней политики²⁷. Большой фактический материал попытался систематизировать в своем «Курсе истории России XIX в.» А.А. Корнилов. Это капитальное издание до сих пор пользуется вниманием историков не только из-за значительного количества привлеченных Корниловым источников, но и в силу достаточно выверенных и согласующихся с сегодняшними подходами заключений и обобщений²⁸. Корнилов показал борьбу различных группировок во властных структурах; в работе содержится характеристика интересующего нас направления в высшей администрации Российской империи.

Революция 1917 г. положила начало советскому этапу историографии, внутри которого можно выделить три периода изучения правительственного либерализма первой половины XIX столетия. Первый пришелся на 1920-е гг., его основным идейным вдохновителем стал М.Н. Покровский. В это время интерес к проблемам преобразований «сверху» угас, императоры и сановники рассматривались как силы, препятствующие прогрессу, реформы же трактовались как «побочный продукт» классовой борьбы, играющие второстепенную роль. Реформаторские усилия правительственных кругов Российской империи оценивались как проявление страха перед революцией.

Попытки применения марксистской методологии к конкретно-историческому изучению дореформенного периода истории России в эти годы не ограничивались только господствовавшей школой М.Н. Покровского. В 1920-е гг. оформился и другой подход, воспринявший лучшие традиции дореволюционной историографии. У его истоков стояли такие представители петербургской исторической школы, как А.Е. Пресняков и М.А. Полиевктов²⁹. Понимание ими истории как борьбы классов не сводилось к вульгарной социологической схеме. В 1920-е – начале 1930-х гг. появились труды А.Н. Шебунина, Н.М. Дружинина, Н.К. Пиксанова, в которых впервые реформаторское направление в правительственных кругах было представлено как значимый общественно-политический феномен, тесно связанный с развитием общества³⁰. В исследованиях А.Н. Шебунина эти искания истолковывались в контексте общеевропейского перехода от феодальной к буржуазной государственности. Этот подход, подкрепленный значительным конкретно-историческим материалом, опровергал господствовавшую трактовку преобразовательных мероприятий правительства как исключительно демагогического явления³¹.

Второй период развития советской историографии охватывает 1930-1950-е гг., когда сложилась теория «трех этапов революционного (освободительного) движения», включавшая в себя концепцию декабризма как наиболее яркого выражения периода дворянской революционности. Обращение к изучению антикрепостнических тенденций внутри страны сделали возможным

и появление работ по истории внутренней политики первой половины XIX в. Важной вехой в развитии отечественной историографии стало фундаментальное исследование Н.М. Дружинина о реформе государственной деревни под руководством П.Д. Киселева³². Освещение этого сюжета дало возможность автору показать реформаторскую деятельность правящей элиты в области крестьянского вопроса и сформулировать вывод о наличии в общественно-политической жизни России того времени «губернаменталистской» тенденции. Труд Дружинина до сих пор остается непревзойденным по объему привлеченного архивного материала по крестьянскому вопросу в царствования Александра I и Николая I, хотя ряд выводов работы нуждается в пересмотре.

Подход, намеченный в ряде исследований 1920-х гг., но не получивший тогда развернутого изложения, нашел свое продолжение в докторской диссертации А.В. Предтеченского (1940 г.), посвященной внутренней политике Александра I. Впервые в историографии планы и попытки реформ предстали не как отдельные изолированные случайные шаги со стороны монарха и его приближенных, а как важная составляющая часть внутренней политики.

На судьбу этих столь значимых исследований не могли не повлиять трагические события, происходившие в нашей стране. Н.М. Дружинин подвергался резкой и несправедливой критике со стороны М.Н. Покровского и его учеников³³, А.Н. Шебунин был в 1937 г. репрессирован, на протяжении семнадцати лет не мог издать в виде монографии свою диссертацию А.В. Предтеченский. Ее публикация совпала с началом нового периода отечественной историографии, исходной точкой которого стал XX съезд партии.

Особую роль в изучении бюрократии имперского периода сыграли работы П.А. Зайончковского, который первым обратился к такому источнику, как формулярные списки. Его характеристики государственных деятелей, особенно времени правления Николая I убийственны, однако П.Д. Киселева он выделяет как единственного представителя «партии прогресса» в окружении этого монарха³⁴. Основное внимание представите-

лей созданной Зайончковским научной школы было сосредоточено на изучении бюрократии середины и второй половины XIX в. Исключение составили труды его ученика Н.П. Ерошкина, один из которых стал первой попыткой рассмотрения механизма государственной власти в дореформенной России³⁵.

Дискуссия о природе российского абсолютизма 1970-х гг. не внесла ничего нового в исследование проблемы правительственного либерализма первой половины XIX в. До начала 1980-х гг. мало кто из авторов обращался к конкретно-историческому исследованию правительственной политики Российской империи дореформенной эпохи. Исключениями стали работы Н.С. Киняпиной и В.Я. Гросула; первая повествовала об экономических мероприятиях правительства Николая I, вторая была посвящена деятельности российских властей в Молдавии и Валахии³⁶. Другие аспекты внутренней политики второй четверти XIX в. в советское время не получили должного освещения в отечественной историографии. Еще меньше привлекали историков сюжеты о преобразовательных усилиях власти в это время. Впервые вопрос о «правительственном конституционализме» эпохи правления Александра I был поставлен в монографии Н.В. Минаевой. В этой работе нашли отражение новые подходы к проблемам теории официальной народности и идеологии декабризма. Большое значение имел сделанный Минаевой акцент на таких явлениях, как гувернаментализм и легитимизм. Реформаторские планы правительственных кругов в последнее десятилетие царствования императора Александра I стали предметом исследования С.В. Мироненко, в другой работе этот исследователь рассказал о мероприятиях Николая I по крестьянскому вопросу. В монографии М.М. Сафонова предметом изучения стала борьба вокруг реформаторских проектов в первый год царствования Александра Павловича³⁷.

Рубеж XX–XXI вв. стал эпохой бурных перемен, которые заставляли по-новому взглянуть на проблемы истории страны, положив тем самым начало новому этапу отечественной историографии. Утвердившийся методологический плюрализм привел к многообразию оценок и взглядов. Исследователи обратились к новой проблематике, в том числе к вопросам либеральной и

консервативной идеологии и практики. Предметом анализа стали личности таких государственных деятелей, как Николай I, М.М. Сперанский, С.С. Уваров³⁸.

Новые тенденции в российской историографии последнего десятилетия связаны со значительным влиянием различных течений зарубежной исторической науки, прежде всего англоязычной.

Одним из первых обратился к изучению правительственной политики в сфере просвещения Н. Рязановский³⁹. На представителей следующего поколения американских исследователей, к числу которых можно отнести В.Б. Линкольна, У. Пинтнера, Ф. Старра, Р. Уортмана⁴⁰, непосредственное влияние оказала концепция изучения бюрократии Российской империи, созданная П.А. Зайончковским. В своих трудах эти авторы «пытались увидеть в российской администрации субъект исторического процесса, участвующий в реформировании, а не машину, автоматически реагирующую на социальное и экономическое давление извне»⁴¹.

Тот факт, что при Николае I «создавались технические и административные кадры, которым предстояло подготовить великие реформы Александра II», признает и М. Раев. Более того, он уверен, что «методы и объем реформ Александра II были выработаны в правление Николая I», а «некоторые реформы или попытки конкретных реформ были предприняты уже в это время»⁴².

Формированию в первой половине XIX в. слоя «просвещенных бюрократов» уделяется большое внимание немецкими историками, которые видят в них «кадры» для будущих реформ. Так, Д. Байрау полагает, что без изучения бюрократии и государственного аппарата дореформенной России вряд ли можно «установить связь между экономическими тенденциями, социальными движениями и правительственной политикой». По мнению Г.-И. Торке, вызревание в недрах бюрократической системы «прогрессивных сил», активизировавшихся после смерти Николая I, явилось существенной предпосылкой будущих преобразований⁴³.

В подобном ключе рассматривались проблемы «просвещенной бюрократии» на международной конференции в Пенсиль-

вании в 1989 г., ознаменовавшей начало нового этапа в изучении проблемы. Итогом ее работы стали сборники статей наших и американских ученых⁴⁴.

Особенно хотелось бы выделить две работы, ставшие важными вехами в исследовании темы. Большое значение имело появление на заре перестройки статьи Л.Г. Захаровой, в которой она дала характеристику этой группе чиновничества⁴⁵.

Определению места и роли «либеральной бюрократии» в России посвящена статья Н.И. Цимбаева. Он полагает, что «либеральная бюрократия» – феномен российской истории, первоначально это понятие обозначало «круг высших сановников Российской империи (близких к великому князю Константину Николаевичу), озабоченных модернизацией страны и взявших на себя ответственность за проведение Великих реформ». Их отличительной особенностью являлось «стремление провести крутые, кардинальные социальные преобразования, и, гораздо реже, политические реформы, опираясь на послушный государственный аппарат, на механизм государственного насилия». Исторический опыт, считает Цимбаев, свидетельствует о несовершенстве «либерально-бюрократических методов преобразования России», обусловленном «обреченностью государственного насилия», «нежеланием и неумением власти» опираться на силы общества. Перед нами совершенно противоположный изложенному выше подход к оценке такого явления русской жизни, как «либеральная бюрократия», основанный на преувеличении уровня развития российского общества перед реформами и, по сути, отражающий старый «советский» взгляд на правительственные усилия по модернизации страны⁴⁶. Все действия власти в этом направлении признаются неконструктивными; в основе такого подхода лежит признание приоритетной роли классовой борьбы в историческом процессе, долгое время господствовавшее в отечественной историографии.

Несмотря на отдельные исключения, в последнее время среди историков наметилась тенденция отрешиться от старых стереотипов и посмотреть непредубежденным взглядом на российскую бюрократию. Они обнаружили, что среди министров, губернаторов, прокуроров и других представителей высшего и

среднего звена правительственного аппарата было немало честных и компетентных людей, что в первой половине XIX в. зародилось новое поколение русских чиновников, которые смогли провести реформы 1860-х гг. и не «вымерли» в царствование Александра II, а сменялись новыми поколениями вплоть до 1917 г. Конечно, не все русские чиновники отличались просвещенностью и государственным умом, но такие были всегда.

В настоящее время существуют две точки зрения на развитие русской бюрократии в XVIII–XIX вв. Одни считают, что численность сановников увеличивалась, но внутренне, по своему этосу, бюрократия оставалась прежней. Другие полагают, что в течение первой половины XIX в., особенно во второй его четверти, часть бюрократии изменила свой менталитет. В результате в XIX – начале XX в. в среде российской бюрократии существовали две тенденции – реформаторская и консервативная, которые с переменным успехом боролись за то, чтобы определять государственную политику⁴⁷.

Правительственный либерализм Александра I привлекал внимание историков гораздо чаще, чем преобразовательные усилия его брата, которые долгое время вообще не признавались таковыми. Поколение бюрократии, занявшее высшие посты в годы правления Николая I, не часто становилось объектом изучения исторической науки. Больше других «повезло» С.С. Уварову (существует даже довольно «свежая» его научная биография⁴⁸) и П.Д. Киселеву. Через 30 лет после биографического труда А.П. Заблоцкого-Десятовского появилась статья Ю.В. Готье в юбилейном сборнике, посвященном отмене крепостного права⁴⁹. Деятельность и личность Киселева была оценена в ней очень высоко. Еще почти через полвека издал свой труд о реформе государственной деревни Н.М. Дружинин, который дал характеристику целому ряду сановников-гувернаменталистов (М.М. Сперанский, Е.Ф. Канкрин), в том числе развернутую и всеохватывающую – Киселеву. Вообще же, как уже отмечалось, советские ученые редко обращались к деятельности представителей царской администрации. Приятным исключением стала работа В.Я. Гросула о преобразованиях, проведенных Киселевым в Дунайских княжествах в конце 1820-х – начале 1830-х гг.

Роль Киселева в них оценена положительно, прекрасно показан его вклад в подготовку и проведение дунайских реформ. Следующая работа того же автора появилась уже в годы перестройки, в ней Гросул усилил позитивные аспекты при характеристике Киселева, дав широкую картину его реформаторских усилий и их результатов⁵⁰.

Специфика мировосприятия Д.Н. Блудова и М.А. Корфа как сановных бюрократов рассмотрена в монографии Е.В. Долгих⁵¹. Изучение проблем менталитета исследовательница определяет как направление исторической психологии, в свете которой и выполнена ее работа. Основной своей задачей Долгих считает исследование тех «культурных норм и особенностей восприятия», которые «обеспечивали функционирование этих двух людей внутри служебной структуры и определяли приятие ее как своей естественной среды»⁵².

Первым комплексным исследованием взглядов и деятельности «просвещенной бюрократии» первой половины XIX в. в контексте модернизации Российской империи следует признать докторскую диссертацию рязанского историка П.В. Акульшина. В ней идейные взгляды и практическая деятельность «просвещенной бюрократии» трактуются не как проявление «чистого» консерватизма или либерализма, а как конкретно-историческое явление, появившееся на определенном этапе развития отечественной государственности⁵³. Речь идет об «эволюции российской монархии в ходе модернизации страны в первой половине XIX в.»⁵⁴. Большим достоинством этого труда представляется разработанность научно-методологического и понятийного аппарата, его отличает новизна подходов по ряду проблем. Основными отличительными чертами «просвещенной бюрократии», согласно Акульшину, является, во-первых, присущий им *стиль* или *тип рационального управления* (в отличие от традиционного, свойственного «старому» чиновничеству); во-вторых, решающее влияние на формирование их общественно-политических взглядов идей Просвещения; в-третьих, ведущая роль именно этого, относительно узкого, но влиятельного слоя в распространении просвещения в России во всех известных в

те годы формах и большое воздействие его представителей на процессы модернизации в российском обществе⁵⁵.

В результате исследований последних двух десятилетий, было выработано определение «просвещенной» или «либеральной» бюрократии, охарактеризованы стоявшие перед ней задачи и основные итоги деятельности ее представителей. В меньшей степени затрагивались вопросы генезиса чиновников-реформаторов. Вывод о том, что важной предпосылкой Великих реформ являлось наличие людей, готовых взять на себя грандиозный труд по преобразованию России, был признан большинством историков. Вопрос о составе «просвещенной бюрократии» остается дискуссионным: часть исследователей по-прежнему относит к ней только участников реформ, группировавшихся вокруг великого князя Константина Николаевича, другая часть причисляет к этой группе и чиновников «реформаторского направления» первой половины XIX в., «проложивших» или расчистивших путь преобразованиям. Свою задачу я вижу в наполнении конкретно-историческим содержанием тезиса о формировании и активной деятельности чиновников нового типа уже в годы правления Александра I и, в еще большей степени, Николая I, об их вкладе в дело подготовки реформ 1860-х гг.

Источниковой базой исследования являются как опубликованные материалы, так и неопубликованные источники, выявленные в ГАРФ, РГИА, РО РНБ, ОР и РК РГБ, ИРЛИ, РГАДА.

При рассмотрении деятельности бюрократии не избежать использования *фондов высших и центральных учреждений Российской империи и их структурных подразделений*. К настоящему исследованию были привлечены материалы из Российского государственного исторического архива: документация департаментов и общих собраний Государственного совета (ф. 1147, 1148, 1149), министерства государственных имуществ (ф. 1589), Второго отделения СЕИВК (ф. 1261), Главного комитета по крестьянскому делу (ф. 1180). Важное место среди них занимают проекты П.Д. Киселева по практическому применению законодательных мер правительства, такие как план создания образцового имения с обязанными крестьянами в подмос-

ковной Грибановской вотчине, соображения о майоратах и инвентарях и др. Представляют интерес конфиденциальные доклады Д.Н.Блудова на высочайшее имя о ходе работ Второго отделения СЕИВК над созданием «кодексов» или уложений материального права и процессуальных.

Использованы проекты и служебные бумаги Корфа из фонда библиотеки Зимнего дворца, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 728), и из его личного фонда в Российской Национальной библиотеке (ф. 380).

Изучение поставленной в данной работе проблемы невозможно без использования документов из *личных фондов* государственных деятелей, которые были носителями реформаторских начал: П.Д. Киселева (РГИА. Ф. 958; ОР РГБ. Ф. 129; ИРЛИ. Ф. 143), Д.Н. Блудова (РГИА. Ф. 1251; РГАДА. Ф. 1274), М.А. Корфа (РО РНБ. Ф. 380; ГА РФ, в составе ф. 728). Привлечен также фонд председателя Государственного совета и Комитета министров (1838–1847) И.В. Васильчикова (РГИА. Ф. 651). Проведено сравнение и уточнение некоторых текстов, опубликованных А.П. Заблоцким-Десятовским в приложениях к биографии П.Д. Киселева, с оригиналами, хранящимися в фонде последнего в РГИА.

Из *источников личного происхождения* в работе широко использована *переписка* государственных и общественных деятелей первой половины XIX в. Для рассматриваемой темы большое значение имеют такие эпистолярные комплексы, как переписка П.Д. Киселева с родными, друзьями, знакомыми (письма к матери, братьям, послания М.С. Воронцова, Д.В. Давыдова, А.А. Закревского, П.М. Волконского, Н.Н. Раевского, А.П. Юшневского и др.⁵⁶, а также впервые вводимая в научный оборот переписка с лицами, «истории неизвестными»), обширнейшая переписка М.А. Корфа⁵⁷, в том числе с одноклассниками, письма Д.Н. Блудова к жене и дочери и служебные записки к разным лицам⁵⁸.

Распространение просвещения в это время породило традицию ведения *дневников*. Некоторые из них выходили за рамки повседневных записей, представляя собой настоящие «хроники» государственной и общественной жизни первой половины

XIX в. К таким дневникам относятся записи П.Д. Киселева, которые он делал на протяжении всей жизни (ОР РГБ. Ф. 129) и дневник М.А. Корфа (ГА РФ. Ф. 728. Д. 1817).

Дневник Киселева в РГБ состоит из двух частей: во-первых, нерегулярные очень лаконичные заметки за 1835 г., во-вторых, краткие подневные записи о распорядке дня, визитах и деловых встречах за 1856–1871 гг. во время пребывания в Париже; во втором случае в конце каждого месяца помещены развернутые записи о наиболее важных событиях и впечатлениях. Большая часть дневника – на французском языке; данные с конца 1856 по конец 1862 г. почти полностью вошли в книгу Заблочно-Десятовского о Киселеве⁵⁹. В последние годы своей жизни на страницах дневника автор вспоминал о прошедшем, именно эти воспоминания представляли интерес для настоящего исследования.

Дневник М.А. Корфа составляет 13 томов и охватывает период с 1838 по 1867 г.⁶⁰ Многие страницы дневника посвящены вопросам государственного управления; данный источник дает возможность представить не отраженную в официальных документах подоплеку многих событий. Дневник представляет также богатый и своеобразный материал к характеристике отдельных лиц: государственных деятелей (Н.В. Новосильцева, В.П. Кочубея, И.В. Васильчикова, В.В. Левашева, А.И. Чернышева, Д.Н. Блудова, С.С. Уварова, Е.Ф. Канкрин, К.В. Нессельроде и др.), представителей общественности и культуры (В.А. Жуковского, П.А. Плетнева, Д.В. Давыдова, Н.И. Греча, К.А. Брюллова, Тальони и др.). Большое внимание Корф уделяет императору Николаю I и другим членам царской семьи, их месту и роли в государственной и общественной жизни того времени.

В работе широко используется мемуарная литература, в том числе записки Ф.Ф. Вигеля, Н.И. Греча, П.А. Вяземского, А.В. Никитенко.

ГЛАВА 1

П.Д. Киселев – «начальник штаба по крестьянской части»

Павел Дмитриевич Киселев – фигура в некотором роде знаковая. В историографии он – признанный лидер правительственного либерализма второй четверти XIX в., что в определенной степени отражает оценку его деятельности современниками. Иностраный дипломат замечал: «Граф Киселев является во внутреннем управлении империи представителем прогресса и движения вперед... Он – убежденный противник крепостного права... человек умный, обладающий быстрым соображением, большим трудолюбием и честностью»⁶¹. Российский недоброжелатель Киселева, один из представителей правящей элиты полагал, что Киселев подрывал «самодержавие и его опору – поземельное дворянство». Другой современник писал, что «известные его замыслы об эмансипации крепостных людей давно уже навлекли на него ненависть помещичьего класса»⁶².

Созданное Киселевым министерство государственных имуществ рассматривалось многими представителями дворянского сословия как главный «сотрясатель» «вековечных» основ. В одном из отчетов Третьего отделения говорилось, что «учреждением этого министерства, по общему мнению, нарушена крепость основания российской монархии ко вреду самодержавия... уважение дворянства к властям и крестьян к помещикам потрясено»⁶³.

По этому поводу написано немало, казалось бы, к чему еще раз возвращаться к известным сюжетам. Задача данного исследования – анализируя уже известные данные и привлекая новые, более выпукло и четко определить конкретный вклад Киселева в подготовку отмены крепостного права в России, показать на фактическом материале его роль в этом эпохальном событии. Помимо этой, нам предстоит решить еще и другую за-

дачу – показать типичное в частном: выявить те черты личности Киселева, которые делают его ярким представителем «просвещенной бюрократии».

Для решения поставленных задач необходим небольшой экскурс в детские и юношеские годы Павла Дмитриевича, чтобы понять происхождение его взглядов и прояснить вопрос, чем обусловлена его настойчивость и последовательность в деле эмансипации. Его действия в этом направлении представляют собой сменяющие друг друга этапы пути к одной цели – преобразованию существующих между землевладельцами и их крепостными отношений. Попробуем выяснить, когда наш герой встал на этот путь, что помогало ему, что препятствовало; насколько сложен был этот путь, и каково было его завершение.

Становление и зрелость. Первый проект по упразднению крепостного права

Семья, в которой родился Киселев, не отличалась ни знатностью, ни богатством, но принадлежала к старинному московскому служилому дворянству⁶⁴, имела несколько сот крепостных (915 душ) и была неразрывно связана с верхами господствующего класса⁶⁵.

Обучение мальчика, как это тогда было принято, поручили французу-гувернеру, заслугой которого стало блестящее владение его воспитанником французским языком. Судя по всему, последний предпочитал его родному: все дневники и большая часть писем написана по-французски. Похоже, этим исчерпывались познания учителя: никаким другим иностранным языком Киселев не владел. Глухие сведения о том, что к нему были приглашены преподаватели Московского университета, документально не подтверждены. Близко знавшие Киселева люди свидетельствовали о недостаточности полученного им домашнего образования: оно не было ни систематическим, ни глубоким. Большинство знаний, сделавших его в глазах современников «истинно государственным человеком», были приобретены

путем самообразования; об этом не раз говорил сам Павел Дмитриевич. Хорошо знавший его Ф.Ф. Вигель отмечал, что в молодости тот «ничего не читал и не писал», однако имел врожденный, необыкновенный ум⁶⁶ и много занимался самообразованием. По словам современника, «не получив основательного воспитания», он сумел «посредством чтения и, еще более, посредством усвоения себе всего, что раз услышит, приобрести множество энциклопедических познаний»⁶⁷.

Благодаря природным способностям и усиленным занятиям было очень мало предметов, о которых Киселев «не мог бы вести беседы всегда живой, остроумной, исполненной блесков и новых самонаглядных наблюдений». В его выступлениях в Государственном совете и разных комитетах всегда была «мысль, и мысль блестящая или оригинальная». Со временем «опыт дел, мастерское высасыванье у каждого специальных его сведений, значительно двинули его вперед»⁶⁸. Даже недоброжелатели Киселева признавали его одним «из самых блестящих государственных людей нашего времени, не только в России, но и в целой Европе»⁶⁹.

Из семьи Киселев почерпнул «преданность религиозной традиции» и «культ монархической власти»⁷⁰. Об отношении Киселева к вере можно судить, например, по его инструкции бурмистру села Красное ярославского имения: «Священники села Красное уведомили меня, что некоторые из крестьян совершенно забыли храм божий и к тягчайшему их греху до пяти и более лет не исповедуются и не причащаются св. таинств, а из молодых другие и до 18 лет ни разу не были у исповеди и даже не знают ни одной молитвы. Подобное невежество еще неслыханное, и неминуемо их ожидает справедливое божие наказание, как не исполняющих правил православной веры и закона отцов их... Безверный человек уподобляется скоту, и тот, кто не чтит веры и правил, тот не заслуживает никакого покровительства — ни небесного, ни земного, и для примера другим всегда должен быть наказан»⁷¹.

Как многие юноши из московского дворянства, Киселев в январе 1805 г. поступил юнкером в Московский архив Коллегии иностранных дел, но прослужил там менее года, предпочтя во-

снную службу гражданской. В августе того же года он был причислен к канцелярии генерал-интенданта Д.П. Волконского. Благодаря связям отца 18-летний юноша в октябре 1806 г. был определен корнетом в привилегированное войсковое соединение – Кавалергардский полк. Служба там «привила ему чувство служебной дисциплины и упрочила его ... аристократические связи», а назначение флигель-адъютантом (1814) сделало «представителем придворного круга». Именно с этого времени он все более «чувствовал себя обязанным в своих служебных успехах расположению и милостям императора, и его “религия монархизма” ... приобрела более строгие и резкие очертания»⁷².

На магистральные установки, усвоенные в детстве и ранней юности (приверженность религиозной традиции и культ монархической власти), наложились позднейшие «благоприобретенные» умонастроения. Формирование мировоззрения происходило в процессе службы, в ходе общения с друзьями и единомышленниками, что отражено в обширной переписке Киселева. Когда же для него стала ясна необходимость перемен и, прежде всего, в области поземельных отношений?

Киселев, так же, как и его ровесники, принадлежал к поколению, выросшему в эпоху Великой французской революции и начавшегося после нее в Европе перехода от традиционного к индустриальному обществу, «дыхание» революции ощущалось и в России. Киселев «был достаточно умен, чтобы осознать всемогущую, непобедимую власть “духа времени” и достаточно образован, чтобы подвести под это сознание определенную идеологическую базу»⁷³. Правда, его знания были получены в основном путем самообразования. Киселев в составе Кавалергардского полка проделал заграничную кампанию 1807 г. и после заключения Тильзитского мира оказался в Петербурге, в атмосфере нарастающего оппозиционно-дворянского движения. Дворянство не могло простить Александру I ни поражения под Фридландом, ни договора в Тильзите. Зависимость от Франции воспринималась как национальное унижение и позор. Часть дворянства была недовольна внешней и внутренней политикой Александра I, и Кавалергардский полк с его аристократическим составом был «одним из важнейших аккумуляторов

дворянской фронды». Даже будущие «столпы» николаевской администрации, такие, как А.С. Меншиков, А.А. Закревский, не говоря уже о М.Ф. Орлове и С.Г. Волконском, живо реагировали на события политической жизни.

Их взгляды характеризует найденный академиком Н.М. Дружининым документ, датированный 25 августа 1808 г. и бережно хранимый Киселевым в своем архиве. Неизвестно, кто автор этого «Проекта представления» Александру I, но очевидно, что 20-летний кавалергард разделял его убеждения, раз столько лет не расставался с этим документом⁷⁴. Автор проекта закликает императора «предупредить страшную и неизбежную катастрофу, грозящую отечеству в лице, как его вождя, так и последнего из его подданных». С восхищением вспоминаются первые годы правления Александра I, когда «блестящая будущность открывалась взорам всей нации», и в мрачном свете представлено нынешнее (1808 г.) положение России. Постыдный мир, который возложил на страну иго Наполеона, нерешительные и несогласованные полумеры во внутреннем управлении, полный разброд среди министров (рядом с людьми широкого кругозора и либеральных принципов – «олицетворение глупости, неспособности, неопытности, стяжательства, честолюбия, безнравственности, духа придворного зубоскальства, духа сектантской нетерпимости»), засилье бюрократической касты, составленной из иностранцев и «людей самых подлых классов», невежественные и корыстолюбивые губернаторы, расстроженные и неразумно растрачиваемые финансы, армия и флот, не имеющие признанных вождей и необходимого оснащения, волнения крестьян, дороговизна и голод, всеобщий дух недовольства, отчаяния и возмущения, наконец, потеря внешних союзников и не устраненная опасность французского нападения – такова «страшная, но верная картина критического положения», в которую ввергли Россию «самонадеянность, невежество, интриги и всеобщая безнравственность». От императора требуются героические усилия: вдохновляясь примером своих великих предков, он должен прогнать эту «стаю иноземцев, которые, как вороны в годину скорби, питаются язвами государства и собираются вместе, чтобы клевать наши трупы», должен отбросить прочь

«развращающую систему равенства», опереться на «истинных столпов империи», т.е. русское дворянство, и создать объединенное и сплоченное правительство. Тогда исчезнет «беспримерный разлад между общественным мнением и мнением правительства» и утвердится счастливая гармония между народом и его монархом⁷⁵. Проект выражал мнение фрондирующей части российского дворянства, широко распространившееся в столицах в послетильзитский период. С точки зрения переведшего и прокомментировавшего этот документ академика Н.М. Дружинина, он носит на себе печать крайне незрелой политической мысли: автор смешивает социальные и политические факты, бессилён в анализе создавшейся обстановки и не имеет научно обоснованной (и даже просто четкой) программы необходимых преобразований. Но в его «смутном желании благодетельной перемены» ясно видны негодование против мира с Францией, ненависть к иностранцам в правительственном аппарате и, самое главное, безграничная вера в то, что воля монарха – единственное средство исправления положения; в реализации этой воли император всегда может рассчитывать на помощь и поддержку коренного русского дворянства. На проекте лежит отблеск философии Просвещения: в постоянном подчеркивании необходимости «общего блага», в стремлении укрепить государственную власть на базе «общественного мнения» и т.п. Н.М. Дружинин считал, что позднейшие работы Киселева содержали многие идеи данного «Представления», хотя и в более точном и обоснованном толковании⁷⁶.

В те годы Киселев ведет и придворную жизнь с неизбежными раутами и балами, подобное времяпровождение вполне его устраивает. Он польщен своим избранием в свиту прусской императрицы Луизы⁷⁷, посетившей вместе с мужем Петербург в 1808-1809 гг.⁷⁸ В выборе ординарца в данном случае немалую роль сыграла внешность Киселева и его умение вести себя непринужденно, но в то же время почтительно. Таким образом, двадцатилетний юноша живет как любой молодой человек его возраста: служба, друзья, пирушки и серьезные разговоры.

Следующий этап формирования личности нашего героя связан с войной. Многие черты его характера выковались именно в

годы его службы в действующей армии: быстрота в принятии решений, повышенное чувство личной ответственности (на войне от твоих действий нередко зависели жизни боевых товарищей), стремление реализовать полученные распоряжения как можно четче и лучше. Все эти качества впоследствии сыграли немалую роль в предпринятых Киселевым преобразованиях; это время – начало формирования Киселева-практика. Его личная храбрость на полях сражений не вызывает сомнения и отмечена многочисленными наградами. Но сам Киселев мало говорил о своем боевом прошлом, думается, это связано с тем, что вокруг были люди, прославившиеся куда больше, – М.С. Воронцов, Д.В. Давыдов, Н.Н. Раевский и другие. На их фоне свое участие в военных действиях Киселев рассматривал как простое исполнение воинского долга, тем более, что на этой войне ему не пришлось проявить командные качества, с 14 сентября 1812 г. он – адъютант М.А. Милорадовича. Тем не менее, он принял участие в двадцати пяти сражениях, в том числе под Бородино, Тарутино, Красным⁷⁹. Вместе со своим начальником, прославленным боевым генералом, Киселев оказывался нередко в самых горячих точках: так, при отступлении французов по старой Смоленской дороге Милорадович командовал авангардом и отличился при освобождении Вязьмы и Дорогобужа, а также в сражении при Красном. Как адъютант М.А. Милорадовича, Киселев имел личные доклады у Александра I и сумел ему понравиться. Войну он закончил в звании ротмистра (1813 г.).

Получив при вступлении русских войск в Париж звание флигель-адъютанта (апрель 1814 г.), Киселев сопровождал императора на Венском конгрессе и по возвращении в Париж⁸⁰. Его близкий друг, В. Апраксин⁸¹ сообщал ему в Вену в январе 1815 г.: «я к тебе не писал потому, что мне сказали, что ты очень озабочен и работаешь все с Лагарпом, когда Чернышев болен. Дай Бог тебе, любезнейший и почтеннейший Павел Дмитриевич успеть в сем Конгрессе успокоить Европу»⁸². Какие же дела могли быть у Киселева с Ф.-С. Лагарпом? Известно отношение швейцарского просветителя к крепостному праву – оно резко отрицательное, но известны также его советы Алек-

сндрю I, которые он дал ему, посетив Россию в 1801–1802 гг. Он предупреждал, что вопрос об уничтожении крепостного состояния, с которым он столкнулся на практике при своем недолгом руководстве независимой республикой, «очень легко решают в кабинетах, но с величайшим трудом в действительной жизни», и советовал проявлять в этом деле выдержку и постепенность, «а главное – без малейшего посягательства на права собственности»⁸³. Конечно, на Конгрессе Лагарп был занят совсем другими вопросами – он пытался обеспечить независимость своего кантона от Берна, лелея надежду о возрождении Гельветической республики. Однако с большой долей вероятности можно предположить, что в беседах со своим бывшим воспитанником Лагарп касался и тех преобразований, которые ждали Александра в России, и о которых было заявлено в начале его царствования. Киселев вполне мог присутствовать при этих разговорах – слушать, размышлять делать выводы. Через полтора года появится его первый проект по отмене крепостного права; кто знает, не венские ли встречи послужили первоначальным импульсом?

После возвращения во Францию Киселев занимался рассмотрением жалоб на русские войска, что было весьма деликатным поручением. Подобное занятие было ему не по вкусу; поэтому впоследствии он об этом практически не упоминал. Так же, как его боевые товарищи, Киселев был охвачен патриотическим подъемом и, вместе с тем, полон новыми впечатлениями от тесного знакомства с европейскими порядками. Большая часть дворянской молодежи, участвовавшей в войнах с наполеоновской Францией, вместе с М.И. Муравьевым-Апостолом могла бы с полным основанием назвать себя «детьми 1812-го года», учитывая то «перерождение», которое произошло с каждым из них в ходе этих войн. Письма С.Г. Волконского Киселеву из Парижа в Вену помогают понять настроения и круг интересов представителей элитной военной молодежи, причем в адресате корреспондент видит единомышленника, с которым не раз обсуждались поднимаемые вопросы. Волконский рассказывал Киселеву о политических группировках в парижском обществе, иронизировал по поводу французской аристократии, выражал

презрение в адрес «выродившейся династии» Бурбонов, а после возвращения Наполеона приветствовал его новый политический курс, как «вторичное пробуждение народов». Первым пробуждением Европы, по мнению Волконского, была французская революция 1789 г., «когда истинная философия быстро утвердила свою доктрину во всех государствах». Тон письма позволяет с уверенностью утверждать, что подобную точку зрения разделяет и Киселев, для которого философия Просвещения тоже являлась «истинной». Последующие после революции события – террор, Директория, тирания Наполеона снова собрали народы вокруг королевского трона: «Народам казалось, что они борются за свои интересы, но, увы! это была борьба за интересы нескольких семейств». Провозглашенная в 1815 г. Наполеоном конституция, по мнению Волконского, открывает перед Францией новую эру и делает для нее предстоящую войну войной национальной и священной⁸⁴. Такое видение ситуации – характерное явление среди русских офицеров во Франции в 1815 г.

Киселев неплохо показал себя при разборе жалоб, и император решил отправить его в Крым «для исследования дел по военной и гражданской части». Флигель-адъютант посетил также Бессарабию и Новороссию. То, что он увидел там, потрясло его до глубины души, особенно при сравнении российских реалий с европейскими. Собственноручные записи бессарабского дневника знакомят нас с его переживаниями во время этой южной поездки. Киселева поразила резкая противоположность между природными богатствами Бессарабии и страшной бедностью ее населения; «с удивлением и ужасом» он встретил на посту саранского исправника известного грабителя, уличенного в изготовлении фальшивых ассигнаций. Везде и всюду он слышал рассказы о «непостижимых и невероятных» притеснениях; все чиновники, начиная с бессарабского губернатора, занимались грабежом и вымогательствами у местных жителей.

«Жалобы всех, слезы разоренных и страх зажиточных час от часу утверждали меня более в бедственном их положении», – записывал Киселев в своей путевой тетради. «Я с удивлением вчера узнал, что в молдавских деревнях на 10 домов полагать

нельзя более одного плуга, коим вместе обрабатывают землю ... вся Бесарабия отдается на откуп за самую малую цену ... грабежи и разорение установлены правилом»⁸⁵. Таким образом, перед нами не просто блестящий флигель-адъютант и полковник, а мыслящий человек, принимающий близко к сердцу страдания отдельных людей и неустройство целого края.

В Новороссии не только подтвердились данные, которые должен был проверить Киселев, но открылись новые злоупотребления: вся администрация оказалась на службе у винных откупщиков. В докладной записке Киселев констатировал, что местная система управления «уничтожает промышленность и вообще все выгоды, которые Россия вправе ожидать от страны, столь для нее важной»⁸⁶. Окончив свою миссию, Киселев сопровождает императора в поездке по стране (август – октябрь 1816 г.). Перед отъездом он подает Александру записку «О постепенном уничтожении рабства в России». Она была составлена не только под влиянием бесед с царем после ужасной командировки на юг. Время выбрано не случайно: император, после встречи с эстляндским дворянством, проявившим инициативу и попросившим разрешения освободить своих крестьян (январь 1816 г.) и утверждения Положения (23 мая 1816 г.) о личном освобождении эстляндского крестьянства, выражал желание продолжить усилия в этом направлении. В конце июля или начале августа при личной встрече с вновь назначенным генерал-губернатором Малороссии Н.Г. Репниным-Волконским Александр дает ему указания о разработке проекта отмены крепостного права в Полтавской и Черниговской губерниях. При разговоре, скорее всего, присутствует Киселев, который через месяц подает монарху свой проект по крестьянскому вопросу.

Работа Киселева представляет ее автора как человека, глубоко затронутого общественным «брожением» эпохи. В этой работе 28-летнего генерал-адъютанта еще хорошо просматриваются ее «первоисточники»: французские просветители предшествующего столетия, но уже прослеживается самобытность и природная одаренность автора. Киселев начинает с политических истин, почерпнутых из французской просветительской литературы о гражданской свободе как основе народного бла-

госостояния⁸⁷, и заключает, что «успехи просвещения и политическое сближение наше с Европой ... указывает правительству необходимость предупредить те могущие последовать требования, которым отказать будет трудно или невозможно; кровью обогрелая революция французская в том свидетельствует»⁸⁸.

Для постепенного уничтожения крепостного права Киселев предлагал ряд мер: 1) разрешить «капиталистам всех званий» покупать у дворян имения, при условии, «чтобы отношения крестьян к новым владельцам были определены законом»; 2) запретить увеличение числа дворовых, создав из них особое сословие и обязав владельцев вносить за них подати; 3) дать личную свободу крестьянам, работающим на фабриках и заводах; 4) разрешить дворянам устройство майоратов с тем, чтобы крестьяне таких имений перешли в сословие свободных хлебопашцев; 5) разрешить крестьянам выкупаться по определенной правительством цене; 6) перемерить вновь земли и, назначив к их обработке нужное количество крестьян, всех прочих, по возможности, выкупать правительству и переселять в многоземельные губернии на казенные земли с зачислением опять же в сословие свободных хлебопашцев. Затраты на переселение возложить на переселенцев, «в сроки» по положению иностранных колонистов. Таким образом, считал Киселев, «без ущерба для дворянства и правительства усилится хлебопашество и уменьшится число крепостных земледельцев». Общий вывод записки таков: «мало-помалу уменьшая права властвующих и распространяя оные на поработанных, открыв капиталистам способы обеспечить достояние свое поместьями, дворянам охранять потомство свое от бедности и породу свою от унижения, каждому даровав право трудолюбием достигнуть до независимого состояния, правительство постепенно водворит законную свободу, и рабство значительной части народа русского само собою и без потрясения государства уничтожится»⁸⁹. В этом выводе несколько ключевых слов: во-первых, «правительство», во-вторых, «законную» и, в-третьих, «само собой» и «без потрясения». Тем самым, определялся подход Киселева к вопросу — отмена крепостного состояния только «сверху», причем легитимными средствами, что обусловит ее безболезненность.

Зиму 1816–1817 гг. Киселев провел в Петербурге, а в мае 1817 г. был откомандирован с еще более неприятным поручением: ревизовать уже своих коллег – командование Второй армии. Павел Дмитриевич не в восторге от новой командировки, но рассматривает ее как еще одну реальную возможность способствовать искоренению недостатков российской действительности. Оказалось, что хозяйственное управление Второй армии носило грабительский характер: проверка раскрыла незаконные сделки с подрядчиками, массовое казнокрадство и воровство, прикосновенность к хищениям не только главного интенданта, но и самого главнокомандующего Л.Л. Беннигсена; последний был уволен из армии и покинул Россию⁹⁰. В начале следующего, 1818 г., Киселев снова был послан во Вторую армию с еще одной проверкой. И в этот раз впечатления от поездки на юг нельзя назвать отрадными. Новоиспеченный генерал-майор (октябрь 1817 г.) постарался донести до императора правду о вопиющих злоупотреблениях на юге России. В отчете Киселев повествует о высасывании крови из жителей Бессарабии, о тяготах, связанных с чрезмерными размерами армии, о всеобщем неудовольствии и ропоте. Он защищает коренное русское дворянство, которое царь предпочитает ничтожным «выходцам канцелярским». Как похоже, по сути, на положения преусловутого «Проекта представления» 1808 года! Киселев надеялся, что именно монарх, прислушиваясь к советам истинных друзей Отечества, сможет искоренить недостатки, прибегнув к помощи именно таких людей. Чтобы помочь монарху в нужный момент, надо готовиться, быть во всеоружии знаний, для чего необходимо знакомство с политической литературой, изучение и осмысление произведений ее лучших представителей. Так происходило превращение «светского полотера» в государственного мужа, процесс не одномоментный, а достаточно длительный, который, в конце концов, завершился появлением сановника, не просто желающего перемен к лучшему, но располагающего программой необходимых преобразований и готового их осуществить.

Большое впечатление на молодого флигель-адъютанта, видимо, произвело обсуждение брошюры профессора Т.-А.-Г. Шмальца о

возникновении и деятельности Тугенбунда⁹¹. Он подробно записал содержание этой работы, прочитанной ему вслух его товарищем по полку Н.А. Старынкевичем во время их свидания во Франкфурте (май 1818 г.): о борьбе немцев против Наполеона, об инициативе Г.-Ф. Штейна, о задачах и действиях Тугенбунда. Закончил он характеристикой нового этапа в деятельности общества, когда «для всеобщего блага» необходима «разработка новых законов, которые, будучи более либеральными и отвечающими уровню просвещения нашего времени, обеспечивали бы навсегда священные права граждан и ставили бы границы деспотической власти государя». Киселев старался быть беспристрастным, но все-таки можно уловить его сочувствие национально-освободительной борьбе немцев, с одной стороны, и неприятие «склонности к таинственному», которая стала отличительной чертой немецкого характера со времен Реформации, с другой. Руководители общества и после освобождения Германии пожелали остаться «особой державой в составе государства», в целесообразности такого решения Киселев сомневался.

Первые административные опыты: Вторая армия и Дунайские княжества

В январе 1818 г. Киселев еще раз приезжает во Вторую армию с инспекцией. Офицеры приняли его визит со скрытым недовольством⁹², но он – доверенное лицо императора, и внешне его принимали с почтением. Сам Павел Дмитриевич, к тому времени уже генерал-майор (октябрь 1817 г.), тоже не испытывал восторга от данного ему поручения. Однако чувство долга и желание исправить к лучшему положение в армии помогли преодолеть нравственные неудобства и со всей ответственностью отнестись к порученному делу. Киселев дотошно вникал в самые незначительные, на первый взгляд, дела и всегда проверял, исправлены ли указанные им недостатки. Через год он был назначен начальником штаба именно Второй армии, и

то не могло быть случайным выбором Александра. Киселев в своем подробном отчете о ревизии и в устных беседах представил императору программу реорганизации армии, долженствующей привести к искоренению многих злоупотреблений. По-видимому, к разговору о своих впечатлениях он возвращался не раз, и Александр решил дать ему возможность проявить себя на деле, предоставив фактически в полное распоряжение Киселева армию, расквартированную на огромной территории. Ее главнокомандующий, П.Х. Витгенштейн, был весьма расстроен новым назначением⁹³. Однако вскоре страсти улеглись, и постепенно управление армией перешло в руки нового начальника штаба. «Он решительно управлял армией, – утверждал его адъютант, – потому что главнокомандующий ни во что почти не мешался и во всем доверялся ему»⁹⁴.

В первое время Киселеву было очень тяжело – настолько сильно было предубеждение против любимца императора. В письме к другу (А.А. Закревскому) он жаловался, что «все один, все без раздела, и душа в унынии». Зато в это время Киселев усиленно читает и занимается самообразованием⁹⁵. Басаргин не раз от него слышал, «как трудно ему было сделаться из светского полотера (как он выражался) деловым человеком, и сколько бессонных ночей он должен был проводить, будучи уже флигель-адъютантом, чтобы несколько образовать себя и быть на что-нибудь годным»⁹⁶. Сохранившиеся каталоги тульчинской библиотеки Киселева свидетельствуют о серьезности намерений генерала, а также о преобладающем направлении его умственных интересов: основное ядро книжного собрания составляли работы французских публицистов XVIII и начала XIX в. – Вольтера, Монтескье, Ж-Ж. Руссо и Мабли, Шатобриана, Бенжамена Констана, Бентама, представлены были античные авторы, немало было трудов по политэкономии (А. Смит) и истории. В тиши и уединении хорошо думается, прочитанное обсуждается с друзьями, которые помогают своими советами в выборе авторов. Так, Д.В. Давыдов предлагал: «*Время много перед руками, давай учиться... Выпиши себе "Oeuvres de Benjamin Constant ou Choix de rapports, opinions et discours prononcés a la tribune nationale, vol. 4"*»⁹⁷.

Идеи, почерпнутые из книг, теоретически подкрепляют линию поведения, выбранную Киселевым. Он развивает активную деятельность по облегчению участи солдат, приведению в порядок хозяйственной и военно-судной частей. Киселев просит прислать ему распоряжения М.С. Воронцова по экспедиционному корпусу во Франции, полагая, что «многие из его постановлений должно признать полезными, в особенности запрещение жестоких телесных наказаний, которое должно бы распространить на всю армию». В архиве Павла Дмитриевича сохранилась собственноручная записка «Телесные наказания» (август 1820 г.) с их резким осуждением. Он пыгается если не уничтожить, то ограничить произвол и беззакония, и заслуживает одобрение друзей. Д.В. Давыдов желает ему исполнить все, что он предпринимает, ибо его рвение «имеет целью общую пользу». Ему вторит М.Ф. Орлов: «Мне многие уже сказывали, что ты взялся за дело твердою и справедливою рукою. Тебе честь и слава»⁹⁸. Киселев во Второй армии – это человек, глубоко ненавидящий палочную дисциплину, он любит и жалеет крепостного в солдатской шинели, он – сторонник гуманизации армии. Известны его усилия по созданию в подведомственном ему войсковом соединении сети ланкастерских школ взаимного обучения. В письме к П.М. Волконскому он просил разрешения открыть еще несколько таких школ; тогда же он излагал свои соображения, касавшиеся Ришельевского лицея в Одессе⁹⁹. Таким образом, Киселев предстает как инициативный и деятельный реорганизатор, многое из задуманного он смог реализовать. В эти годы не только завершается формирование его взглядов на задачи, стоящие перед «благочестивыми» людьми, в том числе и перед ним, но и окончательно складывается его облик как администратора, имеющего определенную программу и стремящегося ее осуществить.

Тульчинский период важен еще и потому, что именно в это время Киселев находился в каждодневном общении с декабристами – два его адъютанта (Н.В. Басаргин и И.Г. Бурцев) и командир одного из полков (П.И. Пестель) были активными участниками движения. Исследователи давно задаются вопросом, насколько сильно было влияние деятелей тайных обществ на

Киселева, и знал ли он о существовании этих организаций. По свидетельству И.Д. Якушкина, знал¹⁰⁰ и даже читал «Русскую правду» П.И. Пестеля¹⁰¹. Сами декабристы прочили его в члены Временного правительства. Независимо от того, знал или нет Киселев о существовании подпольных организаций, совершенно ясно, что по многим пунктам программы будущего устройства России он разделял взгляды декабристов. Но это не значит, что он одобрял методы их действия. Об этом красноречиво свидетельствует его переписка с М.Ф. Орловым и Д.В. Давыдовым. Последний писал: «Опровергая мысли Орлова, я также не сомнеюсь и твоего мнения, чтобы ожидать от правительства законы, которые сами собой образуют народ». Сам Киселев признавался Орлову: «Везде идеологи – вводители нового в цели своей не успели, а лишь дали предлог к большему и новому самовластию правительства. Мы с тобой разнствуем в мнениях, полагаю потому, что смотрим разным образом»; он уговаривал друга «оставить шайку крикунов» и «устремить отличные качества свои на пользу настоящую»¹⁰².

С точки зрения полученного опыта по реорганизации хозяйственной и других частей в армии, по улучшению условий жизни солдат, опыт службы Киселева во Второй армии сыграл немалую роль в формировании из него опытного и дельного руководителя. Но эти годы – еще и время усиленных занятий и размышлений, общения с людьми, которые также переживали за судьбу страны и искали пути к улучшению всех сторон жизни в ней, эпоха личного счастья и последующего краха семейной жизни; наконец, в 1825 г. Киселев оказался заподозренным в антиправительственном заговоре, и ему пришлось оправдываться. К началу нового правления перед нами уже уставший от жизни и разочарованный в ней генерал-адъютант, твердый в своих убеждениях, но тщетно пытающийся реализовать свой творческий потенциал на практике. Он горько сетует, что начальство «желает, чтобы душевные стремления он оставил для себя», что он убежден в бесполезности дальнейших усилий, поскольку «теперь честолюбие без пищи и пожертвования без цели», и мечтает «кончить суетную жизнь, химере посвященную для начатия другой, менее блистательной, но более полез-

ной»¹⁰³. Подобный пессимизм был связан и с усиливающимся влиянием А.А. Аракчеева, который, будучи личным врагом Киселева, не смог, хотя и пытался «уронить» его в глазах императора¹⁰⁴. Друзья Павла Дмитриевича, П.М. Волконский и А.А. Закревский, уже не служат в Главном штабе. Первый был его начальником (1815–1823), второй – дежурным генералом (до апреля 1825 г.); их место заняли ставленники Аракчеева. Киселеву удалось добиться отпуска, он уезжает с твердым намерением не возвращаться – ведь он перестал видеть плоды своих усилий, но Александр еще нуждается в нем и доверяет ему: в начале ноября Киселев опять на своем посту. Вскоре начинается «смутное время» междоусобицы, затем арест ближайшего окружения и опасность быть арестованным. В записке, написанной незадолго до смерти, император Александр I отмечал, что «дух свободомыслия получил широкое распространение», вследствие чего возникли тайные общества, «которые имеют ... тайных миссионеров для распространения своей партии: Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие»¹⁰⁵. Басаргин рассказывал о последнем свидании с Киселевым перед арестом. Генерал, сердечно прощаясь со своим адъютантом, сожалел, что ничем не может помочь, поскольку сам на подозрении у правительства, и неизвестно, какой прием его ждет в Петербурге. Однако он уверил Басаргина в неизменном уважении, которое не изменится, чтобы ни случилось, и они обнялись на прощание¹⁰⁶.

Оправдательное письмо на имя Витгенштейна, личная встреча с новым императором, который давно и близко знает Киселева (особенное расположение к Павлу Дмитриевичу питала императрица Александра Федоровна¹⁰⁷), наконец, все позади, и генерал полон новых планов, пребывая, как и многие другие в начале царствования Николая Павловича, «в надежде славы и добра».

Возрождаются и надежды на то, что будет решен крестьянский вопрос. В 1826 г. в поданной главнокомандующему записке о причинах волнений в Киевской губернии, свидетелем которых стал Киселев, он возвращается к проблеме реорганизации отношений между крестьянами и помещиками; правда, на

этот раз речь идет только о населении Украины, в части районов которой большинство помещиков составляли поляки. Автор и «провидение указывает правительству на необходимость тщательного рассмотрения причин, возбуждающих мятежный дух в крестьянах, и на те постановления, которые необходимы к отвращению тех причин». Киселев предлагал составить инвентари или «сельские подворные ведомости», в которых назначались бы «обязанности крестьян к помещикам относительно дней работы, определения оной по силам и возможности человека и по количеству земли и выгод, предоставленных крестьянам», т.е. предлагал при установлении инвентарей заменить подушное обложение поземельным. Он также считал необходимым упорядочение различного рода «налогов», которые помещики взимали с крестьян, «установление сельского начальства и управления по примеру казенных крестьян», а также улучшение материального положения и повышения престижа православного духовенства¹⁰⁸. Здесь уже озвучено слово «инвентари», тогда как в 1816 г. говорилось об определении законом отношений между земледельцами и владельцами земли. Анализ косвенных данных позволяет сделать вывод, что к этому времени Киселев был уже знаком с некоторыми проектами предыдущего царствования, тогда же он, по рекомендации Николая I, сблизился со Сперанским. Во всяком случае, заверения биографа Киселева и его ближайшего сотрудника, А.П. Заблоцкого-Десятовского, в том, что «основная мысль Павла Дмитриевича о вреде крепостного права, о необходимости уничтожения его и об установлении ... законных отношений между землевладельцами и крестьянами была не мимолетною, она никогда не покидала его, он постоянно стремился ввести ее в жизнь», представляются справедливыми¹⁰⁹.

Но первым «полигоном» для Киселева стала не Украина, а Молдавия и Валахия. Здесь он провел реформу, изменившую отношения бояр и крестьян и несколько улучшившую положение последних. Вносил ли Киселев что-то свое в проекты, присылаемые ему из Петербурга, вопрос не совсем проясненный, но жесткие инструкции из министерства иностранных дел заставляют усомниться в таком предположении¹¹⁰. Однако со-

вершено точно, что после принятия регламентов¹¹¹ Киселев оказался, по выражению В.Я. Гросула, меж двух огней: между крестьянами, желавшими изменить статьи регламента о повинностях, и боярами, стремившихся к увеличению отработочной ренты, зафиксированной в регламентах¹¹². Борьба по крестьянскому вопросу вспыхнула с новой силой, и в этот момент регулирующая роль Киселева проявилась особенно выпукло. Из архивных материалов видно, что полномочный председатель диванов всячески стремился не допустить значительного возрастания повинностей сельского населения; беспокоился о том, что крестьяне, узнав о 24-дневной работе, не сразу поймут все выгоды, получаемые «взамен этой единственной повинности». Существует целый массив документов по вопросу регулирования взаимоотношений крестьян с боярами и с государством — это личные пометки и записки Киселева, его донесения в Петербург, где он высказывал достаточно квалифицированные суждения по данному вопросу¹¹³. Так, он составил записку о сокольничьих и послушниках (категории дворовых людей) и об обязанностях крестьян к владельцам земли; здесь он перечислил те изменения, которые, по его мнению, необходимо внести в проекты для сохранения прав боярства, с одной стороны, и для «благоприятствования» классу крестьян, с другой¹¹⁴.

В то же время, все свои действия он согласовывал с центром. О контроле из Петербурга свидетельствует переписка Киселева с министром иностранных дел К.В. Нессельроде, где Павел Дмитриевич дает подробный отчет в своих действиях. Так, в самом начале 1833 г. Киселев писал министру: «Мы приступаем к рассмотрению повинностей крестьян»¹¹⁵; имелся в виду пересмотр статей о регламентации или инвентаризации повинностей (излюбленная идея всех планов Киселева по крестьянскому вопросу).

После упорной борьбы удалось внести ряд поправок в первоначальный текст Органического регламента. Это произошло весной 1832 г. в Валахии и через год в Молдавии. Был увеличен максимум предоставляемой крестьянам земли более чем на 1 га в Молдавии. В валашский регламент была внесена одна очень важная поправка: в пункте V статьи 140-й оговаривалось, что

если крестьянин обладает большим пространством земли, чем полагалось по регламенту, то излишек может быть сохранен на всю жизнь с обязанностью отрабатывать за него¹¹⁶.

В окончательном варианте регламента все повинности в пользу правительства, исключая устройство дорог, были уничтожены; поэтому сельские общества для исполнения земских повинностей должны иметь сельские кружки (каждая семья должна была вносить в них по 3 лева). В отношении к владельцам земель утверждалась свобода крестьян переходить с одной земли на другую и даже в городское сословие (!). Обязанности крестьян были ограничены «по соразмерности с количеством земли, для каждого семейства отводимой».

Приняв в расчет ценность продуктов, получаемых с участка, назначалась «во-1-х, казенная подать, во-2-х, содержание поселения с семейством и продовольствие скота, остаток дохода определялся в пользу владельца, таким образом, чтобы поселанин, вместо денег, уплачивал по соразмерности работой, полагая в год 12 рабочих дней». Любопытно разъяснение по этому вопросу: «т.к. рабочий день определяется исполнением известного количества работ, то по соразмерности оных с недейтельностью здешних крестьян, можно полагать повинность поселанина от 18 до 24 дней в году»¹¹⁷.

Назначение «в пользу бояр» послушников и сотельников было уничтожено, люди, составлявшие эти два класса, поступили в общее податное состояние; в вознаграждение за сие владельцев им должны были выплатить в виде пенсий по Молдавии до 1 млн., а по Валахии 1,5 млн. лев¹¹⁸.

По мнению В.Я. Гросула, после проведения преобразований произошла «заметная европеизация молдово-валашского феодализма, что выражалось в перенесении центра тяжести эксплуатации крестьян с государственных налогов, которые прежде в несколько раз превосходили размеры барщины и оброка, на отработочную ренту». И хотя трудовые обязанности крестьян перед землевладельцами несколько выросли, после Адрианопольского мира увеличилась доходность сельского хозяйства, а следовательно, и доходы крестьян¹¹⁹. В развитии аграрных

отношений в сторону прогресса (в то время – в сторону капитализма) регламенты сыграли большую роль.

Таков был результат совместных усилий русского правительства и его представителя в реорганизации поземельных отношений в Дунайских княжествах. Киселев «получил богатейший опыт внутреннего управления сразу двумя государствами, хотя и небольшими, многое узнал и многому научился»¹²⁰.

Как смелого «экспериментатора» и практика восприняли Киселева после его возвращения из Дунайских княжеств император и большинство современников. Возможно, что в княжества Киселев попал потому, что император видел в нем не только боевого генерала, блестяще зарекомендовавшего себя в боевых действиях во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг., но и автора, по крайней мере, двух проектов преобразования поземельных отношений. Во всяком случае, отчет Киселева о его действиях в Молдавии и Валахии был прочитан Николаем I с большим вниманием¹²¹. Именно тогда, на следующий день после приезда Павла Дмитриевича в Петербург, у него с императором произошел известный разговор, в котором монарх признался, что в отчете его особенно заинтересовало то место, где говорится об освобождении крестьян. Он выказал желание преобразовать крепостные отношения и в России и изъявил надежду на помощь такого опытного в этом деле человека, как Киселев¹²².

Любопытна оценка преобразований, проведенных в Молдавии и Валахии при Киселеве, современником, сенатором А.Я. Бюлером, выразившим мнение части столичного дворянства. Бюлер признает, что «назначением Киселева начинается новая эпоха для княжеств. Все ожило под влиянием его молодой, прозорливой деятельности. Воспитанный в идеях, которыми так охотно увлекались император Александр I и его современники, он не удовольствовался тем, что искоренил беспорядки, неправосудие, разбой... Ему захотелось упрочить свои благодеяния, глубоко пустить в землю доброе семя и заранее обуздать произвол будущих правителей княжеств. Тут он последовал примеру Восстановителя Польши, еще не предвещавшей тогда никаких волнений, и, как каждый реформатор, по-видимому, зашел за черту своих предположений»¹²³.

В «Комитете Васильчикова» 1835 г.

В Киселеве, как известно со слов его самого, Николай I увидел своего «начальника штаба» по крестьянской части. Произошло это через год после возвращения Павла Дмитриевича из Дунайских княжеств; тогда же император еще раз выразил желание привлечь его к решению проблемы крепостного права. Киселев с энтузиазмом взялся за новое дело, тем более, оно отвечало его внутренним убеждениям: несколько раз он предлагал пути решения крестьянского вопроса (в 1816 г. был конфиденгентом Александра I при желании последнего составить план постепенной отмены крепостной зависимости). Нынешний император тоже намеревался «вести войну с рабством» и, не найдя поддержки в близком окружении, предложил разделить с ним эту миссию Киселеву, которого знал довольно давно и к которому относился с большой симпатией. В конце 1834 г. (6 декабря) Киселев был введен в Государственный совет, но не просто в состав общего присутствия, а по департаменту государственной экономии. Сам новый член Совета в это время находился на Украине, где приводил в порядок дела в своих имениях, планируя взять долгосрочный отпуск «для поправления здоровья». Друзья настаивали на скорейшем возвращении в Петербург, особенно после нового назначения, советуя «поспешить приездом», чтобы «показать усердие, с которым Вы всегда готовы исполнять повеление Государя и чтобы благодарить Его за новый данный им Вам знак доверенности»¹²⁴. Киселев послушался советов и в конце февраля появился в Петербурге.

Приехал он и на этот раз не с пустыми руками: привез записку, в которой излагал программу регламентации повинностей украинских крестьян с целью улучшить их положение и «утвердить» их преданность русскому правительству, для чего он предлагал принять ряд ограничительных мер в отношении землевладельцев – польских дворян. Киселев знал, что коснуться собственности этой категории подданных Российской империи императору будет несравненно легче, нежели тронуть «неотъемлемые права» коренного русского дворянства и, вероятно,

имел основания надеяться, что его голос будет услышан монархом. Кроме того, Киселев преследовал и политические цели. Он предупреждал Николая I о росте внутренней оппозиции на Правобережной Украине и об ожесточении поляков против русского правительства. Он предлагал, с одной стороны, воспользоваться враждебным отношением к помещикам-полякам местного крестьянства, улучшив положение последних с целью привлечения их на сторону правительства; с другой стороны, обессилить польскую шляхту, создав на территории края больше русских поместий¹²⁵. Киселев планировал раздать конфискованные после восстания 1830-1831 гг. польские имения русским дворянам на основе ленного права и ввести в этих имениях регулирование крестьянских повинностей и наделов определенными нормами. В записке он предлагает назвать устроенных по-новому крестьян *«обывателями земли, обязанными к оной определительною работою или платою деньгами по мере и стоимости владеемого каждым участка земли»*¹²⁶. Здесь впервые появилась «формула»: крестьяне, «обязанные <земле> работою или платою», которая потом стала неизменной составляющей большинства планов Киселева по преобразованию аграрных отношений.

За время отсутствия Киселева в столице молва несколько раз касалась его будущего назначения: его прочили в Грузию на место Г.В. Розена и посланником в Париж¹²⁷. Но его ждала совсем иная стезя. В марте 1835 г. он был назначен членом т.н. «Комитета Васильчикова» или Комитета «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий»; этот выбор Николая Павловича далеко не случаен. Вместе с Киселевым в Комитет вошли М.М. Сперанский, министр финансов Е.Ф. Канкрин, министр юстиции Д.В. Дашков, председателем стал глава департамента законов Государственного совета И.В. Васильчиков. С работы в Комитете начался новый этап государственной деятельности Павла Дмитриевича, который стал плавным продолжением всей его предшествующей службы «на благо Государя и Отечества». Здесь Киселев еще более сблизился со Сперанским, а также с Дашковым. В Комитете эти трое выступали с единой программой, к ним присоединился Васильчиков;

оппозицию составлял Канкрин. Основной предмет внимания Комитета был заявлен в названии; кроме того, император передал на его рассмотрение записку Киселева «О политическом положении Юго-Западных губерний» и проекты министра финансов о реорганизации управления казенными крестьянами.

Заседания Комитета 1835 г. начались с признания его членами, что нет иного способа к достижению предназначенной им цели, как «установление для крестьян верного и со всею осторожностью размеренного перехода от одной степени на высшую, и, так сказать, нечувствительного возведения их от состояния крепостного до состояния свободы в той мере, какую закон справедливости и польза государственная допустить могут». Были определены главные черты предполагаемого перехода. Намечены «три степени состояния крестьян всех наименований, казенных и помещичьих»: 1) состояние крепостных с ограничением работы на владельца тремя днями на основании манифеста 1797 г. Таково положение помещичьих крестьян Великороссийских губерний; они находятся в полной зависимости от помещика: тягость их работ, кроме числа дней и распоряжения их личностью, не ограничены законом;

2) состояние крестьян, обязанных мерною работою: количество и ценность коей определены положительным законом. К сему положению несколько подходят крестьяне в Западных губерниях, исправляющие работы свои по инвентарям; но, как сии инвентари не утверждены законом и зависят от воли помещиков, то и нельзя помянутых крестьян признать совершенно достигшими степени мерной работы. Они остаются крепкими земле; количество работ их будет определено законом соразмерно с количеством земли, получаемой ими в пользование от помещика;

3) состояние крестьян, пользующихся правом свободного перехода от одного владельца к другому и обрабатывающих помещичьи земли на основании заключаемых договоров. Таков порядок, ныне установленный в Остзейских губерниях. Крестьяне третьей степени отличаются от первых двух правом свободного перехода: они не крепки земле и могут по воле своей перемывать место жительства и зависимость от помещика, со-

блюдая предписанные условия. Количество работ определяется каждый раз обоюдным их согласием с помещиком, от коего получают участки земли в пользование¹²⁸.

Все помещичьи крестьяне относились к 1-й степени. Ближайшей задачей правительства по отношению к ним было законодательное регулирование повинностей крестьян, т.е. введение обязательных инвентарей, точно определяющих размеры барщины и соответствующего ей денежного эквивалента («мерная работа»). Крестьяне 2-й степени – это государственные крестьяне. Так как они уже платили своему владельцу – казне – точно установленный законом оброк или отбывали (в западных районах) барщинные повинности на основании утвержденных инвентарей, то очередные усилия правительства должны были привести к уравнению положения помещичьих крестьян с крестьянами казенными. В дальнейшем и те, и другие получали право перехода и право заключения договора на пользование земельным участком (3-я степень), т.е. превращались в свободных, но безземельных хлебопашцев, ничем не отличавшихся друг от друга по своим правам и обязанностям¹²⁹.

Следовательно, что касается государственных крестьян, была отброшена мысль о превращении их в наследственных держателей казенной земли на основе семейного землепользования и была выдвинута новая – свободного распоряжения крестьянскими наделами со стороны казны. То же самое можно сказать и о владельческих крестьянах: идею выделения им земли в бессрочное содержание заменило соображение о безземельном освобождении и аренде земли у хозяев на основе договора.

Члены Комитета справедливо полагали, «что переход на вторую степень», т.е. из крепостных в прикрепленных к земле, «будет уже важным улучшением для крестьян первой степени». Они считали, что «для крестьян помещичьих сей переход, когда будет определен и утвержден положительный закон, составит меру самую решительную, ибо с той минуты они освободятся от личного ига и от произвола помещиков, и виды правительства, благотворные для нынешнего поколения, а еще более для потомства, обнаружатся в глазах народа». Эта мера, по мнению членов Комитета, была основною в цепи других, «следовательно-

но, сия то перемена, может быть, более всех других, должна быть обдуманна и приготовлена»¹³⁰.

Они считали также очевидным, что с «благоразумным приготовленным» переходом крестьян на третью степень *«исполнится желание правительства и удовлетворится потребность государственная, столь важная для будущего спокойствия и процветания России»*¹³¹.

Таким образом, по мнению Комитета, последним словом в крестьянском вопросе являлось обезземеливание крестьян по образцу Прибалтийского края.

Связь между подобным решением и проблемой, встававшей перед помещиками, позднее была раскрыта Киселевым на одном из заседаний Государственного совета. Говоря о повсеместном убеждении государственных крестьян в том, что казенные наделы составляют их неотъемлемую и бесспорную собственность, Киселев находил такое явление чрезвычайно нежелательным и подчеркивал, что «эта мысль перешла к крестьянам помещичьим и укореняется более и более – мысль опасная и которая может иметь последствия самые плачевные»¹³². Чтобы подготовить безземельное освобождение помещичьих крестьян, нужно было, по мнению Киселева, переломить убеждение крестьян казенных, внушить им противоположную мысль, что собственником их наделов является само государство и только оно одно.

Для осуществления принятой программы Комитет 1835 г. предполагал, прежде всего, при всех удобных случаях распространять и утверждать коренное правило, что «земля есть неотъемлемая и неприкосновенная собственность помещика (казны или частного лица)», и что крестьяне могут пользоваться ею не иначе, «как с согласия помещика и взамен определенной за нее работы». По мнению Комитета, «несчастливая мысль, почти повсеместно существующая между помещичьими крестьянами, что они сами принадлежат господину, а земля принадлежит им, есть одно из главных препятствий к достижению желаемой цели при введении предполагаемых улучшений крестьянского быта, она может возбудить волнение умов и подать повод к важным беспорядкам»¹³³.

Далее необходимо было, по мнению членов Комитета, определить «различные (по местным обстоятельствам) размеры работ, коими долженствует обложить по закону крестьян 2-й степени, тщательно соображая эти размеры не по числу душ, а по количеству получаемой в пользование земли и по способам каждого семейства к обрабатыванию оной». Эти меры должны стать первым шагом «к предназначенному улучшению» быта крестьян 2-й степени. Другими словами, при введении инвентарей необходимо учитывать местные социально-экономические условия. Размер повинностей должен устанавливаться не по количеству крестьянских душ, а по величине земельных участков и по степени развития промыслов («не одна земля, а равно и промыслы, должны быть приняты в основание при определении повинностей крестьян, особливо казенных»), т.е. по степени доходности крестьянского хозяйства. Введение поземельно-промыслового обложения чуть позже стало одним из основных направлений реформы государственной деревни 1837–1841 гг. Предполагалось установить единообразные нормы барщины и оброка и для казенных, и для частновладельческих крестьян¹³⁴.

И, наконец, планировалось «приготовить ряд постановлений и распоряжений, кои бы развивались постепенно и были приводимы в действие с расстановкою, отнюдь не имея вида, особливо сначала, какой-либо общей перемены в государственных установлениях. Должно, чтобы, при переходе с одной степени на другую крестьяне находили уже ощутительную выгоду в перемене своего положения и были приготовлены пользоваться оною, не переступая дозволенных границ». Члены Комитета находили, что «в деле столь важном и затруднительном, нельзя без крайней опасности употреблять меры слишком крутые или внезапные, что должно идти к состоянию свободного перехода крестьян, не произнося имени свободы, и не возбуждая ни в которой стороне подозрения»¹³⁵. Автором этого пассажа вполне мог быть Киселев: здесь почти дословно повторяются выражения, которые можно встретить в целом ряде его записок. Но это мог быть и любой другой член Комитета, так, в своих проектах о крестьянах Канкрин тоже высказывал подобные опасения.

В постановлении Комитета обращает на себя внимание указание на желательность «пользоваться частными случаями, в обыкновенном течении дел встречающихся, или и возбуждать в присутственных местах нарочно вопросы, дабы с разрешением оных постановлять **общие правила**, соображенные с тою целью (движения “к состоянию свободного перехода крестьян”), не давая им вид систематического преобразования крепостного права»¹³⁶. Как станет понятно из проекта Киселева конца 1835 г. (см. ниже), подобный подход – один из основных в его видении любых преобразований по крестьянскому вопросу, следовательно, он вполне мог быть одним из авторов заключений Комитета. А может быть, это «урок», перенятый им у Сперанского?

Сообразно с таким «осторожным» отношением к делу, члены Комитета предполагали необходимым осуществление мер, во-первых, «относящихся к постепенному отделению дворовых людей от крестьян», т. е. восстановление «прежнего различия между кабальными людьми (нынешними дворовыми) и крестьянами, оставляя и тех, и других во владении помещиков». Во-вторых, они считали, что надо способствовать «к укреплению земле крестьян, зависящих ныне от помещиков». Последнее положение явно «перешло» из записки М.М. Сперанского, представленной им в Комитет 6 декабря 1826 г.: он предлагал тогда ряд мер, долженствовавших сделать крестьян крепкими земле, а не лицу, что, по его мнению, «обратило» бы крепостное право на крестьян в прежнее его «законное» положение и облегчило бы усилия по его преобразованию¹³⁷.

По первому заключению были сделаны дополнения: «Комитет, принимая в соображение, что, если всякая перемена ... бывает тем полезнее, чем она согласнее с народными нравами и с общим мнением, то ограничение непомерного ныне числа дворовых людей (без уничтожения крепостного права) не будет противно собственному убеждению большей части помещиков». И далее: «Не говоря уже о благонамеренных, готовых уступить часть крепостного права¹³⁸ для приобретения прочного и в будущем ничем не угрожаемого права собственности, да и те дворяне, кои стараются извлечь для себя всю возможную выгоду из работы подвластных им горько жалуются на тягостное

содержание дворовых, привыкших к праздности и с трудом подчиняемые полезным работам». И тем, и другим необходимо «содействие правительства», оно нужно и «для понуждения нерадящих о собственном благе», и «для ободрения желающих». «Благовидным предлогом» для решения проблемы может стать «произведенная ныне по всей империи новая народная перепись»¹³⁹.

По вопросу о раздаче конфискованных имений было решено дожидаться окончания люстрации¹⁴⁰, которая должна была завершиться в августе текущего года, «и тогда уже, сообразив полученные сведения с проектами новых инвентарей, учредить весь порядок мерной работы в раздаваемых имениях таким образом, чтобы крестьяне не имели причин сожалеть о прежних своих владельцах, и, чтобы, оставаясь по закону еще привязанными к помещичьей земле, они могли привязываться к ней более и более теми выгодами, кои прилежный труд доставляет земледельцу, и прочным своим благосостоянием»¹⁴¹.

Поэтому не случайно первым вопросом, который рассмотрел Комитет после «вакаций»¹⁴² в ноябре 1835 г., стал вопрос о раздаче в частные руки конфискованных имений лиц польского происхождения, причастных к восстанию 1830–1831 гг. В основу решения Комитета была положена упомянутая выше записка Киселева. Проект ставил перед правительством задачу русификации Юго-Западного края путем внедрения русского дворянского землевладения и привлечения украинского крестьянства на сторону имперской власти. Предлагалось раздать польские имения русским дворянам православной веры на основе ленного права и в таких имениях устанавливать инвентарное регулирование крестьянских повинностей соответственно размерам и ценности земельных угодий. Проводилась здесь и другая излюбленная идея Павла Дмитриевича: целые имения или отдельные хозяйства (т.е. фольварки) должны были жаловаться в наследственное владение на праве майората без права дальнейшего отчуждения и раздробления. Доходы от имений объявлялись неприкосновенными, т.е. не могли быть источниками для покрытия долгов ленного владельца. Казне обеспечивалось получение пяти процентов дохода. Имения предварительно под-

пергались люстрации, земельные угодья оценивались и облагались чиншем или работою – по выбору крестьян. При составлении инвентарей предписывалось руководствоваться «местными обыкновениями». Дворовые, а постепенно и все малоземельные крестьяне получали земельные наделы. Крестьянские повинности строго регламентировались. Производство люстрации возлагалось на комиссию из трех лиц – уездного предводителя дворянства (или помещика по назначению губернатора) и двух чиновников от министерства финансов. Полицейская власть в таком имении вверялась сельской управе из четырех человек – ключовйта (бурмистр) и писаря, назначаемых владельцем, и двух выборных от крестьян. За крестьянами признавались права собственности на движимое имущество, наследственного пользования земельным наделом и избрания нового рода жизни (при условии очищения повинностей).

Мелкие тяжбы и проступки крестьян разбирались крестьянским судом, состоявшим из выборных, утверждаемых владельцем. Крестьянские жалобы должна были разбираться Казенною палатою. За владельцем признавалось исключительное право на земельные недра и лесные угодья (за исключением крестьянских лесов, закрепленных инвентарями). Владелец должен был иметь в имении собственное хозяйство, лишался права переселять крестьян и не мог обращать крестьянские земли в собственные фольварки «без достаточного вознаграждения другою землею». Дворовые услуги могли выполняться только наемными людьми за «вольную цену». На владельце лежала обязанность оказывать крестьянам продовольственную помощь. В случае дурного управления имение переходило «в казенный присмотр» (т.е. в непосредственное управление Казенной палаты).

Таковы были правила о ленных имениях, сочетавших в себе черты государственной собственности и частного владения, т.е. занимавших промежуточное положение между казенными и частновладельческими имуществами. В этом проекте, по мнению членов Комитета, содержался «идеальный прообраз положения крестьян 2-й ступени» – крепких земле, огражденных от произвола помещиков, наделенных правами гражданского состояния. Наиболее важными новшествами были право крестьян

переходить на оброк, иметь самостоятельный крестьянский суд и жаловаться на владельца в государственные органы, – все это позже вошло в указ об обязанных крестьянах. Но за владельцем сохранялись весьма широкие полномочия (ни Казенная палата, ни полиция «сами собою не вмешиваются в управление и хозяйство ленного имения»), которые «обеспечивали им систему внеэкономического принуждения» над крестьянами¹⁴³.

Правила были утверждены императором 22 февраля 1836 г. и легли в основание последующей раздачи конфискованных имений. Но, «по решению» членов Комитета (читай: царя), опубликованы они не были и в Полное собрание законов не попали¹⁴⁴.

В конце 1835 г. император «попросил» Киселева составить записку о распространении на имения, доставшиеся разночинцам, права, данного при Александре I (1824 г.) крестьянам Грузии, выкупаться на свободу со всей землей данной вотчины при продаже имения с аукциона. Вопрос был поднят еще в 1833 г., когда одной ярославской помещицей населенное имение было завещано своей воспитаннице, крестьянской девочке. Поскольку последняя как крепостная не имела права владения, имение было выставлено на продажу. Проживавшие в нем крестьяне изъявили желание выкупиться на волю вместе с землей, используя закон 1824 г. Вопрос попал на рассмотрение в министерство юстиции, и Д.В. Дашков доложил об этом деле императору. Император предписал Сенату рассмотреть вопрос, «не следует ли при продаже дворянских недвижимых имений, доставляющихся разночинцам, допускать к участию в торгах крестьян, к тем имениям принадлежащим, и как сие удобнее может быть установлено». Одновременно Николай I приказал министру внутренних дел снестись с предводителем дворянства Ярославской губернии и при его посредничестве склонить купившую имение помещицу предоставить крестьянам свободу с условием, что она получит из казны компенсацию в размере суммы, истраченной на покупку имения.

Сенат 30 апреля 1834 г. дал такое заключение: «На изъясненный предмет нет в законах дозволения; но что не следует допускать участия в торгах самих крестьян, к продающимся имениям принадлежащих, сие видно из указа 22-го февраля 1824 г.,

воим при установлении подобного права для крестьян, именно ограничена мера сия единственно Грузиею, и потому вопрос сей разрешается самым тем законом».

Но Дашков, так же, как и Киселев, желавший преобразования крепостных отношений, не согласился с мнением сенаторов. Он полагал, что этот закон был направлен на предотвращение продажи имений в Грузии «низкою ценою по малому числу покупателей» и поэтому рассматривал «предмет сей не в виде общего правила, а как частный случай» для данного региона. Но сейчас, настаивал министр, император прямо «указать соизволил рассмотреть: не следует ли допустить таковое <крестьян> участие и как сие удобнее может быть установлено». Поэтому, с точки зрения Дашкова, Сенат обязан рассмотреть вопрос именно под таким углом и принять совершенно *новое постановление*.

Сенат (во 2-м департаменте и на общем собрании) решил вопрос в соответствии с указаниями Дашкова, с ним согласился и департамент законов Государственного совета. Однако на общем собрании (25 ноября 1835 г.) Совета против такого решения выступил министр финансов Канкрин. Он заявил, что «допущение крестьян к торгам признает неудобным, потому что весьма естественное желание крестьян приобрести себе свободу может побудить их к неумеренному повышению цены на торгах, привести их в расстройство и сделать несостоятельными». Как видим, министр был озабочен материальным положением крестьян, что неудивительно при известной приверженности его идеям камерализма. Второй довод Канкрин звучит диссонансом с изложенной выше программой «Комитета Васильчикова», но показывает, насколько министр финансов, не мел по национальности, шире смотрел на крестьянский вопрос. По его мнению, «приобретение свободы несколькими сотнями семейств не может принести государству существенной пользы, и, что для вернейшего достижения подобной цели требуются меры не *частные*, но *общие*»¹⁴⁵.

Вряд ли членов Совета убедило выступление министра финансов, но оно упало, как говорится, на благодатную почву: большинство с самого начала было настроено против расшире-

ния границ действия закона 22 февраля 1824 г. Ни доводы Дашкова, ни мнение Сперанского (так как, безусловно, заключение департамента законов – это его заключение), ни сенатское определение не убедили членов Государственного совета. Общее собрание (тогда же 25 ноября) решило, что дарование крестьянам права выкупаться на свободу при публичных торгах сопряжено с большими опасениями (мотивация иная, чем у министра финансов) и потому издавать по возбужденному вопросу никакого нового постановления не нужно¹⁴⁶.

Император остался недоволен постановлением высшего законосовещательного органа и поручил Киселеву составить записку, опровергающую выступление Канкрин и решение Совета. Эта собственноручная записка очень важна для понимания общей *стратегии*, которой придерживался Павел Дмитриевич, приступая к решению крестьянского вопроса. Но в ней он намечает и *тактические* линии наступления на крепостнические отношения. Киселев отмечал, что «все законодательство происходит наиболее из случаев *не общих, но частных*, и что посему правительство, определив *общее, основное правило*, которым оно руководствуется или намерено руководствоваться, затем должно уже пользоваться каждым удобным для успешнейшего достижения его цели *частным случаем*». И в данном частном случае, полагал Киселев, необходимо «сперва определить, в чем заключается общее, основное правило, коим правительство руководствуется относительно крестьян. *В утверждении ли их крепостного состояния? Или в даровании им прав гражданских?*». По мнению автора записки, «по смыслу высочайшего повеления можно заключить, что вообще виды правительства относительно крестьян стремятся к *постепенному уничтожению в России крепостного состояния*». А раз так, то необходимо использовать «все частные случаи, могущие служить удобными средствами для достижения сей цели». Дальше шли возражения на выступление министра финансов: «*оставление в бездействии, представляющихся ныне удобных, для споспешествования благонамеренной цели правительства, частных случаев, имеет такие же неудобства, как и принятие общих*», но их использование все-таки предпочтительнее, ибо

«нельзя оставлять в совершенном бездействии того, что без участия правительства может, ходом времени и силою обстоятельств, разрешиться само собою и, чего наиболее опасаться должно, мерами насильственными, не законными». Кроме того, «каждая из мер частных, способствуя постепенному улучшению класса людей малообразованных, но в сильной степени жаждущих освобождения от крепостного состояния, послужит к вернейшему достижению того прочного и основательного преобразования 20-ти миллионов людей, которое для государства с каждым днем становится более и более необходимым».

Дальше Киселев предлагал, чтобы имения, доставшиеся по наследству личным дворянам или разночинцам либо продавались, либо оставались у новых владельцев, но на особых правилах: «*чтобы крестьяне тех имений, оставаясь крепкими на земле, на которой живут, несли по ней обязанности на известных, законом определенных условиях*». Таких крестьян Киселев предлагал назвать *условными земледельцами*, они составили бы, по мысли Павла Дмитриевича, «новый класс полезных граждан». Подобная мера способствовала бы и повышению ценности дворянских имений, и развитию промышленности.

Если же допустить на том же самом основании учреждение майоратов, а также учреждение фабрик и заводов, и «дать помещикам, которые того пожелают законной льготы для их крестьян», то, полагал Киселев, «нет никакого сомнения, что многие из владельцев, особенно же ... великопоместных и образованных, сами собою присоединятся к действиям правительства, по сознанию собственных своих в том выгод, и даже по одному внушению христианского человеколюбия, они станут постепенно даровать крестьянам своих имений *свободу условную с крепостию их только к одной земле*».

Перед нами настоящий манифест, где изложены не только намерения высшей власти, но обоснована необходимость предпринять определенные усилия, намечены пути, по которым нужно двигаться для достижения цели.

По мнению Киселева, именно «сопряжением нескольких последовательных *частных мер*, нечувствительно и без гибельных для государства потрясений, может быть достигнуто ...

уничтожение в России крепостного состояния». В успехе достижения этой цели «мерами общими, единовременными» Киселев сомневается, но и «оставление в совершенном бездействии частных, к достижению общей цели, средств» уже невозможно¹⁴⁷.

Таким образом, в предложениях Киселева продолжилась линия на решение крестьянского вопроса рядом мер частного характера, «без сотрясения основ», возобладавшая в «Комитете Васильчикова». Началом подобного подхода к разработке проблемы крепостного права можно считать решения Комитета 6 декабря 1826 г., в основу которых легли проекты М.М. Сперанского. В бумагах Комитета прямо говорилось, что «непрестанно и нечувствительно подвигаясь вперед к своей цели, правительство должно готовить и соразмерять каждую предпринимлемую перемену с прочими, ожидая успеха одной, дабы увериться в успехе той, которая за нею последует»¹⁴⁸.

В том, что последовало дальше, хорошо просматривается влияние (и его границы) монархической власти на течение дел. Государь император, как говорилось в высочайшем повелении, объявленном Государственному совету его председателем Н.Н. Новосильцевым 15 января 1836 г., «соображая вопрос о дозволении, при продаже разночинцами достоящихся им по наследству дворянских имений, допускать к участию в торгах на сии имения самих принадлежащих к ним крестьян, изволит находить, что разночинец — не помещик, а продажа крепостных людей есть следствие права помещичьего; как посему в самом законе, присвояющем разночинцам право продавать достоящиеся им по наследству дворянские имения, есть противоречия, то лучше бы таковые имения причислять в казенное ведомство, а разночинцам, кои оные достанутся, выдавать взамен деньги по цене безобидной, облагая крестьян платежом в возврат казенных издержек. На сем основании Его Величество повелевает изготвить проект».

В результате недвусмысленно выраженной воли монарха состоялось мнение Государственного совета, Высочайше утвержденное 21 мая 1836 г., в котором констатировалось, что «крепостные люди с землей или без земли, доставшиеся по наследству

лицам, не имеющим права владеть таковыми, отбираются в казенное ведомство», и оговаривались условия перехода¹⁴⁹.

Таким образом, вопрос больше не ставился в широком смысле – о дозволении *всем* помещичьим крестьянам выкупаться на свободу при продаже имения с публичных торгов. Речь шла, как и в 1833 г., в самом начале рассмотрения вопроса (возбужденного Дашковым) о лишении *разночинцев* прав на доставшиеся им по наследству населенные имения. Верховной власти в который раз не удалось хоть как-то ограничить «право помещичье» на продажу крепостных, еще одна попытка начать решение крестьянского вопроса с частной меры не увенчалась успехом. На стороне монарха оказалось опять меньшинство, в данном случае в лице трех членов «Комитета Васильчикова» Михаила Михайловича Сперанского, Дмитрия Васильевича Дашкова и Павла Дмитриевича Киселева.

Борьба за министерство государственных имуществ. Реформа казенной деревни

Между тем, заседания Комитета продолжались. Основным предметом рассмотрения в начале 1836 г. стал проект Канкрин о реорганизации управления государственной деревней. Члены Комитета были недовольны планами министра финансов, так, Сперанский считал, что «в предположении сем есть один существенный недостаток; в нем есть форма управления, но нет правил – как, т.е. какими средствами, к какой цели вести самое управление». «Комитетчикам» представлялось необходимым остановить процесс обеднения государственной деревни, ликвидировать ее возрастающую недоимочность, устранить причины массовых волнений, создать необходимые условия для постановки и разрешения общего вопроса – о судьбах помещичьих крестьян. Им казалось, что предложения Канкрин не снимают многих проблем. Под давлением Сперанского и Киселева Николай I решил забрать у министра финансов управление

казенными крестьянами. Первоначально это были крестьяне только Санкт-Петербургской губернии, в которой перестройка управления по плану Канкрин уже началась¹⁵⁰. Как неоднократно утверждалось автором этих строк, между программой Егора Францевича и последующими преобразованиями в государственной деревне Павла Дмитриевича не было принципиального различия, более того, преобразования Киселева можно рассматривать как органическое продолжение начатого при министре финансов¹⁵¹. В данном случае сыграл роль личностный фактор, а также нежелание Канкрин форсировать события, тогда как Николай жаждал поскорее увидеть хоть какие-нибудь результаты. Этим объясняется изъятие из министерства финансов всех дел о государственных крестьянах и передача их в руки временного отделения собственной канцелярии, т.е. фактически в руки Киселева и его главного советчика, Сперанского. Как совершенно справедливо полагал А.П. Заблоцкий-Десятовский, император «скоро понял, что поднятое им дело об устройстве крестьян вообще не обещает скорых успехов, особенно дело о помещичьих крестьянах». Памятуя о предложении Сперанского в Комитете 6 декабря 1826 г. о том, что первым шагом к преобразованию крепостного права должно быть устройство казенных крестьян, он решил выделить этот вопрос из общего крестьянского вопроса. При подобном подходе, полагал монарх, в этом деле «нельзя было ожидать многосторонней и упорной оппозиции», поэтому он рассчитывал «привести его к окончанию в непродолжительное время»¹⁵².

29 апреля 1836 г. было учреждено V Отделение СЕИВК. Но заведование управлением только государственными имуществами одной, хотя и столичной губернии представлялось недостаточным для осуществления планов, намеченных Киселевым. Началась борьба (в основном с министром финансов) за расширение «сферы влияния». Сначала в Комитет Васильчикова был представлен доклад, «почти продиктованный» Киселевым, в котором говорилось, что в связи с учреждением V Отделения Комитет «нашел более удобным оставить генерал-адъютанта Киселеву возможность вникнуть в настоящее положение казенных крестьян» и представить свое заключение, с тем, чтобы посл

составить проект нового преобразования казенными крестьянами» (имелась в виду Санкт-Петербургская губерния). Этот документ, датированный 9 мая 1836 г. и подписанный всеми членами Комитета для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий, стал последним в работе Комитета. Уже 18 мая Киселев исполнил высочайшее повеление на обревизование государственных имуществ в четырех губерниях – Московской, Псковской, Тульской и Тамбовской; туда были отправлены его чиновники. Потом и сам Павел Дмитриевич решил посмотреть на месте, каково положение казенных крестьян. Сначала он посетил «свои» владения – некоторые уезды Санкт-Петербургской губернии, затем поехал в Московскую, Тульскую и Псковскую (август – сентябрь 1836 г.). В представленном отчете положение казенных имуществ в посещенных им местах представлялось ужасающим, это обуславливалось плохим управлением и злоупотреблениями чиновников министерства финансов. Следствием скандала стал суд над директором департамента государственных имуществ этого министерства Н.П. Дубенским, недовольство императора Канкриным и... передача всех государственных имуществ «под крыло» Киселева. Сначала было расширено поле деятельности Пятого отделения (в первую очередь сюда было передано управление имуществами четырех обревизованных губерний), потом Киселев возглавил Временный совет для управления государственными имуществами (во время разбирательства по делу Дубенского), наконец, было создано, как говорится, «под него», отдельное министерство государственных имуществ (27 декабря 1837 г.). Зная «господствующую» позицию уже в ранге министра, Киселев мог теперь совершенно официально проводить в жизнь свои планы.

Начатые в рамках V-го Отделения работы по переустройству казенной деревни продолжились в рамках вновь созданного ведомства. Собственно, переустройство это началось, как уже отмечалось, еще в конце 1820-х гг. под руководством министра финансов Е.Ф. Канкрин (в двух губерниях). Но теперь масштабы преобразований значительно расширились, охватив весь «класс» казенных поселян.

Основная цель реформы заключалась в превращении государственной деревни в «точку опоры для решения общекрестьянского вопроса», в подготовке предпосылок для «нечувствительного» преобразования феодальных отношений и «разрешения проблемы ликвидации рабства»¹⁵³. Однако в ходе обсуждения плана реформы прогрессивные черты первых проектов все более сглаживались¹⁵⁴. В итоге «преобразование Киселева носило по преимуществу административный характер»: была проведена реорганизация аппарата управления государственной деревни с небольшой долей хозяйственных нововведений¹⁵⁵.

Перед реформой 1837–1841 гг. правовое положение государственных крестьян, безусловно, было лучшим, чем положение частновладельческих. Они с 1801 г. могли приобретать в собственность земли и заключать договора, относительно свободно выбирать род занятий: заниматься земледелием или ремеслами, создавать небольшие фабрики, переходить в городское сословие. Но юридический статус их не был гарантирован. Общины казенных крестьян могли быть превращены в военные поселения, переданы удельному ведомству и даже подарены какому-нибудь дворянину (правда, в XIX в. не было ни одного такого случая дарения). Экономическое же их положение было очень тяжелым, в результате преобразований оно не стало намного легче.

В ходе реформы в губерниях были учреждены особые палаты государственных имуществ, а в уездах – окружные управления во главе с окружными начальниками. Было допущено некоторое самоуправление казенных крестьян в их общинах и волостях: крестьяне деревни и волости выбирали управление и суд¹⁵⁶. Но над ними с правом, в сущности, неограниченного вмешательства в их хозяйственную и домашнюю жизнь были поставлены окружные начальники, которых Киселев старался подбирать как можно лучше. На первых порах это ему удавалось, тем не менее, и эта система опеки только ставила крестьян в еще более подневольное положение: «прежние взяточники становые приставы»¹⁵⁷ имели много других обязанностей и поэтому могли посещать казенные имения только изредка, а теперь были

поставлены чиновники, делом которых была именно всесторонняя опека над крестьянами.

Все эти вновь созданные ведомства во главе с министерством государственных имуществ должны были заботиться о благосостоянии государственных крестьян, и, прежде всего, о том, чтобы казенная земля возможно равномернее была разделена между общинами и внутри общин и чтобы размер оброка соответствовал количеству выделенной крестьянскому двору земли и ее доходности. Идея сама по себе блестящая, но, к сожалению, ее реализация не была столь же блестяща. Вскоре крестьяне стали жаловаться на новое управление и, в первую очередь, на то, что реформа повлекла за собой значительное разномножение ведомств, содержать которые приходится общинам, к тому же частые наезды высокопоставленных чиновников тоже были связаны с большими расходами.

Экономическое положение казенных крестьян ухудшилось в связи с ростом податного обложения: сначала на 20% вырос подушный оклад, потом в связи с переложением оброка с душ на землю его размеры были увеличены, был введен особый хлебный сбор для пополнения «хлебозапасных магазинов». Реформа не смягчила и малоземелья государственных крестьян¹⁵⁸. Не случайно в 1844 г. Киселев в докладной записке предлагал «использовать за наделом крестьян земли в западных губерниях предназначить для переселения крестьян из внутренних малоземельных губерний»¹⁵⁹. Известные под названием «картофельных бунтов» выступления казенных крестьян в начале 1840-х гг. были, по ряду свидетельств, стихийным протестом против введения новых административных порядков¹⁶⁰. Принудительный отвод земель под посевы картофеля привел к появлению толков, «что изменяется вера, и поэтому разводится картофель», а крестьяне будут переданы «за барина Перовского»¹⁶¹. В одной из листовок восставших крестьян говорилось, что они «поступают во владение помещику», и что «распоряжаться будут чиновники под названием окружных начальников и волостные правления, которые учреждены уже от барина, а члены правления будут брать с крестьян же жалованье, которое назначил им барин»¹⁶². Киселева, однако, не пугало подобное положение

вещей, он не раз говорил, что и «Петр Великий, при своих реформах был окружен неудовольствиями и бунтами»¹⁶³.

Реформа имела и значительные положительные последствия; в основном это касалось сферы социального обеспечения. Было открыто большое число новых школ (в 1838 г. их было 60, а в 1866 г. стало 7869), больниц (соответственно 3 и 269), церквей различных вероисповеданий. За эти же годы сократилось количество питейных заведений и затраты казенных поселян на спиртное и т. п. Немалое значение имело введение в действие и сельских полицейского и судебного уставов и крестьянского самоуправления. Многие черты этих нововведений позже проявились в Положениях 1861 г.

Наибольшего внимания заслуживает замена подушного обложения поземельным. Именно эта мера должна была стать шагом на пути к составлению инвентарей, что находит свое подтверждение как в решениях Комитета 1835 г., так и в резолюциях более позднего времени. В 1835 г. предполагалось определить размеры работ не по числу душ, а по степени доходности крестьянского хозяйства, с учетом размеров надела. *«Перемещение податей с душ на землю» – «скрытый предлог» для подготовки возможности инвентарей, которые должны быть «последней ступенью в этой “лестнице”»,* – полагали члены Комитета 1846 г. Так выкристаллизовывалась идея о «пути» введения регулирования крестьянских повинностей со стороны правительства; «опытным полем» стала казенная деревня. Введение обязательных инвентарей было одной из «любимых» идей Киселева; именно на этой идее был основан первоначальный проект, написанный им для Комитета 1839–1842 гг. Таким образом, усилия по инвентаризации государственной деревни он рассматривал как подготовку реорганизации «быта» крестьян помещичьих, о чем нередко говорил прямо, как мы увидим, например, дальше в сюжете об образцовом Грибановском имении.

Ряд историков – наших и зарубежных – считают реформу государственных крестьян «предвестником» реформы 1861 г.¹⁶⁴ Однако вопрос, была ли реформа 1837–1841 гг. важным шагом на пути к отмене крепостного права, до сих пор является дискуссионным.

«Неудача правительственной политики инвентаризировать помещичьи имения¹⁶⁵ наносила удар всему плану двудесятилетней реформы, намеченной Комитетом 1835 г., – считал И. М. Дружинин. – Если оказывалось невозможным приблизить помещичьих крестьян к крестьянам государственным, то утрачивала значительную долю своего значения реформа управления государственными имуществами». Несомненно, «хозяйственные планы Киселева продолжали сохранять свое объективное и государственное значение», хотя бы как образец для будущих (тогда, казалось, очень далеких) преобразований в управлении остальным крестьянством и для частичного улучшения социальных условий крестьянства казенного. Однако, преобразования 1837–1841 гг., проведенные Киселевым, превратились в изолированное явление, бессильное повлиять на скорое разрешение общекрестьянского вопроса¹⁶⁶. Трудно не согласиться со справедливостью этого высказывания. Однако нельзя не признать, что созданные в ходе реформы институты крестьянского самоуправления стали образцом для разработчиков Положений 1861 г. Помимо того, после 1841 г. часть нововведений нуждалась в корректировке, каковая и совершалась через частные министерские инструкции и распоряжения, этот опыт тоже пригодился впоследствии.

Несмотря на то, что в ходе реорганизации казенной деревни не все получалось так, как было задумано, Павел Дмитриевич Киселев не собирался складывать оружие.

Указ об обязанных крестьянах 2 апреля 1842 г.: теория и практика

В следующем Комитете (1839–1842 гг.) по крестьянскому вопросу он стал основной фигурой. За три года им была проделана большая работа по созданию министерства государственных имуществ, куда он большими окладами и обещаниями служебных перспектив привлек лучших чиновников из других ведомств¹⁶⁷. Он собрал вокруг себя высококвалифицированных

профессионалов, что значительно облегчало и ускоряло деятельность министерства. Но на местах с кадрами было гораздо сложнее, впоследствии именно этим обстоятельством Киселев объяснял многие недостатки реализации реформы государственной деревни. Своей кипучей деятельностью, а главное, желанием исправить положение в крестьянском вопросе, совпадавшим с устремлениями императора, Киселев укрепил доверие последнего. Николай I смотрел на него как на преемника Сперанского в деле преобразования отношений между крестьянами и владельцами земли (будь то казна или помещики). Современник писал: в 1838 г. «генерал Киселев достиг верха милостей. Он сделался баловнем императора и императрицы». Сколько высоко ценил монарх Киселева свидетельствует следующий факт: при приеме сенаторов, назначенных в совет министра государственных имуществ, Николай I, «взяв дружески генерала Киселева за руку», сказал, что, «благодаря поддержке, которую обещает <ему> Павел Дмитриевич», он надеется «с помощью его опытности, поддерживаемый его знаниями», совершить дело «столь важное, от которого так много зависит будущность государства»¹⁶⁸.

Именно Киселеву было поручено составить для вновь учрежденного комитета записку о «средствах к усилению действия закона о свободных хлебопашцах». Она была представлена сначала царю, который полностью одобрил намеченные в ней меры и разрешил внести в Комитет *о повинностях в казенных имениях западных губерний* – так из соображений секретности был назван Комитет 1839–1842 гг.¹⁶⁹

Этот Комитет занимает в истории крестьянского вопроса особую страницу, поскольку его работа завершилась практически шагом – изданием указа 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах¹⁷⁰.

Начало его деятельности было положено высочайшим повелением, в котором определялись задачи Комитета. Император «повелевал» «сделать безотлагательно пересмотр закона об увольнении в вольные хлебопашцы», т.е. предложить новые условия, на которых помещики могли бы освобождать своих крестьян, «не стесняясь нынешним положением о свободных

«лебонашцах»¹⁷¹. Кроме того, император ставил перед Комитетом и другую задачу: определить порядок составления инвентарей по всем помещичьим имениям, решив поручить это дворянству сразу же или подождать введения инвентарей в казенных имениях.

Совершенно очевидна связь поставленных перед Комитетом задач с начатыми преобразованиями государственной деревни и преемственность этого Комитета с предыдущими, в частности с «Комитетом Васильчикова». Закон об управлении оброчными крестьянами в казенных имениях к осени 1839 г. уже получил силу действия, были близки к своему утверждению закон об управлении барщинными имениями (в Литве, Белоруссии, на Привобережной Украине) и ряд других актов реорганизации государственной деревни, настало время для осуществления второй части двуединой реформы, намеченной предыдущим Комитетом, – урегулирования взаимоотношений между помещиками и их крепостными, прежде всего, через установление в частновладельческих имениях в обязательном порядке принципа «мерной работы» (т.е. инвентарей).

Собственно, именно ради реализации этой идеи и создавался Комитет 1839–1842 гг.¹⁷², но в ходе его деятельности она полностью исчезла и отражения в итоговом документе не нашла.

По мнению С.В. Мироненко, именно Киселев стал инициатором учреждения комитета в 1839 г., ему, как указывалось выше, принадлежит авторство легших в основание работы Комитета проектов (вернее, одного проекта, который все время приходилось переделывать, подстраиваясь под требования членов Комитета).

Смысл предложений Киселева состоял в том, что «государство отнимало у помещиков право определять размеры крестьянского земельного надела, форму и объем повинностей и оставляло за собой контроль за взаимным соблюдением этих условий. Сами повинности ставились в тесную связь с соотношением объемов помещичьей запашки и земли, предоставленной в пользование крестьянам. Вместе с тем проект затрагивал и все социально-правовые стороны статуса обязанных крестьян, приводя их в соответствие с правами крестьян государствен-

ных»¹⁷³. «Обязанные поселяне» должны были пользоваться правом личной свободы, в частности, правом движимой и недвижимой собственности, правом перехода в другие свободные сословия, правом переселения на другие, казенные или помещичьи, земли, правом государственной защиты в органах суда¹⁷⁴.

Уже на первом заседании выявилось принципиальное несогласие большинства членов секретного комитета с программой, намеченной Киселевым. Поэтому, когда он представил свою записку в Комитет, в ней уже не было идеи общегосударственного регулирования наделов и повинностей силой положительного принудительного закона. Реформу помещичьей деревни Киселев делил на две части, и лишь одна из них – новое положение об условиях освобождения крестьян – была вынесена (по согласованию с императором) на обсуждение Комитета. Положение «должно было заложить основу принудительной регламентации правительством взаимных отношений помещиков с крестьянами, создать образец этих взаимоотношений»¹⁷⁵.

Впоследствии, убедившись в успешной реализации нового закона, правительство могло перенести нормы этого образца и на остальные имения. Это относилось ко второй части программы Киселева, согласованной с императором, но неизвестной членам Комитета. Киселев «рассчитывал при этом, что когда первую часть его программы удастся провести через комитет и она начнет практически осуществляться, то процессы в помещичьей деревне, пущенные ею в ход и поддержанные комплексом других правительственных мер, уже вряд ли можно будет остановить»¹⁷⁶.

Заявивший в декларативной части о неприемлемости указа 1803 г. именно потому, что он требовал освобождения крестьян с землей, и провозгласивший неприкосновенность дворянской собственности на землю¹⁷⁷, проект Киселева фактически закладывал не что иное, как долгосрочную перспективу освобождения крестьян с землей, а будущее положение обязанных крестьян представляло собой переходный к этому этап («средняя мера»). Возможная реализация проекта в значительной части помещичьих имений и сближение положения остальных крепостных крестьян с положением обязанных в результате действия

предложенной Киселевым царю системы мер предполагали создание ситуации, от которой был лишь шаг до уничтожения крепостного права с переходом надела в собственность крестьянина. По мнению Мироненко, очевидно, что «через несколько десятилетий внедрение в русской деревне такого порядка исключило бы для правительства возможность попытаться, в конце концов, освободить крестьян без земли», поскольку это могло вызвать «взрыв крестьянского протеста» сокрушительной силой¹⁷⁸.

Программа Киселева была реалистичной для России 1830–1840 гг. в том смысле, что она исходила из принципиального недоверия к способности помещиков предпочесть своим собственным выгодам общегосударственные интересы и пыталась найти выход из наступившего кризиса на пути крайне медленно, но неуклонно проводимого «сверху» комплекса мер, ведущих к уничтожению крепостного права¹⁷⁹.

Однако, как отмечалось выше, на рассмотрение Комитета Киселев подал совсем другую записку, тоже одобренную императором, в которой говорилось только о дополнении правил увольнения крестьян в свободные хлебопашцы.

Но даже в таком виде записка Киселева была встречена в Секретном Комитете в штыки. Министр юстиции В.Н. Панин, управляющий министерством внутренних дел А.Г. Строганов, А.С. Меншиков, Д.Н. Блудов, П.А. Тучков подвергли ее сокрушительной критике. Они доказывали, что правила увольнения крестьян, предложенные Киселевым, не соответствуют существующим условиям, запланированные в проекте размеры наделов чересчур велики, а размеры повинностей недостаточны. Строганов утверждал, что осуществление киселевского плана грозит многим помещикам полной утратой их земельной собственности, Тучков полагал, что было бы целесообразнее не нормировать наделов и повинностей в государственном законе, а предоставить определение количества десятин и барщинных дней добровольным соглашениям между помещиками и крестьянами.

Но самой сокрушительной была критика проекта со стороны князя Меншикова, который подал в Комитет три записки по

поводу проекта Киселева. Князь возражал против регулирующего вмешательства государства, он требовал признания за помещиком права заключать «свободные» договоры с отдельными крестьянами, выступал против поддержки крестьянской общины и круговой поруки. Он предпочитал путь «освобождения» по остзейскому образцу: «немедленный формально-юридический разрыв феодальных связей ... с сохранением земли в обладании помещиков и с необходимостью для крестьян пользоваться земельным наделом за барщинную работу»¹⁸⁰. Договор со своими бывшими крепостными помещик заключает исходя исключительно из собственных интересов. Если договор не выполняется, землевладелец может выселить крестьянина из имения. Установление круговой поруки этому мешает, поэтому невыгодно для помещика. Кроме того, в общине Меншиков видел опасность объединенного выступления крестьян: «для упрочения власти правительства не соединять, а разобщать должно силы материальные»¹⁸¹.

Скоро разногласия и споры, возбужденные проектом Киселева, вышли за узкие рамки секретного Комитета и захватили широкие слои дворянства¹⁸². Толки и слухи о готовящейся «вольности» стали распространяться и в «низах». Все это доходило до императора.

В подобной напряженной обстановке Киселев пошел, по согласованию с Николаем I, на значительные уступки. Он отказался от законодательного нормирования наделов и повинностей, вычеркнул из проекта все нормы, подчинявшие частных владельческих крестьян министерству государственных имуществ, и, в конце концов, убрал всякое упоминание о личной свободе обязанных поселян. Окончательный текст проекта одобренный Комитетом, воплотил в себе идею договорного пользования земельным наделом за отработываемые повинности, но «облек ее в неопределенные и общие выражения, предоставив определение конкретных условий добровольному соглашению сторон и восстановив во всей полноте вотчинную власть помещика»¹⁸³.

Однако даже в таком виде проект не устраивал большинство членов Комитета. Они предлагали ограничиться опубликовани-

ем пояснительного указа к закону 1803 г. о свободных хлебопашцах, и в этом указе «поместить главные статьи Положения об обязанных крестьянах, но не касаться подробностей, чтобы дать помещикам возможность развить сии подробности в условиях по ближайшему их усмотрению». Николай I согласился, и проект был внесен в соединенные департаменты законов и экономики, а затем в общее собрание Государственного совета.

В департаментах А.Д. Гурьев указывал на крайнюю неопределенность и бесполезность проектируемого указа, а Д.В. Голицын, на общем собрании, – на безнадежность попытки апеллировать к «доброй воле владельцев». Председатель Совета Н.В. Васильчиков на это отвечал, что надо «сделать, по крайней мере, что-нибудь», чтобы успокоить дворянское общественное мнение и крестьян. Император Николай I произнес в Совете известную речь, в которой назвал крепостное право «злом, для всех ощутительным и очевидным», прикасаться к которому «теньер было бы делом еще более губительным». Но «всякому благоразумному наблюдателю ясно, что нынешнее положение не может продолжаться всегда». Поэтому необходимо «по крайней мере, приготовить пути для постепенного перехода к другому состоянию», «проложить дорогу к переходному состоянию, а с ним связать ненарушимое охранение вотчинной собственности на землю»¹⁸⁴.

С.В. Мироненко считает, что слова Николая I не более чем мимемер, уловка. Несмотря на его утверждение, что прикаснуться к крепостному праву сейчас он «не решится», вся «затея» с Комитетом 1839–1842 гг. говорит об обратном: «это была неудившаяся попытка начать освобождение крепостных крестьян; первоначальные замыслы царя, ради которых и создавался Комитет, были совершенно иными. Не для жалкого указа 2 апреля 1842 г. все это затевалось. Император сознавал неизбежность и своевременность подготовки к более радикальным мерам»¹⁸⁵. Трудно не согласиться с таким выводом, зная о намерениях царя, не раз «озвученных» им в беседах со своим «начальником штаба по крестьянской части».

2 апреля 1842 г. указ об обязанных крестьянах был высочайше утвержден. В тексте закона не осталось ничего от первоначального замысла.

чальных замыслов – ни идеи об инвентаризации помещичьих имений, ни мысли о предоставлении владельческим крестьянам личной свободы и частичного подчинения их министерству государственных имуществ. Циркуляр министра внутренних дел к губернаторам убеждал дворянство, что единственной целью правительства было упрочить право помещицей собственности на крестьянские наделы. Местной администрации предписывалось самым бдительным образом наблюдать, чтобы по поводу настоящего указа не происходило «никаких лживых разглашений насчет мнимого освобождения крестьян»¹⁸⁶.

При последнем обсуждении указа на общем собрании Государственного совета (30 марта 1842 г.) Киселев «встал только однажды, чтобы сказать коротко, что согласился на заключения Комитета и теперь не спорит против них единственно в той надежде, что это будет предисловием или вступлением к чему-нибудь лучшему и обширнейшему впоследствии времени»¹⁸⁷. В этих словах – горечь, недаром в докладе на высочайшее имя от 9 июня 1841 г. Киселев отмечал: «русские дворяне вообще столь проникнуты мыслию о крепостном владении людьми, что еще долгое время невозможно ожидать точного исполнения со стороны их предписываемых правительством мер ограничения в пользу крестьян». Его настроения перед началом работы Комитета и ближе к концу коренным образом отличаются – к лету 1841 г. уже стало понятно, что никаких обязательных договоров и инвентарей ввести в великорусских губерниях не удастся. И Киселев вновь обращает свое внимание на пограничные регионы.

Упомянутый выше доклад 9 июня 1841 г. носил название «О способах учреждения майоратов в Западных губерниях». Это были «соображения по предложениям» генерал-губернаторов Д.Г. Бибикова и Ф.Я. Мирковича о раздаче здесь арендных имений коренным русским дворянам. Поскольку именно Киселев в 1835 г. писал о необходимости водворения в Западном крае коренного русского дворянства, предлагая сделать это в том числе через майораты, а в 1834 г. подавал проект учреждения майоратов, император пожелал узнать его мнение по данному вопросу; тем более, это касалось и его ведомства.

Предложения Бибикова и Мирковича раздать в майоратные владения старобитинские имения не встретили сочувствия Киселева¹⁸⁸. Эта бывшая земельная собственность польской короны находилась в распоряжении казны, естественно, что крестьяне пользовались здесь правами государственных крестьян, их переход в помещичье владение Киселев считал недопустимым. Он мотивировал свою позицию политическими видами русского правительства в этом крае. «Обращение людей свободных в помещичье владение, – писал он, – хотя и ограниченное, но вечное», могло содействовать польским мятежникам в отторжении местного крестьянства от русских властей. Киселев предлагал и свои пути образования майоратов: составлять их из имений помещичьих, прежде всего, из конфискованных, из имений, обращаемых в казну за неплатеж фондушевых капиталов и имений, принадлежащих банкам за неуплату долгов, а также покупать имения, продаваемые с публичных торгов или частным образом. При покупке имений делать заем в кредитных установлениях под обеспечение тех же имений, а остальное, сверх занятой суммы, уплачивать из арендных доходов, выделив на сей предмет четвертую часть (1 200 000 рублей ассигнациями). Постоянная покупка имений «на счет двух определенных источников»: арендных доходов и займа, «обратит неминуемо большую часть имений в распоряжение правительства и будет иметь двойное действие: увеличивая число русских помещиков» и в то же время уменьшая число польских. Но важнейшее последствие этой меры должно было, по мнению Киселева, состоять в том, что «купленные у помещиков крестьяне, переходя на положение *крестьян обязанных*, примут сей переход за особенную милость, тогда как назначение в состав майоратов людей свободного состояния, т.е. крестьян старобитинских, не могло бы иначе быть сочтено, как за угнетение и лишение прав, от Высочайшей власти однажды дарованных». В данном случае речь идет о введении выпестованной Павлом Дмитриевичем категории *обязанных* крестьян совершенно безболезненно в практику земельных отношений Западного края. Киселев опять ищет «экспериментальную площадку» для своих (совместных с монархом) «опытов» – ведь в майоратных име-

ниях, отданных русским помещикам, он планирует опробовать институт обязанных крестьян. Киселев испрашивает разрешение составить подробный проект о раздаче в аренду названных имений, положив в его основание Положение 1836 г. о раздаче конфискованных имений «с применением к правилам для старостинских имений»¹⁸⁹ (таким образом, арендные имения существовали бы на ленном праве).

В результате его усилий появился указ 6 декабря 1842 г. о правилах учреждения майоратов в Западных губерниях. В нем было предписано, чтобы при раздаче имений в этом регионе на праве майоратов повинности крестьян в пользу владельцев были точно определены люстрационным инвентарем, а сами они назывались *обязанными* крестьянами¹⁹⁰. На деле, однако, все пошло не так быстро и успешно, как предполагалось. Об этом свидетельствует переписка Киселева с минским гражданским губернатором А.В. Семеновым. Хотя выполнение правил курировало другое министерство – внутренних дел (Л.А. Перовский), Семенов со своими предложениями обратился к Киселеву. Это свидетельствует о том, что «публика» была в курсе того, кто истинный творец правил о майоратах и других подобных решений. Министр государственных имуществ соглашался с мнением минского губернатора о пользе майоратов, но считал «составление майоратов из крестьян государственных, равно как духовных и конфискованных, причисленных высочайшими указами к свободному состоянию в настоящее время ... мерою невозможною и неудобною, тем более, что правительство перевело или переводит сих людей на оброчное положение и потому, даровав им вполне права свободного состояния наравне с государственными крестьянами великороссийских губерний, нельзя без нарушения справедливости обращать их снова к положению ограниченному». Далее он пояснял: «для осуществления Положения о майоратах 1842 г. остается одно средство, которое министерство и представляло: приобрести для сего имение покупкою; но, и в сем случае надо иметь в виду свободные и выгодные по цене имения и, во-2-х, достаточный капитал для производства покупки имений в обширном размере, в чем представляется главнейшее затруднение. Если бы сии два об-

стоятельства можно было преодолеть, то я со всею готовностью приступил бы к исполнению изложенных Вами предположений, которые я с давнего времени разделяю»¹⁹¹.

Таким образом, как следует из этой переписки, дело об учреждении майоратных имений в Западном крае шло медленно, главным образом (как это обычно бывает), из-за недостатка материальных средств для приобретения имений в казну с целью образования из них майоратов. Она также свидетельствует, что основным источником учреждения майоратов в Западном крае оставалась покупка имений в казну министерством государственных имуществ (хотя номинально ответственным за ход дела было, повторю, министерство внутренних дел). Следовательно, и в этом случае Киселев, что называется, держал руку на пульсе. Одновременно министр вел наступление и на других фронтах, надеясь, что на каком-нибудь участке его ожидает успех.

Как уже отмечалось, Киселев был человеком дела: в силу природных качеств и особенностей характера; давало о себе знать и его боевое прошлое. В 1819 г. он признавался, что предпочитает «действия, сколь ни малые, но точные, всем великим и обширным замыслам блаженства, единственно на красноречивых прениях основанных», и призывал быть полезным «не словами, но делом»¹⁹². В отличие от Блудова, который основную силу тяжести переносил именно на составление и редактирование проектов, а не на их претворение в жизнь, Киселев очень активно стремился к осуществлению своих планов¹⁹³.

Едва став в 1837 г. руководителем новоиспеченного министерства, Киселев решил показать преимущества отстаиваемого им порядка устройства казенной вотчины на примере одной из таких вотчин. Им было выбрано подмосковное имение Остров, которое незадолго до этого по настоянию министра было приобретено в казну у графини А.А. Орловой-Чесменской (при этом был «перебит другой опасный покупатель, откупщик Шалашников»). Здесь Киселев задумал ввести «обязательные отношения крестьян к казне» и «устроить быт крестьян как можно лучше»¹⁹⁴.

2 сентября 1838 г. он посетил имение, чтобы, как сам написал в своих записках, «лично убедиться в состоянии крестьян и в духе введенного управления, которое в видах осторожности введено мною двоякое: казенное и помещичье». Последняя фраза о двойственности управления представляет несомненный интерес, так как и через много лет, опробуя на практике указ об обязанных крестьянах, Киселев также использовал «смешанное» управление, сделав упор на «праве помещичьем». О сущности подобной системы речь пойдет ниже. Киселев, осмотрев Остров, остался доволен, поскольку нашел, что «имение во всех отношениях прекрасно по явному и действительному состоянию поселян». «Везде, — продолжает он в своих записках, — это благосостояние представляется в полном виде: дома, огороды, гумны, рабочий скот, телеги, одежда жен, здоровый вид детей, открытая наружность каждого — служат красноречивым доказательством, сколько у нас полупросвещенные крестьяне умеют быть счастливыми, когда руководствуются властью попечительною, отеческою и не стеснительною»¹⁹⁵. Как видим, Киселев разделял патерналистские настроения, органически присущие царствованию Николая Павловича. Даже на должность управляющего имением был приглашен эконом закрытого в 1831 г. Кременецкого лицея на Волыни (по фамилии Саратов), который относился к своим подопечным по-отечески: был строг, но справедлив, как привык за многие годы общения с лицеистами.

В 1842 г. Киселев задумал на деле показать помещикам преимущества имений с обязанными крестьянами. В качестве «опытной лаборатории» было решено сделать образцовое обязанное имение в Грибановской вотчине Московской губернии. Сначала появились «Основания, на коих крестьяне могут перейти из состояния крепостных в состояние обязанных по указу 2 апреля 1842 г. в приложении к имениям Можайского и Волоколамского уездов»¹⁹⁶. Различные условия определяют особенности назначения повинностей в каждом имении, говорится в записке, «способ же собирания повинностей должен истекать из порядка управления, а он может быть приблизительно почти

ведь один и тот же». Поэтому правила указа 2 апреля в этом документе «прилагаются» к именам названных уездов, состоящим примерно из 500 душ, чей основной доход происходит от хлебопашества. И хотя эти «Основания» без даты, последнее уточнение позволяет предположить, что они предваряли «соображения» по Грибановскому имению, находящемуся в Волоколамском и Клинском уездах Московской губернии, в котором основным занятием было именно земледелие, а число душ – 1002¹⁹⁷.

«Основания» являются *общим руководством* для применения указа об обязанных крестьянах на практике с учетом местных особенностей. По сравнению с материалами по Грибановской вотчине они менее детализированы, хотя уже здесь определено, например, количество «отдаваемого» крестьянами помещику за пользование землей – «половина всех произведений той самой земли». Здесь намечены основные линии разработки инвентарей, так, говорится о необходимости составления «сравнительной ведомости, основанной на средних урожаях и на умеренных ценах», в вотчинной росписи Грибановского имения это нашло свое конкретное воплощение¹⁹⁸. «Основания» позволяют представить *процесс* выработки плана устройства образцового имения, в то же время являясь планом начального этапа данного процесса.

Следующий шаг – проект, оперирующий уже конкретными цифрами и фактами, – «Об устройстве образцового обязанного имения». Он – составная часть обширного дела «Об устройстве Грибановской вотчины, находящейся в Клинском и Волоколамском уездах Московской губернии», начатого 5 сентября 1842 г.¹⁹⁹ Вотчина до приобретения ее в казну принадлежала помещикам Чулковым. Крестьяне вотчины по необъясненной в деле причине оказали неповиновение Чулковым, вследствие чего было «Высочайше повелено» приобрести имение в казну. Но так как «прямая и гласная покупка в казну крестьян, явно не повинующихся законным правам своих помещиков, может дать повод и другим соседним имениям желать того же», говорилось в представленной на высочайшее имя записке московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, то необходимо, по мнению князя, купить сперва имение Чулковых частным обра-

зом на имя того лица, которое будет назначено правительством, а потом уже от него приобрести в казну²⁰⁰. Согласно этой высочайше утвержденной записке, имение было приобретено на имя сенатора Небольсина, а через три месяца перешло от него в казну. Крестьян Грибановской вотчины предположено было перевести на положение обязанных, а имение поручено в управление *на праве помещицъем* управляющему Московской палатой государственных имуществ А.И. Лёвшину²⁰¹. 14 февраля 1844 г. состоялось Высочайшее повеление об устройстве имения на основаниях, указанных в указе 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах, так, чтобы оно стало образцовым для других имений²⁰².

Устройство Грибановской вотчины на правах обязанного имения было поручено Лёвшиным чиновнику московской палаты государственных имуществ, члену московского общества сельского хозяйства и российского Общества любителей садоводства Омелянко, который представил несколько записок о состоянии имения и его устройстве²⁰³.

На проект Омелянко об устройстве Грибановской вотчины возражал член-корреспондент Ученого комитета министерства государственных имуществ Е.С. Карнович²⁰⁴. Все записки Омелянко и других лиц об устройстве образцового обязанного имения рассматривались в особой Комиссии, учрежденной для этой цели при Пятом отделении СЕИВК²⁰⁵. На основании записок Омелянко и особой Комиссии Киселевым был составлен всеподданнейший доклад об устройстве Грибановского имения²⁰⁶, который он предполагал представить императору в октябре 1846 г. Предварительные «предположения об устройстве имения на положении об обязанных крестьянах» 9 августа того же года он посылает И.В. Васильчикову по настоятельной просьбе последнего. Они названы «Об устройстве образцового обязанного имения».

Имение должно было быть преобразовано согласно высочайшей воле «на основании Положения об обязанных крестьянах *с той целью, чтобы не только в административном, но и в хозяйственном отношении, имение это могло служить на будущее время образцом для владельцев, которые пожелали бы*

пвести подобное устройство в своих поместьях»²⁰⁷. Здесь и далее терминология применима к владельческим имениям: речь идет о «вотчинном владельце, помещике» и т.п.; это свидетельствует о том, что данный проект должен был стать основой документации при переводе помещичьих имений во владения с обязанными крестьянами.

При составлении проекта, прежде всего, нужно было определить:

а) положительные права, обязанности и взаимные отношения вотчинного владельца и крестьян, основываясь на точном разуме указа 2 апреля;

б) назначить повинности крестьян *соразмерно поземельному наделу, которым обеспечиваются их потребности* и, причем, одинаково для издельных и для оброчных крестьян (как и в государственной деревне, речь шла уже не о подушной подати, а о поземельно-промысловом налоге. – И.Р.);

в) постановить правила для отправления повинностей и определить меры к обеспечению владельца на случай неисправности крестьян;

г) изыскать способы к обеспечению благосостояния крестьян от разных несчастных случаев, а также к устройству дворовых людей;

д) представить образец рационального устройства в помещичьем хозяйстве, от которого главнейше зависит доход владельца²⁰⁸.

Согласно с этими основными задачами труды по устройству образцового обязанного имения разделяются на две части: хозяйственную и административную.

Дальше следует, собственно, инвентарь, или вотчинная роспись имения, в которой «подробно описано имение в статистическом, хозяйственном и межевом отношениях, и изложены основания принятия для оценки земель и лесов, и для определения хозяйственных повинностей крестьян, а также исчислен доход вотчинного владельца». Таким образом, в инвентаре описаны состав имения, население, количество земли, дана классификация и оценка земель и, соответственно, рабочих дней, таксация и оценка лесов, определены размеры наделов и повинностей крестьян, расчислен доход помещика и подробно

перечислены «выгоды от производственных улучшений и преобразований»²⁰⁹. Эта часть называется «О хозяйственном устройстве имения».

Вторая часть – «Об административном устройстве имения». Сюда входят перечень основных актов «для руководства владельца и крестьян» (вотчинные постановления), здесь определен состав и компетенция вотчинного управления, права вотчинного владельца и обязанных крестьян, а также их «общее право», изложен порядок производства работ, а также процесс перевода крестьян на денежный оброк по их желанию, предусматриваются «способы обеспечения помещика в исправности крестьян» и способы к обеспечению благосостояния крестьян, перечислены государственные и другие повинности и меры по устройству дворовых людей²¹⁰.

В проекте не раз подчеркивается, что преобразования в имении идут полным ходом: все земли, бывшие до этого в общем и чересполосном владении, «приведены посредством съемки в известность, окончательно размежеваны, и помещичьи дачи совершенно отделены от крестьянских»; все отведенные крестьянам земли разделены на постоянные тягловые участки, «в отвращение вреда, происходящего от беспрерывных переделов; помещичьи разбиты на десятины для правильного производства урочных работ; вместо шести помещичьих запасек образовано три в главных пунктах имения; вместо девяти имений, расположенных неудобно для обработки земли, образовано шесть деревень; обновлены постройки, начато осушение части пастбищ и сенокосов и правильное хозяйственное использование лесов»²¹¹. Таким образом, важным условием преобразования имения являлось введение рациональной системы хозяйствования (в Грибановской вотчине – с февраля 1844 г.).

В вотчинной росписи были определены повинности крестьян «соразмерно сделанному наделу и соответственно тому доходу, который владелец получал бы, обрабатывая отведенные крестьянам земли вольнораемными постоянными работниками»²¹². Предполагалось предоставить крестьянам примерно 3 десятины пахотной земли и 4 сенокосной, но некоторые участки могли достигать и 8,5 десятин, при этом доходность отдельных наделов

лов должна быть одинаковой – каждый надел, по расчетам, должен давать валового дохода 40 рублей 72 копейки серебром, а чистого – 21 рубль 26 копеек серебром. Сравнивая эти показатели с данными из доклада А.П. Заблоцкого-Десятовского (1841 г.), мы убеждаемся, что планируемые наделы превышали принятые нормы, а их доходность в среднем подсчитана верно (в Ярославской губернии – свыше 120 рублей ассигнациями, т.е. около 40 рублей серебром)²¹³. Заблоцкий писал, что крестьяне в среднем имеют по 1,5-2 десятины пашни и не более 1 десятины сенокоса (Гульская, Рязанская губернии).

Однако председатель Государственного совета И.В. Васильчиков возражал против той цифры, которая составляла по инвентарю выплату помещику, – 21 рубль 26 копеек серебром. Васильчиков замечал, что «если исчисление доходов помещика от обращения крестьян на оброк принять за достоверное, то нет сомнения, что все без исключения поместья обращены будут в обязанные, ибо нет имения в России, которое могло бы принести доход по 41-му руб. сер. с тягла»²¹⁴. Даже если допустить, что, имея 8 десятин, крестьяне выплатят помещику 21 рубль 26 копеек с каждого участка, то «никак нельзя полагать, чтобы они же в состоянии были заплатить 3 763 рубля серебром за земли, бывшие под помещичьей запашкой, и 740 рублей за запашные земли» (в случае перевода крестьян на денежный оброк). Кроме того, по его мнению, «народ Московской губернии более фабричный, нежели земледельческий, следовательно, доход от отдаваемой в кортому»²¹⁵ земли весьма сомнителен».

Васильчиков был также не согласен с тем, что доходность имения считалась в ценах на рожь. «Чистый доход от крестьянских земель составляет ценность 1 801-й четверти ржи, на какую сумму крестьяне обязаны ежегодно отбивать в помещичьем хозяйстве соответственное число рабочих дней, а в случае перехода на оброк должны заплатить владельцу 5 187 рублей 67 копеек серебром», – записано в вотчинной росписи²¹⁶. Цена на рожь дана средняя за десять лет. Васильчиков считает, что «основать будущую ценность повинностей на 10-летней стоимости одной ржи, значило бы уронить стоимость имений и помешать обращению крестьян в обязанные». Вот доказательст-

во: цена земли в той же Московской губернии, купленной в 1811 г. его тестем, за прошедшее время увеличилась с 6 до 40-50 рублей за десятину, тогда как цена на рожь не только не выросла, но упала. Он полагал основать «исчисление доходов на 15-летней стоимости ценности земли», что, с его точки зрения, наиболее справедливо, поскольку «предоставляя участки земли своей в пользование крестьян, от возвышения или уменьшения ценности оной, должны возвыситься или уменьшиться и доходы» владельца²¹⁷.

Кто в данном случае прав? Ведь и Киселев, и Васильчиков – оба крупные помещики, однако сведениями о непосредственном участии в управлении своими имениями Васильчикова мы не располагаем, тогда как относительно Киселева совершенно противоположная картина²¹⁸.

Киселев, посчитав ряд замечаний Васильчикова справедливыми, тем не менее, признал их неприменимыми к данной вотчине, поскольку, во-первых, «в этой местности» Московской губернии «фабрики встречаются весьма редко, государственные крестьяне занимаются главнейшее хлебопашеством, а помещичьи имения почти все на запашке» (пример: соседнее имение князя Меншикова). Во-вторых, по поводу недоумения Васильчикова о суммах оброка Киселев замечает, что «по многим весьма важным причинам, нравственным и материальным, которые излишне объяснять, в настоящее время признано неудобным перевести грибановских крестьян с запашки на денежный оброк». Это произойдет со временем, не раньше, чем через 14 лет (на столько исчислен инвентарь), и только тогда, когда «еще более улучшится быт крестьян и, вообще, имение примет такое устройство и направление, что ни владелец, ни крестьяне не могут находиться в зависимости друг от друга». «Сделанный же расчет о выгодах, которые могут произойти от обращения крестьян на оброк, – продолжает Киселев, – хотя и основаны на положительных фактах и, в особенности, на предпринятых улучшениях в помещичьем хозяйстве, однако, как в настоящее время не предполагается переводить крестьян на оброк, то и представляется он, собственно, для полноты образцового инвентаря, в котором повинности крестьян обозначены двояким

образом: работою и оброком на случай, если бы имение было переведено с одного положения на другое, т.е. с барщины на оброк и обратно»²¹⁹.

Таким образом, ту часть проекта, которая относится к переводу крестьян на денежный оброк, можно не принимать во внимание: суммы, указанные здесь, лишь идеальная (в смысле, лучшая из предполагаемого) раскладка, не более того.

Относительно способа оценки и определения крестьянских повинностей Киселев пояснил, что «по правилам кадастра, рожь не принимается исключительным доходом от земли, но, как общепотребительный и более возделываемый хлеб в России, берется только как нормальная монета, на которую переносится ценность всех прочих произведений, смотря по тому, в каком отношении, по стоимости своей, они находятся ко ржи». «В странах, – добавляет Киселев, – где рожь мало возделывается, принимается нормальною монетою пшеница или тот хлеб, который составляет главную народную пищу». Переложение поземельного дохода на рожь необходимо при заключении долговременного договора, а если срок его до 15-ти лет, повинности могут быть прямо определены деньгами, так как в течение этого времени не может значительным образом измениться ценность монеты.

По поводу предложения Васильчикова об исчислении доходности имения на основе ценности земли Киселев полагал, что такое исчисление было бы «весьма выгодно для владельцев, но тягостно для арендаторов», ибо земля дорожает быстрее, чем решительно увеличиваются доходы от ее возделывания. Кроме того, «в России ценность земли возвышается не вследствие успехов земледелия, а ... от увеличения народонаселения и от разных побочных обстоятельств». Так, в двух малороссийских губерниях после указа о запрещении казакам продавать свои земли лицам других состояний, их земли упали в цене, помещичьи же подорожали, и, при существующей там чересполосице, земля, приносящая один и тот же доход, продавалась по разной цене. Поэтому, если арендную плату основать на «возвышении стоимости земли», пострадают крестьяне, они попадут в такое же положение, в каком находятся арендаторы Ирландии и

большей части Франции. На мой взгляд, подобные рассуждения не очень-то убедительны, возможно, поэтому Киселев в заключении своих объяснений посчитал «долгом доложить» о системе, выбранной для определения в Грибановском имении крестьянских повинностей на основании поземельного дохода.

Перепробовав несколько систем, остановились на способе, основанном на исчислении чистого поземельного дохода, т.е. такого, который владелец получал бы, обработав землю *вольнораемными постоянными работниками*. Это очень эффективный способ, но он весьма сложен и не все могут им воспользоваться, полагал Киселев. В связи с этим, он предложил такую норму для оценки земель, которая была бы доступна для всех владельцев. Идея заключалась в следующем: «1. валовой доход или количество урожая легко вывести, где только существует отчетность в помещичьем хозяйстве; 2. на том же основании можно определить ценность сельских произведений; 3. по вольнораемной плате годовым работникам можно определить ценность рабочего дня или обработки земли. На основании этих данных необходимо определить, какой процент должен быть взимаем в пользу землевладельца при известном урожае, при известной цене на хлеб и при известной плате за работу. И, таким образом, для каждой местности в государстве нужно составить нормальные таблицы, которые могли бы служить руководством для помещика при назначении крестьянских повинностей». Но это уже область правительственной деятельности, добавил Киселев, поскольку необходимо провести «обширные исследования». В данный момент, считал Киселев, можно пока составить «руководство для помещиков, в котором будут изложены все способы оценки земель, существующие в России и в других государствах». Киселев предполагал также применить к Грибановскому имению несколько различных систем, чтобы показать, какая из них «может быть употреблена в разных местностях государства»²²⁰.

Ряд положений проекта 1846 г. впоследствии были использованы разработчиками крестьянской реформы. В Положениях 1861 г. идея, реализованная в Грибановском имении по наделе-

шно каждого тягла отдельным участком земли, подавалась как альтернативная общинному пользованию. Из пореформенной практики известно, что большинство крестьянских обществ пошли по пути выделения т. н. мирской земли, при этом сохранялась неизбежность переделов и чересполосица. Второй вариант – замена общинного пользования наследственным, с разбивкой земли раз и навсегда на подворные участки и раздачей их домохозяевам в потомственное пользование – возможен был только с согласия помещика²²¹. Подобное решение вопроса о крестьянских наделах не только присутствовало в проекте, составленном под руководством Киселева, но и было осуществлено в Грибановском имении.

По Положениям 1861 г. «помещик имел право удержать в своем непосредственном распоряжении до одной трети общей домоупности удобных земель» (в средней полосе). По распределению земли в Грибановском имении между владельцем и крестьянами примерно 2/3 пахот и сенокоса выделялось в пользование крестьянам (~1746 десятин), чуть больше 1/3 оставалось в хозяйской запашке (~1237 десятин). В состав крестьянского надела ни в том, ни в другом случае не были включены лесные участки²²².

При введении в действие Положений 1861 г. с помещиков облагались «обязанности по продовольствию и призрению крестьян; ответственность по взносу крестьянами государственных податей и отправлению ими денежных и натуральных повинностей»²²³. Первый пробный камень был брошен в этом направлении в Грибановской вотчине: в проекте по его устройству говорилось, что «государственные подати, земские и другие денежные повинности отбываются обязанными крестьянами на основании существующих узаконений своими средствами и способностями, *не касаясь помещика*» (последнее выделено в документе)²²⁴. Кроме того, оговаривалось, что с переходом крестьян на обязанное положение «попечение о благосостоянии их не составляет прямой обязанности помещика»²²⁵.

В еще большей степени опыт образцового обязанного имения пригодился при подготовке статей об управлении вышедшими из крепостной зависимости крестьянами. Необходимо отметить,

что «киселевский» проект, в свою очередь, опирался на опыт управления казенной деревней.

Кем и как управлялось Грибановское имение? Указ 2 апреля 1842 г. предусматривал учреждение помещиками «в селениях обязанных крестьян вотчинного управления, они также имеют высшее наблюдение за сельскою полициею и за исполнением законов о сельском благоустройстве; им принадлежит и право суда и расправы в проступках и маловажных преступлениях обязанных крестьян и первоначальный разбор взаимных между ними тяжб и споров». Таким образом, обязанные имения управлялись на основании «обыкновенного помещичьего права», когда вотчинный владелец был «главным распорядителем по управлению имением, как в хозяйственном, так и в полицейском отношении» (из проекта устройства Грибановской вотчины)²²⁶. Вотчинное управление состояло из бурмистра и сельских старост, они назначались «по усмотрению владельца», однако старосты – из числа кандидатов, избранных обществом. Подобное явление было присуще государственной деревне. Права обязанных крестьян также были схожи с правами казенных: они могли приобретать движимую и недвижимую собственность, «приносить жалобы в общие присутственные места», беспрепятственно вступать в законные браки, отлучаться из имения и даже переходить в другие сословия. Однако вступать в брак или «отлучаться» они могли не иначе, как с согласия помещика, что было обусловлено их «крепостью» к земле²²⁷. Крестьянам, «вышедшим из крепостной зависимости» в 1861 г. разрешение на вступление в брак уже не требовалось, вопрос об отлучках решался через сельских старост и волостных старшин²²⁸.

Для жителей обязанного (Грибановского) имения предусматривалось, как одно из наказаний за недоимки, «поступать порядком, постановленным для возмещения недоимок с государственных крестьян». Второй вид наказания – обращение на время «очищения недоимок» на барскую запашку (для оброчников) или употребление в общественные работы (для издельных крестьян); общество могло и отобрать у злостного неплательщика на время поземельный участок или даже удалить его

на имения. В любом случае крестьяне, «ответствующие» в точном и своевременном исполнении повинностей в пользу помещика круговой порукой», обязаны были возместить помещику подоимки или любой другой материальный ущерб, нанесенный одним из членов «общества»²²⁹.

Казалось бы, все ясно. Но дело в том, что в самом тексте указа 2 апреля 1842 г. об «обеспечении» помещика по выполнению повинностей обязанными крестьянами говорилось мало и нечетко²³⁰. Это вызвало целый шквал нападок на сам указ и длительные дебаты о том, каким образом наказывать обязанных крестьян, в случае невыполнения ими повинностей в пользу помещика.

В декабре 1845 г. этому вопросу было посвящено общее собрание Государственного совета. В его журнале записано, что помещики «не довольно обеспечены в исполнении договоров» и поэтому «в новом порядке не видят для себя ни выгоды, ни привлечения, опасаясь только беспрестанных споров и судебного или полицейского вмешательства»²³¹. Собрание рассмотрело меры, предложенные министром внутренних дел Л.А. Перовским «для большего поощрения помещиков к обращению их крестьян в обязанные»²³². Они касались «власти помещиков в наказании обязанных крестьян» и «обеспечения помещиков в исполнении сими крестьянами принятых в отношении к ним, по контрактам, повинностей»²³³. В департаменте законов проект не был утвержден, поскольку весь класс обязанных крестьян к тому времени состоял только из нескольких сот крестьян князя М.С. Воронцова, а «при составлении указа 1842 г. определено было для дальнейшего развития законодательства по сей части ожидать опытов и представления большего числа договоров»²³⁴. Правила о наказаниях обязанных крестьян решили присоединить к рассматриваемым в это время в Уголовной комиссии²³⁵ правилам о наказании крестьян помещичьих, а в данный момент издать правила «об обеспечении помещиков в исполнении обязанными крестьянами их повинностей».

Перовский предложил «в случае неисправности крестьян, когда истощены будут без пользы все средства понуждения, об-

ращать их снова в крепостное состояние»²³⁶. Однако члены департамента законов посчитали «это средство противным чувству и противным также всякому практическому удобству исполнения и видам государственным, как общим, так и частным, давшим повод к изданию указа 1842 г., наконец, и общим законам, по коим крепостное состояние, единожды прекратившееся, никогда уже более восстановлено быть не может»²³⁷.

Председатель департамента законов Д.Н. Блудов предложил «неисправных крестьян отсылать в казенные заработки, обращая выручаемые их работами деньги на удовлетворение помещика»²³⁸. Идея эта «приглянулась» членам департамента «со стороны практического своего удобства: ибо как же помещику за отдачу его крестьян в заработки возделывать свои земли?». Но когда решение департамента было оглашено на общем собрании, «все вооружились тотчас против <этой> мысли и дело чуть-чуть не кончилось принятием предложения Перовского».

Прения продолжались долго. Перовский доказывал, что необходимо поощрить помещиков к увольнению крестьян в обязанные, и что «поощрением сим служить может только верное ручательство или обеспечение в исполнении крестьянами договоров», а «такое обеспечение может заключаться лишь в угрозе возвращения их в крепостное состояние». От частного перешли к общему: говорилось о «пользе неперменного исполнения указа 1842-го г.», с одной стороны, и «опорочиваемы были все гласные основания сего указа» – с другой²³⁹. В конце концов Блудов предложил «дело передать в тот особый Комитет, из которого внесен был в Государственный совет проект указа 1842-го г.». Однако никто из членов Совета не вспомнил, что Комитет закрылся в 1842 г.

В апреле следующего, 1846 г., снова вернулись к делу об обязанных крестьянах. Инициатором выступил, конечно же, Павел Дмитриевич Киселев. Поскольку Комитета по этому делу давно не существовало, император приказал вопрос о способах обеспечения помещиков при переводе ими своих крестьян в обязанные рассмотреть в соединенных департаментах законов и экономии в присутствии министров государственных имуществ (Киселева), внутренних дел (Перовского) и управляющего ми-

министерством юстиции (Панина). Предметом рассмотрения стала петиция Киселева, который предложил вместо средств, предлагавшихся Перовским (возвращать в крепостное состояние) и Влудовым (отправлять на казенные заработки), другие меры, гарантирующие помещикам выполнение обязанными крестьянами договоров²⁴⁰.

Заседание было бурным. Время шло, а дебаты разгорались с новой силой. Тогда М.А. Корф предложил компромиссный вариант: принять план Киселева (с уточнениями и изменениями), но поскольку издавать новый манифест или указ «крайне неудобно по трудности его мотивировать», представленные Киселевым меры «поставить через губернаторов и губернских предводителей в виду дворянства с изъяснением, что, как многие помещики *изъявляют желание* (по словам Корфа, “это, разумеется, выдумка”. – *И.Р.*) уволить своих крестьян в обязанные, останавливаются в том неимением в виду положительных мер обеспечения, то правительство и предлагает некоторые такие меры для включения их по усмотрению каждого в договоры»²⁴¹. Эта идея Корфа и составила основу решения расширенного заседания соединенных департаментов²⁴², после чего вопрос был вынесен на общее собрание Совета (13 мая).

Закончилось дело мнением Государственного совета, высочайше утвержденным 10 июня 1846 г. Оно предоставляло министру внутренних дел объявить через губернских и уездных предводителей дворянства владельцам населенных имений, что они при увольнении своих крепостных в обязанные, чтобы обеспечить выполнение крестьянами договоров, могут включить в них следующие условия: 1) в барщинных имениях возмещать ущерб или непосредственно с виновников или со всего «мирского общества», если же виновно целое селение, то у его жителей конфискуется в пользу помещика все имущество, за исключением необходимого для того, чтобы прокормиться и заниматься сельскими работами (скот и орудия труда оставались), это, кроме того, что они наказываются «по закону»; 2) в оброчных имениях, в случае неисправного платежа оброка, также возмещать недоимки за счет продажи всего принадлежащего неисправным плательщикам движимого имущества, если

оно не составляет опять же «решительной необходимости» в сельском быту, если эти меры не помогают – то «обращать» виновных крестьян «на запашку» или на другие работы в имении помещика вплоть до исправления. Меры эти должны быть проводимы с разрешения губернатора и под наблюдением уездного предводителя дворянства, при необходимости может привлекаться земская полиция.

Почему Киселеву весной 1846 г. понадобилось срочно решить вопрос о гарантиях помещиков по выполнению повинностей обязанными крестьянами теперь, после знакомства с проектом по Грибановской вотчине, становится понятно: нужны были правовые основания таких гарантий. Однако, как видно из проекта 1846 г., положения высочайше утвержденного мнения Государственного совета в нем были детализированы – предусматривалась целая система мер, призванная убедить владельцев земли, что они ничего не потеряют при переводе своих имений в обязанные.

События 1845–1846 гг. вокруг вопроса о «способах обеспечения» помещиков при переводе их крестьян в обязанные, активным участником которых стал Киселев, свидетельствовали, что он переживал за судьбу указа 2 апреля 1842 г. и делал все возможное, чтобы привлечь помещиков к его реализации. В проекте «Об устройстве образцового обязанного имения» (Грибановского) специально оговаривалась возможность *изменять условия договоров* с крестьянами: «сохраняется право по взаимному соглашению с крестьянами как бы с вотчинными арендаторами делать изменения в наделе земли и повинностях на определенные сроки». По мнению составителей проекта, «тем самым уничтожается опасение помещиков, будто повинности крестьян, единожды определенные, должны оставаться навсегда неизменными»²⁴³.

С той же целью – привлечь помещиков к реализации указа об обязанных крестьянах – в грибановском проекте неоднократно подчеркивалось, что владельцы земли только выиграют в случае перевода имения в обязанное, а доходность имения значительно вырастет. Так, в заключении проекта содержались уверения, что «права собственности и власть вотчинного владельца

и не только не стесняются, но, напротив, сохраняется полное влияние его на порядок и благоустройство в имении» и т.п.²⁴⁴

Известно, что закон 2 апреля буксовал в немалой степени из-за препонов, выставляемых чиновниками при утверждении договоров помещиков с крестьянами. Об этом с горечью писал Киселеву М.С. Воронцов, желавший перевести все свои многочисленные имения в обязанные, но по причине административных проволочек сделавший это только в одной Мурунской волости²⁴⁵. Киселев не мог регулировать этот вопрос – им занималось министерство внутренних дел, вечный конкурент министерства государственных имуществ. Позже, в 1857 г. Киселев сетовал, что «помещики не приступят ни к чему без принуждения», он усматривал в этом одну из причин неудачной реализации указа 2 апреля 1842 г. По его мнению, закон «не имел последствий» еще и потому, что его претворение в жизнь было затруднено «именно той властью, на которую было возложено исполнение сего закона». Доказательства – «дела об увольнении в обязанные крестьяне» из архива министерства внутренних дел, из которых следует, что «все предложения помещиков были отвергаемы административною властью под единственным предлогом, что не подходит под разум закона 1842 года». И неудаче виноваты те, «которые не желали никакого закона о прекращении рабства, а еще менее появления закона удобоисполнимого», – заключал Киселев²⁴⁶. Тем не менее, как следует из вышеизложенного, Киселев не терял надежды и пытался создать идеальное обязанное имение, чтобы помещики на деле убедились в преимуществах перевода своих крестьян в новое состояние.

Киселев как инициатор ряда законопроектов о крестьянах. К вопросу о его убеждениях

Одновременно Киселев старался и другими путями достичь желаемой цели – добиться «осторожного и размеренного» перехода к новым отношениям между помещиками и их крепост-

ными. Вообще все практические шаги по ограничению крепостного права, предпринятые во второй четверти XIX в., не обошлись без его участия. Так было в «Комитете Васильчикова» в 1835 г. и в деле об обязанных крестьянах, и в борьбе за сохранение указа 8 ноября 1847 г., и при разработке указа о недвижимой собственности помещичьих крестьян. Киселев стоял и у истоков еще одного большого дела – введения инвентарей в Западном крае.

В отчете исполняющего должность витебского губернатора за 1839 г. главной причиной расстроенного экономического положения деревни было названо «отягощение помещичьих крестьян несоразмерными повинностями в пользу их владельцев». Отчет был передан на рассмотрение ряду министров, в том числе Киселеву, который подал на высочайшее имя записку по этому вопросу (февраль 1840 г.). Он подчеркивал, что «вернейшим средством к ограждению крестьян от разорения было бы составление положительных инвентарей всем повинностям, которыми они обязаны владельцу». Но ввести инвентари в одной губернии невозможно, поэтому сделать это можно и нужно пока в тех имениях, которые, по причине их разорения владельцами, Киселев предлагал передать в Опекунский совет. Облегчить эту задачу должно было то обстоятельство, что в Западном крае уже существовали инвентари (правда, они полностью зависели от воли владельца земли). Постепенно, считал Киселев, «время покажет, на каких основаниях можно будет установить и ввести обязательные инвентари (во всех имениях)», определив власть помещиков. По приказанию императора записка Киселева рассматривалась в Комитете западных губерний²⁴⁷, члены которого, признав пользу введения обязательных инвентарей пока полагали ограничиться установлением их в имениях, попавших в опеку, т.е. в соответствии с предложениями Киселева. Николай I возлагал большие надежды на осуществление этих мер. В августе 1840 г. был издан указ о введении инвентарей в имениях, находившихся в опеке; за образец был принят порядок инвентаризации казенной деревни, поэтому министерство государственных имуществ оказывало всестороннюю поддержку губернаторам Западного края. Однако

дальнейший ход дела был возложен на министра внутренних дел²⁴⁸. Правда, Киселеву стало не до того – в секретном комитете об обязанных крестьянах в это время начались жаркие баталии.

Еще более внушительным оказалось его выступление в Комитете министров 19 августа 1847 г. в связи с делом бывших крестьян графини Ю.П. Самойловой. Крестьяне просили оставить в их пользовании купленные ими у прежних хозяев земли, которые следующий владелец отобрал под барскую запашку. К этому времени имение вместе с крестьянами было приобретено в казну, однако спорные земли остались у «промежуточных» владельцев. Киселевым был возбужден общий вопрос о разрешении крепостным иметь недвижимость²⁴⁹. Большую записку по этому вопросу представил Блудов (как глава Второго законодательного отделения СЕИВК). Он так же, как Киселев, считал необходимым разрешить крестьянам иметь в собственности непахотные земли; при покупке земли крестьяне должны были обязательно предъявлять свидетельство о том, что у них нет долгов ни помещику, ни казне. Подобные свидетельства должен был выдавать помещик, таким образом, сохранялся его контроль над крепостными. Победила третья точка зрения – министра юстиции В.Н. Панина и большинства членов Государственного совета: хотя указ 3 марта 1848 г. позволил помещичьим крестьянам приобретать и иметь недвижимую собственность, но только с согласия владельца. Надо отдать должное Киселеву, он активно отстаивал право крестьян на недвижимость, вступив в спор даже с императором. Один из его аргументов – введение подобного положения в государственной деревне: крестьяне имели не только земли, но и фабрики, что, по мнению Киселева, весьма благоприятствовало развитию отечественной экономики. Таким образом, дело, так хорошо начавшееся, завершилось не так, как хотелось бы Киселеву: победа не была полной.

Заметим, что здесь Киселев преследовал и интересы своего министерства – имение было обширным и весьма доходным. Именно такие имения приобретались в казну; перед совершением сделки проводилась тайная проверка их состояния. Естественно, что материальные интересы подведомственного ему уч-

реждения были приоритетными при решении Киселева о покупке в казну того или иного имения. Принимал ли он в расчет при убыточности продаваемой земельной собственности интересы живущих в вотчине крестьян? Ответ на этот вопрос мог бы помочь в определении степени искренности Киселева (имеются в виду его публичные заявления) и меры соответствия его поведения его убеждениям.

Вопрос о внутренних убеждениях Павла Дмитриевича не так прост, как кажется на первый взгляд. Безусловно, заслуживает всяческих похвал его борьба против передачи казенных крестьян, коих он относил к свободному состоянию, в другие «ведомства», возвращающие их к крепостному положению. Так, с того момента, как он стал министром, с 1837 г., он начал активную переписку с министром императорского двора и уделов П.М. Волконским, в которой настаивал на приостановке процесса перевода государственных крестьян в удельные, идущего с 1830 г.²⁵⁰ Позже он вызвал неудовольствие императора, выступив против обращения жителей двух казенных деревень в Херсонской губернии и пяти в Подольской в военные поселяне; однако сумел добиться оставления крестьян Подольщины в своем ведомстве. Также активно повел себя министр государственных имуществ в борьбе против причисления ряда казенных деревень к горным заводам. Что руководило в этих случаях Киселевым: искреннее убеждение, что «его» крестьянам живется лучше других категорий сельского населения или, не в последнюю очередь, фискальные интересы – с переходом в другое ведомство совершенно по-иному раскладывались между крестьянами государственные подати, и, соответственно, сокращались доходы министерства государственных имуществ? А может быть, его вера в улучшение «быта» казенных поселян отвечала истинному положению вещей, недаром в письме одного помещика конца 1850-х гг. в Петербург, наряду с тревогой по поводу неопределенного положения в деревне и волнений крестьян в связи со слухами об «эмансипации», предлагалось, чтобы успокоить крестьян, просто объявить им, что они будут устроены как государственные.

Огниодь не случайно в министерство государственных имуществ постоянно приходили на имя Киселева письма от отдельных крестьян и целых деревень с просьбами о покупке их в казну. Такова, например, просьба крестьянина Санкт-Петербургской губернии Гдовского уезда Василия Матвеева. В своем «испокорнейшем прошении» он, «припадая к стопам их сиятельства и умоляя господом Иисусом Христом», просит оказать ему милость и приказать включить его в число государственных крестьян «со взносом помещику денег, что следуют по закону». Свое желание он объясняет тем, что 26 апреля (1845 г.) помещик объявил о продаже его с детьми и всем имуществом (идет перечисление имущества), а он «не желает более состоять у кого-либо крепостным человеком». К письму прилагается «подлинная записка, писанная рукой самого помещика о согласии продать» Василия Матвеева²⁵¹.

6 июня 1845 г. в подписанном статс-секретарем В.И. Карнеевым отношении на имя Санкт-Петербургского гражданского губернатора содержится отказ Матвееву и покорнейшая просьба объявить ему, что «покупка помещичьих крестьян в казну допускается не иначе как целыми имениями, и притом тогда, когда она для казны окажется выгодною»²⁵². Казалось бы, вопрос исчерпан. Тем удивительней следующий документ от 29 октября 1845 г.: письмо от вице-губернатора с уведомлением, «что крестьянину ... Василию Матвееву разрешение на поданную им министру государственных имуществ просьбу о покупке его с семейством в казну объявлено», причем идет ссыла на отношение... 6 июня. Прошло несколько месяцев, и такая неожиданная развязка! Отказав Матвееву в июне, Киселев не забыл о нем, и уже осенью «перерешил дело», сумев обойти формальные препоны. Перед нами яркий пример его выжидательной «тактики»: подождать, когда страсти улягутся, а потом «протаскать» другое решение.

В известном деле с крестьянами графини Ю.П. Самойловой, послужившем импульсом к рассмотрению вопроса о разрешении крепостным приобретать недвижимую собственность, Киселев с самого начала сумел настоять на своем, приобретя после речи в Комитете министров сильных сторонников. Спустя многие

годы, бывшие крестьяне графини Самойловой продолжали присылать своему «благодетелю» благодарственные письма²⁵³.

Слава Киселева, как защитника крестьян, как видим, распространилась далеко за пределы столичного общества. Долгие годы он хранил в архиве многочисленные жалобы крестьян, из которых заслуживают, например, внимания два прошения от рязанских крестьян «по ревизии бывших помещика графа А.И. Остерман-Толстого, а ныне князя Л.М. Голицына» в числе 995 душ. Крестьяне жаловались на нового хозяина, который угнетал их ежедневными работами, включая праздничные дни²⁵⁴, так что у них не было даже «времени сходить в храм господний помолиться», управляющие князя за малейшую провинность секли крестьян ремненным кнутом с завязанными узлами, из-за тяжелых работ у женщин часто случались преждевременные роды и т.п. Кроме того, землевладелец постоянно отрезал у крестьян удобренные и удобные земли, взамен выделяя неудобные, распахивал общие пастбища и др. Крестьяне написали и переправили в город жалобу, узнав об этом, приехал помещик и на просьбу крестьян защитить их от произвола управляющих, пообещал быть теперь им не отцом и помещиком, а злодеем, разорить их и продать по одиночке. В дело вмешался генерал-губернатор, была прислана воинская команда для усмирения крестьян. Губернатор строго приказал забыть слова помещика, и ни под каким видом их никогда не упоминать. К этому времени мирское общество послало в Петербург человека с письмом, которое он передал через адъютанта императору, подкараулив того в Царском Селе. Посланник был арестован, а его семья сослана в польские владения Голицына. На это не остановило крестьян, они снарядили еще одного человека с жалобой, тот сумел пробиться к императору при выходе из дворца, царь приказал отнести послание дежурному адъютанту. Однако, сетуют крестьяне, видимо, их прошения «остались в забвении», а они «по сие время ожидают законного решения». Какие еще инстанции, если крестьяне дошли до самого императора? Оказалась, есть такая инстанция, и это – господин министр государственных имуществ. Именно его крестьяне умоляют защитить их «своим покровительством» от «незаконных

поступков помещика», вступиться и не дать им «безвинно погибнуть с малолетними детьми», за что обещают «по гроб» возносить молитвы о здравии и благоденствии их сиятельства²⁵⁵. Поразительная вещь – обиженные крестьяне через голову монарха просят его министра о помощи!

Еще поразительнее, что ко времени подачи жалоб Киселев в течение полутора лет вел, пожалуй, наиболее яростную за все время своей министерской карьеры «войну» со сторонниками крепостного права – войну за сохранение указа 8 ноября 1847 г. «О предоставлении крестьянам имений, продающихся с публичных торгов за долги, права выкупать себя с землею»²⁵⁶. Собственно говоря, речь шла о распространении закона, действующего в Грузии с 1824 г., «на все прочие части Империи»²⁵⁷. Иные уже рассказывались о попытке такого распространения, предпринятой в 1835 г. Киселев тогда выступил в его поддержку.

Согласно указу 8 ноября 1847 г., крестьяне всей России могли выкупаться на волю при публичных торгах в целом составе имения или части имения, для чего обязаны были «внести всю выкупную сумму, не ожидая никакого от казны пособия», в течение 30-ти дней со времени объявления последней цены. Выкупившиеся крестьяне поступали в государственные и должны были выполнять все повинности и платить подати как государственные крестьяне, за исключением оброка (плата за пользование казенными землями). Поэтому по указу они получили наименование *безоброчных*. Они приобретали «право собственности на землю и все прочие принадлежности имения»²⁵⁸.

Когда летом 1847 г. М.А. Корф обратился к императору с вопросом, не пора ли распространить указ 22 февраля 1824 г. на все части империи, монарх с готовностью поддержал его. Вторым они обсудили вопрос; третьим участником «келейного» комитета был, конечно же, Киселев. Он поддержал предложение Корфа о распространении правил, действующих в Грузии, на великорусские губернии. Еще более активно Киселев выступил при защите указа от нападок «справа», когда речь зашла о его «прежде» и необходимости отменить. В том, что действие указа 8 ноября не было парализовано почти сразу после его утверждения, исключительно заслуга Киселева. Три раза он настоял

на принятии решения по сохранению указа, в четвертый предложил компромиссный вариант.

Защищать указ понадобилось уже через два месяца после его принятия. Император поручил главноуправляющему Вторым отделением «заняться изысканием средств для предупреждения распространения неблагоприятных толков и успокоения взволнованных умов». Всеподданнейший доклад Блудова по этому вопросу рассматривался в специально созданном особом комитете²⁵⁹. В докладе доказывалось, что дарование крестьянам права выкупа ни в чем не изменяет существующих отношений, что правительство имело в виду лишь *облегчить постепенное освобождение крестьян, а вовсе не ограничить власть и права помещика* и, что опасения, якобы крестьяне не будут платить оброка и выполнять другие обязанности перед владельцем, чтобы довести имение до продажи, не основательны, так как всегда есть средство приостановить продажу, привлечь крестьян к ответственности и т.п. Киселев поддержал мнение главноуправляющего Вторым отделением. Он полагал, что правительству пока не следует принимать никаких мер, а нужно подождать последствий проведения указа в жизнь. Так и было решено.

Предметом рассмотрения следующего особого Комитета «для парализования по возможности вредных действий указа»²⁶⁰ стала записка тульского предводителя дворянства В.А. Норова, поданная в мае 1848 г. Л.А. Перовский и А.Ф. Орлов поддержали мнение тульского предводителя о вредных последствиях указа, противниками выступили А.Л. Гофман и Киселев. Киселев доказывал несостоятельность предлагаемых Норовым мер (изменение порядка продажи имений, в частности, создание посреднических комиссий), говорил о том, что за такой короткий срок нельзя положительно узнать, в чем заключаются неудобства указа, тем более, что Комитет располагает только непроверенными разноречивыми слухами, и особо подчеркивал, что при существовании крепостного права указ не мог не произвести некоторых неудобств, связанных со всяким новым постановлением, тем более касающимся личных отношений. В чем состоят «неудобства» и какие меры следует принять к их «от-

принципию», должно быть исследовано «с правительственной точки зрения», считал Киселев.

Члены Комитета признали, что «сколь ни благодетельна и ни справедлива цель указа 8-го ноября 1847 г.», исполнение его имеет «важные неудобства и затруднения». Главное из них – возбужденное в крестьянах сильное желание освободиться и последующая неудача приводят их к таким действиям, которые расстраивают их собственное благосостояние на долгое время и нарушают общественное спокойствие²⁶¹. Однако и предложения В.А. Норова, по требованию Киселева, были признаны несостоятельными. Киселев настоял, чтобы министрам внутренних дел и государственных имуществ (то есть ему) было поручено собрать за полгода «достоверные» сведения о ходе реализации указа. Указ было решено не отменять, так как колебания правительства в распоряжениях, касающихся необразованного класса народа, могут иметь самые вредные последствия. Тогда же Комитет нашел полезным облегчить приобретение продающихся с торгов помещичьих имений в казну, как предлагали Киселев и Блудов. 14 июля 1848 г. Николай I утвердил постановления Комитета, и решение вопроса было отложено на полгода²⁶².

Однако вскоре императору была подана записка неизвестного лица «О возмутительных началах, развивающихся в России вследствие указа 8 ноября». В конце записки автор предлагал прекратить публичную продажу заложенных имений и после шестимесячной просрочки брать их в казну, которая и будет уже выплачивать долг кредитным учреждениям²⁶³. В связи с этой запиской Комитет собрался раньше намеченного времени. А.И. Чернышев²⁶⁴ и Л.А. Перовский отнеслись к ней с сочувствием. Киселев считал меры, предлагаемые в записке, «неудобноисполнимыми». Последнее мнение и было положено в основу заключения Комитета, высочайше утвержденного 19 декабря 1848 г. Таким образом, благодаря позиции, занятой Киселевым, три атаки на указ 1847-го г. были успешно отбиты.

На основании собранных министерством сведений, Киселев в начале следующего, 1849 г., составил и представил в секретный Комитет обстоятельную записку «О последствиях указа 8 нояб-

ря 1847 г.». Он объяснял, что причины беспорядков, связанных с указом 8 ноября, не в существовании этого законодательного акта, «в неопределительности отношений между помещиками и крестьянами, при которой всякая мера по смягчению крепостного права всегда возбуждает между помещиками толки и опасения, и на это было, при издании законов о свободных хлебопашцах и обязанных крестьянах, обращено внимание». Киселев предлагал предоставить самим помещикам (а не чиновникам земской полиции) объявлять крепостным об их праве на выкуп. По его мнению, «эта мера, не разрушая связи между владельцем и помещиком, будет приятна для владельцев как знак особого доверия правительства». На возражения (уже на заседании Комитета), что ведь помещик может и не сделать объявления, тогда пострадают интересы крестьян, Киселев предлагал установить «такую форму объявления, которая вполне достигла бы цели»²⁶⁵. Он добавлял, что один или два случая неисполнения правила извещения крестьян помещиками не может иметь особых последствий, «тем более, что при совершенной бедности и расстройстве состояния продаваемых крестьян, желающих выкупиться будет совсем немного»²⁶⁶.

Совсем в ином духе была составлена записка другого министра – Л.А. Перовского. Он приводил сведения о беспорядках в некоторых из продававшихся имений²⁶⁷, и на их основании признавал указ 8 ноября вредным.

Летом и осенью 1848 г. нападки на указ были отбиты, главным действующим лицом в этой борьбе стал Киселев. Зимой 1849 г. после напугавших всех революционных событий в Европе у противников указа появилась надежда, связанная еще и с изменением состава Комитета, где помимо А.И. Чернышева к «оппозиции» указу примкнул также принц П.Г. Ольденбургский. В результате изменилось соотношение сил: четверо членов Комитета (Киселев, Блудов, Вронченко, Гофман) были против отмены указа, пятеро – за (наследник Александр Николаевич, принц Ольденбургский, Чернышев, Орлов и Перовский).

Киселев, Блудов, Гофман и Вронченко выразили опасение, что отмена указа вызовет среди крестьян беспорядки еще большие, чем сам указ. Они согласились с заключением Киселева,

Это объявление крестьянам в «ясной и определенной форме» через владельцев последней цены могло бы предотвратить многие неудобства. Эти четверо нашли также желательным, с целью устранения беспорядков при таком объявлении, по возможности уменьшить число продаж населенных имений с публичных торгов. Блудов предложил при пересмотре постановлений о публичных продажах вообще, которым как раз и занимался в это время Второе отделение, установить такие правила продажи недвижимых имений по казенным взысканиям и частным искам, которые сократят число продаж вдвое.

Пятеро остальных членов Комитета решительно настаивали на отмене указа, опасаясь, что «дух беспокойства», им возбужденный, будет иметь для государства весьма вредные последствия; тем более у крестьян в большинстве случаев все равно не было средств, чтобы выкупиться.

Николай I долго колебался, получив журнал Комитета, в конце концов он приказал Блудову, «согласно мнению четырех членов», составить проект положения о продаже имений с публичных торгов. Таковой и был подготовлен, рассмотрен в Государственном совете и высочайше утвержден 19 апреля 1849 г. В новом Положении о продаже имений с публичных торгов выкуп крестьян продающихся с торгов имений ставился в полную зависимость от помещиков²⁶⁸, и, таким образом, право крестьян выкупаться было сильно ограничено²⁶⁹ (но не отменено совсем!). Так же, как в случаях с переводом в обязанные и разрешением крепостным иметь недвижимость, решение об освобождении крестьян было поручено «доброй воле» владельцев.

Летом 1847 г. Киселев еще не знал, что поддержанные или инициированные им начинания закончатся не так удачно, как хотелось бы. Тогда казалось, что дело преобразования крепостных отношений вот-вот должно сдвинуться с мертвой точки. Когда 19 августа 1847 г. Киселев выступал в Комитете министров с предложением позволить крепостным иметь недвижимую собственность, он уже знал, что Государственный совет одобрил идею распространить на крепостных всех частей империи разрешение (данное грузинским крестьянам) выкупаться при

продаже имения с публичных торгов. 11 августа были высочайше утверждены составленные министрами финансов и государственных имуществ (на самом деле автором был Киселев) правила о покупке в казну населенных имений, продающихся с публичных торгов по великороссийским губерниям. Издание этих правил стало следствием инициативы Киселева, поддержанной императором, с которой он выступил на заседании секретного комитета по вопросу о разрешении крестьянам выкупаться на торгах, и было тесно связано с этим вопросом. В Комитете Киселев заявил, что для успеха дела необходимо упростить процедуру продажи имений и «с этой целью полезнее не давать на выкуп никаких частных от правительства пособий», а «не имеющих собственных средств крестьян просто и прямо выкупать самой казной, без оглашения, однако, о том в законе»²⁷⁰. На основании правил 11 августа 1847 г. министру государственных имуществ предоставлялось право собирать обо всех назначаемых на продажу имениях сведения, назначать для участия в торгах одного из чиновников министерства, снабженного секретным предписанием министра, до какой цены можно торговаться. Размер общей суммы, выделяемой на покупку таких имений, определялся ежегодно по предварительному соглашению с министром финансов.

Здесь, как видим, Киселев опять постарался извлечь материальную выгоду для своего ведомства, хотя, как отмечалось выше, им вполне могло двигать и искреннее стремление перевести как можно больше крепостных в сословие казенных поселян. Положение последних, по мнению Киселева, было намного лучше, чем положение других категорий податного сельского населения в империи; кроме того, он по-прежнему старался предпринимать все возможное для облегчения их жизни. Подобные планы свидетельствуют, что он, с одной стороны, оставался приверженцем плана двуединой реформы, а с другой – использовал любую возможность для сокращения класса помещичьих крестьян, уверенный, что частными мерами можно приблизить окончательное решение вопроса о крепостном праве.

Именно из этих соображений он отстаивал идеи, которые, по его мнению, могли способствовать безболезненному решению

вопроса: введение инвентарей, учреждение майоратов с обязательным личным освобождением крестьян и наделением их землей, продажа имений лицам недворянского состояния на тех же условиях, переселение крестьян в многоземельные губернии, где они становились наследственными держателями земли. Но во всех случаях личного освобождения крестьян сохранялась собственность помещиков на землю, но они *обязаны* были предоставлять крестьянам в наследственное пользование наделы, а что те, в свою очередь, *обязаны* были им платой или работой. Обязанное состояние – путь, который приведет в будущем к отмене крепостного права, полагал Киселев. Наиболее полное воплощение эта идея нашла в одном из первоначальных проектов Комитета 1839–1842 гг., который лег в основу работы Редакционных комиссий²⁷¹. В них изучались и данные об «опытных» обязанных имениях, предоставленные министерством государственных имуществ, а также преобразования в государственной деревне (особенно в области сельского самоуправления). Таким образом, деятельность Киселева являлась, по меткому выражению современного исследователя, «лабораторией реформ»²⁷², и с этой точки зрения представляла большой интерес для разработчиков Положений 1861 г.

Мнение самого Киселева по вопросу крестьянского освобождения и в новое царствование по-прежнему высоко ценилось (хотя министерство у него отобрали²⁷³). Будучи приглашен великой княгиней Еленой Павловной в Киссинген, он ознакомился там с записками членов Секретного комитета по крестьянскому делу и дал свое заключение. Эти отзывы были внимательно изучены великим князем Константином Николаевичем, возглавившим к тому времени Секретный комитет по крестьянскому делу. В Киссингене Киселев неоднократно обсуждал с императором планы по освобождению крестьян; с Константином Николаевичем вел активную переписку по тому же вопросу.

Товарищ министра государственных имуществ (1856–1857 гг.) Д. П. Хрущев в мае 1858 г. прислал Киселеву проект освобождения, составленный в министерстве. В сопроводительном письме Хрущев просил Киселева дать свое заключение. В проекте была

изложена краткая история закрепощения крестьян и обосновалась необходимость освобождения их с землей: «окончательное укрепление за крестьянами возделываемой ими земли в той или иной форме есть единственная справедливая и для государства безопасная развязка того положения вещей, которое создано у нас вследствие запрещения вольного выхода»²⁷⁴. Когда-то «для пользы общей» «отчуждалось в пользу помещиков право свободного движения крестьян», писал Хрущев, «теперь будет отчуждаться часть поземельной собственности помещиков в пользу крестьян». И тогда, и теперь «необходимо справедливое вознаграждение, без которого отчуждение имело бы характер насилия». Далее были изложены основные принципы освобождения крестьян, вошедшие потом в Положения 1861 г.: «Вознаграждение это указано в предположенных правительством мерах: за отчуждение усадьбы в полную собственность крестьян назначается денежный выкуп по соразмерной оценке, за отводимую в неотъемлемое их пользование землю, соответствующий оброк или барщина». В своем отзыве Киселев согласился с таким порядком освобождения. Однако следующее положение – «справедливое определение того и другого предоставлено самому дворянству» – вызвало у него протест. Как известно, и реформа пошла по другому пути. Правительство, не слишком веря в то, что дворянство, стремясь «соблюсти свои выгоды», не забудет «при этом заслуженных прав сословия, усердный труд которого кормил столько поколений»²⁷⁵, взяло в свои руки установление минимальных норм наделов и максимального размера повинностей.

В министерстве государственных имуществ под непосредственным руководством Киселева была воспитана целая плеяда высокопрофессиональных чиновников, многие из которых были привлечены к делу освобождения: А.П. Заблоцкий-Десятовский, Я.А. Соловьев. Товарищ министра внутренних дел, ставший инициатором начала активных действий по подготовке реформы, А.И. Лёвшин²⁷⁶ с 1844 по 1855 г. возглавлял Ученый Комитет министерства; именно он курировал составление проекта по образцовому обязанному имению в Грибановской вотчине. Летом 1856 г. Лёвшин представил императору «Записку»

и изложением основных принципов крестьянской реформы (сохранение за помещиками собственности на землю, предоставление крестьянам наделов, за которые они должны были выполнять в пользу помещика регламентированные законом повинности²⁷⁷; выкуп крестьянами приусадебного хозяйства); именно Лёвшин стал инициатором создания комитета по освобождению крестьян.

Павел Дмитриевич Киселев внес значительный вклад в дело уничтожения крепостного права в России²⁷⁸. «Реформа была проведена примерно в тех рамках, которые наметил Киселев»²⁷⁹, – с этим утверждением трудно не согласиться. Автор настоящей работы постаралась дополнить этот вывод конкретными фактами, подтверждающими его справедливость.

ГЛАВА 2

Д.Н. Блудов (1785–1864)

и развитие законодательства Российской империи

Выбор пути: служба или литература

О детских годах Блудова нам известно крайне мало. Он происходил из провинциального дворянства и провел детство в родовом имении, а отрочество в Москве. У него были гувернеры-французы, что было неизбежной реальностью конца XVIII в. Ровесник Блудова на склоне лет писал, что «в те времена не было ни одной знатной семьи, которая не имела бы у себя какого-нибудь французского аббата. Это было столь же обязательно как модное платье»²⁸⁰.

Имена воспитателей Блудова нам известны: это его нянька и гувернантка госпожа Фовель, благодаря которой французский стал для него вторым «родным» языком, и гувернер Реми, преподававший маленькому Дмитрию древние языки – греческий и латинский (правда, по словам биографа графа, он знал их лишь «отчасти»). Кроме того, юный Блудов хорошо знал немецкий и итальянский, позже выучил английский. Проведя первые годы жизни в родовом имении Романово под Шуей, Блудов был привезен матерью в Москву для продолжения образования. К нему были приглашены профессора Московского университета и благородного пансиона, в основном по части словесности и языков, точные науки и право Блудов в юности практически не изучал. Когда ему исполнилось пятнадцать, его мать Екатерина Ермолаевна (по другим сведениям – Воиновна), урожденная Тишина, стала подыскивать сыну место службы. С рождения Блудов был записан своим двоюродным дядей Г.Р. Державиным в Измайловский гвардейский полк, но мать не хотела, что-

бы сын пошел по военной части и был бы оторван от родительского дома. По ее просьбе Блудов был уволен из полка. Он поступил юнкером в Архив Коллегии иностранных дел (1800 г.), который в то время «был наполнен молодыми людьми лучших фамилий, желавших избежать тягостной военной службы». Но здесь трудилось и другое чиновничество – «труженики и дельцы», поэтому Архив начала XIX в. представлял собой «странное смешение служащих»²⁸¹. Так, одним из сотрудников был сын портного, немец, надоедающий Блудову рассказами о своей влюбленности; вместе с Жуковским (служившим в соляной конторе) они напишут по этому поводу ироническое стихотворение. Через пять лет юнкером в тот же Архив поступит и Киселев, но в годы активных военных действий предпочтет военную карьеру.

Руководил Архивом Николай Николаевич Бантыш-Каменский²⁸², он же был и непосредственным начальником юного Блудова – возглавлял одно из трех отделений Архива, в котором служил Дмитрий Николаевич. Чтобы занять «свою блестящую молодежь», которой «нечего было делать», Каменский поручал ей переводы иностранных авторов. Эти переводы осуществлялись «под надзором» А.Ф. Малиновского²⁸³. Один из сделанных Блудовым переводов хранился до революции в Императорской Публичной библиотеке; сам он признавал, что ни этот, ни другие его переводы не отличались «правильностью слога и легкостью речи».

На службе Блудов приобретает много знакомств, ближе других он сходитя с братьями Тургеневыми (Андреем и Александром) и Дмитрием Васильевичем Дашковым. Последний станет одним из самых близких его друзей, дружба с ним, человеком «твердым, положительным и неуклонных убеждений», была полезна Блудову во всех отношениях: они прекрасно дополняли друг друга (как у Пушкина: «Они сошлись: волна и камень, стихи и проза, лед и пламень»). Дашков познакомил Блудова с В.А. Жуковским, с которым вместе учился в Московском благородном пансионе, где будущий поэт был «отдан ему, как старшему, под наблюдение». Впоследствии Жуковский будет шафером на свадьбе Блудова, и, что особенно важно, именно он

познакомит его с Н.М. Карамзиным, который сыграет большую роль в судьбе Дмитрия Николаевича.

Смена императоров внесла свою лепту в жизнь Блудова: во время коронации в Москве он познакомился с княжной Анной Щербатовой, которая поразила воображение юноши и завоевала его сердце на всю жизнь. Именно за ней в 1802 г. он едет в Петербург, где начинается новый этап его жизненного пути. «Дней Александровых прекрасное начало» – объявленные правительством реформы – породило и определенные настроения среди дворянской молодежи. «Между передовыми людьми молодого поколения» раздавалась «критика на старые порядки». Блудов также порицал их. Около него образовался кружок сочувствующих, что было вполне в духе времени. Этому способствовало и отсутствие настоящего дела на службе, и увлекательный характер Блудова. Юношеский максимализм, самонадеянность и уверенность в собственной правоте – вот его черты времен ранней молодости – начала XIX в. Даже любящая мать упрекала сына в эгоизме, неправильном поведении и образе жизни. «Вы о себе никакого не имеете понятия, ведя такую праздную жизнь, – писала она сыну после его визита в Москву, – вы называли многих при мне глупцами и дурачками, – сколь вы мыслите о себе много, но живете не по разуму... Разве ум только в том и состоит, чтобы жизнь вести подобную трутню в пчелах, – лежать и на воздухе строить замки; вы так много мните о себе, что два месяца мне слова нельзя было сказать, которого бы не оспорили... Так жить нельзя... напрасно уроки давать другим, не зная сам должности жизни» (1803 г.)²⁸⁴. Перед матерью он извинился, а свой характер старался обуздать, и этому немало способствовали друзья – Дашков и Жуковский, а также любимая женщина.

В 1803 г. Блудов попытался перейти из Коллегии иностранных дел в министерство просвещения, поближе к поприщу, которое его привлекало. Однако попытка окончилась неудачей. Тогда же Блудов подумывает об отставке (ему 18 лет!): его манит литература, и особенно привлекает журнальная деятельность. Такое желание понятно: он – натура «поэтическая», воспитанная на стихах Державина и Ж. Расина, которых мать чи-

тели ему на ночь; он вращается среди литераторов, и сам помещает свои статьи (в основном переводы) в журналах. Позднее он запишет «на память» о своем увлечении литературой: «обширь творческого ума, ясных понятий, свежих, поражающих одною истиною и новостью чувств и выражений, ими вдохновенных, ты была для меня землей обетованной, и так же, как Моисей, обнимая тебя взорами, я не вступлю в твои пределы»²⁸⁵. В 1820-е гг. он с горечью писал И.И. Дмитриеву: «С литературой разрушились последние мои связи: я не имею времени читать даже журналы. С тех пор я люблю ее, как потерянного, мертвого друга, без надежды свидеться с ним и снова насладиться милой беседой»²⁸⁶. Некоторая неорганизованность, как видно, была присуща Блудову с юности, Корф при такой же загруженности успевал читать не только русские книги и журналы, но и иностранные. Возможно, здесь сыграли роль немецкое происхождение последнего и шестилетнее пребывание в Лицее, где все время воспитанников было строго распланировано. Киселева приучила к строгому распорядку военная служба. У Блудова не было ни того, ни другого. По настоятельной просьбе матери и, сообразуясь со своим материальным положением, он оставил мысль об отставке.

В Петербурге Блудов жил довольно скудно, в небольшой квартирке, каждый день он бывал с визитами у Щербатовых. Один из его сослуживцев по московскому Архиву – Ф.Ф. Вигель – тоже перебрался в столицу, они «приятельствовали». Вигель посвятил своему бывшему коллеге немало восторженных слов в своих «Записках». Он вспоминал, что нашел в Блудове «нравственность в самом милом виде», что тот, которого он считал «умненьким шалуном, ничего не утратив из веселонравия своего, живости, остроумия, словом и делом строго повиновался всем уставам чести и добродетели». Природа, по мнению Вигеля, вложила в Блудова «искру небесного огня», благодаря которой «иссякли» два главных источника пороков: гордость и ленность, и «душа его спозаранку получила удивительную способность быстро воспламеняться от малейшего прикосновения всего изящного в нравственном мире. Непорочная любовь... дружба... вера... честь со всей строгостью ее законов, патриот-

тизм», – вот главные черты его души. Эти чувства не были истреблены временем, их не подавило «бремя государственных дел, они «не остыли от холода лет и высшего общества». Именно поэтому в России Блудов «почти единственный государственный человек, который о благе ее мечтает более, чем о почестях». Вигеля восхищала смелость и независимость Блудова: в то время, когда «неверие почиталось неприменимым условием просвещения», а целомудрие «верным признаком слабоумия» юноши, он не скрывал ни своих чувств, ни своих убеждений. Кроме того, с его «пера и языка», вооруженных «иглами», так и «сыпались» эпиграммы. Результатом подобного поведения стало то, что уже в первые годы пребывания Блудова в Петербурге «его почтила ненависть глупцов», которые прозвали его «мешаном и костиком» (от французского – едкий, язвительный)²⁸⁷.

Мать поручила сына заботам своего кузена драматурга В.А. Озерова, чья трагедия «Эдип в Афинах» (1804 г.) с начинающей Е.С. Семеновой имела ошеломляющий успех. Такая же судьба постигла и несколько других его пьес. Однако в 1808 г., из-за интриг А.А. Шаховского, его очередное творение («Поликсена») ожидал провал. Он тяжело пережил его, ушел в отставку, заперся в деревне, где сошел с ума и вскоре умер (1811 г.). Попечительство Озерова над племянником не было обременительным для последнего, который любил бывать у дяди и испытывал к нему «искреннее уважение и любовь». С другим дядей – Г.Р. Державиным – отношения были натянутые, биограф объясняет это разностью взглядов на современное им состояние России: Державин порицал нововведения, Блудов их приветствовал. Он не часто бывает в доме этого дяди, хотя ценит его как поэта. Однако позднее, когда в доме Державина стали собираться участники «Беседы любителей российской словесности», он стал гораздо чаще навещать своего родственника.

В Петербурге Блудов посещает дом Олениных, где собираются литераторы. Этот круг знакомств сыграл немалую роль в его дальнейшей жизни и способствовал развитию его «страсти» к литературе.

В 1805 г. тяжело заболела мать. Блудов приезжает в Москву, и здесь Жуковский знакомит его с Карамзиным. Позднее Блу-

дов признается, что ни один человек (может быть, только И.А. Каподистрия) не произвел на него такого сильного впечатления, как Карамзин. Впоследствии их знакомство перешло в дружбу. В 1814 г. Карамзин писал А. Тургеневу: «Дружески кланяюсь Блудову – Ривароллю и Батюшкову – Парни». Не случайно Блудов назван этим именем, А. Ривароль «прославился» убийственными характеристиками современников²⁸⁸. Видимо, извительность Блудова и его склонность к ироническим оценкам окружающих были хорошо известны Карамзину. Интересно, что в зрелом возрасте Блудов отличался добродушием и приветливостью²⁸⁹.

В 1806 г. Блудов, наконец, нашел деятельность, которой жаждала его энергичная натура. Управление Коллегией иностранных дел было поручено генералу А.Я. Будбергу, помощником которого стал Александр Николаевич Салтыков. Он обратил внимание на Блудова, прикомандировал его к себе и «занимал постоянной работой». По словам биографа Блудова, он «впервые приобрел навык к служебной деятельности вообще и к дипломатической переписке особенно». Через год поменялось руководство Коллегией (пришел Н.П. Румянцев), но Салтыков остался и продолжал покровительствовать Блудову. Однако тиф чуть не отправил Дмитрия Николаевича в могилу. По выздоровлении он узнал, что в Москве умерла матушка (1 января 1807 г.). Салтыков, чтобы отвлечь своего молодого подчиненного, отправляет его с миссией в Голландию.

После возвращения из-за границы Блудов устраивает свои хозяйственные дела и с удивлением узнает, что он – состоятельный человек (35 тыс. годового дохода); по неподтвержденному свидетельству современника тогда же он получает наследство от дяди. Однако княгиня Щербатова (урожденная Яворская) по-прежнему против брака дочери с незнатным молодым человеком. В это время в Петербург приезжает сын лучшей подруги матери Блудова 30-летний главнокомандующий войсками на Дунае генерал от инфантерии Николай Михайлович Каменский. Он любил Блудова и свою кузину Щербатову (его мать и отец княжны – родные сестра и брат), поэтому принял участие в их судьбе: для удовлетворения тщеславия

княгини он предлагает Блудову место правителя своей дипломатической канцелярии. Вигель писал, что сначала было получено согласие княгини, чему немало способствовало расстройство ее дел после смерти мужа и полученное Блудовым состояние, а уже потом Каменский определяет Блудова к себе. Так или иначе, для Блудова открываются новые перспективы. Он уезжает с молодым главнокомандующим в Молдавию воевать против турок²⁹⁰.

Все это – внешние вехи его биографии. Но, как у человека мыслящего, у него была и внутренняя, духовная жизнь, развитие которой продолжается всю жизнь. Подобное происходило и с двумя другими персонажами нашего исследования. Несмотря на различия в воспитании, у них было много общего, а именно та «атмосфера», в которой происходило формирование личностей этих будущих государственных мужей. Это было воспитание с ориентацией на французский аристократический салон предреволюционного времени, где обязательным требованием было абсолютное владение французским языком. Именно так воспитывали всех троих: это было в духе времени.

«Последствия прежнего французского воспитания сильно между нами обнаруживались: почти все мои товарищи не могли ступить без французского языка», – писал Вигель, вспоминая годы службы в московском Архиве. Он добавлял, что с Блудовым «в мыслях о Франции и энтузиазме к ней мы были совершенно согласны; в этом он был мой оракул, а Лагарп его законодатель. И тут являлось его правоверие: роялизм был его политической, а классики литературною верой»²⁹¹. Но Блудов и отличался от всех остальных: «исключая двух Тургеневых и Блудова, едва ли кто знал из моих товарищей, – продолжает тот же мемуарист, – что есть уже русская словесность. Живши в одном городе с Дмитриевым и Карамзиным, они слыхали об них... знали, что они что-то пишут, но читать их? Этого не приходило им в голову. Честь и хвала малому числу избранных юношей-отроков, которые, пленясь и заграничным просвещением, не заражались, однако, окружавшими их примерами»²⁹².

На рубеже XVIII и XIX столетий русское образованное общество, внимавшее политическим бурям времени, продолжало мыслить философскими и политико-правовыми категориями европейского Просвещения. Чем больше образованный человек того времени доверял идеям законности на основе естественного права, общественного договора, народного суверенитета, идеям «представительного правления» или «кстинной монархии», тем более он был склонен смотреть на тогдашнюю светскую образованность и печатное слово как на само собой разумеющееся средство борьбы с единственной, как казалось, причиной социального зла – с невежеством. Правительство Александра I желало видеть, благодаря просвещению среди чиновников, более совершенный государственный аппарат. «Ни в какой губернии, спустя пять лет по устройении в округе, к которой она принадлежит... училищной части, – гласили “Предварительные правила народного просвещения” 1803 года, – никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и иных познаний, не окончив учения в общественном или частном училище». Однако европейский философско-рационалистический оптимизм, воодушевлявший тогда юного императора и кружок его молодых друзей, наткнулся на реалии российской жизни и потерпел поражение. Насколько в дворянстве пользовались почетом чиновность, придворные звания и другие символы награды перед престолом и Отечеством, настолько же мало обращалось внимание на образованность в европейских масштабах. Высшее образование не было в России обязательным атрибутом благородства. Предпочтение отдавалось опыту, приобретаемому продолжительной государственной службой, и сопрягавшемуся с ними кругу специальных знаний и навыков²⁹³. И, хотя наиболее образованные представители дворянства понимали, что без образования у правящего класса нет будущего, дело с трудом продвигалось вперед.

Киселев и Блудов старше Корфа, один на пятнадцать, другой на двенадцать лет. Казалось бы, это немного, тем более, что впоследствии они вместе трудились на ниве государственного управления. Однако ситуация, при которой воспитывались Блудов и Киселев, существенно отличалась от той, при которой

прошли годы формирования Корфа. Корфу повезло больше остальных – он стал воспитанником учрежденного в 1811 г. Царскосельского лицея. Подобной возможности ни у Блудова, ни у Киселева не было просто в силу того, что они родились раньше. Домашнее воспитание двух последних не было одинаковым. Судя по всему, Блудов был образован лучше Киселева, но эта образованность носила односторонний характер и впоследствии скорее мешала, чем помогала его законодательной деятельности. В душе Блудова, по выражению близко знавшего его Вигеля, «все ... сделалось поэзия, и страсть к ее произведениям была главнейшею в первой молодости Блудова. Может быть она отвлекла его от других занятий, в мнении света более полезных, но она очаровала его юность, расцветила воображение и спасла его сердце от жестокого эгоизма, к которому оно имело наклонность»²⁹⁴.

Некоторая односторонность образования Блудова не мешает признать, что он обладал замечательным умом и способностями. К.Н. Батюшков писал об «ослепительном фейерверке его ума», Вигель не раз подчеркивал, что этот человек полон «ума и вкуса», иностранный наблюдатель (И. Оже) отмечал его «быстрый, логический ум, обилие мыслей, живость и меткость выражений», которые заставляли собеседника невольно признавать свое превосходство над собой²⁹⁵. Блудов был из числа людей, талантливость которых в молодости пытается проявиться в литературной деятельности, но потом выходит на какой-нибудь другой путь²⁹⁶. Возможно, выбор этого пути не был удачен, ведь в молодости он писал неплохие эпиграммы, кроме того, обладал тонким литературным вкусом, что признавали знавшие его писатели. В посвящении Блудову поэмы «Вадим» Жуковский писал:

Вадим мой рос в твоих глазах,
Твой вкус был мне учитель;
В моих запутанных стихах,
Как тайный вождь-хранитель,
Он путь мне к цели проложил...

А.Ф. Воейков назвал Блудова «государственным секретарем Бога Вкуса при отделении хороших сочинений от бессмысленных»²⁹⁷. Именно Блудов написал памфлет «Видение в арзамаском трактире, изданное обществом ученых людей», высмеивающий Шаховского и положивший начало литературному обществу «Арзамас». Кто знает, может быть, государственная служба стала причиной «не появления» в России еще одного писателя, а скорее всего журналиста, автора ярких публицистических статей. Не случаен упрек, брошенный ему Николаем Гургеневым в связи с составлением им «Донесения Следственной комиссии» по делу декабристов: «Г. Блудов был плохой юрист, но был отличный писатель. Он дал рапорту вид литературного произведения, предназначенного подействовать более на толпу обыкновенных читателей, нежели на просвещенных и сведущих судей... он слишком много заботился о литературной роскоши своего произведения и весьма мало о юридических принципах, о юридической правде»²⁹⁸.

Тем не менее, именно Блудову предстояло продолжить начатые Сперанским законодательные работы.

*Во главе Второго отделения
собственной Его Императорского Величества
канцелярии*

Сменив своего друга Дашкова сначала на посту министра юстиции, а затем и во Втором отделении, Блудов фактически стал «главным управителем» всей кодификационной деятельности империи на долгие годы (1839–1861 гг.). При нем были подготовлены два издания Свода законов (1842 и 1857 гг.), местные Своды, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) – первый российский уголовный кодекс, постоянно шли работы над составлением процессуальных кодексов для империи и Царства Польского и гражданского уложения. В 1857–1861 гг. Блудов подает Александру II свои проекты судебной реформы. Его предложения, по мнению ряда ученых,

были реализованы в ходе судебной реформы 1864 г. И все-таки компетентные современники полагали, что место главноуправляющего кодификационным отделением должен был бы занимать человек, обладающий большими юридическими знаниями и навыками. Почему? Попробуем разобраться в этом вопросе.

Второе отделение с Блудовым и без него

Основным «законодательным» ведомством с 1826 г. становится Второе отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии. Какого-либо положения или устава, определявшего предметы, подведомственные этому кодификационному Отделению, степень его власти, порядок сношений с другими учреждениями, а также внутреннюю структуру, права и обязанности сотрудников, не было составлено ни в 1826 г., ни позже²⁹⁹. Существовал только указ об учреждении Отделения с передачей ему функций Комиссии составления законов и составленное М.М. Сперанским «Наставление Второму отделению о порядке его трудов», в котором деятельность Отделения сводилась к составлению свода законов.

Именно Сперанский стал фактическим руководителем Отделения, хотя, по многочисленным свидетельствам, «не получил никакого официального титула» и «никаким званием по этому новому учреждению» не «пользовался»³⁰⁰. Начальником Отделения был назначен старший чиновник Комиссии составления законов М.А. Балугьянский. Таким образом, в Отделении оказалось два руководителя, но именно Сперанский был «истинным хозяином дела».

Заслуги Сперанского в деле создания Полного собрания законов и свода законов трудно переоценить, возможно, без его энергии они так и не были бы созданы. Однако именно теоретические знания Балугьянского по всем отраслям права оказались незаменимыми в процессе подготовки этих глобальных изданий. Официальный историк II-го Отделения признавал, что оба – и Сперанский, и Балугьянский – внесли свой вклад «в ве-

дикую работу по составлению свода законов», подчеркивая, что «до крайности трудно разграничить степень участия каждого из них» в этой работе³⁰¹.

Административная деятельность в Отделении тоже осуществлялась Сперанским. В 1826 г. он начал «с увольнения множества прежних чиновников; но, почти чуждый тогдашнему служебному миру, он заместил их... почти наудачу, – несколькими профессорами и, частью, молодыми людьми, окончившими курс наук в тогдашнем Царскосельском лицее и университетах; случайно набор новых работников вышел довольно счастливым»³⁰². Это были, по мнению Балугьянского, «талантливые, способные и многообещающие молодые люди»³⁰³. Среди них – лицейские «первокурсные» (М.Л. Яковлев, А.И. Мартынов, М.А. Корф), воспитанные на лицейском девизе «для пользы общины», бывшие ведущие профессора Петербургского университета, вынужденные уйти из него после разгрома университета Д.П. Рундичем в 1821 г., – А.П. Куницын, К.А. Арсеньев, М.Г. Плисов.

Результаты напряженной работы Отделения были поистине замечательны: через неполных шесть лет в Государственный совет было представлено 45 томов Полного собрания законов и 15 томов свода законов. Это событие, как уже не раз отмечалось, повлияло не только на процесс обновления и рационализации российского законодательства и судебных учреждений, но и на всю дальнейшую историю России.

Таким образом, во второй половине 1820-х и в 1830-е гг. Второе отделение собственной Его Величества канцелярии занималось консолидацией и инкорпорацией российского права, были предприняты шаги и по его кодификации: уже при Сперанском в Отделении началась деятельность по созданию уложений, или кодексов. Это направление продолжало оставаться основным и все последующие годы: в непродолжительное управление Д.В. Дашкова (1839 г.) и в многолетнее Д.Н. Блудова (1839–1861 гг.). Помимо этого Второе отделение занималось и всеми законопроектами общего порядка.

Все проекты затем должны были представляться в Государственный совет. Но такой порядок соблюдался не всегда. Так случилось и при подготовке второго издания свода законов,

когда было допущено множество недочетов и ошибок. Издание называлось «изданием 1842-го года», тогда как указ о его напечатании был подписан 4 марта 1843 г., а рассылка экземпляров началась 5 марта того же года³⁰⁴. При подготовке нового Свода «вся работа состояла только в перепечатании и редакции»³⁰⁵ и в Государственном совете не обсуждалась. В Совет были внесены только некоторые, довольно незначительные вопросы.

Ряд «особых уставов» «обращены были на рассмотрение подлежащих министерств», которые выявили множество серьезных недостатков. Так, например, в «Лесном уставе редакторы II-го Отделения переписали вплотную в одном составе текст и первого издания, и всех продолжений, хотя в последних многое не только изменено, но и совсем отменено»³⁰⁶. Причинами подобного рода упущений, наряду с объективными факторами, стала и недостаточная юридическая подготовленность редакторов Свода.

«Неудобства» нового издания этим не исчерпывались. В указе 4 марта (1843 г.), написанном главноуправляющим Вторым отделением Д.Н. Блудовым («по обыкновению, худо соображенном им в отношении к существу и удобству исполнения»), было «велено новое издание Свода ввести со времени обнаружения указа и получения в каждом месте экземпляров Свода». Указ был опубликован в Сенатских газетах 13 марта, в Государственном совете новый Свод был получен раньше и, с этого момента дела уже должны были решаться со ссылками на новое издание. К тому времени в Сенате имелся только один экземпляр, рассылка нового Свода «в губернские присутственные места, за неокончанием переплета, могла начаться не прежде мая». Таким образом, члены Государственного совета должны были судить дела «по закону, который неизвестен еще Сенату, а потом наступит такая же эпоха для Сената в отношении к губернским местам: словом, в России в одно и то же время только по различию местностей и степеней судов, будут действовать два различные законодательства». Причиной такой правовой неразберихи стала «неосмотрительность или халатность» Блудова, поскольку «для отвращения... путаницы» достаточно было просто назначить определенный срок для введения в дей-

ствие нового издания Свода по всей России, как в свое время было сделано Сперанским: Свод 1832 г. начал действовать по всей империи с 1 января 1835 г.³⁰⁷

«Побочные эффекты» введения в действие нового Свода дали повод председателю Государственного совета И.В. Васильчикову обратить внимание императора на необходимость обязательного прохождения любого законопроекта, в том числе и указов, через Государственный совет. Результатом разговора Васильчикова с Николаем Павловичем стало циркулярное подтверждение министрам, предписывающее, чтобы «впредь все вопросы и предметы законодательные были подносимы императору непременно и не иначе как через Совет».

Васильчиков предпринял и другие шаги по устранению последствий неудачного указа главноуправляющего Вторым отделением. В марте 1843 г. он собрал «маленький комитет», состоящий из Д.Н. Блудова, министра юстиции В.Н. Панина, В.В. Левашева, государственного секретаря Н.И. Бахтина и члена департамента законов М.А. Корфа. Члены Комитета предлагали «разные меры, чтобы выйти из этой беды, но все они требовали, чтобы Блудов сознался в своей ошибке перед государем, а вместе с ним и Панин, с которым было соглашение о редакции указа». Поэтому последние «доказывали разными софизмами, что встреченное сомнение – пустое и привязчивое; Левашев, по обыкновению, не понял, в чем дело, а Васильчиков, тоже по обыкновению, ни на чем не настаивал, убеждаясь такими доводами, которые ничего не доказывали; и оттого все возражения ... <Корфа> и Бахтина были – гласом вопиющего в пустыне!». Полемика завершилась, как это бывало нередко, победой Блудова и Панина: решили против статей нового Свода приводить в скобках статьи старого, «а в случае сомнения, которые будут встречаться непременно на каждом шагу, сноситься с Блудовым»³⁰⁸. Такое решение назвать удачным нельзя, оно порождало новые трудности и проблемы.

Помимо указанных недостатков, новое издание Свода законов изобиловало ошибками в редакции и опечатками, искажающими смысл. Особенно досталось десятому тому, который содержал нормы гражданского права, и поэтому «прикасался

интересов каждого». Целые страницы этого тома были напечатаны заново, без ошибок, и «тайно» вплетены в экземпляры членов Совета. Поэтому экземпляры нового свода законов, «купленные в самом начале нарасхват частными людьми, не сходились с экземплярами казенными». Из-за этого возникало множество «сомнений, вопросов, даже процессов»³⁰⁹.

Некоторые ошибки вообще искажали существо дела. Так, в статье 660 говорилось: «Не запрещается родственникам, участвующим в акте, подписываться под оным свидетелями». Из этого следовало, что сам участник сделки мог быть и свидетелем. В издании 1832 г. в соответствующей статье (477) было напечатано: «не запрещается родственникам участвующих в акте подписаться под оным свидетелями». По мнению такого признанного специалиста по «законодательной части», как Корф, в данном случае имела место не просто опечатка, поскольку между словами «родственникам» и «участвующим» поставлена запятая – это было «какое-то умничанье редактора».

Сам Блудов тоже попытался исправить недостатки своего детища, создав «домашний секретный комитет для поверки и поправки всех опечаток и ошибок нового издания, особенно по X тому». Поправки предполагалось включить в первое продолжение свода, которое в это время уже готовилось и должно было быть получено на местах в одно время с экземплярами нового издания³¹⁰. В августе 1843 г. это продолжение вышло. Оно представляло собой том более чем в 500 страниц. В него было включено «под видом “постановлений 1842–го г., которые не могли войти в Свод по причине оконченного уже печатания частей, к коим они относились”, множество поправок и дополнений из прежних законов, и исправление многочисленных опечаток, которыми изуродовано издание 1842–го года». К тому времени присутственные места только что получили экземпляры нового издания, выход продолжения лишь еще более запутал ситуацию. «Даже просвещенный ум, знакомый с наукою правоведения, не успевает понять и обнять все эти беспрерывные колебания законодательства... беспрестанные эти продолжения, продолжения и пр. лишают законы, и без того шаткие, последней опоры», – возмущался Корф³¹¹.

С сарказмом и горечью он записал в своем дневнике, что Блудов еще раз «блестящим образом обличил свою неспособность ко всякому положительному делу подвигом нового издания Свода, вызвав очередное *bon mot*³¹² князя Меншикова, который всех уверял, что Блудов доказал этим только, что он – дурной сводник»³¹².

Неудача Второго отделения с новым изданием Свода была обусловлена целым рядом причин, не только некомпетентностью Блудова, его сотрудников и тем, что результаты работы не были представлены в Государственный совет. На некоторые из объективных причин позднее указал преемник Блудова по Второму отделению и департаменту законов Корф. «Недостатки Свода законов, – писал он, – имеют источником основной порок в самом методе нашего законодательства: соединение в тексте одних и тех же учреждений, уставов и проч., начал самых важных с самую мелочную регламентациею, затемняющею, запутывающею, иногда и совершенно ослабляющею их действия»³¹³.

Наряду с этими факторами, обусловленными недостаточным развитием в России новейших правовых идей, немалую роль сыграла и профессиональная неподготовленность многих сотрудников Второго отделения и, прежде всего, недостаточная юридическая компетентность его руководителя. Недаром современник, хорошо его знавший, считая его «человеком добрым, честным и благородным», тем не менее, полагал, что «он сам создать или рассудить ничего не в состоянии», а Канкрин вообще отказывал Блудову в наличии здравого смысла при обсуждении дел в Государственном совете³¹⁴. У главноуправляющего Вторым отделением была страсть «марать» все написанное. А.И. Кошелев, служивший под его началом, вспоминал, что «Блудов был одержим страстью исправлять все, что попадется ему под руку... был большой и своеобразный “пурист” в русском слого, и от этого он исправлял до смешного все бумаги, которые подавались ему к подписи. Сколько он любил исправлять, столько он не любил и почти не мог первоначально

---

³¹² Острота – (*фр.*).

сам писать бумаги»³¹⁵. Поэтому документы в его редакции выходили зачастую несколько пуганными.

Корф, пять лет (1826–1831 гг.) занимавшийся во Втором отделении под непосредственным руководством Сперанского составлением и редактированием гражданских законов для первого издания Свода 1832 г., отмечал, что редакция X тома второго издания «вверена была князю Одоевскому, приличному литератору, но человеку, столько же способному на дело, сколько я к командованию армией»³¹⁶. Отсюда многочисленные проблемы с этим томом, на некоторые из них было обращено внимание выше.

В связи с неудачным переизданием Свода Корф обсуждал с великим князем Михаилом Павловичем и М.А. Балугьянским различия в деятельности Второго отделения при М.М. Сперанском и при Д.Н. Блудове. Оба собеседника Корфа согласились, что результативность функционирования Отделения при Сперанском была намного выше³¹⁷. При Сперанском II Отделение переживало «блестящие времена». Тогда оно представляло собой союз «молодых людей, одушевленных рвением, какому ни прежде, ни после не бывало примера; людей, в которых это рвение заменяло некоторым образом гений, и которые в три, четыре года из груды сырых материалов создали монументальный свод... над всем этим колоссальный образ незаменимого Сперанского»³¹⁸.

Прошли всего «какие-нибудь 15, даже какой-нибудь десяток лет, а как все переменилось!»³¹⁹. «Второе отделение ... сделалось нынче чем-то подобным тому, что бывала прежде Иностранная коллегия. Блудов набрал туда целую армаду молодых людей из аристократии, которые, только числясь там на службе, ничего не делают, частью и оттого, что неспособны ничего делать, и разве только мимоходом, получают награды». Поэтому состав редакторов Свода – это «в большинстве своем совсем молодые люди, без всякого опыта, нисколько не разбирающиеся в делах»³²⁰.

Высокие деловые качества руководителя, умение подобрать знающих помощников – залог успешной работы во все времена. В 1840–1850-е гг. отсутствие профессионализма и юридическо-

го образования у большей части сотрудников Второго отделения дало себя знать: уровень законодательных работ резко снизился. Да и сам главноуправляющий, «несмотря на блестящий ум, не имел ни глубоких знаний, ни энергичной и замечательной активности Сперанского»³²¹, который сам писал тексты и был блестящим редактором. Работа, проделанная при Сперанском сотрудниками Второго отделения, стала заделом на многие годы, масштабы внесенного в правовую жизнь Российской империи при его преемнике – гораздо скромнее.

Такое многообещающее начало при Сперанском и во многом идущая «вхолостую» работа при Блудове – вот Второе отделение времен царствования Николая I. Тем не менее, во второй четверти XIX в. именно Второе отделение СЕИВК было основной структурой, которая занималась подготовкой новых законоположений общего порядка. И одним из них стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

Первый уголовный кодекс Российской империи или Блудов как продолжатель дела Сперанского и Дашкова

Подготовка Уголовного уложения началась практически сразу после издания Свода законов. Работу над проектом уголовного уложения условно можно разделить на три «эпохи»: М.М. Сперанского (1833–1838 гг.), П.И. Дегаля (1839 г.) и Д.И. Блудова – Р.М. Губе (1840–1844 гг.). Каждый этап отличился своей спецификой, в зависимости от того, кто в данный момент руководил работами. Разработка теоретических положений связана, прежде всего, с именем М.М. Сперанского. Организационные вопросы подготовки уложений были разрешены лично между ним и Д.В. Дашковым, роль министерства юстиции на первом этапе разработки уголовного уложения была если не ведущей, то, по крайней мере, не меньшей, чем роль Второго отделения. В 1834–1839 гг. при министерстве работал комитет, занимавшийся негласной проверкой Свода. Чиновникам

комитета было дано указание параллельно вести работу «по исправлению уголовного уложения»³²². Сперанский не успел вплотную заняться разработкой самого уголовного уложения. На следующем этапе работы над проектом его полноправным и фактически единственным руководителем стал чиновник министерства юстиции П.И. Дегай³²³, со всей документацией и частью чиновников перешедший во Второе отделение вслед за своим начальником Д.В. Дашковым (в феврале 1839 г.). Тогда же впервые прозвучало имя Р.М. Губе, прикомандированного от Кодификационной комиссии Царства Польского. Дашков, в то время постоянно недомогающий, мало вмешивался в процесс разработки кодекса, отдав инициативу полностью в руки Дегаю. Положение изменилось, когда во главе Отделения встал энергичный Д.Н. Блудов (с ноября 1839 г.).

В мае 1840 г. Дегай доложил, что проект готов. Несмотря на то, что он не сохранился, анализ дошедших до нас подготовительных материалов позволяет говорить о его решающем влиянии на Уложение о наказаниях 1845 г. Но, тем не менее, судьба проекта была предопределена личными отношениями Блудова и Дегаю. По свидетельству ближайшего сотрудника последнего, Блудов Дегаю не доверял³²⁴. Существенно отличались их правовые взгляды и уровень их юридической грамотности. По сравнению с Дегаем, Блудов выглядел дилетантом в законодательской деятельности, его правовые взгляды были неопределенны – сказывалось недостаточное юридическое образование. Дегай, в свою очередь, не имел политического веса при дворе и был вынужден постоянно согласовывать свои предложения с позицией вышестоящих сановников. Поэтому под мощным напором нового руководителя Дегаю пришлось сойти со «сцены». Истинную причину конфликта трудно выяснить, но, скорее всего, Блудов, претендующий на роль второго Сперанского, не мог смириться с тем, что авторство проекта принадлежит не ему. К тому же Дегай был статс-секретарем, как и его начальник.

Блудов забрал у Дегаю работавших вместе с ним чиновников, а сам проект полностью забраковал и обосновал необходимость составления нового под своим непосредственным руководством.

Наступил следующий этап разработки проекта – под руководством Блудова. Официальная версия разработки Уложения о наказаниях приписывала авторство проекта Блудову³²⁵. Но ряд фактических данных (помимо правовой некомпетентности Блудова) позволяет в этом усомниться. Так, в докладе главного управляющего Вторым отделением от 14 января 1840 г. было предложено объединить работы над уложением общеимперским и Царства Польского. Но разработка уложения для Царства Польского еще в 1833–1838 гг. велась под непосредственным руководством Сперанского и по его плану, уже тогда работы были фактически объединены³²⁶. Таким путем Блудов получал сведения от различных чиновников, к тому же никак не связанных с Дегаем.

Блудов, хотя и располагал кое-каким опытом в подготовке различных законопроектов, но, не имея специального юридического образования, нуждался в помощи специалиста. Таким специалистом для него на долгие годы стал Ромуальд Михайлович Губе (1803–1890 гг.). В его лице Блудов нашел идеально-го исполнителя, а Губе получил сильного покровителя. Для современников не было секретом, что истинным автором законопроектов, приписываемых Блудову, был Губе, хотя до 1845 г. он даже не числился в штатах Второго отделения³²⁷. Блудов только представлял подготовленные материалы в вышестоящие инстанции. Так было и с проектом Уложения о наказаниях.

Таким образом, после 1839 г. все работы по составлению нового Уложения о наказаниях сосредоточились во Втором отделении и стали на несколько лет основным направлением его деятельности. О ходе работ Блудов еженедельно докладывал императору. В январе 1841 г. Николай рассмотрел и одобрил проект Уголовного уложения Российской империи. В ноябре 1844 г. Д.Н. Блудов представил готовый проект.

Весной 1844 г. при Государственном совете была учреждена Комиссия по Уголовному уложению³²⁸. Изучение ее материалов позволяет представить, как проходила ее работа, каким образом на ее результатах сказались столкновение групповых интересов, личных убеждений и характеров, какова была роль в ней Блудова.

Помимо официального делопроизводства – «меморий» и журналов – сохранились дневниковые записи члена этой Ко-

миссии М.А. Корфа, задавшегося целью «составить подробное описание каждого» заседания. Автор дневника – человек с юридическим образованием (что было тогда редкостью) и опытом работы под руководством М.М. Сперанского, считавшего Корфа своей правой рукой. Компетентность Корфа в вопросах права не подлежит сомнению.

Основная борьба развернулась между Д.П. Бутурлиным и М.А. Корфом, с одной стороны, министром юстиции В.Н. Паниным и представляющим проект Д.Н. Блудовым – с другой. Остальные члены Комиссии, как правило, «разыгрывали отрицательную роль, т.е. безмолвствовали»³²⁹, а если решались высказаться, то зачастую обнаруживали полное незнание предмета. Свою роль в этом сыграл принцип ее комплектования, определяемый придворным протекционизмом (это назначение считалось престижным). Так, в Комиссию не попал доктор юриспруденции Гейдельбергского университета П.В. Ган из департамента законов, но вошел к юриспруденции никакого отношения не имевший Д.Вас. Кочубей, поскольку за него ходатайствовал председатель Государственного совета И.В. Васильчиков.

Уже на первом заседании 26 апреля 1844 г. выяснилось, что речь идет о готовом проекте, «главные основания» которого благосклонно приняты государем. После этого «в одобрении членов Комиссии не было уже надобности». Было принято решение «сделать новую редакцию» проекта³³⁰. Желанием императора было как можно скорее утвердить текст нового уложения и ввести его в действие. Позже Корф назовет и другие причины, по которым проект был утвержден «в таком виде, который несколько не удовлетворял нашему <членов Комиссии> убеждению и с такими несовершенствами, которые мы сами вполне осознаем»³³¹. Немалую роль в этом сыграли личные отношения и даже свойства характера отдельных членов Комиссии. Представлявшего проект Блудова отличали «необыкновенное, все поражающее искусство ... в диалектике, которое, если не всегда могло убедить возражающего члена, то всегда однако же одерживало верх над массою... добродушие и другие прекрасные качества, стяжавшие ему общую любовь и уважение». Поэтому «многие совестились поднимать решительный камень

против многолетней его работы, или поддерживать тех, кто на это покушался, а самые споры и возражения становились гораздо менее упорными, нежели были бы непременно против человека иных свойств». Некоторые боялись «состязаться с ним потом в общем собрании Совета, прослыть... заносчивым беспокойным человеком, навлечь себе... неприятности без пользы для дела». По свидетельству Корфа, обаяние, прекрасное знание предмета и владение приемами убеждения главноуправляющего Вторым отделением, заинтересованного в минимальном изменении проекта, наталкивалось на «бездарность и невежество председателя», В.В. Левашева, в страхе перед любым разногласием часто склонявшего членов Комиссии «к таким уступкам, которые обращались во вред делу»³³². Судя по делопроизводству Комиссии, выступления Блудова действительно нередко приводили к существенным изменениям позиции ее членов.

Были и другие причины, мешавшие полноценной работе. Много времени занимали вопросы маловажные, второстепенные, а также «технические, специальные (нарушение Уставов таможенных, о соли, о лесах, о табаке и пр.)». Между тем рассмотрение «большой части того, что составляет предмет уложения и требует самого внимательного рассмотрения (преступления против чести, против собственности, против жизни и пр.)» постоянно откладывалось. Такова была тактика Блудова: «Обойдение в начале всех почти главных и основных вопросов с тем, чтобы возвратиться к ним впоследствии, – какового возвращения потом однако уже не было»³³³.

Острая полемика разгорелась вокруг статьи, определяющей наказания за запрещенные карточные игры. Азартные игры в первой половине XIX в. составляли предмет постоянных забот правительства, поскольку игра нередко шла в присутственном месте и на казенные деньги. Проект предусматривал провинившегося в первый раз штрафовать, во второй раз штрафовать в двойном размере, в третий арестовывать. Корф предложил арестовывать сразу. Против выступили Левашев и Бутурлин, известные своим пристрастием к запрещенным играм в карты. Штрафы остались в проекте. По этому поводу Корф заметил:

«Хотя подобные законы едва ли когда заденут вельмож, однако, все-таки, на всякий случай, ни тому, ни другому не было охоты подписывать приговор против самого себя». В другом месте он отмечал, что «законы пишутся не для знатной и богатой публики, а для простого народа, ибо представители господствующего класса всегда сумеют уйти от правосудия»³³⁴.

Законодатели сознавали, что «действие нового уложения более всего будет распространяться на простолюдинов». И, тем не менее, оно отличалось «громоздкостью», «тяжелым и запутанным» языком. Законы же, особенно законы для России (большинство населения которой было неграмотно), «необходимо было бы излагать, напротив, самым популярным образом»³³⁵. Однако, когда дело доходило до редакции, Блудов меньше всего был склонен к уступкам. В итоге редакция Уложения осталась «отвлеченной и растянутой»³³⁶.

Часть заседаний была посвящена вопросам смертной казни и орудиям телесных наказаний. Точку в первом помог поставить высочайший Манифест 21 апреля 1826 г. Манифест был отыскан и предъявлен Комиссии М.А. Корфом. В нем провозглашалось, что смертный приговор выносится, если целью преступления является «нарушение общего существования: спокойствия государственного, безопасности престола и Святости Величества»³³⁷. Эти положения, в качестве оснований для смертной казни, и были внесены в Уложение, что привело к сокращению числа статей, предусматривающих смерть преступника.

Вопрос об орудиях телесных наказаний – это, прежде всего, вопрос о кнуте и его замене. Еще при Александре I его дважды выносили на обсуждение Государственного совета, но тогда отменить кнут не решились³³⁸. Комиссия 1844 г. запросила губернских прокуроров и врачей. Большинство первых высказалось за кнут, в заключениях врачей указывалось, что и кнут, и плети одинаково вредны для здоровья. В самой Комиссии мнения разделились, наиболее упорным сторонником сохранения кнута был Панин, считавший плети гораздо более легким видом наказания. Поэтому, полагал Панин, они не смогут заменить кнут как «устрашающее» средство. Большинство голосов было принято решение просить императора заменить кнут «лоза-

ми в пуках» (это практиковалось в Остзейских губерниях). Панин предупредил, что на общем собрании Государственного совета будет отстаивать свою точку зрения. «Лозы в пуках» так и не попали в Уложение, высочайшим повелением кнут был заменен увеличенным числом ударов плетью, что и было принято в окончательной редакции.

По другим вопросам работа Комиссии ограничилась весьма скромными результатами. Были незначительно уменьшены наказания за преступления против веры, совершенные в нетрезвом состоянии или под влиянием аффекта, исключена смертная казнь за отцеубийство, отменено одиночное заключение за преступления против прав семейственных, увеличены наказания за преступления против особы императора и высочайших особ, за квалифицированную кражу, за поединки и другие. Некоторые лица были освобождены от телесных наказаний: литераторы, их жены и вдовы, вдовы потомственных дворян, вышедшие замуж за лиц, не изъятых от телесных наказаний, лица, окончившие курс ряда учебных заведений, нижние чины со знаками отличия, станционные смотрители, ливрейные лакеи двора императора (на время службы).

Комиссией было принято 400 поправок по существу и примерно столько же по редакции. При составлении журналов Комиссии (на основе меморий) Блутов постарался внести все поправки, так как журналы по мере их заполнения проверялись Корфом и Бутурлиным. Однако в текст Уложения многие поправки так и не попали. Часть из них вошла в приложение к Уложению, часть осталась в журналах. К тому времени, когда проект был представлен в Государственный совет, Бутурлин перестал им интересоваться (его уже наградили за участие в работе Комиссии), Корф устал от постоянной конфронтации с Блутовым, Панин с самого начала выступал против любых изменений. Таким образом, в окончательный вариант текста Уложения Блутов (а точнее, Р.М. Губе) постарался внести как можно меньше изменений.

Проект Уложения в мае 1845 г. был рассмотрен на общем собрании Государственного совета, затем утвержден указом императора от 15 августа 1845 г. и введен в действие с 1 мая

1846 г. Итак, дело по созданию первого в России и единственного в отечественной дореволюционной истории кодекса уголовных законов «выпала честь» завершить Блудову. В дальнейшем его содержание лишь корректировалось, прежде всего, в связи с преобразованиями первой половины 1860-х гг. После отмены крепостного права были исключены статьи, устанавливавшие ответственность крепостных крестьян, а также наиболее грубые различия по сословному признаку. В связи с проведением реформы полиции 1862 г. и судебной реформы 1864 г. была сделана попытка более четко разграничить уголовную и административную ответственность. Многие статьи из Уложения были введены в Таможенный устав, Устав о казенных лесах, Питейный устав, но прежде всего в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Таким образом, из Уложения были изъяты почти треть статей (652) о маловажных преступлениях и проступках. Эти изменения зафиксировала редакция 1866 г. Тогда же почти из всех статей были изъяты телесные наказания. Из подготовленного в 1903 г. проекта нового Уложения в действующее законодательство были введены лишь отдельные статьи и главы, прежде всего уточнявшие и дополнявшие составы государственных преступлений. В остальном же Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. с изменениями и дополнениями продолжало действовать до 1917 г.

Почему гражданское уложение так и не было принято

Обратимся теперь к вопросу об уложении гражданских законов. Принятое при Александре I новое уложение так и не вступило в силу. После создания Полного собрания и Свода законов Российской империи, Сперанский начал подготовку уложений. Ему удалось убедить в необходимости третьего этапа систематизации права и императора. В конце 1830-х гг. приоритет был отдан уголовному праву: было создано Уложение о наказаниях. В марте 1844 г. император выразил желание, «чтобы пристуи-

тивно было к составлению гражданского уложения. Идея «этого николинского по важности своей, и по огромности предначертания» дела шла «не непосредственно от государя, а от самого Блудова». Корф записывал в дневнике свои сомнения: «Возможно ли еще у нас, и, вообще, составление правильного гражданского уложения? ... Какие гражданские законы там, где существует еще, например, крепостное состояние?» Он приходит к выводу, что пока достаточно десятого тома Свода «в том виде, как он есть теперь»³³⁹.

Тем не менее, в 1844 г. был учрежден Комитет для подготовки Гражданского уложения в Империи и Царстве Польском. О работе этого Комитета известно немного. Вообще, в деле пересмотра гражданского законодательства соблюдалась строгая секретность. Это очень импонировало главноуправляющему Вторым отделением.

Во всеподданнейшем докладе Блудова от 8 августа 1846 г. «О работах, производящихся во II-м отделении СЕИВК» он пишет: «Мы имеем в виду для усовершенствования отечественного законодательства две особой важности работы: предначертание нового устава судопроизводства по делам о преступлениях и проступках и исправление законов гражданских». Последнее — пересмотр и исправление законов гражданских» — как «более важное дело составляет предмет особой ныне представляемой ... всеподданнейшей докладной записки»³⁴⁰. Но таковой записки в деле, где подшиты доклады, отчеты и записки за год, не имеется. Аналогичную картину наблюдаем и по последующим годам³⁴¹: есть упоминание отдельно представленной записки по гражданским законам, но самой записки нет.

В конце 1847 г. Блудов представил Николаю I доклад с планом дальнейших работ над гражданским уложением, а с 1848 г. эти работы активизировались. Но затем они были приостановлены, и с 1849 г. основным направлением деятельности Второго отделения стала подготовка процессуальных кодексов.

Судебная реформа не затронула гражданского материального права: оно устраивало законодателей, под его нормы составлялись Уставы судопроизводства. В конце 1860-х и в 1870-е гг. процесс подготовки уложения продолжился, в 1882–1905 гг.

был подготовлен его проект. И в 1916 г. шли работы над Гражданским уложением. Но им так и не суждено было завершиться.

Поскольку гражданское право теснее других отраслей законодательства связано с обычным, то его «легкое и произвольное изменение – большая ошибка», – писал представитель исторической школы права Ф. Савиньи³⁴². Записи в журналах Государственного совета во время обсуждения гражданского Уложения в 1812 г. перекликаются с идеями немецких юристов: «Гражданские законы непосредственно касаются всех общественных связей, состоявшихся в продолжение многих веков; и потому, нельзя полагать, чтобы можно было переменить их вдруг изданием нового уложения... Мы ошибемся, если вообразим, что с переменой на бумаге текста гражданских законов, столь же легко и скоро переменится существующее право»³⁴³.

Поэтому, когда император Николай I обратил внимание на неполноту и несообразность некоторых постановлений гражданских законов (скорее, его внимание «обратили») и их несоответствие судебной практике, по предложению Д.Н. Блудова, пошли таким путем: по мере надобности составлялись и утверждались проекты постановлений, дополняющих первую часть X тома Свода законов. Изменения касались, главным образом, имущественного и, особенно, договорного или обязательственного права. Последнее, с развитием капиталистических отношений, безусловно, нуждалось в новых нормах. Второе отделение постоянно имело целью их пересмотр и исправление. Оно составляло проекты постановлений по частным вопросам, например, об отдаче на сохранение движимых имуществ, о вознаграждении за вред и убытки и т.п. Последнее законоположение так и вошло в собрание законов как «Высочайше утвержденные изменяемые статьи Свода законов о вознаграждении за вред и убытки»³⁴⁴. Разделы о семейном и наследственном праве в гораздо меньшей степени подверглись доработке.

«Сии опыты показали, – пишет официальный историк Второго Отделения, – что, независимо от общего пересмотра наших гражданских законов, весьма полезно, по мере надобности, составлять проекты к исправлению некоторых отдельных их частей, тем более, что этот порядок действия не только не повлек

ли собою никаких неудобств, но и признавался лучшим для усовершенствования гражданского Уложения»³⁴⁵.

Такой «порядок действия» удобен, говорится во всеподданнейшем докладе Блудова 1847 г., так как гражданское право «по самой цели своей составляется из предметов столь многочисленных и разнообразных, что нередко каждый из них включает в себе нечто целое, имеющее свои особенные свойства и соответствующие им начала». Совсем другое дело – уголовное право, в котором существует неразрывная взаимосвязь между всеми частями³⁴⁶.

Подобное, по частям, исправление гражданских законов более согласуется, по мнению Блудова, с существенными выгодами общества. «Действие постановлений постепенное лучше влияет на права и весь гражданский быт народа, – полагал главноуправляющий Вторым отделением, – нежели внезапное издание нового уложение, долженствующего совокупно и одновременно изменить или преобразовать многие прежние условия общества»³⁴⁷. Когда император поручил Блудову пересмотреть и исправление законов гражданских, последний представил монарху особый доклад (1847 г.) с «предварительными соображениями для начертания нового кодекса гражданских законов», в котором обосновал свой метод исправления этих законов – по частям³⁴⁸. Выслушав доклад Блудова, Государственный совет рекомендовал Второму отделению «без дальнейших отлагательств приступить к некоторым отдельным исправлениям наших законов гражданских».

Примеры такого «исправления» содержит переписка председателя Государственного совета И.В. Васильчикова и Д.Н. Блудова за 1845 г. по вопросам гражданского имущественного права. Она свидетельствует, что решающую роль в этих «исправлениях» подчас играл император. Так, именно он «соизволил указать ... по случаю дела капитана Голощапова» *цель* дополнения правовых норм, «которая состоит в том, чтобы опасения лишиться себя и наследников всякого достояния» должны «удерживать, сколько возможно более неблагонамеренных людей, от расхищения казенного имущества» (уже область права уголовного). «Для достижения сей цели, – пишет Блудов, – Его Вели-

честву благоугодно было поручить нам рассмотреть, не представится ли удобным и полезным постановить, чтобы по казенным взысканиям от лиц, изобличенных уголовным судом в похищении казенной собственности ... обращалось в казну недвижимое их населенное имение по цене, какая установлена для писания купчих крепостей в разных губерниях с удовлетворением из причитающейся суммы и законных кредиторов их». Далее Блудов сообщает, что, согласно с желанием Васильчикова, он «счел своим долгом еще раз внимательно сообразить сей вопрос с действующими узаконениями и потом уже приступить к изысканию средств для исполнения в точности Высочайше изъявленной по сему предмету воли»³⁴⁹.

Васильчиков отвечает Блудову, что «совершенно согласен в том, что при постановлении сей меры следует, с одной стороны, обеспечить казну от могущей при сем последовать потери, а с другой – оградить права добросовестных кредиторов и невинных наследников»³⁵⁰. Сохранилась переписка подобного содержания об установлении «по ограждению частного кредита и прав добросовестных кредиторов» и о проекте «постановления для предупреждения злонамеренной передачи имущества между супругами»³⁵¹. И снова именно император обращает внимание своих сановников на недостаточную защиту прав кредиторов. Уже в отчете за следующий год Блудов пишет о составлении «проектов отдельных законов и положений с подробными об их цели и основаниях записками», в том числе и о мерах против злонамеренной передачи имений между супругами, об отмене закона, запрещавшего исчислять проценты свыше удвоения денежного капитала³⁵². Итогом стало внесение в законодательство соответствующих изменений.

Перед нами примеры решения законодательных вопросов путем дополнений и исправлений. При этом от общего пересмотра гражданских законов вовсе не отказывались³⁵³. Работа над уложением шла непрерывно, ее руководителем был главноуправляющий Вторым отделением. Масштабные задачи, которые приходилось решать Блудову, способствовали росту самоуважения: он идентифицировал себя как лицо, влияющее на законодательную политику. Однако, в отличие от Киселева, его

не отличала независимость дел и мнений: он в гораздо большей степени был подвластен придворным условностям. Его радовала каждая милость монарха, свою деятельность во Втором отделении он рассматривал как личное поощрение.

Как когда-то «под» двух друзей, Дашкова и Блудова, были специально созданы должности товарищей министров, так и теперь именно им император «поручил» законодательное отделение своей канцелярии. Он надеялся на их помощь и поддержку в реализации третьего этапа систематизации правовых норм, о необходимости которого заявил в Государственном совете в 1833 г. при утверждении Свода законов. Поэтому занимавший более десяти лет пост министра юстиции Д.В. Дашков был перемещен во Второе отделение СЕИВК, то же самое произошло с его преемником – Д.Н. Блудовым. И тот, и другой считали перевод своего рода повышением, ведь в рамках Отделения они могли «творить» законы, тогда как министерство юстиции в это время выполняло, наряду с Сенатом, функцию судебного надзора³⁵⁴, т. е. занималось наблюдением за правильным осуществлением процесса судопроизводства. Служба в собственной канцелярии императора привлекала больше, казалось, что она помогала быть ближе к особе монарха и возвышала в глазах общества³⁵⁵. Был и еще один аспект, позволявший Блудову чувствовать себя полновластным хозяином в деле «сочинения» законов.

Второе отделение занималось общим законотворчеством, представляя плоды своих трудов в Государственный совет. Последний не занимался составлением законопроектов, но его члены могли вносить изменения и дополнения в представленные проекты. Делалось это сначала в департаменте, потом проект с замечаниями и исправлениями выносился на общее собрание. В департаменте достаточно было одного толкового человека, чтобы повлиять на последующую судьбу того или иного законопроекта. В свою очередь, «департаментам предоставлено при рассмотрении всяких новых постановлений, входить, если признают нужным, в сношение со Вторым отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, испросив на то предварительно высочайшее соизволение»³⁵⁶. Что же выходило на практике?

Департамент законов долгое время возглавлял Д.Н. Блудов, одновременно являвшийся главноуправляющим Вторым отделением (1839–1861 гг.). До него эти должности, можно сказать, совмещал М.М. Сперанский (1826–1839 гг.). Таким образом, работой департамента законов и кодификационного отделения собственной канцелярии при Николае I руководил один и тот же человек³⁵⁷. Нужно ли говорить, что подобное положение дел служило препятствием для исправления каких бы то ни было законопроектов, поступающих из Второго отделения в департамент законов Государственного совета?

Проекты Второго отделения по судопроизводству и их роль в подготовке судебной реформы

20 января 1849 г. Блудов подал на высочайшее имя записку «О судопроизводстве гражданском», в которой речь шла о подготовке нового устава. Его история началась в ноябре 1848 г., когда во время доклада император «изъявил волю», чтобы Блудов «приступил немедленно к новому, общему и тщательному обозрению нашего гражданского судопроизводства и к изысканию средств для исправления недостатков оною, давно уже ощущаемых, сколько сие возможно в нынешнем положении дел и при настоящем составе наших учреждений судебных»³⁵⁸.

В результате этого повеления и появилась записка 20 января 1849 г. В ней Блудов изложил свои соображения, заметив, что «необходимо иметь в виду и положения иностранных по сей части законодательств», но «не для того, конечно, чтобы подражать им, ибо сие», по его мнению, «было бы не только не полезно и неудобно, но даже и невозможно, по крайней мере, в настоящее время, а для того, чтобы узнать точные причины, коими многие правительства были побуждаемы к преобразованиям большею частию неудачным, заранее отстранить самую мысль о принятии мер, уже на опыте оказавшихся неудовлетворительными»³⁵⁹.

Затем следовал обзор принципов судопроизводства ряда иностранных государств и состояния его в нашей стране³⁶⁰.

Принципиальные вопросы содержались в конце. «В заключение сего моего всеподданнейшего доклада, – писал главноуправляющий Вторым отделением, – считаю долгом рассмотреть еще один довольно неясный вопрос: можно ли приступить к исправлению нашего гражданского судопроизводства прежде исправления самого кодекса законов гражданских? Вопрос, подобный сему, представлялся и пред начертанием Уложения о наказаниях». Тогда император, напоминал Блудов, распорядился заняться сначала «составлением самого кодекса уголовного, и к тому были причины весьма уважительные»³⁶¹. Главный предмет следствий по делам о преступлениях и проступках – «определить свойства события, тому следствию подлежащего, разрешить представляющийся в каждом уголовном деле первый вопрос: преступно ли деяние, сделавшееся предметом сего следствия, т.е. принадлежит ли оно к тем, которые воспрещены законом под страхом наказания». Поэтому, пока не означены с точностью все виды преступных действий, нельзя приступать к исправлению главной части уголовного судопроизводства, которая включает в себе правила для следствия и на которой основывается весь дальнейший ход дела.

Но связь гражданского судопроизводства с кодексом законов гражданских, подчеркивал Блудов, совершенно иная. Каким бы образом, с большею или меньшею положительностью и ясностью ни были определены права и отношения частных лиц по имуществам их и между собой, самым ли законом, или по взаимным между ними соглашениям, эти права и отношения должны быть охраняемы действием власти судебной в порядке наиболее удобном и простейшем, и «сей порядок может быть один и тот же в главных основаниях, несмотря на изменения в постановлениях гражданского кодекса».

Таким образом, по мнению Блудова, не только без всякого «неудобства, но даже и с пользой» можно, не ожидая пересмотра законов гражданских, приступить к исправлению судопроизводства. Чем скорее оно будет исправлено, тем лучше, но, может быть, «затруднительно сделать в нем все нужные измене-

ния в одно время изданием полного нового устава гражданского судопроизводства». Поэтому Блудов предлагал сначала ограничиться введением одних «важнейших улучшений», определив все, что относится к порядку подачи прошений, доставления их ответчикам, представления объяснений на просьбы истцов, приготовления дел к докладу, решения оных, объявления решений, взятие апелляции, а с тем вместе и все, что касается частных жалоб и прошений. Затем останется еще рассмотреть постановления довольно «многосложные о доказательствах» и исправить другие части судопроизводства.

Подобным образом, замечал главноуправляющий, поступили в новейшие времена прусское, баварское, баденское и ганноверское правительства, которые вместо издания общих уставов судопроизводства «приготовляли» и вводили постепенно важные изменения в уставы существующие, «предоставляя времени и опыту дальнейшее развитие начатого»³⁶².

В силу вышеизложенного понятно, почему доклад, представленный императору 8 сентября 1849 г., назывался «Об исправлении нашего гражданского судопроизводства», а не «О проекте нового устава». Замечания, касающиеся как недостатков этого исправления, так и самого судопроизводства, Блудов направил также в министерство юстиции (естественно, после одобрения монархом). Каковы же недостатки гражданского судопроизводства в России с точки зрения Дмитрия Николаевича?

Насколько «наше гражданское судопроизводство неудобно и запутанно», свидетельствует тот факт, отмечал Блудов, что после исправления делá будут идти удовлетворительнее и втрое быстрее, а некоторые – вчетверо и впятеро. В России – «большие расстояния, и потому сроки для явки больше, чем «в других землях». Кроме того, в европейских государствах еще и – «большее число образованных и добросовестных поверенных и ходатаев по делам», чем у нас. Итак, запутанность судопроизводства, огромная территория, недостаток кадров, – вот что предстояло преодолеть Второму отделению.

Несмотря на сопротивление Блудова, впрочем, быстро и легко сломленное монаршей волей, Второе отделение приступило к составлению именно *нового устава*, который, по выражению

главноуправляющего, должен был стать «лишь опытом проекта». Чиновники Отделения пересмотрели практические замечания почти всех председателей гражданских палат и губернских прокуроров на Свод законов. Эти сведения были предоставлены министерством юстиции, специально занимавшимся их сбором. Так же, как в случае с созданием уголовного уложения, теоретические работы выполняло Второе отделение, а их практическим обоснованием ведало министерство. Организационные вопросы решал глава Отделения. Блудов отсылал готовые проекты министру юстиции, который возвращал их со своими соображениями и замечаниями³⁶³.

В следующем году, 1850 г., выявились разногласия между Блудовым и Паниным³⁶⁴ по поводу «мыслей и предположений», которые должны лечь в основание проекта. Министр в целом соглашался с замечаниями и предложениями Блудова. Некоторые вопросы возникли из-за того что он к тому времени не имел еще полного текста проекта. Но были и такие «мнения, по коим руководитель Второго отделения и министр» были «несогласны» в принципе, поэтому «об них суждение» необходимо было предоставить Государственному совету. Один из таких вопросов – порядок доклада дел в судебных местах. Панин предлагал оставить, как было, когда для доклада в суде использовались выписки, Блудов отстаивал порядок доклада по подлинным актам, что, по его мнению, давало выигрыш времени и уменьшение канцелярских расходов, а также и «более ручательства для тяжущихся и судей». Безусловно, вариант Блудова гораздо более удобен, к тому времени в большинстве развитых стран он уже вошел в практику.

Второй вопрос, по которому проявились разногласия между Паниным и Блудовым, был еще более принципиальным: министр предлагал оставить старый порядок – прокурор просматривает решения после суда и делает замечания, а обер-прокурор Сената может протестовать. Блудов настаивал, чтобы заключения прокуроров подавались прежде решения судов по делу.

При этом глава Второго отделения изъявлял надежду, что по этим спорным пунктам они придут к соглашению, когда ми-

нистр ознакомится с полностью готовым проектом. Однако и в 1855 г. эти вопросы оставались нерешенными.

К сентябрю 1849 г., как отмечалось в докладе, первая половина проекта, составленного, по словам Блудова, лично им (прежде всего из соображений конфиденциальности), была исправлена окончательно, вторая должна быть закончена не позднее лета 1850 г. Готовые части – этот «недовершенный труд» – были представлены императору тогда же. Таким образом, Николай I лично контролировал процесс работы над уставом гражданского судопроизводства, так же, как в свое время ход подготовки уложения о наказаниях, уголовного процессуального кодекса и гражданского уложения³⁶⁵.

К концу 1850 г. проект был готов окончательно и по повелению императора передан в министерство юстиции. В записке на высочайшее имя от 29 марта 1851 г. «О проекте устава судопроизводства гражданского» Блудов напоминает, что просил разрешения учредить «совместный особый комитет наподобие» того, что рассматривал Уложение о наказаниях перед внесением его в Государственный совет, в чем его поддерживает и министр юстиции. Далее он сообщал, что в данный момент Второе отделение занимается «приготовлением» к проекту Приложений (в том числе перечнем бумаг, которые по новым правилам будут составляться самими судами при производстве дел гражданских). Это – важные дополнения к уставу, «могущие даже служить объяснением оною, ибо в них определяется способ исполнения и применения гражданских законов». Они тоже будут переданы в министерство юстиции³⁶⁶.

14 июня 1851 г. был учрежден Комитет для рассмотрения проекта нового устава гражданского судопроизводства в составе товарища министра юстиции П.Д. Илличевского, сенаторов А.Ф. Веймарна и М.М. Карниолина-Пинского и члена Консультации при министерстве Карцева. Со стороны Второго отделения в Комитет вошел многолетний помощник Блудова Р.М. Губе, в качестве делопроизводителя дел – чиновник Отделения, участвовавший в составлении проекта³⁶⁷. Этот чиновник не назван, но из отчета 1855 г. мы узнаем, что им был не кто иной, как С.И. Зарудный, будущий деятель судебной реформы. Из

того же отчета выясняется, что председателем Комитета был сам главноуправляющий Вторым отделением. При учреждении Комитета в 1851 г. Блудов просил разрешения «доставить» его членам проект, чтобы к началу заседаний они успели бы приготовить свои «замечания и мысли».

Особый комитет для рассмотрения проекта гражданского судопроизводства закончил работу в конце 1854 г. (на последнем этапе вместо Карцева там работал М.Н. Любошинский, который, как начальник департамента министерства юстиции, был знаком с проектом). Комитет сделал 38 замечаний по проекту, все «малозначительные или по редакции». Все вопросы были приняты единогласно, кроме одного: о необходимости при введении устава изменить некоторые судебные места. Положительно был решен вопрос о прямом докладе дел членами суда³⁶⁸.

Смерть Николая I помешала утверждению проекта. Комитет по проекту устава гражданского судопроизводства в Российской империи продолжил свою работу и в новое царствование.

Итак, Блудов был сторонником сохранения основ действующей системы судоустройства и судопроизводства и изменений лишь в частностях. Его позиция и определила содержание нового устава.

28 апреля 1855 г. Блудов писал новому императору Александру II об уже «обсужденном» проекте, который, «несмотря на замечания министра юстиции, следует оставить без изменения»³⁶⁹. Однако в то время молодой монарх был еще не готов к преобразованиям, и вопрос был отложен. Через два года, 3 января 1857 г., начал работу Секретный или Особый комитет постановлений и предположений о крепостном состоянии, а 6 июня 1857 г. Александр повелел представить проект устава гражданского судопроизводства. Через два дня проект (составленный в 1849–1850 гг.) был представлен вместе с написанной Блудовым объяснительной запиской. В ней автор, отдавая дань идеям нового царствования, критиковал существующее судопроизводство и предлагал «устранить причину зла в самом их корне», для чего необходимо принять «другую, совершенно отличную от настоящей, систему, основанную на тех общих началах, без коих не может быть правильного судопроизводства».

ва». Блудов «убедился», что недостатки нельзя устранить только исправлениями «лишь некоторых форм и обрядов гражданского процесса»³⁷⁰.

Однако, несмотря на «смелые» заявления объяснительной записки, содержание самого проекта свидетельствовало, что авторы нового устава собирались лишь подновить существующую судебную систему. Блудову удалось склонить императора на свою сторону.

Обсуждение проекта гражданского судопроизводства предполагалось начать в Государственном совете осенью 1857 г. Блудов, зная, что при этом может возникнуть вопрос о гласности и адвокатуре, представил монарху дополнительно конфиденциальную «Всеподданнейшую докладную записку по вопросу о проекте судопроизводства в России». В ней глава Второго отделения писал: «Можем ли мы одни... не будучи еще достаточно подготовленными к переходу от форм столь несовершенных нашего гражданского судопроизводства к другому более сообразному с свойством для сего рода, вдруг и при неимении довольно числа благонадежных судей и поверенных дойти до того, к чему другие народы достигали постепенно?»³⁷¹ В пример он привел Пруссию, в которой после усовершенствования гражданского процесса прошло «около 70 лет, прежде чем правительство решило принять французское публичное судопроизводство». Блудов отмечал, что «в России есть люди, которые, узнав, а, может быть, весьма основательно изучив порядок, существующий в других землях, желали бы видеть теперь же и в нашем отечестве и публичное производство, и адвокатов». Однако автор сомневался, «готовы ли мы вообще в России к сему нововведению, имеем ли мы достаточное число таких судей, которые были бы в состоянии хорошо понять дело по одному изложению оною адвоката, и найдется ли у нас довольно адвокатов, способных представить судебным местам дела с надлежащей ясностью, в стройной логической последовательности». Блудов полагал учредить «присяжных стряпчих», т.е. создать переходный к адвокатуре институт. Кроме того, он обязался представить проект о сокращенном и устном производстве, этот порядок должен был действовать для дел мало-

нижных. Закончил он выводом о том, что «все опыты улучшений и усовершенствований какого-либо рода тогда только бывают успешны и прочны, когда приводятся в действие, так сказать, не прыжками, а тихими размеренными шагами, по одной, прело обдуманной и постоянно имеющейся в виду системе»³⁷².

Соображения, изложенные Блудовым, остались между императором и главноуправляющим, однако имели далеко идущие последствия. Александр II написал на записке: «Совершенно разделяю мнение, что мы еще не довольно зрелы для введения у нас гласности и адвокатов; вот почему не желаю, чтобы вопрос сей был возбужден в Государственном совете»³⁷³. Следствием явилось высочайшее повеление Совету, запрещавшее обсуждение в нем институтов гласности, адвокатуры и суда присяжных. С его оглашения Д.Н. Блудовым 15 ноября 1857 г. началось обсуждение в Государственном совете проекта гражданского судопроизводства. С этого заседания собственно начинается история судебной реформы, через несколько лет изменившей свои первоначальные очертания³⁷⁴.

Тогда же (конец 1857 г.) в Государственный совет было представлено «сводное положение» о судопроизводстве и судеустройстве Царства Польского, включавшее в себя «те существенные элементы правильного правосудия, которые отсутствовали в проектах Блудова»³⁷⁵. Оно было составлено в ходе работы над проектом гражданского уложения для Польши, которой с 1852 г. занимался департамент дел Царства Польского. Так, если в Империи предварительное следствие первоначально предполагалось оставить в руках полиции, в Царстве эти обязанности возлагались на места судебные. По положению в Царстве Польском дела должны были докладываться в публичном заседании, по каждому делу допускалась публичная защита, для остальной России этого не предусматривалось³⁷⁶.

В начале 1858 г. появились «Замечания на проект нового порядка судопроизводства в России», где предлагалось при составлении проекта взять за образец гражданское судопроизводство Царства Польского, в основе которого – правовые нормы кодекса Наполеона. Автором «Замечаний» был директор комиссариатского департамента Морского министерства князь

Д.А. Оболенский³⁷⁷, который написал их по поручению главы министерства, великого князя Константина Николаевича; они были отлитографированы и разосланы членам Государственного совета³⁷⁸. Этот документ выражает точку зрения тех, кого в исторической литературе называют «либеральными» бюрократами.

Начинаются «Замечания» с определения места и значения судебной власти: «судебная власть, охраняющая личные и общественные права граждан, есть основание, поддерживающее все здание государственного управления». Далее обосновывается необходимость срочной реорганизации судебной системы в России: «отсутствие суда было и есть до сих пор непреодолимое препятствие, уничтожающее и делающее бесплодными все попытки правительства к внутреннему устройству России, улучшению администрации, развитию торговли и промышленности, улучшению нравственности и, наконец, вопрос об определении правильных отношений крестьян к помещикам останется неразрешимым на практике до тех пор, пока посредствующая власть между сими двумя сословиями, т.е. суд, не получит у нас хоть какую-либо правильную организацию». Автор критикует проект гражданского судопроизводства, представленный Вторым отделением, поскольку в нем не предусмотрено коренного переустройства судебной системы, а предлагается лишь усовершенствовать и приспособить к новым условиям уже существующие институты. Он полагает, что «необходимо принять другую, совершенно отличную от настоящей, систему». К числу «несообразностей в самых началах нашего судопроизводства и судопроизводства» составитель «Замечаний» относит письменное производство в стране почти поголовной неграмотности, «келейный и секретный» характер судебного разбирательства («для народа, привыкшего к *мировому гласному разбирательству*»), к тому же состоящего из «бессмысленных и запутаннейших формальностей и растягивающегося на весьма длительное время», отсутствие всякой ответственности судей перед общественным мнением. Помимо этого, «не разграничены и смешаны власти судебная и исполнительная», а «*сословное представительство* в суде делает из судебного места не *независимый суд*, а собрание представителей, защищающих

разные интересы различных сословий». Были у Оболенского и другие претензии к *составу судов*: по выборам туда попадали люди не только не знакомые с «положительным законодательством», но и элементарно неграмотные.

Эти «несообразности», по мнению автора, «превращают все наши законы в мертвую букву, а суд в учреждение без жизни и смысла», они – «суть источники всего зла».

Оболенский подчеркивал, что все несообразности отечественного судопроизводства признаются проектом. Так, к нему приложена записка министерства юстиции о недопустимом составе судов, которой «вторит» и Второе отделение³⁷⁹. Между тем, меры, предлагаемые проектом к устранению этих «несообразностей», не выдерживают никакой критики. Больше всего внимания автор «Замечаний» уделил как раз вопросу о составе судов и проблеме общей и юридической грамотности участников гражданского процесса с обеих сторон. «Что сказать о проекте, – возмущался Оболенский, – в котором заявляется, что не только члены, но и председательствующие не в состоянии записать вкратце данную резолюцию», и в то же время предлагается, «чтобы устранить влияние на дела канцелярий, обязанность всего письменного производства дел» возложить «на безграмотных членов, не имеющих по большей части никакого понятия о законах?».

Второе отделение признает, продолжал Оболенский, что главная причина неудобств в производстве дел – «недостаток юридического образования в народе». Какой же «законодательный выход» оно предлагает? «Вот он: не дозволяется тяжущимся подавать по делу более 4-х бумаг с каждой стороны, и в этих бумагах обстоятельства дела должны быть так мастерски изложены, чтобы не было недомолвок, и доказательства дела должны быть представлены при сих двух бумагах, ибо дальнейшее развитие или дополнение их в следующих инстанциях строго запрещается». Подобное противоречие, замечал князь, ясно указывает «на то, что при составлении проекта не имелось в виду коснуться источника неудобств существующего порядка, иначе нельзя было бы не прийти к убеждению о необходимости заменить письменный процесс словесным судоговорением»³⁸⁰.

Наиболее слабой стороной проекта Оболенский признавал меры, предусмотренные для преодоления *медленности* в производстве дел. Бесперывным и почти в каждой статье повторением слов «с первой почтою», «на другой день», «не позже, чем на третий день» и др., полагал он, «судебные места не будут возбуждены к особой какой-либо деятельности, во-1-х, потому что им физически невозможно будет исполнить требования о сем законе, а, во-2-х, потому, что при келейном, секретном и письменном производстве не может быть речи о надзоре за соблюдением внутренних канцелярских сроков»³⁸¹.

Безусловно, составленный во Втором отделении проект нового устава гражданского судопроизводства «служил положительным доказательством, что правительство давно уже пришло к сознанию, что существующий порядок судопроизводства требует исправления». Необходимость коренных изменений выражена в объяснительной записке: «Нам в особенности нельзя и думать о каком-либо усовершенствовании сей части нашего законодательства без изменения самой основной мысли ее, без принятия других, не только отличных, но и в некоторой степени противных ей начал».

Однако в самом проекте не предусматривалось коренного переустройства судебной системы, в том числе отечественного судопроизводства, предлагалось лишь усовершенствовать и приспособить к новым условиям уже существующие институты. И это вызвало сокрушительную критику со стороны Оболенского. Он полагал, что для переустройства гражданского судопроизводства «необходима другая, совершенно отличная от настоящей, система». Представленный же проект, «по отсутствию тех “непреложных начал, без которых не может быть правильного судопроизводства” не удовлетворяет вовсе современной потребности и потому должно быть изменен как в началах своих, так и во всех подробностях»³⁸². При этом князь не преминул упомянуть, что законы в России до тех пор «будут писаться всуе, пока власть, их применяющая, не будет иметь жизни и разумного устройства»; это в определенной степени связано «с низкой степенью развития государства»³⁸³. Смелость князя можно объяснить тем, что «Замечания» писались для

конфиденциального использования великим князем Константином Николаевичем. Они выразили точку зрения «либеральных» или «просвещенных» бюрократов – представителей столичного чиновничества, выступавших за преобразования.

Автор «Замечаний» не просто отверг неприемлемый, на его взгляд, проект, но предложил другой, «который уже составлен и может с весьма незначительными изменениями быть введен немедленно в большей части России». Речь шла о порядке гражданского судопроизводства и судоустройства Царства (Королевства) Польского, «главные основания» которого «взяты из французского законодательства, только с некоторыми изменениями в частностях и формах». «Эти главные основания суть именно есть непреложные начала», без которых, по убеждению автора, выражающего мнение целой группы весьма влиятельных лиц во главе с великим князем Константином Николаевичем, не может быть правильного судопроизводства гражданского. «Суд словесный и гласный – вот в чем заключаются эти начала, и они составляют основу судопроизводства Царства Польского». Автор ссылаясь на уже существующее «сводное подробное положение о судопроизводстве и судоустройстве сего царства», составленное Вторым отделением, где были собраны воедино все постановления по данному вопросу и сделаны лишь частные изменения; часть «сего» труда уже рассматривалась в Государственном совете. Вывод однозначен: «это положение с сделанными изменениями может быть почти целиком введено в России или, по крайней мере, послужить главным материалом для начертания нового проекта судоустройства и гражданского судопроизводства в России». К этому месту имеется примечание: «Положении об учреждении гминных судов в Царстве Польском, сколько нам известно, уже составлено и может служить лучшим образцом для нас при учреждении сельских судов».

Весьма примечательными являются доводы в пользу такого заимствования. Во-первых, польское гражданское право – это «более совершенное законодательство». Во-вторых, в истории зарубежного законодательства имеются прецеденты: в Австро-Венгрии «в настоящее время правительство... приступило к на-

чертанию проекта нового порядка судопроизводства, приняв за образец порядок судопроизводства, существующий в Трансильвании», где основу суда составляют публичность и гласность. И, наконец, в-третьих, «не очевидна ли также польза сближения законодательств двух царств, состоящих под одною державною властью? До сих пор к такому сближению стремились насильственным введением в Царство Польское учреждений и законов, менее совершенных, не заимствуя из сего царства ничего, даже достойное подражания.

Теперь пришло время сознания, что таким путем не доходят до слияния враждебных народностей и не улучшается администрация.

Пускай же сознание подкрепит нашу мысль о введении судопроизводства Царства Польского в России, и последствия сей меры, без сомнения, окажутся благотворными для обоих царств»³⁸⁴.

Речь шла не только о судебной системе «самой беспокойной части империи». Вопрос ставился шире – об отношениях между двумя народностями, о путях их превращения из «враждебных» в дружественные, об их слиянии. Это должно было происходить не путем насильственной русификации и насаждения имперских учреждений без учета местных особенностей. России было чему поучиться у «наиболее интегрированной в Западную Европу... экономически более развитой и сильной политическими традициями Польши»³⁸⁵, в частности, в области права.

Почему же эти предложения не были приняты? Дореволюционный историк усматривал в этом неприятие представителями высших кругов империи всего, связанного с Польшей³⁸⁶. Современный исследователь полагает, что «обращение к проекту судебных преобразований Польши с небольшими изменениями (какими – неясно) у направления, представляемого Д.А. Оболенским, подтверждало только желание отказаться от паллиативных мер графа Д.Н. Блудова и сориентироваться на разработку традиционных принципов и институтов буржуазного правосудия, известных законодательству стран Запада». Подобное стремление, по его мнению, свидетельствовало об отсутствии определенной программы у этой группы деятелей³⁸⁷. С

этим трудно согласиться, поскольку «польский проект» (назовем его так) излагал во всех подробностях не только существующий в Королевстве Польском порядок гражданского судопроизводства и судоустройства, но и содержал конкретные указания по усовершенствованию этого порядка в соответствии с практикой передового европейского права. Автор «Замечаний» был хорошо знаком с этими предложениями, о чем свидетельствуют заключительные строки его работы.

«Замечания на проект нового порядка судопроизводства в России» отражали настроение либерально настроенных служащих Морского министерства во главе с Константином Николаевичем, то есть «либеральных» или «просвещенных» бюрократов. Среди них не существовало той «полонофобии», какая была присуща чиновникам старого закала, например, Д.Н. Блудову. Последний настолько боялся признать что-либо из польского опыта достойным подражания, что предостерегал даже от употребления применяемых там слов «защитник» и «адвокат», предлагая заменить их словами «поверенный» и «стряпчий» (в докладе, посвященном выяснению необходимости иметь адвокатов при судах). В этом кругу сама мысль использования чего бы то ни было из практики этой части империи казалась кощунственной, что было связано и с воспоминаниями о волнениях в Польше начала 1830-х годов.

После начала восстания 1863 г. позиция Блудова и его единомышленников укрепилась. Ни о каких заимствованиях из польского законодательства не могло быть и речи. В многотомном «Деле о преобразовании судебной части в России» есть бумаги с анализом правовых систем или их отдельных частей итальянских, немецких государств, Женевского кантона, Франции, но нет ни одного документа, указывающего на изучение польского опыта. В основе гражданского права Российской империи так же, как и Королевства Польского, французское законодательство, введенное Наполеоном. И хотя в Польше с 1809 г. допускались отклонения от него³⁸⁸, ни один из аспектов его действия пусть на наиболее интегрированной в Западную Европу, но все-таки части Российской империи не был прослежен при подготовке судебных уставов 1864 г. Между тем при-

мер Польши, наиболее близкой к нам из европейских стран, позволил бы исследовать рецепцию буржуазного гражданского права, его согласованность и различия с обычным правом, и даже с реалиями общеимперской жизни.

Тем не менее, «Замечания» Оболенского стали отправной точкой полемики о принципах судебной реформы в России. Сам автор вспоминал, что после его выступления «проект Блудова, ежели не отвергнут, то почти отложен в сторону, и многие существенные вопросы по этой части подняты».

Великий князь Константин Николаевич 27 января 1858 г. послал Блудову записку своего подчиненного с просьбой ответить на критику. Главноуправляющий Вторым отделением в своем ответе привел те же аргументы, что и в объяснительной записке к проекту: коренные изменения необходимы, но пока они преждевременны, в данный момент нужны переходные меры. Блудов, по свидетельству Оболенского, «заставил» С.И. Зарудного написать развернутый ответ на «Замечания». Последний обвинил князя в отрицании «исторических оснований» отечественного судопроизводства, в предложении таких средств «к улучшению законов, которые поразительно противоречат основным началам науки и общенародным понятиям о развитии законодательства». Эти средства – публичность и адвокатура, введение их в России в данный момент невозможно, так как «гласность предполагает устность судопроизводства, уменьшение числа судебных инстанций и расширение круга действия судов I степени, введение процесса состязательного, разделения власти судебной и исполнительной». Подобные же преобразования пока преждевременны. Кроме того, для введения гласности нужны «известная степень образованности, всеобщее уважение к законам», а для адвокатуры лица, «способные стать адвокатами», которых сейчас в стране не найти. Проект Блудова, подчеркивал Зарудный, предлагает ввести пока *элементы* публичного судопроизводства, делая таким образом «первый шаг к усовершенствованию». Но этот «первый шаг» на данный момент – единственно возможный путь усовершенствования гражданского процессуального права в России.

По поводу методики работы над новым уставом Зарудный заметил, что «взять целиком начала какого бы то ни было иностранного законодательства значит отречься от народной самобытности... подчинить себя другому народу в деле суда».

Оболенский отозвался на выступление Зарудного еще одной запиской, в которой замечал, что «юридические начала, выработанные в Западной Европе уже ... перешли в область практики, они отнюдь не составляют принадлежность одной какой-нибудь страны, но суть общечеловеческое достояние», и их нужно использовать в судебных преобразованиях в России. Он подчеркивал, что «отсутствие известной степени образованности, препятствующее, по мнению Зарудного, введению у нас словесного судопроизводства и гласности, не только есть препятствие, но, напротив, есть одна из побудительных причин ко введению сих начал», поскольку чем ниже уровень образованности народа, тем проще должны быть все формы его судебных учреждений³⁸⁹. Эта записка тоже была отлитографирована и стала известна в широких кругах.

Однако прошло еще три с половиной года, прежде чем усилия Второго отделения были признаны недейственными³⁹⁰.

С 1857 по 1861 г. Блудов внес в Государственный совет 14 законопроектов³⁹¹. Предлагая много бесспорных улучшений и новых начал в виде ограничения числа инстанций, введения отдельных элементов устности, гласности, состязательности, допущения защиты и т.п., они, в то же время, останавливались на полпути, не решаясь ни на последовательное проведение указанных начал, ни на такие коренные «опасные» меры, как введение суда присяжных, установление независимости суда от администрации, уничтожение теории формальных доказательств и др. Реформа в этих проектах имела характер компромисса между старым и новым; осуществиться ей не пришлось — дело судебного преобразования вступило на новый путь.

При обсуждении в Государственном совете в 1860–1861 гг. проектов и главных начал гражданского судопроизводства, проектов о присяжных поверенных и судоустройстве в них из-за противодействия Блудова были внесены лишь незначительные изменения³⁹². К осени 1861 г. стало ясно, что подготовка судеб-

ных преобразований зашла в тупик: непрекращающаяся борьба направлений во взглядах на судебную реформу и отсутствие единой концепции среди ее разработчиков вели к несогласованности друг с другом отдельных законопроектов.

О кризисе в подготовке реформы свидетельствовал доклад Блудова Александру II от 19 октября 1861 г. Блудов предлагал передать подготовку судебной реформы из Второго отделения СЕИВК в государственную канцелярию и обрисовывал новую программу этой подготовки. Следовало «предоставить соединенным департаментам внести в общее собрание Государственного совета объяснительную записку обо всем, что может быть признано относящимся к главным основным началам наших предположений для устройства судебной части в империи так, чтобы сия записка обнимала в возможной полноте и ясности все многообразные предметы, к сей части принадлежащие, именно: 1. Судоустройство; 2. Судопроизводство гражданское, 3. Судопроизводство уголовное и, наконец, 4. Нужные временные меры для перехода от порядка ныне существующего, к предполагаемому новому»³⁹³. Составление записки предполагалось возложить на специальную комиссию из служащих государственной канцелярии и министерства юстиции под руководством государственного секретаря В.П. Буткова. Разработанные «Основные положения» затем следовало обсудить в Совете, после чего представить на утверждение монарха. С учетом «Основных положений» предлагалось разработать уставы судопроизводства и судоустройства. Доклад 19 октября, хотя и был подписан Блудовым, составлялся чиновником государственной канцелярии С.И. Зарудным, высочайшее повеление о предоставлении сведений, «в каком положении находятся ... работы по устройству и преобразованию судебной части» было передано через Буткова, он же вручил доклад императору (отсюда ошибочное мнение, что это был его доклад)³⁹⁴.

Что произошло? Почему Блудов сам отказался от дела реформы? Современный исследователь объясняет его позицию «преобладанием в правительственных кругах настроений, несозвучным блудовским, чье руководство судебной реформой завело ее в тупик». По его мнению, «доклад организационно

оформлял предрешенное»³⁹⁵. Решение Блудова, на мой взгляд, можно объяснить только одним: давлением со стороны императора; скорее всего, именно монарх был инициатором подобной расстановки сил; симптоматично, что он решился на это только после крестьянской реформы, когда он уже вступил на путь преобразований, и дороги назад не было.

Этот доклад 19 октября 1861 г., в котором указывалось на разновременность составления и несогласованность отдельных проектов Второго отделения и предлагалось прежде окончательного обсуждения этих проектов определить и утвердить основные начала всей реформы, был одобрен императором 23 октября. Работа по извлечению и формулировке основных начал была возложена на государственную канцелярию вместе с «прикомандированными к ней юристами» (как упоминалось, из них была создана специальная комиссия), а за Блудовым осталось лишь «общее» наблюдение, бывшее почти номинальным³⁹⁶ (тем более что в конце года на посту главноуправляющего его сменил М.А. Корф, все попытки которого вернуть работу по подготовке судебной реформы в Отделение закончились неудачей).

В начале 1862 г. последовало высочайшее повеление чрезвычайной важности для дела судебной реформы: чиновники получили право в выработке основных начал следовать указаниям «науки и опыта европейских государств», «несомненное достоинство» которых было торжественно провозглашено. Таким образом, руки трудившихся над новым судебным устройством оказались развязаны; они освободились от неизбежной прежде обязанности блюсти «самобытность» и получили возможность войти в сферу европейского опыта, знания и правовой культуры. Это ускорило работы, 29 сентября 1862 г. Основные положения были утверждены Государственным советом; они определили характер реформы. К концу 1863 г. были готовы все уставы и объяснительные записки к ним; тогда же началось их обсуждение в Государственном совете. Часть работ была обещана наличием готовых проектов Второго отделения, а также тем, что часть членов Комиссии была причастна к предыдущей законодательной деятельности (например, С.И. За-

рудный). Можно оспорить мнение, что после согласия царя на использование опыта европейских государств «предшествующие разработки низводились до обычного подготовительного материала». Комиссия Буткова оставляла «блудовские законопроекты в части, соответствовавшей взглядам членов Комиссии»: например, не были составлены записки о гражданском судопроизводстве, поскольку вопрос достаточно полно был разработан II Отделением и департаментами Государственного совета, а содержащиеся в предложенном Блудовым проекте о судеустройстве идеи о мировых судах, по сути, остались неизменными вплоть до принятия судебных уставов³⁹⁷.

2 ноября 1864 г. были опубликованы нормативные акты, составившие судебную реформу: Уставы гражданского и уголовного судопроизводства, Учреждение о судебных установлениях (судеустройство) и Положение о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Последнее представляло собой свод выделенных из Уложения о наказаниях 1845 г. и некоторых других законодательных актов статей о проступках. При составлении первых трех документов руководствовались несколько иными принципами, чем те, которые были положены в основу проектов Второго отделения в 1840–1850-е гг. Опыт предшественников пригодился тем, кто готовил преобразование судебной системы.

ГЛАВА 3

М.А. Корф и реформы 1860-х гг.

Сюжеты настоящей главы, посвященной человеку, непосредственно и активно участвовавшему в преобразовательном процессе 1860-х гг., дают возможность не только подробнее рассмотреть ход подготовки самих реформ, но и остановиться на событиях, им предшествовавших и, в определенной степени, сделавших их возможными. Речь идет, прежде всего, о таком «источнике» чиновников нового типа, как Царскосельский лицей, а также о людях, чья деятельность может рассматриваться как идейная (теоретическая) и практическая подготовка коренных преобразований, проведенных при императоре Александре II.

Корф в Царскосельском лицее: один из носителей «лицейского духа»

Отец Корфа, выходец из курляндского служилого дворянства, родовых земель не имел, зато сделал неплохую карьеру при русском дворе³⁹⁸: начал с поста вице-президента Юстиц-коллегии, а умер в чине действительного тайного советника и члена Сената. Мать, урожденная Смирнова, была «чисто русская душою» очень набожная женщина, что передалось и всем ее детям. Возможно, влиянием матери объясняется тот факт, что Корф никогда не ощущал себя немцем, считая себя русским «по воспитанию, по вере, по службе»³⁹⁹. Глубокую привязанность к домашнему очагу, уважение к семейным узам, истинную религиозность – все это вынес из родительского дома Модинька Корф. Видимо, здесь он уже начал осознавать себя *русским* дворянином, цель жизни которого – служба России, российскому императору, российскому дворянству.

На следующие шесть лет домом маленького барона Корфа становится Царскосельский лицей, а семьей – его наставники и воспитанники. Одним из последних был А.С. Пушкин. Благодаря этому обстоятельству первые годы существования Лицея (1811–1817 гг.) достаточно широко освещены в работах многочисленных исследователей творчества поэта⁴⁰⁰. Большое место уделено им в специальных трудах по истории Лицея⁴⁰¹. Подробно изучались условия создания этого учебного заведения, его цели, системы обучения и воспитания, состав педагогов, и, конечно же, субъектами исследований стали первые выпускники Лицея. Но если пушкинистов интересовал вопрос о влиянии этих факторов на Александра Сергеевича Пушкина, то нас интересует, как они отразились на процессе формирования личности, казалось бы, прямо противоположной по жизненным установкам, – Модеста Андреевича Корфа. Последний является как бы воплощенным в жизнь замыслом учредителей Лицея; недаром именно его Е.А. Энгельгардт ставил на первое место в «лицейской галерее первых четырех курсов»⁴⁰².

Идея организации Лицея принадлежит М.М. Сперанскому⁴⁰³. По-видимому, когда встал вопрос об образовании царских братьев – Николая и Михаила Павловичей – император Александр I обратился к нему с просьбой написать проект *особого* учебного заведения, где могли бы воспитываться великие князья. Сперанским была составлена и в конце 1808 г. подана на высочайшее рассмотрение записка, озаглавленная «Первоначальное начертание *особенного* лицея». Долгое время приоритет Сперанского в деле основания Лицея оспаривался. Хотя в «Памятной книжке Лицея за 1855–1856 гг.» его организатором прямо был назван Сперанский, в юбилейном труде 1861 г. И.Я. Селезнев утверждал, что первоначальный замысел Лицея мог принадлежать только иностранцу, возможно даже Ф.С. Лагарпу⁴⁰⁴. Чуть позже были напечатаны письма Сперанского к Масальскому, где корреспондент пишет о Лицее: «Училище сие образовано и устав его написан мною, хотя и присвоили себе работу сию другие»⁴⁰⁵. В начале XX в. была напечатана собственноручная записка Сперанского, упомянутая выше⁴⁰⁶. Более подробный «Проект образования Царскосельского ли-

«ея», написанный также рукой Сперанского, был обнаружен уже в 1950-е гг.⁴⁰⁷ Таким образом, не вызывает сомнений: у истоков Лицея стоял именно Сперанский. Советские авторы, например, Ю.Н. Тынянов, Н.Я. Эйдельман считали, что Сперанский предполагал в стенах нового учебного заведения подготовить себе сподвижников «из разных состояний»⁴⁰⁸, которые с ним вместе осуществили бы проектируемые им преобразования. Сообразна ли такая точка зрения с замыслом Лицея как учебного заведения для воспитания великих князей? На первый взгляд – нет, но, может быть, Сперанским двигала тайная надежда приобрести себе в лице царских братьев сторонников? Именно так считал Тынянов: «Великие князья, заразясь примером сверстников, делались со временем добродетельны ... Судьба будущего государства ими подготовлялась»⁴⁰⁹.

Участием Сперанского дело не ограничилось. К его неудовольствию Александр I передал проект Лицея министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому. Результатом работы Разумовского над запиской были так называемые «Вопросы Лицея» – своеобразный краткий проект нового учебного заведения. В обсуждении его принял деятельное участие Жозеф де Местр, близкий в то время к министру⁴¹⁰. Многие авторы, писавшие о Лицее, отрицательно отзываются о замечаниях Разумовского. В частности, осуждается сокращение им перечня преподаваемых предметов: он вычеркнул химию, астрономию и «другие отвлеченные части математики», греческий язык, историю философии, мотивируя это тем, что «сии науки не нужны министру, судье, дипломату и другим состояниям гражданской службы», и что воспитание в Лицее имеет «ненаучное, как в университете, назначение». Его возражения также вызвало само многообразие предметов для таких маленьких воспитанников (10–12-ти лет), кроме того, он полагал, что невозможно «успеть в столь короткое время в столь многих и важных предметах»⁴¹¹.

Интересно сопоставить эти замечания с позднейшими высказываниями на ту же тему двух известных лицейстов – академика Я.К. Грота и барона М.А. Корфа. Такое сопоставление позволит выявить единство мнений этих трех деятелей русской культуры по вопросу о характере получаемых в Лицее знаний:

независимо друг от друга они приходят к выводу об отсутствии систематического образования у выпускников Лицея, об излишнем энциклопедизме лицейской программы, что приводило к «поверхностно-энциклопедическому учению», к «блестящему всезнанию» и отсутствию «основательного, глубокого ... в познаниях»⁴¹².

Вышедший из-под пера министра народного просвещения проект отличался от предыдущего и по ряду других пунктов, так, было увеличено число учеников⁴¹³, а вместо выражения «отличнейшие воспитанники знатных фамилий» появилось другое – «отличнейшие воспитанники дворянского происхождения»⁴¹⁴. Не является ли это косвенным свидетельством того, что Александр отказался от мысли воспитывать своих братьев в Лицее еще в 1810 г., а не в конце 1811-го, как принято считать?⁴¹⁵ Это, однако, не помешало императору, внимательно ознакомившись с документом Разумовского, своей рукой вписать туда замечания в виде так называемых «Ответов на вопросы Лицея». Здесь Александр I определил место Лицея в системе образования России, уравнив его в правах и привилегиях с университетами⁴¹⁶. Возможно, это еще одно доказательство того, что царь уже в 1810 г. раздумал обучать своих младших братьев в Лицее – ведь именно последний по первоначальному замыслу и должен был подготовить их к учебе в университете⁴¹⁷.

Окончательная редакция Постановления о Лицее (или его устава) принадлежит директору департамента народного просвещения И.И. Мартынову⁴¹⁸. Помимо детализации, в ходе работы Мартынов уточнял, дополнял проект, возможно, здесь не обошлось без советов близкого друга – М.М. Сперанского. В пользу последнего предположения свидетельствует тот факт, что § 36-40 Постановления практически дословно повторяют «Проект духовных академий 1809 года», составленный Сперанским и архиепископом Феофилом⁴¹⁹.

Постановление о Лицее было опубликовано в августе 1810 г., его § 1 гласил: «Учреждение Лицея имеет целию образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной»⁴²⁰. Воплощением этой цели стал не только М. Корф, но и большая часть выпускников 1817 г. Что

бы убедиться в этом, достаточно заглянуть в формулярные списки, но помимо них существуют еще свидетельства современников. В числе последних – второй директор Лицея Е.А. Энгельгардт, писавший в 1841 г.: «Лицейская галерея первых четырех курсов очень любопытна: государственный секретарь Корф, статс-секретарь Маслов, два губернатора: Стевен и Корнилов... вице-директор Бакунин... капитан I ранга Матюшкин, посланник Ломоносов, а там начальниками отделений и прочих сколько угодно и все уважаемы»⁴²¹. Энгельгардт тогда еще не мог знать, что директорами департаментов будут неразлучные П.М. Юдин и П.Ф. Гревениц, новгородским вице-губернатором, а затем тверским губернатором станет А.П. Бакунин, сенаторами – С.Д. Комовский и М.Л. Яковлев, именем *адмирала* Ф.Ф. Матюшкина назовут мыс на побережье Ледовитого океана, а Александр Горчаков получит высший государственный чин в России – чин канцлера – и будет двадцать лет стоять во главе российского внешнеполитического ведомства⁴²². Почему-то принято считать, что все эти лицеисты, сделавшие *карьеру*, пошли «не тем путем», а группа лицейских поэтов, тесно связанная с Пушкиным, была истинным воплощением лицейского воспитания. Так ли это? Можно ли проводить такую резкую границу между поэтами-лицеистами и теми, кто большую часть сил и времени отдавал не литературе, а службе? Думается, что такой подход был бы слишком упрощенным. Например, быстрее всех продвигающийся по служебной лестнице М. Корф в 1820 г. печатает статьи в «Соревнователе просвещения и благоутворения» – органе Вольного общества любителей российской словесности – и издает книгу «Графодромия или искусство шкорописи»⁴²³. Значит, любовь и вкус к литературным занятиям были чертами, присущими не только известным лицейским поэтам, но и ряду лицеистов, менее талантливых в области стихотворения. Этот факт станет вполне объяснимым, если мы познакомимся с программой лицейского обучения, которое отличалось не только «пестрым энциклопедизмом», как уже было замечено выше, но и преобладанием гуманитарных дисциплин. Такое преобладание не было исключительной особенностью Царскосельского Лицея, а было характерно и для других «уни-

версальных дворянских заведений ... подобного типа», например, таких как Сухопутный Шляхетский корпус или Московский университетский благородный пансион⁴²⁴. Несоответствие между записанной в Постановлении целью Лицея и реализуемой здесь программой обучения отмечалось и его выпускниками. Так, Корф считал, что во время учебы лицеистов «надлежало специально готовить к будущему назначению», а между тем, вместо «правоведения и других наук политических» читался «какой-то *общий* курс, полугимназический и полууниверситетский, *обо всем на свете*: математика с дифференциалами и интегралами, астрономия в широком размере, церковная история, даже высшее богословие»⁴²⁵. Интересно отметить, что словесность (а в Лицее преподавали латинскую, русскую, немецкую и французскую словесность) Корф не относит к числу лишних предметов.

Некоторое несогласие *цели* организации Лицея и *программы* обучения в нем указывает на борьбу вокруг Лицея между Разумовским и Сперанским. Мартынов, испытывавший сильное влияние Сперанского, сохранил в Постановлении формулировку назначения Лицея, принадлежащую Разумовскому, но несколько расширил и углубил *содержание* лицейского обучения, так что в результате получилось «соединение литературного образования с научным и так, что первое предшествует второму»⁴²⁶.

Одним из реальных проявлений этого «соединения» явилось широкое распространение в Лицее литературных занятий, которые всячески поощрялись педагогами. Выпускалось множество рукописных журналов, до нас дошла лишь часть из них⁴²⁷. Об участии в журналах Корфа-лицеиста нам ничего неизвестно. Странно, что Корф, впоследствии проявивший себя как человек прекрасно владеющий литературным языком, не оставил следов своих литературных занятий в Лицее (если не считать упоминания в Дневнике о лицейском переводе «Псаломов»⁴²⁸). Правда, почти с уверенностью можно утверждать, что уже в Лицее он вел дневник, не в нем ли он оттачивал свое «золотое перо»? К сожалению, его ранние дневники, по словам автора, «затерялись»⁴²⁹. В архиве Корфа находится рукописный журнал «Неопытное перо», «издававшийся» им и его братьями в 1819–1820 гг.⁴³⁰

Аналогичное название имел один из лицейских журналов, который Корф считал «самым аристократическим»⁴³¹. Выбор наименования для семейного журнала – не попытка ли это взять своеобразный реванш за литературное молчание в лицейские годы? Впрочем, это можно объяснить и ностальгическими воспоминаниями об *alma mater*, а неучастие в лицейских журналах – слишком сильной поглощенностью учебными занятиями.

Действительно, Корф учился старательно и прилежно. При аттестации Корфа преподавателями всегда отмечались его «великая охота к учению» (И.К. Кайданов), «острое понятие» (А.П. Куницын), отменное прилежание и «благонравное поведение» (Кайданов)⁴³². По всем предметам Корф показал неплохие результаты, но самых больших успехов он достиг в истории, географии, в изучении языков – русского, латинского и французского (но не немецкого!), а также в рисовании⁴³³. Некоторые преподаватели особо отмечали честолюбие Корфа, но не все были склонны относить эту черту характера к его отрицательным качествам. Так, Куницын полагал, что если «весьма чувствительному к выговорам» Корфу «дать почувствовать» его отставание от сильных учеников, Корф непременно «скоро исправится». А гувернер С.Г. Чириков в свою очередь отмечал, что, при всей своей вежливости и кротости, Корф весьма «самолюбив и самонадеян»⁴³⁴. Корф, по-видимому, с самого детства был очень честолюбив и, несмотря на внешнюю скромность и «благонравие», всегда упорно шел к намеченной цели, при необходимости трудясь не покладая рук для достижения ее. Трудолюбия же ему было не занимать, оно отличало Корфа уже в Лицее, недаром в «лицейских национальных песнях» пелось: «Корф – сиделец в классах славный»⁴³⁵.

Многочисленные труды Корфа на самые разные темы, большей частью еще не опубликованные, являются свидетельством удивительной работоспособности этого государственного и общественного деятеля. Именно это присущее ему качество наряду с недюжинными природными способностями обеспечили его успехи и в сфере государственного управления, и в области литературы и науки. Что же решающим образом повлияло на формирование этой черты характера юного Корфа? Его

ли немецкое происхождение? Строгое и упорядоченное семейное воспитание? Или же система лицейского обучения? Влияние последней Корф решительно отвергал, полагая, что большая часть преподавателей Лицея «была столь же далека от исполнения устава, сколько и вообще от всякой рациональной системы преподавания»⁴³⁶. Его характеристики профессоров и гувернеров Лицея, по мнению большинства авторов, во многом несправедливы; в связи с этим его не раз упрекали в «излишней пристрастности, и даже в неблагодарности по отношению к лицейским наставникам и Лицею вообще»⁴³⁷. По сути же отзывы Корфа о лицейских преподавателях показывают лишь, как невысоко он оценивал их педагогические качества, то есть их умение и способность *давать знания*, считая, что «при неопытности, неспособности или равнодушии» многих из них нельзя было ожидать иного результата⁴³⁸. В этом вопросе Корф не был одинок, тот же Я.К. Грот, вспоминая Лицей, отмечал «качественную скудость педагогических сил» в нем, так как преподаватели «за исключением двух или трех, очень плохо понимали и цель свою, и средства, которые надобно применять при обучении»⁴³⁹. Исключение Корф сделал для Д.И. де Будри, единственного из всех наставников, который «вполне понимал свое призвание и ... наиболее способствовал» развитию своих учеников, действуя «непосредственно и постоянно на высшую и важнейшую способность – способность правильного мышления, и через нее и на другую способность логического, складного и отчетливого выражения мыслей словами»⁴⁴⁰.

Данная работа не ставит целью проанализировать и оценить всю систему лицейского образования, поскольку это могло бы стать темой отдельного исследования. Ее задача: показать влияние шести лицейских лет на формирование личности М.А. Корфа, и здесь не последнюю роль играют его собственные воспоминания и размышления по этому поводу. Вопрос же о том, являлся Лицей «замечательным воспитательным заведением того времени»⁴⁴¹ или нет, остается за рамками данной работы. Однако трудно поверить, что всеми теми обширными и глубокими познаниями, которые обнаруживает Модест Корф после окончания Лицея, он обязан исключительно своему трудолю-

бию и усидчивости. Чудом сохранившиеся листки из его дневника за 1820 г. свидетельствуют о большом интеллектуальном импульсе, полученном в лицейских стенах. Судя по записям, Корф замечательно владел пером, обладал прекрасным литературным вкусом и знал в совершенстве, по крайней мере, три иностранных языка (как раз те, что учили в Лицее): летом 1820 г. он в подлиннике читает Шиллера, Гете, Лессинга, Вольтера, Вергилия, Горация. Ему нравилась средневековая история, он мечтал о путешествиях, увлекался восточными религиями⁴⁴². Лицей давал не только гуманитарные знания, но и многое в плане подготовки будущих правоведов. Иначе как объяснить, что 19-летний юноша без особого труда переводит с латинского Курляндские статуты⁴⁴³ и составляет к ним комментарий; уже сам перевод, а тем более комментарий, требовал не просто отрывочных, а именно систематических знаний по юриспруденции. Вряд ли такие знания Корф мог получить за столь короткий срок (полтора года) путем самообразования. В зрелом возрасте Корф, сознательно или нет, умалял роль, которую сыграло лицейское обучение в его жизни, не желая признать того очевидного факта, что Лицей дал ему и его товарищам, вместе с определенной системой мышления и мировосприятия, и стимул к постоянному пополнению знаний.

Вместе с тем, когда речь заходит о человеческих качествах лицейских наставников, Корф, опираясь на свои юношеские воспоминания, выделяет ряд воспитателей именно за доброту и сердечность. Так, «довольно ограниченного человека, посредственного гувернера и очень плохого рисовальщика», С.Г. Чирикова лицеисты любили и уважали, главным образом за сочувствие к их «литературным занятиям, в которых он находил вкус». А Я.И. Карцова, который «математику знал и преподавал очень плохо», – за его интересные и остроумные рассказы об обитателях Царского Села⁴⁴⁴. Поэтому странно читать о неблагодарности Корфа по отношению к Лицею, – этого *нет* в его записках, есть лишь попытка педагога, преподавателя⁴⁴⁵ дать оценку профессиональным качествам своих коллег.

В тех же воспоминаниях Корф подчеркивает огромную роль Лицея в своей жизни, придавая гораздо большее значение об-

щению лицеистов друг с другом. Он пишет: «Мы мало учились в классах, но много в чтении и беседе, при беспрестанном тренинги умов»⁴⁴⁶. Такое общение имело блестящий результат: «наш выпуск, более всех запущенный, по результатам своим вышел едва ли не лучше всех других ... Одного имени Пушкина довольно, чтобы обессмертить этот выпуск; но и кроме Пушкина, мы, из ограниченного числа 29-ти воспитанников, поставили по несколько очень достойных людей почти на все пути общественной жизни»⁴⁴⁷.

Здесь необходимо отметить удачный, хотя и случайный, подбор воспитанников: в одно место было собрано несколько довольно ярких индивидуальностей, определивших лицо курса⁴⁴⁸. Для части воспитанников большое значение имело влияние первого директора Лицея, ставленника Сперанского Василия Федоровича Малиновского, при котором и было положено начало «лицейскому братству» или «лицейскому союзу». Впоследствии этот союз в работах советских пушкинистов превратился в круг близких друзей Пушкина-лицеиста. Остальным «первокурсным» было отказано в праве принадлежать к этому союзу⁴⁴⁹. Однако Пушкин в своих стихотворениях о Лицее включал в «лицейское братство» *всех* своих соучеников, также поступали и авторы мемуаров о первом курсе Лицея. Поэт обращается ко всем своим одноклассникам:

Друзья мои, прекрасен наш * союз!

<...>

Все те же мы: нам целый мир чужбина;

Отечество нам Царское Село.

Вспоминая лицейские годы, «семью друзей» Пушкин признается, что ему

во сто крат милее

Младых повес счастливая семья!

Где ум кипит, где в мыслях волен я,

---

* Здесь и далее в стихотворных цитатах курсив мой. – И.Р.

Где спорю вслух, где чувствую живее
И где *мы все* – прекрасного друзья.

Лишенный возможности присутствовать на праздновании
лицейской годовщины, поэт мечтает:

Промчится год, и я явлюся к вам!
О, сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!
И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь *нашего союза!*
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!

Он спрашивает своих одноклассников:

Кого еще не досчитались вы?..
Чей глас умолк на *братской* переключке?

И, наконец, в стихотворении «19 октября 1827 года» («Бог помочь, вам, друзья мои!») речь идет не только о тех, кто «в краю чужом, в пустынном море, и в мрачных пропастях земли», но и о тех, кто «в заботах ... царской службы»⁴⁵⁰. Таким образом, Пушкин, воспевая «святое лицейское братство», «прекрасный лицейский союз», имел в виду *всех* первокурсных⁴⁵¹. «Первый» и «бесценный» друг поэта Пущин вспоминал: в Лицее «образовалась товарищеская семья» и сложилась та «неразрывная и отрадная связь ... на всю жизнь... которая соединяет первокурсных Лицея»⁴⁵². Другой лицейский поэт Кюхельбекер из Свеаборгской крепости писал: «прошу моих милых сестер писать все, что знают о жизни и судьбе моих товарищей по Лицею. О троих я знаю кое-что из газет (о Корфе, Вольховском, Данзасе) ... Итак, я хотел бы услышать что-нибудь о Малиновском, Стевене, Комовском, Яковлеве и о каждом другом лицеисте первого выпуска, не забудьте также узнать о Горчакове»⁴⁵³. В годы заточения и ссылки Кюхельбекер в одиночестве празднует 19 октября; осталось несколько стихотворений, посвященных этому дню:

Поминки нашей юности, – и я
Их праздновать хочу. <...>

<...>

<...> Предстаньте мне, друзья;
Пусть созерцает вас душа моя,
Всех вас, Лицея нашего семья!

—

Моих друзей далекий круг!

<...>

Ты празднуешь ли день священный,
День, сердцу *братьев* незабвенный?⁴⁵⁴

Созвучны этим стихам и написанные по тому же поводу строчки А.Д. Илличевского:

И что же время нам?
Оно расторгнуть *братских* уз не смеет,
И дружба наша, как вино,
Тем больше крепнет, чем стареет,

и Дельвига:

Снова, други, в *братский* круг...⁴⁵⁵

Таким образом, «священная царскосельских лицейском связь»⁴⁵⁶ объединяла всех выпускников 1817 года. П. Мясоедов писал Пушкину: «наши все 29-ть человек лицейских (другого названия я и дать не смею)»; К. Костенский признавал, что «любовь товарищей первого выпуска пылает все так же и в 1830 году, как и в 1811-м»⁴⁵⁷. И через пятьдесят лет после выпуска, верные лицейскому прошлому, воспитанники I курса сходились как старые друзья, несмотря на то, что «разными дорогами путешествовали в жизни»⁴⁵⁸.

Естественно, что при различии жизненных стартов, семейных устоев и природных дарований 10-12-тилетние мальчики не могли выйти одинаковыми только потому, что воспитывались вместе. Это впоследствии и проявилось в разнообразии их су-

деб. По выходе же из Лицея *всех* «первокурсных» отличал так называемый «лицейский дух». Он не означал полного тождества мировоззренческих установок, но обязательно включал в себя «глубокое убеждение, что они воспитаны “для общей пользы”»⁴⁵⁹. Убеждение это лицеисты первого выпуска пронесли через всю жизнь. Так, в 1835 г. Корф писал Малиновскому: «Делать добро *частное* в этой должности менее случая, нежели в моей прежней, но поприще добра *общественного* обширно и необъятно. Дай только Бог умения»⁴⁶⁰. А Малиновский в 1861 г. в письме к Горчакову предлагал девяти оставшимся в живых лицеистам выпуска 1817 года «проверить ... себя, дать добросовестный отчет за пятьдесят лет», изложив «подвиги служебной жизни, но в оправдание девиза лицейской медали “Для общей пользы”»⁴⁶¹. О претворении в жизнь этого лицейского девиза тот же Малиновский писал Корфу и позднее в 1867 г.⁴⁶²

В шестилетнем общении, в «трении умов»⁴⁶³ вырабатывался единый взгляд на существующий порядок вещей, включавший в себя и желание изменить к лучшему этот порядок, пути же такого обновления мыслились по-разному. Для некоторых дорога к переменам проходила через участие в тайных обществах, так, Пущин и Вольховский сразу после окончания учебы вступают в «Союз спасения», причем Пущин прямо связывает это событие с «мнениями и убеждениями, вынесенными из Лицея»⁴⁶⁴. Другие призывали к переменам в своих литературных произведениях, на страницах журналов; среди них – Пушкин и его лицейские друзья из «Союза поэтов». Третьи, к каковым относился и Корф, добросовестно служили, не забывая о лицейском девизе «для общей пользы». Последние составляли подавляющее большинство «первокурсных», о чем упоминалось выше.

«Лицейский дух» включал в себя, помимо убеждения в необходимости перемен и готовности содействовать им, также осознание некоей интеллектуально-элитарной общности лицейских, сильно развитое чувство товарищества, можно даже сказать своеобразный «культ дружбы» (речь идет только о первом курсе Лицея). Примеров его проявления – множество. 15 декабря 1825 г. А.М. Горчаков предлагал И.И. Пущину заграничный паспорт и помощь в тайном бегстве за границу. Именно к ли-

цейским товарищам обращается Пущин из сибирского “далека” с просьбой о покупке и доставке пианино для его маленькой дочери. За дело берутся почти все находящиеся в Петербурге лицеисты, наиболее активно – Матюшкин, которому Пущин и адресовал свою просьбу, Яковлев, который, как музыкант, выбирал инструмент, Корф, которого в ответном письме Пущин благодарит первым.

Другой известный факт: Корф пересматривает, редактирует и отправляет Пушкину пространный список иностранных книг о Петре I, составленный им в юности. В 1831 г. к Корфу с просьбой обращается Михаил Пущин, полагая, что дружба адресата с его старшим братом дает ему на это право⁴⁶⁵. Через М.И. Семевского апеллирует к Корфу сын В.К. Кюхельбекера по поводу опубликования статьи о своем отце и отрывка из записок последнего⁴⁶⁶. Таким образом, «лицейский дух» как выражение приобщенности к «лицейскому союзу», «лицейскому братству» – черта общая для всех лицеистов первого выпуска, в этом плане Корф не являлся исключением.

Хотелось бы остановиться на более узком понимании термина «лицейский дух», как проявлении крайне радикальных взглядов части первых лицеистов. В число последних включали Пушкина и тех, кто был тесно с ним связан, тех, кто занесен в «Алфавит декабристов», почти всегда – С. Броглио, погибшего в борьбе за независимость Греции. В эту группу, как ни странно, не попадал Д.Н. Маслов, один из предполагаемых членов Журнального общества Н.И. Тургенева⁴⁶⁷. Все остальные лицеисты первого курса будто бы были лишены «лицейского духа» и, в первую очередь, Модест Корф. Традиция подобной трактовки идет от авторов двух записок. С одной обратился в 1820 г. к В.П. Кочубею В.Н. Каразин, с другой – в III Отделение анонимный литератор, по мнению Б.Л. Модзалевского, им был не кто иной, как Фаддей Булгарин (1826 г.)⁴⁶⁸.

Каразин разбирает некоторые несовершенства государственного управления в России. Одну из причин этого явления он видит в неправильном воспитании юношей – будущих чиновников – в закрытых учебных заведениях, в частности, полагая, что начетническая система преподавания в них закона Божия

порождает лицемерие и приводит к «умножению людей развращенных». Далее он пишет: «В самом Лицее Царскосельском государь воспитывает себе и отечеству недоброжелателей. Это доказывают почти все вышедшие оттуда». Помимо «лицейских питомцев» (в частности Пушкина), Каразин отмечает и воспитанников Пажеского корпуса, который, по его мнению, «едва ли с сей стороны не походит на Лицей»⁴⁶⁹. Каразин остался недоволен тем, что основная часть его письма – предложения по усовершенствованию некоторых сторон государственного управления, не привлекли внимания императора. Последний заинтересовался только сведениями о лицейских воспитанниках, из которых «более или менее есть почти всякий Пушкин», и все «связаны каким-то подозрительным союзом»⁴⁷⁰, и о самом поэте. Считается, что высылка Пушкина из столицы была прямым следствием каразинской записки.

Совсем с другой целью была составлена записка «Нечто о Царскосельском Лицее и о духе оногo» (1826 г.), предназначенная для III Отделения и имеющая пометку «Единственно для высочайшего сведения»⁴⁷¹. Это был «политический донос», составленный «из полуистин, пущенных в полицейское обращение»⁴⁷². Здесь Булгарин так характеризует проявление «лицейского духа»: это «когда молодой человек не уважает старших... должен ... порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать ... или ... быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных... знать ... места самые сильные из революционных сочинений... должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах, казаться не верующим христианским догматам» и т.п. «Суть отличительные черты сих господ в обществах», по мнению автора записки, «пророчество перемен, хула всех мер или презрительное молчание, когда хвалят что-нибудь». Единственное имя, названное в этом «доносе», имя М.А. Корфа: он и некоторые другие в Лицее «слушали прилежно курс <политических> наук и <поэтому> ... вышли не либералы»⁴⁷³. На письмо Булгарина никакой реакции со стороны правительства не последовало.

Е.А. Энгельгардт же, узнав, Бог знает какими путями, о булгаринской записке, пытается оправдать себя и своих воспитанников, приняв на свой счет следующие слова: «Начальники Лицея под предлогом *благородного обхождения*, позволяли юношеству безнаказанно своевольничать, а на нравственность и образ мыслей не обращали ни малейшего внимания. И как с одной стороны, правительство не заботилось, а с другой стороны, частные люди заботились о делании либералов, то дух времени превозмог — и либерализм укоренился в Лицее в самом мерзком виде»⁴⁷⁴. Оправдательное письмо Энгельгардта русские газеты не печатают, зато его публикуют две остзейские, через них оно попадает в зарубежные издания. За границей на основании этого письма делаются поспешные выводы о том, что Лицей был чуть ли не главным центром подготовки восстания 14 декабря 1825 г. О неосновательности такого мнения как будто свидетельствует отсутствие реакции властей на «донос» Булгарина, однако, не надо забывать, что подходил к концу 1826 г., только что завершилась расправа над членами тайных обществ, произведшая неблагоприятное впечатление на общество. Еще один разгром вряд ли прибавил бы популярности новому императору.

Возможно, записке не придали значения по другой причине: в 1822 г. Лицей был передан из ведения министерства народного просвещения в ведомство военно-учебных заведений, Энгельгардта отправили в отставку, его место занял бывший директор Кадетского корпуса генерал-майор Ф.Г. Гольтгоер⁴⁷⁵. Произошло ужесточение дисциплины (например, были введены телесные наказания), морально-психологическая атмосфера стала иной: о «бездушии, которое ныне царит в Лицее», писал Энгельгардт Вольховскому в 1835 г.⁴⁷⁶ Скорее всего, автор записки метил в *бывших* лицеистов; большинство современных исследователей полагают, что речь шла о литературном соперничестве Булгарина и Пушкина.

Радикализм лицейских настроений, вероятно, был преувеличен в так и не найденном докладе Ф.М. Гауеншильда австрийскому министру иностранных дел К. Меттерниху. Сохранилась лишь ответная депеша последнего на это сообщение: «Я неда-

но затребовал от Гауеншильда подробную историю организации Царскосельского Лицея. Она представит большой интерес и даст ключ к тому явлению, что, так сказать, собственные дети несчастного Александра поклялись погубить его, не останавливаясь даже перед убийством»⁴⁷⁷. В этом ряду и свидетельство Н.И. Греча, вспоминавшего: после 14 декабря распространялись слухи, что основными заговорщиками были лицейские.

Как показано выше, «лицейский дух» в понимании самих выпускников 1817 г. – это вовсе не радикальные идеи, не призывы к ниспровержению существующих устоев, это – дружеские связи, «образовавшиеся на всю жизнь» и стремление сделать что-либо «для общей пользы».

«Лицейский дух» складывался не только в общении юношей между собой, определенное влияние (и, безусловно, немалое) на его формирование оказали лицейские наставники.

Василий Федорович Малиновский, стоявший во главе Лицея в первые годы его существования (1811 г. – март 1814 г.). Личность, долгое время незаслуженно остававшаяся в тени. Очевидно, в этом отчасти «виноваты» сами лицеисты: так, Корф считал его человеком «слабым и вообще не созданным для управления... тем более высшим учебным заведением»⁴⁷⁸. А в записках Пущина о нем сказано только: на торжественном открытии Лицея «робко выдвинулся на сцену наш директор В.Ф. Малиновский со свертком в руке. Бледный, как смерть, начал что-то читать; читал довольно долго, но вряд ли многие могли его слышать, так голос его был слаб и прерывист... кончивши речь свою поклонился и еле живой возвратился на свое место»⁴⁷⁹. В трудах Селезнева и Кобеко лишь сухо изложена официальная биография первого директора Лицея; гораздо больше места уделено Е.А. Энгельгардту. Селезнев, отдавая должное «нравственным качествам и прекрасному образованию» Малиновского, отмечая его заслуги в «устройстве нового учреждения»⁴⁸⁰, подчеркивал, что Малиновский «не мог еще видеть плодов трудов своих»⁴⁸¹, т. к. «еще ничего не установилось, а всё только зарождалось»⁴⁸². У Кобеко же вместо биографии Малиновского и характеристики его деятельности в Лицее мы находим краткий разбор наиболее значительной печат-

ной работы последнего «Рассуждения о мире и войне»⁴⁸³. В другом своем сочинении («Первый директор Царскосельского Лицея») Кобеко основное внимание уделил тем, кто, по его мнению, способствовал назначению Малиновского директором Лицея⁴⁸⁴. Он прочно связывал имена «благодетелей» Малиновского с мартинизмом, отмечая: назначение это доказывало, «что мартинисты умножали свою секту присоединением лиц, которым доставили важные должности»⁴⁸⁵. В самом конце этой небольшой работы Кобеко заметил, что отзыв М. Корфа о Малиновском больше похож на «служебную начальническую аттестацию, а не на мнение питомца о своем воспитателе»⁴⁸⁶.

В трудах послереволюционного времени о Малиновском, как правило, упоминается вскользь, серьезный анализ его взглядов мы находим в очень немногих работах. Одна из таких работ — статья Е.А. Араб-Оглы, содержащая наиболее полный список литературы о Малиновском, краткую характеристику его социально-политических взглядов, а также подробный анализ его «Рассуждения о мире и войне»⁴⁸⁷. В этой работе Малиновский отмечал губительность войн для благополучия воюющих народов: «покуда не истребится война, нет надежды, чтобы народы могли жить в изобилии и благоденствии», не признавал за известными полководцами (такими как Александр Македонский, Цезарь, Чингисхан) права называться великими людьми, выступал против религиозного освящения войн «праздными толпами монахов», «превращающих божий закон в орудие своих страстей». Помимо отрицания необходимости войн, Малиновский выдвинул оригинальный проект создания международной организации в защиту мира и сформулировал высокогуманные принципы международного права⁴⁸⁸. Известно, что данная работа имела определенное влияние на А.С. Пушкина; по всей вероятности, с ее положениями был хорошо знаком и русский дипломат князь А.М. Горчаков⁴⁸⁹.

В исследовании известного пушкиноведа Б.С. Мейлаха, на основании архивных материалов, убедительно доказывается, что В.Ф. Малиновский был человеком передовых взглядов, и что именно с ним связано формирование «лицейского братства» и, как его выражения, «лицейского духа»⁴⁹⁰. Мейлах под-

черкивает, что «цель, которая была намечена в первоначальном проекте организации Лицея, могла быть углублена и осуществлена только при условии подбора соответствующих руководителей Лицея. От них и только от них зависела степень использования возможностей, заложенных в лицейской программе». Таким «соответствующим руководителем» и стал Малиновский⁴⁹¹. Общеизвестно, что Малиновский находился под влиянием Н.И. Новикова и его кружка. Отголоски новиковских настроений мы находим в журнале, издававшемся Малиновским в 1803 г., – «Осенние вечера»⁴⁹². Пропаганда «общей пользы научения и просвещения» пронизана в этом журнале страстным патриотизмом и стремлением поставить Россию на высочайшую ступень славы и могущества. В то же время Малиновский записывает в дневнике: «Кто любит добродетель и отечество, должен стараться о прекращении рабства»⁴⁹³, и составляет «Записку об освобождении рабов» (1802 г.). Она была предназначена для канцлера В.П. Кочубея и содержала один из первых в России проектов крестьянской реформы. В «Записке» предусматривалось освобождение крестьян, хотя и без наделения помещичьей землей, но и без выкупа⁴⁹⁴. В дневнике же автор пошел дальше: «Законодательство должно быть осторожно, чтобы не завести в России ... крестьян безземельных»⁴⁹⁵. Особая часть дневника Малиновского – проект «О созвании депутатов» (1803 г.); именно через депутатов, по его мнению, следует выслушивать мнение представляемого ими народа. Существующий же в России государственный строй он называет в своей записной книжке «деспото-аристократией» и «владыко-вельможным» правлением⁴⁹⁶. Не стоит преувеличивать радикализм первого директора Лицея: мысли, доверенные записной книжке, не всегда высказывались вслух. Да и эти записи показывают нам отнюдь не революционера, а человека, чьи взгляды вполне вписываются в программу реформирования России, выработанную Сперанским и его единомышленниками⁴⁹⁷. Это, в свою очередь, является еще одним подтверждением того факта, что получивший свое развитие при Малиновском «лицейский дух» не был выражением крайне левых взглядов.

Направление лицейского воспитания восходит к взглядам Малиновского, отраженным в его сочинениях. Малиновский был инициатором таких отношений между лицейским начальством, профессорами и воспитанниками, при которых (независимо от происхождения и чиновных различий) «воспитывающие и воспитываемые составляли всегда одно сословие». Сама идея свободы суждений лицеистов по политическим вопросам также восходит к Малиновскому, который постоянно указывал на необходимость «общего духа», его же «родит ... такое правление, в коем общество имеет часть». Следовательно, и в Лицее, для выработки «общего духа», должна быть возможность заниматься «суждением об управляющих и деяниях их», только «тогда родится желание доброго мнения, уважения, достигаемого достоинствами и добродетелями»⁴⁹⁸. Малиновский говорил об «общем мнении», «общем благоденствии», «общей воле»⁴⁹⁹. Эти выражения стали распространенными формулами в лицейском преподавании, сочинениях, разговорном языке. О «пользе общей» писал Малиновский в дневнике, рассуждая о вреде деспотизма и необходимости ограничить самодержавие⁵⁰⁰. Аналогия с надписью на лицейской медали и на чугунных кольцах выпускников очевидна⁵⁰¹.

Многие работы Малиновского так и остались в рукописях. Можно предположить, что Корф был знаком с некоторыми из них, ведь его связывала тесная дружба с Иваном Малиновским. Интерес Корфа к некоторым проблемам мог быть вызван вечерами, проведенными в доме друга – сына первого директора. Например, совершенно неожиданная для него работа по еврейскому вопросу, где он выступает с осуждением антисемитизма, не покажется такой уж неожиданной, если предположить его знакомство с мнением по данному вопросу В.Ф. Малиновского⁵⁰². К осознанию необходимости ликвидации крепостного права приходили рано или поздно почти все образованные люди первой половины девятнадцатого столетия, однако что-то могло остаться в душе Моды Корфа с ранней юности. То же самое можно сказать и о проблеме разделения властей, и о «приучении России к большей законности»⁵⁰³.

О втором директоре Лицея Егоре Антоновиче Энгельгардте (осень 1816 – 1822 г.) нельзя сказать, что даже в мыслях он был человеком, оппозиционно настроенным по отношению к правительству. Но утверждать, как это делает, например, Ю.Н. Тынянов, что Энгельгардт только и «заботился, чтобы из питомцев своих образовать *des cavaliers galants et des chevaliers servants*»⁵⁰⁴, не совсем верно. Приведенные слова мемуариста Тынянов считает одним из важнейших доказательств противоположности педагогических позиций Энгельгардта и Малиновского. Отсюда исследователь делает вывод о существовании двух враждебных направлений лицейского воспитания, о наличии совершенно различных группировок внутри Лицея, и заключает, что «единого лицея не было; ложное единство лицейской истории первого выпуска создано традицией»⁵⁰⁵. Однако, на основании архивных материалов, Мейлах доказывает неосновательность такого вывода и показывает, что второй директор Лицея «не внес никаких существенных изменений в систему воспитания и преподавания и, более того, горячо отстаивал ранее принятые принципы»⁵⁰⁶. Он приводит, помимо писем самого Энгельгардта, записку министра народного просвещения А.Н. Голицына, адресованную Александру I, в которой министр обвиняет директора Лицея в допущении «вреднейших беспорядков по части учебной и нравственной». Голицын возмущен похвальным отзывом Энгельгардта о книге А.П. Куницына «Право естественное», а также тем, что Энгельгардт противился чтению воспитанникам священного писания. В заключение Голицын пишет: «Образование вверенных Лицею юношей из знатнейших фамилий направляется вовсе не к той цели, которую государь император имел в виду»⁵⁰⁷. В 1829 г. уже Николай I, восхищаясь «прекрасным надзором» Гольтгоера за Лицеем, выражал надежду, что «ученики, подобные выпущенным во вкусе Энгельгардта, не будут более выходить из Лицея»⁵⁰⁸.

Хорошо известен факт выступления Энгельгардта против военизации Лицея и против дежурств лицеистов при дворе (последнее как раз и могло бы воспитать из них «*des cavaliers galants et des chevaliers servants*!»); он, видимо, полагал, что это может разрушить «лицейский дух». Печальный конец его ди-

ректорской карьеры также опровергает точку зрения Тынянова. Сюда можно добавить свидетельство Пущина: присутствовавшего на открытии Лицея Энгельгардта настолько поразила речь А.П. Куницына и изложенная в ней программа воспитания лицеистов, «что в тот же вечер, возвратясь домой, <он> перевел ее на немецкий язык, написал маленькую статью и всё отослал в дерптский журнал»⁵⁰⁹. Эта речь призывает к служению отечеству, общественному прогрессу и провозглашает целью воспитания – «даровать согражданам истинного соперника в общественных пользах»⁵¹⁰. Интересно отметить, что в годы директорства Энгельгардта, его заместителем – конференц-секретарем – неизменно оставался именно Куницын.

О последнем хотелось бы сказать несколько слов. Советские исследователи единодушно признавали **А.П. Куницына** самым ярким представителем «лицейского духа», в узком смысле слова, среди преподавателей Лицея. Считали ли они Куницына «прогрессивным просветителем» (как будто бывают не прогрессивные!) или просто типичным представителем русской просветительской философии начала XIX в., «декабристом по убеждению» или членом Союза благоденствия⁵¹¹, – все авторы сходились в одном: в деятельности Куницына «наиболее ярко ... сказалось ... значение просветительской теории общества» для идеологии декабризма⁵¹². Доказательства исследователи находили, прежде всего, в следственных делах целого ряда декабристов, которые среди факторов, повлиявших на формирование их радикальных взглядов, указывали и на посещение ими лекций профессора Куницына или же на знакомство с его книгой «Право естественное»⁵¹³. Упомянутая книга вышла в 1821 г. и была запрещена Главным правлением училищ, как содержащая «ложные начала и выводимое из них весьма вредное учение, противоречащее явно истинам христианства и клонящееся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных», а ее автор удален от службы по министерству духовных дел и народного просвещения⁵¹⁴. Данное обстоятельство также обычно рассматривается как свидетельство крайнего радикализма Куницына. В этом ряду – приятельские отношения с братьями Тургеневыми, особенно с Николаем⁵¹⁵. Вместе с по-

следним Куницына называют организатором так называемого Журнального общества⁵¹⁶.

Принимая факт идейного воздействия лицейского профессора на вполне зрелых людей – декабристов, трудно поверить, что подобного влияния избежали его юные воспитанники. Даже такой недоброжелатель Куницына, как Корф, считавший систему преподавания своего наставника «самой негодной», признавал, что «Куницын был, конечно, даровитее своих товарищей и в особенности говорил складнее... сверх того, у него было живое воображение, и он обилдовал рассказами, сравнениями и т.п.»⁵¹⁷. Из воспоминаний Корфа также явствует, что «на первых порах» все лицеисты были очень увлечены лекциями молодого адъюнкт-профессора. Отражением этого увлечения, возможно, являются строчки из «Лицейского мудреца» (№ 2): «Теперь в классах говорят о правах естественных»⁵¹⁸.

Обнаруженные в советское время конспекты князя А.М. Горчакова позволяют судить о содержании лекций некоторых лицейских преподавателей, в том числе и Куницына⁵¹⁹. Тот факт, что эти тетради точно отражают преподаваемое Куницыным, подтверждается свидетельством Корфа: «При неимении в то время никаких печатных курсов, он (Куницын) сам писал свои записки, а мы должны были их списывать и изучать *слово в слово*, совершенно *в долбяжку*, так что при ответах на его вопросы нельзя было изменять ни единой буквы»⁵²⁰. При сравнении записей Горчакова и положений книги «Право естественное» по ряду вопросов выясняется, что в последней многие формулировки более осторожны. Например, характеристика монархического образа правления на занятиях звучала так: «Когда физическому лицу договором подданства представлены все права величества без всякого ограничения, то есть когда он может располагать средствами для цели общества по своему усмотрению, тогда образ правления называется монархическим, неограниченным или самодержавным». В книге же говорилось: «Все граждане избирают одно лицо, которому обещают безусловное повиновение в исполнении его решений. Сей образ правления есть монархия или т.н. самодержавие»⁵²¹.

Куницын не ограничивался лицейскими стенами, он печатал статьи в журналах, чаще всего в «Сыне Отечества». Этот журнал в Лицее выписывали и, надо думать, статьи своего преподавателя читали в первую очередь, тем более, что дух их был созвучен лицейским настроениям. Так, когда за «сынами Бородина» «душой восторженной ... летел» каждый лицеист, работа Куницына в № 5 «Сына Отечества» за 1812 г., проникнутая патриотизмом и верой в победу русского оружия (поскольку «французы проливают кровь за дело их тирана, мы сражаемся за наше собственное»), не могла не вызвать восторженных отзывов его юных учеников⁵²². Кто знает, патриотизм Корфа и его соучеников, не укреплялся ли он в Лицее и под влиянием Куницына, не говоря уже о Малиновском?

Лекции, статьи, книги Куницына свидетельствуют о том, что автор – последователь теории естественного права и общественного договора французских просветителей. При анализе его лекций обнаруживается, что основным теоретическим источником их явился «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо. По мнению исследователей, «у Руссо он заимствовал не только общие положения, но и частные определения», хотя это не лишает его курс самостоятельности, которая проявляется, прежде всего, «в стремлении изложить принципы различных систем государственного управления (в том числе и самодержавия) без прямых политических оценок каждой из них»⁵²³. Но даже если допустить, что Куницын не всегда был оригинален в своих философских построениях, его значение как талантливого популяризатора идей Руссо трудно переоценить. Насколько ярким был этот талант, можно судить уже по тому факту, что лицеисты также увлеклись идеями этого философа. В «Словаре» Кюхельбекера больше всего выписок из Руссо и его последователя Вейсса⁵²⁴. Корф тоже был увлечен философией Руссо: он даже берется за перевод «Эмиля»⁵²⁵. Опираясь на какие-то, не дошедшие до нас бумаги Кюхельбекера, Тынянов отмечал: Корф долгое время был почитателем стихов Кюхли и буквально ходил за ним по пятам. Ему скорее всего были знакомы многочисленные выписки из Руссо и Вейсса в «нашем словаре»⁵²⁶: об «Образе правле-

ния», «Рабстве», «Общественном благе» и т.п.⁵²⁷ Эти записи не раз обсуждались в кругу одноклассников.

В вопросах об идейных воздействиях трудно утверждать что-либо со всей определенностью, можно лишь строить более или менее достоверные предположения. Скорее всего, уроки нравственной философии Куницына не прошли даром для Корфа, не говоря уже о его лекциях по истории и сущности права, а совпадение тем, затронутых учеником и учителем в своих работах, – не просто отзвуки одинаковых общественных явлений, а влияние старшего на младшего. Профессор всячески обосновывал нравственную необходимость и экономическую целесообразность отмены крепостного права, то же можно сказать и о его бывшем воспитаннике. Куницын горой стоял за «твердое» законодательство, Корф был сторонником «приучения России к большей законности»⁵²⁸.

Воспитанники первого курса выделяли Куницына, наряду с Будри, за отсутствие подобострастного отношения к начальству: на карикатуре в «Лицейском мудреце» все профессора и гувернеры направляются «на поклон» к А.К. Разумовскому, и только двое – Куницын и Будри – в противоположную сторону.

Впоследствии Корф преуменьшал роль лицейского преподавания в своей жизни, лицейские наставники (Малиновский, Куницын, Будри, Галич и др.), безусловно, оставили след в уме и сердце юного воспитанника. Система лицейского обучения немало дала Корфу, как в плане образования, так и плане формирования определенного мироощущения, выразившегося и в добросовестном отношении ко всему, что бы он ни делал. Сам Корф подчеркивал: «Я скорее позволю... чтобы отрицали во мне всякую годность на дело, нежели, чтобы прикасались к моим правилам, к моему характеру, к тому, что я назову государственной добросовестностью»⁵²⁹. Так же как и другие лицеисты первого выпуска, Корф старался быть верен лицейскому девизу, это прослеживается в его дневниковых записях. Так, при назначении в Комитет 2 апреля 1848 г., он задается вопросом: «буду ли я в нем истинно полезен?», а получив долгожданный пост директора Императорской Публичной библиотеки, с сожалением констатирует, что хотя в этой должности есть всё для

его «вкусов и наклонностей», однако «нет ... почти ничего для общей пользы»⁵³⁰.

Желание не просто «прислуживаться», а именно «служить для общей пользы», понимаемой как «общественное благо», и было воспитано в лицейских стенах. Е.А. Энгельгардт в письмах к лицейским постоянно с восхищением говорит о Корфе: он «сделан камергером и коллежским советником... это очень хорошо, но что еще лучше того, он это заслужил»; «Корф занят не только по уши, но выше ушей... а работает хорошо»; «каков Модест? Тайный советник и второго Владимира кавалер! и что лучше того, любим и уважаем начальниками и подчиненными»⁵³¹. Энгельгардт неизменно хвалит Корфа: тот, хотя и «живет как у Христа за пазухой, а все доброй малый», «парень душою хоть куда», «носа не поднял, работает дюже, и помогает добрым людям сколько можно», директор по-прежнему «находит в нем еще старого лицейского»⁵³².

Отношения Корфа с прежними товарищами на протяжении всей жизни остаются неизменными. Об этом свидетельствует, например, его переписка с Иваном Васильевичем Малиновским. Последний всегда обращался к Корфу – «мой верный Модест»; в ответ на одно из писем Малиновский писал, что получил «сердечное, Лицедем дышащее послание»⁵³³. В цитируемых же часто словах Корфа из письма В.Д. Вольховскому: «день 19 октября, всё еще празднуемый, но почти уже по одному преданию, без прежних заветных песен, без многих милых нашему сердцу, и – будем откровенны, – без прежнего радушия: судьба и обстоятельства слишком раскидали и разрознили нас, – чтобы струны далекой молодости звучали и отдавались так же согласно, как бывало прежде»⁵³⁴, – звучат скорее горечью и сожалением об ушедшей молодости, нежели высокомерием и пренебрежением к своим бывшим одноклассникам.

*Первые шаги по служебной лестнице.
Под началом Е. Ф. Канкрин*

Получив представление о том миропонимании, с которым Корф вышел из стен Лицея, легче понять его первые шаги на служебном поприще. О них он подробно рассказал в своем дневнике: «начав службу в половине 1817 г., хотя и в чине титулярного советника, но с обязанностей простого писца»⁵³⁵ в министерстве юстиции, «я в числе прочих младших чиновников департамента дежуривал» при министре юстиции Д.И. Лобанове-Ростовском; «дежурство это состояло в том, что мы часу в 8-м являлись к нему в парадных мундирах, докладывали о приезжающих, подавали ему получаемые бумаги и печатали конверты. Потом дежурный обедал всегда за его столом, а вечером он отпускал нас часу в 8-м или 9-м. Можно представить, что все это бывало не очень забавно, и что при механической работе печатания и докладывания князю трудно было ему ознакомиться с нашими способностями, тем больше, что за обедом хотя мы и сидим вместе, но дежурный должен был хранить самое глубокое и святое молчание, и князь никогда не обращал к нему ни одного слова». «Между служебными товарищами» Корф «слыл», по тогдашнему выражению, «ученым», что в их понятиях составляло почти синонимом с «бестолковым и негодным на службу»⁵³⁶. «Между тем, в это время образовалась новая канцелярия при министре, – продолжает Корф, – и все мое честолюбие устремлено было к тому, чтобы занять в ней место переводчика – как нечто уже самостоятельное после писарских моих обязанностей». Кандидатов было много, были заданы «пробные работы»: так Корфу предложено было сделать перевод «по провиантской части» с немецкого на русский. Этот перевод и протекция барона А.Я. Бюлера помогли Корфу получить «желанное место, на котором от безделья <он> чуть было не погиб для службы». Последней опасности он избежал благодаря «навыку к занятиям, не погасшему еще ... от Лицея». Это обстоятельство и советы друга семьи Отто Витгенгейма внушили Корфу «мысль заняться чем-нибудь хоть не совсем слу-

жебным, то, по крайней мере, близким к обязанностям его должности». Он «перевел с латинского языка на русский Курляндские статуты, закон, и теперь еще действующий, но который приводился тогда по делам в Сенате в разных негодных переводах, деланных местными переводчиками по частям»⁵³⁷. Этот перевод «обратился в тайный зародыш всей будущей» карьеры Корфа: за эту работу он был определен в Комиссию составления законов, из которой попал во Второе отделение⁵³⁸. Последнее, по словам Корфа, «воссоздало и вывело» его к вершинам государственного управления.

В первые годы службы Корф много времени посвящает литературным занятиям. Он издает книгу о стенографии, публикует ряд статей в различных журналах⁵³⁹, в том числе в «Соревнователе просвещения и благотворения» – органе Вольного общества любителей российской словесности (филиал «Союза благоденствия»). В работе этого общества одно время Корф принимал деятельное участие: 1 декабря 1819 г. за «представленные сочинения и переводы, обществом одобренные», Корф был принят в его члены-сотрудники, а 24 мая 1820 г. – в действительные члены⁵⁴⁰. За подписью «Барон Корф» и «Барон Модест Корф» в «Соревнователе просвещения и благотворения» в 1820–1821 гг. было опубликовано четыре статьи: две из них «из опыта полного мифологического словаря», одна посвящена истории римского права, последняя является литературным переводом, сделанным от первого лица⁵⁴¹. Корф печатался и анонимно. П.А. Плетнев, который одно время занимался с младшим братом Корфа словесностью и «сделался домашним»⁵⁴² в семье Корфов, несколько раз «доставлял» на заседания общества заметки, переводы, статьи неизвестного, при публикации все они были подписаны буквой «К.»⁵⁴³. Членами Вольного общества были и другие близкие Корфу люди, например, лицейские поэты – В.К. Кюхельбекер и А.А. Дельвиг, оба принятые в общество незадолго до Корфа, они и составили протекцию своему бывшему однокласснику. Именно Кюхельбекер в рецензии на содержание очередного номера «Соревнователя» откликнулся и на публикацию Корфа⁵⁴⁴. Активное участие Корфа в делах общества продолжалось, по-видимому, около года. Судя по про-

токолам, на заседаниях Общества он присутствовал два раза: 11 октября и 22 ноября 1820 г., 14 марта 1821 г. без него рассматривался его перевод. Печатался ли Корф в «Соревнователе» после этого, уже анонимно, сказать трудно, однако в списках членов Вольного общества, опубликованных в журнале в конце 1823 г., есть Модест... Антонович Корф, «коллежский инсессор и кавалер»⁵⁴⁵. Здесь явно допущена ошибка, безусловно, речь идет о «нашем» Корфе: совпадают и его чин, и даты его приема в Общество и «переименования» в действительные члены, кроме того, другого Корфа в Обществе не числилось.

Тогда же в семье Корфов выходил рукописный журнал «для пользы и удовольствия» «общества молодых любителей словесности, обращающих все силы свои к усовершенствованию себя в языках и науках, полезных в общежитии»; все записи о журнале, только и сохранившиеся в архиве, сделаны рукой М. Корфа. Среди подписей тех, кто «будет поддерживать» журнал, – Пушкины: Ольга, Сергей и Александр, недавний одноклассник. Лицейских здесь еще трое⁵⁴⁶. Чуть позже, летом 1822 г., было задумано издание энциклопедического словаря: в двух фондах Корфа, в Москве и Петербурге, сохранились многочисленные рукописные статьи для этого «Лексикона», написанные различными авторами⁵⁴⁷.

В эти годы Корф много читает, ведет дневник. Забегая вперед, заметим, что после перехода Корфа в 1823 г. в министерство финансов, он уже не мог посвящать себя посторонним занятиям: служба поглощала все его время, зато многое и давала ему в плане подготовки к участию в государственном управлении на самом высоком уровне. Первый период его служебной деятельности был совершенно иным.

Несмотря на зачисление в Комиссию составления законов, основная служба Корфа проходила в непосредственной близости от министра юстиции князя Д.И. Лобанова-Ростовского. По словам Е.А. Энгельгардта, Корф был «великим фаворитом министра»⁵⁴⁸; Корф отмечал в своем дневнике, что министр его «как-то полюбил и отличал несколько от других».

Трудно сказать, каково было влияние Лобанова-Ростовского на молодого Корфа, тем более, что князь, судя по его биогра-

фии, был военным «до мозга костей» и, скорее всего, принадлежал к тем государственным деятелям, которые, «не пройдя серьезной школы гражданского правления... имели самое смутное представление о государственных потребностях»⁵⁴⁹.

Лобанов-Ростовский был офицером с богатым боевым прошлым: участвовал в Крымском походе Потемкина, был ранен при взятии Очакова, «обнаружил большую храбрость» при штурме Измаила⁵⁵⁰, причем, «мужество свое в бою простирал он до бешенства, по выражению солдат»⁵⁵¹; отличился при взятии Суворовым Праги. Именно он вел переговоры с Наполеоном о заключении Тильзитского мира, за что и был награжден обеими сторонами⁵⁵². Во время Отечественной войны командовал резервной армией, затем был военным губернатором Петербурга, Риги, генерал-губернатором Лифляндии и Эстляндии (1810–1812 гг.). В 1817 г. назначен министром юстиции. По случаю этого назначения Александр I писал своему новому министру: «Удостоверен я в полной мере, что вы оправдаете в строгом смысле название, присвоенное инструкцией генерал-прокурору: око императорское»⁵⁵³. Из этих слов ясно, какие качества предпочел бы видеть государь в своем министре юстиции. В 1822 г. Александр предложил Лобанову-Ростовскому заняться «родным делом» – возглавить военное министерство. Но князь отказывается и просит уволить его и от юстиции, видимо, все-таки чувствует, что он – не на своем месте. Однако император считает по-другому – до 1827 г. Лобанов-Ростовский оставался на своем посту.

Об интеллектуальном уровне Дмитрия Ивановича трудно судить, поскольку мы не располагаем никакими данными по этому вопросу, но из дневника Корфа известно, что личная библиотека князя была «одним небольшим шкафом с сотнями тремя книг, большею частью таких, которые поднесены ему были от авторов или переводчиков»⁵⁵⁴.

О характере министра юстиции Бантыш-Каменский говорит: «Был вспыльчив, горяч, но вместе с тем добр, справедлив, сострадателен, не щадил себя в битвах и Советах... безбоязненно говорил истину всякому», чем приобрел немало врагов⁵⁵⁵. Воспоминания другого современника Лобанова-Ростовского, И.М. Долгорукого,

весьма нелюдуприятны для князя и свидетельствуют о том, что последний хорошо улавливал настроения двора и был истинным царедворцем⁵⁵⁶.

Судя по записям Корфа, Лобанов-Ростовский ничего не дал ему ни в плане «государственной школы», ни в плане карьеры. Более того, говоря о своих первых начальниках, он почему-то называет только трех – Канкрин, Сперанского и Кочубея⁵⁵⁷, а воспоминания о Лобанове-Ростовском заканчивает так: «Окончательно расстались мы уже в мае 1823 года, когда я был назначен начальником отделения в департаменте податей и сборов. Сперва за эту перемену службы, столько во всех отношениях для меня выгодную, он крепко на меня сердился, но потом с переменой обстоятельств и с постепенным моим возвышением, этот гнев прошел и, наконец, по назначении меня в Государственный Совет, которого членом он оставался до самой своей кончины, мы жили лучшими друзьями»⁵⁵⁸. Не намек ли здесь на то, что Лобанов-Ростовский признал Корфа «другом», лишь когда тот занял равное с ним положение?

В апреле 1823 г. Корф совершил, по его словам, «быстрый и внезапный переход»: он был уволен из канцелярии министерства юстиции и определен в министерство финансов⁵⁵⁹. Позднее Корф вспоминал о совершенно неожиданном для него предложении начальника департамента разных податей и сборов И. П. Дубенского занять место начальника одного из отделений этого департамента⁵⁶⁰. По формулярному списку: с апреля Корф – чиновник особых поручений в министерстве финансов и только в июне утвержден начальником отделения⁵⁶¹. По видимому, с апреля по июнь у Корфа был испытательный срок.

Непосредственным начальником Корфа в министерстве финансов стал Николай Порфирьевич Дубенский, личность довольно необычная, вызывавшая повышенный интерес современников, о которой сохранилось очень мало сведений. Наиболее полные из них содержатся в воспоминаниях А. Малышева. Последний утверждал, что «Дубенский был долго очень дельным губернатором в Пензе; происходя из очень богатой фамилии, он получил блестящее по тому времени образование; был живого характера и светлого ума, чрезвычайно находчив и под-

час саркастичен; имел редкую способность одновременно диктовать двум пишущим по разным предметам... был очень сведущ в математике, которую любил называть матерью всех наук... заведовал Лесным институтом»⁵⁶². Разносторонность Дубенского косвенно подтверждается и тем фактом, что он одновременно заведовал двумя департаментами министерства финансов – уже названного и государственных имуществ. В 1835 г. в ходе ревизии П.Д. Киселева положения казенных крестьян (по четырем губерниям) в департаменте государственных имуществ были открыты многочисленные факты казнокрадства и взяточничества. Дубенский, к тому времени сенатор, был отдан под суд, по выражению Корфа, из-за «беззаботности и злоупотреблений»⁵⁶³.

Однако не столько Дубенскому, сколько недавно назначенному министру финансов Егору Францевичу Канкрину Корф был обязан своим дальнейшим быстрым и блестящим продвижением по служебной лестнице. Новая должность, помимо того, что поставила его «на одну из высших ступеней в министерском устройстве», дала «возможность чем-нибудь отличиться», открыла «путь к наградам», «познакомила и сблизила» с Канкриным. Последний, по словам Корфа, всегда «осыпал <его> ласками, отличал ... перед товарищами и пользовался всяким случаем делать добро», своими отзывами о Корфе «много содействовал установлению ... репутации» последнего⁵⁶⁴.

Корф считал Канкрин «одним из первых и замечательнейших деятелей эпохи» и «гениальным министром»⁵⁶⁵. Также относились к Канкрину многие видные люди той эпохи⁵⁶⁶, что было связано с объективной оценкой его деятельности в России.

Экономическую политику Канкрин определял ряд факторов, главным из которых было существование противоречия между нарождающимися и укрепляющимися в России в первой половине XIX в. буржуазными отношениями и сохранением господствующего положения дворянства. Канкрин, как один из наиболее умных и дальновидных представителей этого класса, не мог не понимать, куда ведет страну логика экономического развития, однако, делал все возможное, чтобы процесс становления новых отношений протекал как можно менее болезненно для дворянства. Он был сторонником медленного, крайне осто-

рожного развития капиталистической промышленности, приспособляющейся к господствующему крепостническому укладу, он любил говорить, что правительство должно стимулировать к развитию производства, действуя *гомеопатическими* средствами. Канкрин, пожалуй, был единственным «из всех министров дореформенной России», который проявил «больше всего внимания к вопросам промышленного развития и был сторонником этого развития (правда, очень умеренного и в определенных формах)»⁵⁶⁷. Подобная точка зрения на характер деятельности графа Канкрин точнее других определяет сущность его экономической политики, которая, в общем и целом, носила достаточно прогрессивный характер. Уже одна проведенная при нем в 1839–1843 гг. денежная реформа, в ходе которой денежной единицей, вместо бумажных ассигнаций, стал серебряный рубль, свидетельствует в пользу такой точки зрения. В оценке этой реформы все авторы единодушны: она оказала положительное влияние на развитие экономики страны. Многие исследователи также признают, что при Канкрине на время была достигнута бездефицитность государственного бюджета⁵⁶⁸, и к «30-м годам репутация русских финансов под управлением Канкрин улучшилась настолько, что бумаги русские на зарубежных рынках котировались постоянно альпари*, чего ранее никогда не было»⁵⁶⁹.

Чаще всего Канкрин обвиняли в том, что он был ярким и узким протекционистом, ведь именно с ним связано введение нового таможенного тарифа⁵⁷⁰. Нарекания также вызывают опять введенные при нем винные откупа, что было сделано в большей степени по фискальным соображениям. По моему мнению, эти меры вовсе не были связаны с его «реакционностью», «нелюбовью к России» или некомпетентностью в экономических вопросах; они в то время были экономически целесообразны, это Канкрин объяснял в своих обстоятельных докладных записках на высочайшее имя.

---

* А л ь п а р и – соответствие биржевого (рыночного) курса ценных бумаг или валюты их номиналу (паритету).

Канкрин начал преобразования в управлении казенными крестьянами. Когда речь заходит о разработке и реализации реформы государственных крестьян, в первую очередь называется имя П.Д. Киселева. Однако до этого Канкрин, в качестве эксперимента, в двух губерниях – Петербургской и Псковской – изъясил казенных крестьян из общего губернского управления и устроил особые округа во главе с особыми лицами, назначенными от министерства финансов и обязанными блюсти интересы крестьян⁵⁷¹. Киселев позднее пошел по тому же пути.

Многие находили, что Канкрин «не любил России и всех русских презирал», что ему «не хватало веры в будущность России»⁵⁷². Свидетельство его преданности России – деятельность на благо ее. Двадцать один год, при двух императорах, быть министром финансов и при этом укрепить финансовую систему страны – это под силу только незаурядной личности, обладающей высоким профессионализмом, только умному, знающему свое дело и деятельному человеку.

Когда Корф знакомится с Канкриным, тот находится еще в начале своего министерского пути, но за плечами у него – уже достаточно большой опыт хозяйственной деятельности, к этому времени им опубликовано уже несколько работ по политэкономии⁵⁷³, в одной из которых он, за два года до назначения министром, изложил принципы своей будущей экономической политики. Помимо опубликованных работ Канкрин по экономическим вопросам существуют еще многочисленные рукописные его сочинения, главным образом, записки на высочайшее имя. Из них привлекают внимание, прежде всего, три проекта ликвидации крепостного права. Канкрин считал способы крепостного угнетения «противными законам божеским и человеческим», а положение крестьян – «ужасающим»⁵⁷⁴ и предлагал меры по ликвидации крепостничества. В качестве одного из аргументов в пользу ликвидации крепостного права Канкрин выдвигал необходимость предотвращения крестьянского возмущения. Другой аргумент Канкрин – необходимость ликвидации крепостничества для дальнейшего развития производительных сил в сельском хозяйстве – позволяет отнести его к числу наиболее дальновидных современников, понимавших

что освобождения крестьян требовали гораздо более глубокие причины, чем предотвращение революционного взрыва.

Проект 1827 г. «О постепенном улучшении крепостного состояния крестьян без вреда для помещиков и без потрясения внутреннего спокойствия» был написан для Комитета 6 декабря 1826 г. Эта записка была в числе подготовительных материалов Секретного комитета 1839–1842 гг.⁵⁷⁵ Любопытно провести аналогию и между его планом «постепенных распоряжений о перемене крепостного состояния» 1836 г., в котором на 20 лет вперед (до 1855 г. включительно) расписаны мероприятия по постепенной ликвидации крепостного права⁵⁷⁶, с «Положением об обязанных крестьянах» 1842 г.: и в том, и в другом документах предусматривалось сохранение некоторых обязательных повинностей крестьян. По закону 1842 г. положение крестьян приближалось к устройству их в Прибалтике по указам 1804–1805 гг., что соответствовало тем положениям, которые отстаивал в своих проектах Канкрин⁵⁷⁷. Возможно, это всего лишь совпадение, так как в то время подобных проектов было множество, и содержание их было во многом сходным. Я так подробно касаюсь данного вопроса, поскольку он немаловажен в понимании личности Канкринина, а следовательно, и в том влиянии, какое он мог оказать на своего молодого подчиненного (Корф впоследствии принимал участие в работе над крестьянским вопросом в 1847–1857 гг.).

За три года непрерывного общения со своим начальником Корф приобрел немало всевозможных сведений по разным отраслям экономической науки, а также смог опробовать полученные знания на практике. Канкрин выделял Корфа. Очевидец, чиновник того же министерства, служивший там в одно время с Корфом, отмечал, что из всех начальников отделений ежедневный доклад у министра имел только один – Корф. Когда Корфу не было еще и двадцати пяти лет, Канкрин поручил ему управлять сразу двумя «высочайше утвержденными» временными комитетами: «для приискания способов к улучшению состояния городов» и «для уравнивания земских повинностей». Впоследствии Корф не раз занимался делами, находящимися в ведении министра финансов, хотя сам уже не служил под его началом. В

1830-е гг. он был бессменным производителем дел всех временных комитетов, так или иначе связанных с вопросами экономики, принимал активное участие в деятельности комитета по устройству казенных крестьян, работу этого комитета курировал непосредственно сам Канкрин; в 1839 г. был членом финансового комитета, следствием деятельности которого было уничтожение лажа (ажю)* и введение постоянного металлической монетной единицы. В 1843 г. Николай I поручил Корфу отредактировать, а фактически составить заново проект манифеста «о замене государственных ассигнаций другими денежными представителями» для одноименного комитета. В связи с этим поручением Корф отмечал, что ему неоднократно и раньше «случалось пересочинять» проекты Канкрин в Комитете министров и Государственном совете⁵⁷⁸. В 1849 г. по Петербургу распространился слух о скором назначении Корфа министром финансов⁵⁷⁹, следовательно, компетентность Корфа в вопросах финансовой политики признавалась «публикой». Описание Корфом всех перипетий борьбы вокруг денежной реформы в Государственном совете также свидетельствует о том, что он великолепно владеет предметом, о котором рассказывает⁵⁸⁰.

Воздействию Канкрин на Корфа способствовало и то обстоятельство, что совпадение их интересов не ограничивалось только служебными вопросами. У Корфа, когда-то активного участника Вольного общества любителей российской словесности, хватало тем, которые он мог обсудить со своим начальником, ибо тот был не чужд литературы. В юности Канкрин написал роман, уже в преклонном возрасте издал сборник повестей и рассказов, одна из повестей была напечатана в «Современнике»⁵⁸¹. Канкрин был завзятым театралом, известны его анонимные разборы театральных представлений. Ему также было присуще хорошо развитое чувство прекрасного: он любил музыку (сам играл на скрипке), изобразительное искусство, увлекался архитектурой⁵⁸². Эти его увлечения не могли не найти отклик и

---

* Л а ж (ажю) – превышение рыночных курсов денежных знаков, векселей или ценных бумаг по сравнению с их нарицательной стоимостью.

душе его подчиненного, выпускника Царскосельского лицея, дававшего своим воспитанникам всестороннее гуманитарное образование. Еще в Лицее Корфа отмечали за успехи в рисовании, известно, что рисовал он и позже. Возможно, с Канкриним вечерами они вместе обсуждали вопрос об открытии воскресной рисовальной школы при Академии художеств, инициатором которого выступил Канкрин⁵⁸³. Любопытно, что в эту рисовальную школу, были допущены девушки⁵⁸⁴, что дало возможность биографу Канкринина назвать его «первым в России ревнителем женского образования».

Если позже Сперанский немало сделал для становления Корфа как деятеля государственного управления, то Канкрин, несомненно, оказал на него заметное влияние как на будущего деятеля культуры, поскольку сам имел к ней непосредственное отношение. По роду службы ему приходилось заниматься организацией научных экспедиций, архитектурой и строительством, благоустройством Петербурга⁵⁸⁵. Огромна его роль и в распространении технических знаний в России – при нем было открыто несколько специальных учебных заведений: Технологический институт, практический Земледельческий институт, Лесной корпус, а также технические горные школы, созданы технологические отделения при некоторых гимназиях, во всех университетах стали читаться публичные лекции, посвященные успехам отечественной промышленности. Канкрин был пионером и в деле организации промышленных выставок в России, первая из которых открылась в 1829 г. в Петербурге в специально построенном для нее здании⁵⁸⁶. За заслуги перед наукой Канкрин был избран почетным членом Петербургского университета и французской Академии наук⁵⁸⁷.

Можно упомянуть еще и о том, что умение Корфа четко формулировать и излагать свои и чужие мысли, приводить к общему знаменателю различные мнения, замечательное владение пером укреплялись не только уже у Сперанского во II Отделении, а прежде этого, у Канкринина.

Канкрин был человеком, понимавшим необходимость и неизбежность перемен в России, – он обладал менталитетом рефор-

матора. Под его влиянием взгляды Корфа на дальнейшее развитие страны приобретают более конкретные и четкие очертания.

*Второе отделение собственной
Его Императорского Величества канцелярии
и М.М. Сперанский в судьбе Корфа*

В 1826 г. после преобразования Комиссии составления законов во Второе отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии вновь назначенный туда Сперанский «принужден был начать дело, по примеру 1808-го года, с увольнения множества прежних чиновников; но, почти чуждый тогдашнему служебному миру, он заместил их... почти наудачу, несколькими профессорами и, частью, молодыми людьми, окончившими курс наук в тогдашнем Царскосельском лицее и университетах. Случайно набор новых работников вышел довольно счастливым»⁵⁸⁸. Корф попал в число этих работников. С этого момента его жизнь круто меняется: он уходит из министерства финансов и полностью переключается на работу во II Отделении: начинает «законодательствовать», «писать законы»⁵⁸⁹: делать то, к чему готовил себя еще в Лицее. Кроме того, состав вновь зачисленных во Второе отделение сотрудников был несколько иным, чем в министерстве финансов. Здесь Корфа окружали люди, по большей части, как бы мы сейчас сказали, интеллигентные, чем-то близкие ему не только по своему культурно-образовательному уровню, но и по отношению к порученному им делу, с их стремлением как можно лучше его выполнить. Среди них – лицейские однокашники: М.Л. Яковлев, А.И. Мартынов, так же, как и Корф, воспитанные на лицейском девизе «для пользы общей», бывшие профессора Петербургского университета, вынужденные уйти из него после разгрома университета Руничем в 1821 г.: А.П. Куницын, К.А. Арсеньев, М.Г. Плисов во главе со своим, тоже бывшим, ректором М.А. Балугьянским.

Работа во Втором отделении, «быв распределена по мере способностей и сведений каждого, закипела с самою усиленною деятельностью», и все сотрудники «сделались более или менее полезными по ревностному усердию»⁵⁹⁰. Результаты этой напряженной работы были поистине замечательны, если не сказать блестящи: через неполных шесть лет в Государственный совет было представлено 45 томов Полного собрания законов и 15 томов Свода законов. Это событие решающим образом повлияло не только на процесс обновления и рационализации российского законодательства и судебных учреждений, но и на всю дальнейшую историю России⁵⁹¹. И одним из его непосредственных участников был барон Модест Андреевич Корф. Годы работы над кодификацией русского права стали для него «настоящей служебной школой»⁵⁹².

На первом же совещании вновь созданного Отделения, при распределении обязанностей между сотрудниками, Корфу было поручено из пяти томов «законов земских» самостоятельно подготовить первый том и вместе с другими – третий и четвертый. Среди этих «других» были А.П. Куницын и К.А. Арсеньев⁵⁹³. Однако именно Корф был назначен ответственным за подготовку 3-го и 4-го томов, его имя в списке стоит первым⁵⁹⁴. С чем связано такое доверие к Корфу со стороны Сперанского, ведь Сперанский был инициатором такого распределения? Со знакомством ли последнего с переводом Курляндских статутів Корфа? С лестными ли характеристиками, данными Корфу его бывшими начальниками – Лобановым-Ростовским, Канкриним или Дубенским? С рекомендациями ли Балугьянского, знавшего Корфа по Комиссии составления законов? Ответ на последний вопрос – отчасти в словах самого Корфа: «отзывы» Балугьянского «на мой счет, – вспоминал он, – подкрепили и утвердили то, что начал Дубенский, и в этом наиболее считаю я себя ему обязанным»⁵⁹⁵. Вся дальнейшая служба Корфа во II Отделении была отмечена «особенным покровительством» Сперанского, который «содействовал его назначению на высшие государственные должности, указанием на него императору Николаю Павловичу, как на одного из самых способных и

деятельных чиновников»⁵⁹⁶. Корф называл Сперанского «истинным творцом» своей карьеры⁵⁹⁷.

Как уже отмечалось, возможно, Сперанский не был официальным начальником II Отделения, им был старший чиновник Комиссии составления законов М.А. Балугьянский⁵⁹⁸. Таким образом, в годы работы в Отделении у Корфа было два начальника. Заслуги Сперанского в деле создания Полного собрания законов и Свода законов трудно переоценить, скорее всего, без его энергии они так и не были бы созданы. Однако именно теоретические знания Балугьянского по всем отраслям права оказались незаменимыми в процессе подготовки этих глобальных изданий. Не случайно, при пожаловании Балугьянскому дворянства, в его герб были включена цифра «XV», по числу томов Свода законов⁵⁹⁹. Сперанский использовал Балугьянского, прежде всего, как «весьма хорошую голову, которую можно употреблять с пользой для *кабинетной работы первообразно*»⁶⁰⁰, и как «источник знаний действительно энциклопедических, из которого можно было черпать сколько угодно, не боясь оскудения»⁶⁰¹. Это подтверждается и Корфом, изо дня в день, в течение пяти лет, наблюдавшим их совместную деятельность в Отделении: «Балугьянский работал много, можно сказать беспрестанно, но, при всем том, по чрезвычайной добросовестности, медленно... произведения его поступали на просмотр, большую частью, в виде неоконченном, иногда только в виде планов или предварительных очерков»; это и заставляло Сперанского «все направление работы и все ее подробности сосредотачивать в одном себе», именно он «двигал и вел все дело»⁶⁰².

Сам Корф также неоднократно прибегал к помощи Балугьянского. Так, за пять дней до смерти последнего, Корф приехал к нему и «непременно желал его видеть». Больной хозяин принял своего бывшего сослуживца, «в последний раз оживился, выслушал его с напряженным вниманием и ... дал желаемые разъяснения по ... каким-то ученым и историческим вопросам»⁶⁰³. Показательно, что об этом Корф даже не упомянул в своем дневнике, из чего следует, что обращение к Балугьянскому за консультацией было для него делом привычным и достаточно частым. И, хотя Корф писал, что «дружба этого почтенного

старца ему драгоценна»⁶⁰⁴, он, по-видимому, не испытывал к Балугьянскому настоящей привязанности и особой благодарности, а использовал сначала его положение, потом – его знания. Иначе трудно объяснить почему, посвятив в своем дневнике немало восторженных строк Сперанскому, Корф лишь вскользь несколько раз коснулся другого своего начальника по Второму отделению⁶⁰⁵. Балугьянский же любил Корфа «как сына»⁶⁰⁶ и выделял его среди «талантливых, способных и много обещающих молодых людей»⁶⁰⁷, служивших во Втором отделении⁶⁰⁸.

Человек испытывает постоянное воздействие со стороны окружающих его людей. Не всегда это воздействие воспринимается им осознанно. Зачастую какое-то впечатление вроде бы не задевает нас, однако, откладывается в нашем сознании, чтобы позднее напомнить о себе. Можно предположить, что так было и с нашим героем. Общение Корфа и Балугьянского было тесным – они каждый день виделись на службе, Корф часто бывал дома у Балугьянского⁶⁰⁹. Поэтому трудно поверить, что Балугьянский не оказал совершенно никакого влияния на формирование личности Корфа, как государственного деятеля; его влиянием можно отчасти объяснить выбор тех вопросов, которые позднее поднимались Корфом в его работах. Эти вопросы, возможно, были определены временем, они стояли тогда на повестке дня. Тем не менее, хотелось бы сделать кое-какие предположения по поводу возможных аналогий, хотя, как уже отмечалось, в вопросах, касающихся идейных влияний, трудно утверждать что-либо со всей определенностью.

В конце прошлого века были опубликованы материалы Комитета 6 декабря 1826 г. Среди них есть несколько, составленных «неизвестным»⁶¹⁰. Публикаторы выяснили, что этим «неизвестным» был Михаил Андреевич Балугьянский. Его работы посвящены вопросам государственного управления и «средствам к лучшему его устройству», одним из таких средств должны стать «непреложные законы». Корф, как мы помним, тоже выступал за «приручение России к большей законности» и разделение властей⁶¹¹. Идеи о законности как главном условии равновесия государства, разделяемые и Корфом, и Балугьянским, пропагандировались и в лицейских лекциях одного из

любимых учеников Балугьянского Куницына⁶¹², что отмечалось выше. Не все документы, написанные Балугьянским и предназначенные для Комитета 6 декабря, напечатаны⁶¹³, часть их до сих пор не издана. Среди последних – проект «О судебном устройстве», где Балугьянский ратует за самостоятельность суда, независимость и несменяемость судей⁶¹⁴. Много позже – в годы реформ – его бывший подчиненный будет отстаивать подобные же принципы.

Еще одна сторона деятельности Балугьянского стала достоянием гласности тоже уже после его смерти: он стоял «во главе всех финансовых мер» при Александре I. Будучи «тайным руководителем государственного секретаря (Сперанского) по отношению к теории политической экономии», принимал непосредственное участие в разработке финансового плана 1810 г., а также был автором многих (если не всех!) проектов министра финансов Д.А. Гурьева⁶¹⁵. Среди подготовленных для Гурьева бумаг – многотомный труд о крепостном праве, где дается широкая историческая картина возникновения и развития этого института не только в России, но и в ряде стран Западной Европы и обосновывается экономическая необходимость его постепенной ликвидации⁶¹⁶. В своей работе «Историческое обозрение устройства сельского состояния в России до 1842 г.»⁶¹⁷ Корф также рассматривал этапы юридического закрепощения русских крестьян; ход его рассуждений напоминает логические построения по данному вопросу его бывшего начальника. Балугьянский составил «Устав службы гражданской», позднее Корф написал «Историческое введение к Уставам о службе гражданской» (1847 г.), а в феврале 1856 г. подавал мнение в Особый комитет, высочайше утвержденный для преобразования нынешней системы гражданских чинов⁶¹⁸.

И еще об одном возможном аспекте воздействия: так же, как и предыдущий начальник Корфа, Канкрин, Балугьянский был человеком, не чуждым искусства. В свое время он даже учился в Вене в Высшем училище художеств. Будучи ректором Петербургского университета (Балугьянский стал им сразу после образования университета, в 1819 г., в этом же году Корф пришел в Комиссию составления законов, где с ним и познакомился),

Балугьянский планировал изучение в нем различных «художеств» и создание специального музея изящных искусств⁶¹⁹. В его доме бывали люди, имеющие непосредственное отношение к культуре, – деятели науки, литературы, искусства⁶²⁰. Среди коллег по университету и бывших учеников Балугьянского были литераторы: так, Э.Б. Раупах известен своими драматическими произведениями на немецком языке⁶²¹, имя П.А. Плетнева говорит само за себя (о близости его с семьей Корфа говорилось выше), у Балугьянского бывал и сын его друга начинающий писатель Н.В. Кукольник. С Кукольником Корф позднее переписывался, в частности, тот хлопотал перед своим старшим братом о присылке Корфу бумаг отца о Сперанском⁶²². У Балугьянского Корф мог встречаться со своим лицейским преподавателем А.И. Галичем, автором одного из первых в России философских словарей. Много лет спустя А.В. Никитенко, работая над биографией Галича, обращался к Корфу за материалами об этом лицейском преподавателе⁶²³. Уже упоминавшийся другой университетский профессор – Раупах, часто посещавший дом своего ректора, читал в начале 1820-х гг. лекции по индийской мифологии. В то же время Корф публикует в «Соревнователе просвещения и благотворения» главу из задуманного им «мифологического словаря всех народов» о первых четырех божествах Индии.

После перехода в подчинение Сперанского, запрещавшего своим сотрудникам публиковаться, не испросив на то высочайшего разрешения, что было равносильно запрету, литературная деятельность Корфа прерывается.

Таким образом, общение Корфа с Балугьянским на определенном этапе его жизни было достаточно тесным, поэтому не следует пренебрегать тем влиянием, которое Балугьянский, как старший по возрасту, как более опытный и знающий, мог оказать на своего молодого подчиненного, хотя последний этого и не хотел признавать.

Совсем другое дело – Сперанский, его влияние на свою жизнь Корф не только признавал, но и всячески подчеркивал: у Сперанского он прошел «школу высшей государственной науки и делового красноречия»⁶²⁴, Сперанский сыграл решающую

роль в его карьере. Через него Корф «впервые сделался известным государю», именно Сперанский указал В.П. Кочубею на Корфа, как на умного и добросовестного чиновника, и Кочубей, испытывавший в это время трудности в связи с делом И.И. Гежелинского⁶²⁵, добился перевода Корфа в канцелярию Комитета министров. С этого момента Корф начинает свою деятельность в высших сферах государственного управления.

О себе Корф писал, что в свое время был «правой рукой» Сперанского⁶²⁶. По-видимому, Сперанский разделял эту точку зрения; во всяком случае, он говорил Е.А. Энгельгардту, что «Барон Корф лучший наш работник»⁶²⁷.

Современники тоже воспринимали Корфа как преемника Сперанского – довольно часто Модеста Андреевича называли его учеником. Именно Корфу Николай I говорил после смерти Сперанского: «Твое дело ... оставаться верным его школе: служи по-прежнему... словом, действуй в духе и правилах покойного»⁶²⁸. Корф повторил служебный путь Сперанского по «законодательной части»: от чиновника министерства юстиции до руководителя Второго отделения и председателя департамента законов Государственного совета⁶²⁹. Как главноуправляющий Вторым отделением, он занимался продолжением свода законов и представил три записки на высочайшее имя о своде и издании продолжения к нему. В них Корф, отдавая должное проделанной Сперанским огромной работе по систематизации русского права, критиковал недостатки, имевшие место при создании свода, и предлагал меры, позволяющие, по его мнению, при дальнейшей работе над сводом избежать ошибок⁶³⁰. Осенью 1863 г. он докладывал императору о завершении очередного этапа этой работы⁶³¹. Унаследовал Корф и деловой язык Сперанского, лучше других он «усвоил ту сжатость, ясность, выразительность и определительность в слоге», которые отличали «все деловые бумаги и ученые произведения Сперанского»; Николай I не раз прибегал к «мастерскому золотому перу» Корфа для составления высочайших манифестов⁶³².

Во многом схожи методы, стиль работы Сперанского и Корфа. Качества прекрасного организатора, присущие Корфу, его умение наладить образцовый порядок в любой руководимой им

структуре, будь то Второе отделение императорской канцелярии или Императорская публичная библиотека, сыграли не последнюю роль в его стремительном продвижении по служебной лестнице. Его умение руководить отмечалось многими авторами. Так, работавший с ним и в Комитете министров, и в Государственном совете Я.К. Грот вспоминал: «Должность свою он сумел окружить каким-то особенным блеском ... Порядок делопроизводства был доведен до совершенства. Дела решались безостановочно; во всех канцелярских отправлениях господствовала величайшая точность; переписка бумаг отличалась щегольским изяществом»⁶³³. Официальный историк Комитета министров С.М. Середонин подчеркивал, что «в ряду управляющих делами Комитета министров барону (впоследствии графу) Корфу принадлежит видное и почетное место», «главной заслугой его должно считать новый порядок производства дел в канцелярии и скорое исполнение» их⁶³⁴.

Откуда взялось это умение организовать свой и чужой труд? Было ли оно воспитано в раннем детстве в доме родителей, пришло ли позже, в лицейские годы, вместе с необходимостью строгого соблюдения установленного там режима? Приобретено ли в первые годы службы? А может эти качества прекрасного организатора – из опыта работы II Отделения под руководством Сперанского; последний за короткий срок с небольшим числом сотрудников смог выполнить «монументальную работу» благодаря «твердости воли и непрерывной бдительности», когда «ни одна строка во всех 15-ти томах не осталась без личной его проверки и, очень часто, переделки»⁶³⁵. Умением Корфа организовать свое время и труд отчасти объясняется тот факт, что после него, человека, занятого на службе «не только по уши, но выше ушей»⁶³⁶, кроме того, добросовестно выполняющего целый ряд родственных и светских обязанностей, осталось такое огромное количество бумаг, большая часть которых представляет собой вполне законченные работы по самым различным вопросам.

Вряд ли стоит говорить, сколь много дало Корфу общение со Сперанским, одним из самых блестящих умов России XIX в. Он поражал своих молодых подчиненных «меткими наблюдения-

ми, остроумными замечаниями, тонкими выводами» и развивал перед ними «плодотворные идеи» и «общечеловеческие воззрения»⁶³⁷ и «много своей жизни перелил в тех из своих приближенных, которые старались его понять»⁶³⁸. Среди таковых Корф занимал первое место⁶³⁹.

В годы службы со Сперанским и позже, будучи уже статс-секретарем, потом государственным секретарем, Корф неоднократно прибегал к советам Сперанского, они часто вместе занимались текущими государственными делами⁶⁴⁰.

Совпадение тем докладных записок и других служебных бумаг Сперанского и Корфа неудивительно, ведь они занимали одни и те же должности. Проблематика этих документов весьма обширна: это – и вопросы законодательства, судеустройства и судопроизводства в России, проблемы преобразования системы гражданских чинов, много места в бумагах Корфа отведено различным сторонам деятельности детища Сперанского – Государственного совета. В сущности предложения Сперанского и Корфа по проблемам государственного управления подчинены одной задаче: постепенному установлению в России правового государства.

Многие историки считали, что Сперанский при Николае I практически полностью отказался от былых «конституционных мечтаний», проекты, составленные им в это царствование, уже не имеют цели радикально изменить существующий государственный строй, а направлены лишь на его «техническое усовершенствование». На самом деле, он стал действительно более осторожным в политическом отношении, но основная задача его осталась прежней: «через извлечение наших законов из прежнего хаоса и большую доступность их, перевоспитать умы, ввести народ в юридическую среду, расширить его понятия о праве и законности, и, таким образом, усилить его восприимчивость к высшему кругу идей и к большему участию в мерах, для него самого предпринимаемых»⁶⁴¹. Вся кодификационная деятельность Сперанского, ставшая для него в царствование императора Николая I основной, подчинена этой задаче. Знакомство со служебными документами Корфа по различным вопросам государственного управления свидетельствует о том, что и он

был сторонником создания гражданского общества путем введения правового сознания. Последовательно занимая должности, связанные с законодательной деятельностью, он действовал «в духе и правилах» Сперанского⁶⁴².

Корф трепетно относился ко всему, что было связано с именем «бессмертного Сперанского». Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с его дневниковыми записями об этом «светиле русской администрации»⁶⁴³. Характерны в этом отношении неопубликованные страницы дневника за 1847 г., где Корф подробно рассказывает, с каким «пламенным желанием» он работал над биографией Сперанского, как эта работа «сделалась душевным, жизненным» его делом, а «всякое другое занятие потеряло ... цену и значение»⁶⁴⁴. Корф был одним из немногих, кто уже в то время понимал судьбоносное значение деятельности Сперанского для России, и его преклонение перед этим «гением в полном смысле слова» было проникнуто «двойным чувством: чувством ... сына русской земли и чувством привязанности к человеку, с которым тринадцать лет состоял в ближайших связях»⁶⁴⁵. Это преклонение, однако, не помешало Корфу упрекнуть своего учителя в конформизме: при Александре I Сперанский был «либералом, потому что видел в этом личную свою пользу, а когда минул век либерализма, то перешел в тех же побуждениях, к совершенно противоположной системе. Он был либералом, пока ему приказано быть либералом, и сделался ультра, когда ему приказали быть ультра»⁶⁴⁶. Такой упрек мог быть адресован и самому Корфу через... двадцать пять лет после того, как им была сделана приведенная выше дневниковая запись. Несмотря на недостатки Сперанского, Корф преклонялся перед его гением и искренне любил его как человека, прощая ему слабости в «память всего добра, которое ... лично испытал от него, <в> память всего добра, которое он делал России»⁶⁴⁷.

Между Сперанским и Корфом существовали не только деловые, но и в дружеские отношения. Корф не раз писал об этом, подчеркивая, что был частым собеседником Сперанского и «до самой его смерти к нему близким», что «пять лет почти не выходил из его кабинета, оставаясь и впоследствии всегда в бли-

жайших к нему отношениях», что, навестив Сперанского во время болезни (в 1838 г.), он услышал от него: «Вас я принимаю как друга, которого мне давно уже хотелось обнять»⁶⁴⁸. Эти и подобные высказывания – не просто желание приблизиться к великому человеку и искупаться в лучах его посмертной славы, о существовании близких отношений между ними свидетельствуют и письма Сперанского к Корфу. Из них явствует, что Сперанский высоко ценил ум и профессиональные качества Корфа и относился к нему с уважением и теплотой⁶⁴⁹. Этих двух людей объединяло стремление принести максимальную пользу своему отечеству, выполнить порученное дело как можно лучше: если Сперанский «творил везде, к чему ни прикасался»⁶⁵⁰, то и Корф считал, что «только приложив все свои силы к предпринятому делу, и можно ... произвести что-нибудь порядочное»⁶⁵¹; а также желание заслужить благосклонность государя⁶⁵².

К Сперанскому Корф «до последних дней жизни питал чувство благодарности, доходившее до обожания» и поддерживал мнение, что «граф М.М. Сперанский был первым ценителем счастливых дарований молодого деятеля, и печатью своего таланта отметил их быстрое и блестящее развитие». Сперанский немало способствовал продвижению Корфа по служебной лестнице, оказал определенное влияние на его духовное развитие, однако, на мой взгляд, Корф преувеличил роль Сперанского в этом развитии.

Нельзя не признать, что годы службы во Втором отделении сыграли решающую роль в судьбе Корфа. Помимо знакомства со Сперанским и опыта кодификационной деятельности, они дали Корфу возможность значительно продвинуться по службе. Это не раз подчеркивалось самим Корфом. Однако думается, что без предшествующих лет – лицейской юности, самостоятельных литературных занятий, трехлетней работы у Канкринна – возможно, и не было бы столь замечательного взлета Корфа в 30-е гг. XIX в. Ведь Корф пришел к Сперанскому уже вполне сложившимся человеком, с определенными взглядами, устоявшимися убеждениями. Эти взгляды и убеждения совпадали в самой своей основе с идейными установками Сперанского.

го – для обоих «всегдашним девизом» было: «свет и движение вперед во всем, полезном для отечества»⁶⁵³. Можно даже говорить о фатальной предопределенности этой встречи: Корф – наиболее яркое и последовательное воплощение идеи Сперанского о Лицее, там он был воспитан в правилах «любить отечество и добродетель более жизни, более крови своей»⁶⁵⁴, ревностное исполнение своих служебных обязанностей выгодно отличало его от многих сослуживцев. Лицейская «привычка» к умственным занятиям побудила его взяться за перевод Курляндских статутов. Это открыло ему дорогу в Комиссию составления законов, работая в которой, он заслужил благосклонность Балугьянского, благодаря чему попал во Второе отделение, где состоялась знаменательная встреча со Сперанским, оказавшая столь большое влияние на становление Корфа как государственного и общественного деятеля.

Карьера его набирает обороты. С 1831 г. Корф – исполняющий должность управляющего Комитета министров, в 1839 г. последовало утверждение в этой должности. Позднее – статс-секретарь, государственный секретарь (1834 г.), член Государственного совета (1843 г.). Корф сосредотачивается на службе, сказывается его добросовестное отношение ко всему, что бы он ни делал, кроме того, ему необходимо зарекомендовать себя, чтобы обеспечить дальнейшее успешное продвижение по службе. В этот период вся творческая энергия Корфа направлена на то, чтобы как можно лучше выполнить свои служебные обязанности. Однако его честолюбие, его желание принести пользу зачастую наталкивается на непонимание со стороны начальства, проявляемая им инициатива не всегда поощряется, вызывая подчас даже порицание⁶⁵⁵.

Занимая различные бюрократические должности, Корф старается использовать в своей работе накопленный в предыдущие годы научный потенциал. Так, например, составленный им сводный отчет по всем ведомствам за 1831 г. сделан по всем правилам статистической науки и является первым опытом подобного рода в России⁶⁵⁶. «Этот труд, снабженный многочисленными таблицами, рисовал в числах положение государства: его финансы, производительные силы, торговлю, промышлен-

ность, умственное движение, народную нравственность, военные, сухопутные и морские силы и пр., и в этом круге предметов мог давать положительные ответы на все предлагаемые вопросы», – с восхищением писал об этой работе Корфа его биограф. «Текст к таблицам представлял сжатую, но живую картину всего совершенного в государственном управлении России в течение 1831 г. “Общее обозрение” было представлено государю императору 9 декабря 1832 г. и удостоено благосклонным вниманием. К сожалению, эта первая попытка сгруппировать в одно целое официальные статистические данные не была обнародована, и, как кажется, не была потом и продолжаема»⁶⁵⁷. Правда, после этого годовые отчеты министерств стали проверяться ежегодно образуемыми комиссиями, в состав последних всегда включался Корф.

Со стороны успехи Корфа несомненны. Однако сам он считал, что не получает должного «воздаяния» за свою службу, а самое главное, он способен на большее. Так, в 1839 г., в связи с утверждением в должности государственного секретаря, он с горечью отметил в дневнике, что это событие «после четырех лет исправления этой должности нельзя вменить в награду» и он, таким образом, «опять остался в стороне»⁶⁵⁸. Всю жизнь Корф считал себя недостаточно оцененным. Сколько раз общественное мнение делало его министром, то просвещения, то юстиции, а один раз даже финансов. Однажды он был близок к должности председателя Государственного совета⁶⁵⁹, но на эти посты назначались другие люди, зачастую «ограниченные, бесхарактерные и безгласные»⁶⁶⁰. Такая несправедливость вызывала у Корфа приступы тоски, единственными свидетелями которых были разве что его дневник и его обожаемая жена⁶⁶¹.

В 1830-е годы (как, впрочем, и в предыдущие) ревностное исполнение служебных обязанностей исключило для Корфа всякую возможность заниматься литературным творчеством, на что он сетует в своем дневнике 6 января 1839 г.: «Все ... литературные занятия ... кончились для меня маем 1823 г. С тех пор служебные занятия заняли все мое время, и кроме деловых бумаг, я не писал уже ничего ни для публики, ни в тиши моего кабинета»⁶⁶².

Корф во главе Публичной библиотеки (1849–1861): директор-реформатор

При Николае I Корф не стал министром, зато получил работу «для души», став директором Императорской Публичной библиотеки (1849–1861 гг.). Он пришел сюда уже с готовым планом превращения ее в национальное хранилище страны и смог претворить его в жизнь. Пожалуй, именно его можно с уверенностью назвать человеком, несущим в массы просвещение, истинным просветителем. Корф смог воплотить здесь большинство своих новаторских идей. Его деятельность буквально перевернула библиотеку. Масштабность преобразований, проведенных здесь при нем, поражала современников, они характеризовали время директорства Корфа в Библиотеке как «время блестящей реформаторской деятельности»⁶⁶³, полагая, что с его приходом «для библиотеки началась новая пора»⁶⁶⁴. Позднейшие исследователи отмечали, что деятельность Модеста Андреевича в Библиотеке «стала как бы эрой библиотечного летоисчисления: до Корфа и после Корфа», Корф «сообщил ей ускоренный темп существования, вдохнул в нее новую душу»⁶⁶⁵. В работах советского периода также отмечалось, что в середине XIX в. Библиотека «шагнула далеко вперед», хотя о личных заслугах в этом Корфа обычно не упоминалось⁶⁶⁶. В конце прошлого века к юбилею Библиотеки была выпущена книга о директоре-реформаторе, в которой, наконец, по достоинству оценен его вклад в развитие бывшей Императорской, а ныне Национальной библиотеки (вот оно – признание «далекого потомства», о котором не раз мечтал Барон, как за глаза называли Корфа сотрудники Библиотеки)⁶⁶⁷.

Начал он с того, что всячески постарался привлечь внимание общества и его высокопоставленных членов к нуждам возглавляемого им просветительного учреждения. Благодаря предприимчивости и настойчивости Корфа, библиотека была переведена из ведения министерства народного просвещения в ведение министерства императорского двора, что не замедлило отразиться на поднятии ее престижа и увеличении бюджета. По

инициативе Корфа были учреждены звания почетных членов и почетных корреспондентов библиотеки: первые стали оказывать ей широкую финансовую поддержку⁶⁶⁸, вторые содействовали обогащению ее фондов, присылая в дар Библиотеке редкие книги со всех концов света. Престижно стало делать частные денежные пожертвования на Библиотеку⁶⁶⁹. Корф предпринимал и другие шаги для укрепления авторитета и пополнения бюджета библиотеки⁶⁷⁰.

Было положено начало целенаправленному собиранию книг на русском языке, включая и труды на церковнославянском⁶⁷¹. Во всех справочных изданиях отмечается, что публичная библиотека имеет «уникальное по полноте собрание русских книг и периодических изданий XIX в.». Одним из первых Корф стал собирать рукописи и на других языках, в том числе на древних.

Как подлинный новатор выступил Корф в деле создания отделения книг о России на иностранных языках – Russica (позднее это отделение стало носить имя Корфа). Современник с восхищением писал: «нигде никогда не существовало ... такого богатого собрания книг, имеющего предметом не науку, а страну»⁶⁷². Современные исследователи также признают, что создание нового отделения стало «значительным событием в истории отечественной культуры», и что Россия до сих пор «является ценнейшим подспорьем для» ученых-гуманитариев⁶⁷³.

Трудно переоценить вклад Корфа в каталогизацию книжных фондов; он хорошо понимал, что без каталогов библиотека является мертвым капиталом. При нем значительная часть библиотеки была каталогизирована, часть каталогов издана⁶⁷⁴. Некоторые не потеряли своего значения и в наши дни. Так, каталог отделения Russica и сейчас «является важнейшим пособием для изучения и собирания западноевропейских материалов, касающихся истории России»⁶⁷⁵.

Несоизмеримо вырос авторитет Библиотеки: «в короткое время ... про Библиотеку все узнали, все заговорили», «публика стала валить в Библиотеку толпами, точно в Петербурге открыли какой-то новый, невиданный и неслыханный остров с неслыханными и невиданными чудесами»⁶⁷⁶. В этом – заслуга ее директора барона Корфа. При Корфе порядок работы Библио-

теки был демократизирован – доступ в нее был открыт всякому. Корф реализовал принцип всеобщности: человек любого звания мог стать читателем Библиотеки. Она стала работать по вечерам и в выходные дни. Немало сделал Корф для того, чтобы привлечь интеллигенцию в залы Публички: здесь стали проводиться систематические выставки книжных и рукописных раритетов из фондов, через Библиотеку стало возможным выписать любое новое издание из зарубежных собраний и пр.

До последних дней жизни Корф интересовался делами Библиотеки⁶⁷⁷, воспринимая ее проблемы как свои собственные; по этому поводу современники высказывались так: «Корф так любил библиотеку, так с ней сроднился, что она составляла часть его существования», «ни в делах, ни в помышлениях своих он не расставался с нею ни на минуту»⁶⁷⁸.

Таким образом, «репестия» преобразовательных мероприятий была начата Корфом в то самое «мрачное семилетие», задолго до начала общего процесса коренного переустройства России.

Его склонность к глобальным усовершенствованиям, пусть даже в масштабе одного (но какого!) учреждения во всей полноте проявилась в годы Великих реформ. Детальный анализ роли Корфа в преобразованиях 1860-х гг. позволит оценить его вклад в реорганизацию общественно-экономической структуры русского общества.

Вклад Корфа в решение крестьянского вопроса

Корф занимался вопросами крепостного права по крайней мере с 1831 г., когда был назначен делопроизводителем в Комитет 6 декабря 1826 г. В архиве Корфа сохранилось «Историческое обозрение устройства сельского состояния в России», где автор рассматривает юридические этапы закрепощения крестьян и делает вывод о необходимости в ближайшем будущем приступить к реализации мер по ликвидации такого феодального института, как крепостное право⁶⁷⁹. Этот проект составлен не

позднее 1842 г. А в 1843 г. изменился официальный статус Корфа, он стал членом Государственного совета, теперь он входил в секретные комитеты уже как полноправный участник, однако по-прежнему часто оставался безвестным автором многих указов, завершавших работу этих комитетов. Так, в 1846 г. в его дневнике появляется следующая запись: «Указ о недвижимой собственности крепостных людей *подписан* и притом слово в слово как был нами или, лучше сказать, *мною* составлен»⁶⁸⁰. Через год фактически по инициативе Корфа был создан Комитет для рассмотрения проекта о разрешении крестьянам имений, продаваемых с публичных торгов за долги, выкупаться на волю. О деятельности этого Комитета и роли в нем Корфа рассказано выше, знакомство с этим сюжетом позволяет совершенно четко определить позицию Модеста Андреевича в крестьянском вопросе. По мнению В.О. Ключевского, закон 8 ноября 1847 г., если бы ему был дан ход, мог бы иметь очень важное значение, поскольку «две трети дворянских имений состояли в неоплатных долгах казенным учреждениям. Сумма этих долгов близко подходила к миллиарду. Собственно говоря, – продолжает историк, – освобождение крестьян можно было бы совершить чисто финансовой операцией, назначив срок для уплаты долгов, и потом конфисковать имения, как они конфискуются и теперь частными банками. Но не хотели прибегать к такой политической стратегеме». И в вышедшем через несколько месяцев Своде законов указа не оказалось⁶⁸¹.

В 1857 г., когда для разбора материалов, накопившихся за полвека работы правительства над проблемой крепостного права, из трех членов Секретного комитета по крестьянскому вопросу была образована т. н. Приготовительная комиссия, в нее вошел и Корф⁶⁸². Комиссии предстояла задача, просмотрев огромную кипу бумаг, составить сводный отчет о состоянии вопроса на сегодняшний день и «определить основания предстоящих Комитету работ и соображения свои внести на окончательное рассмотрение Комитета». Члены Комиссии не достигли единодушия в вопросе о том, с чего нужно начинать дело освобождения крестьян (а точнее: надо ли вообще к нему приступать), поэтому они представили три отдельных мнения. Корф,

считавший централизацию «главным недугом в нашем порядке управления», предлагал начать дело с циркуляра губернским предводителям дворянства, по которому они должны были начать обсуждение условий реформы. Он считал возможным воздержаться от руководящих указаний, но предостеречь дворянство от предложения чрезмерно крутых мер, заведомого ущемления интересов одной из сторон и больших финансовых затрат. По сути, его предложения были близки к проекту министерства внутренних дел, проекту Ланского – Лёвшина, реализация которого привела бы к достаточно быстрому и наиболее безболезненному в тех условиях освобождению крестьян. Однако, поскольку весной и летом 1857 г. усилия большинства членов Секретного комитета были направлены лишь на то, чтобы оттянуть решение вопроса о судьбе крепостного права, идеи Корфа тогда показались им «возбуждающими»: «Поручение дворянству каждой губернии составить соображения о будущих отношениях к ним крестьян, без сомнения, взволнует умы и помещиков, и крестьян, возбудит много толков и даже может быть причиною разных между помещиками и крестьянами беспокойств и волнений»⁶⁸³.

В конце 1857 г. ситуация меняется: император проявляет нетерпение, он недоволен уклончивыми решениями Комитета, настаивает на ускорении дела и, наконец, заставляет Комитет принять решение, положившее начало всему делу: был утвержден рескрипт виленскому генерал-губернатору В.И. Назимову о разрешении дворянству трех западных губерний приступить к выработке условий освобождения своих крестьян. 20 ноября 1857 г. рескрипт был опубликован, чуть раньше разослан во все губернии на случай, если бы дворянство в них изъявило желание, подобное желанию литовских помещиков, причем подчеркивалось, что последние доставили бы своим решением «особое удовольствие» государю. Результатом такого неприкрытого давления верховной власти было повсеместное создание в течение 1858 г. дворянских губернских комитетов, которым предстояло обсудить «местные условия» и выдвинуть свои предложения по ликвидации крепостного состояния в губерниях. Фактически, это был предложенный Корфом еще в апреле 1857 г.

вариант «приступа» к решению крестьянского вопроса, теперь он был «освящен» высочайшею волею.

В сопровождающем рескрипт документе правительство признало необходимым указать дворянству основные положения, на которых должна производиться реформа. Корф же, как уже упоминалось, в своем плане предлагал правительству *воздержаться от руководящих указаний*: 25 января 1858 г. он подает «особое мнение», в котором выступает с критикой предложенного правительством проекта, считая, что его реализация не будет иметь не только «никакой выгоды, но даже и никакого удобства». Это особое мнение вызвало неудовольствие Александра II. 17 февраля в докладной записке с просьбой «об увольнении от звания члена Главного комитета по крестьянскому делу», Корф ни словом не обмолвился о своем несогласии с официальной точкой зрения на крестьянский вопрос. Он приводит иные доводы в пользу своей «отставки»: он-де никогда не имел крестьян, не жил в деревне, не знает существа дела, и вообще «ознакомление с сельским нашим бытом стояло вне сферы служебных и других ... обязанностей» его; незнание им предмета дискредитирует как работу Комитета, так и имя императора, в публике-де даже говорят, что Корф не только все путает, но что от него идут «возбуждающие идеи, причиняющие беспокойство и пр.»⁶⁸⁴. На следующий день просьба Корфа была удовлетворена. Тем не менее, он имел знак отличия за введение в действие Положения 19 февраля 1861 г., а также золотую медаль за труды по освобождению крестьян.

Так ли уж несведущ был Корф в делах деревни? Среди его корреспонденции есть два письма к нему от управляющего арендным имением его матери. Содержание их свидетельствует о том, что управляющий постоянно держит Корфа в курсе всех дел по управлению помещьем⁶⁸⁵. Так почему же человек, «еще от времен первой молодости горячо призывавший освобождение ... крепостных людей», отказывается от участия в этом освобождении? Вот, например, третий член Приготовительной комиссии, Я.И. Ростовцев, тоже не имел собственных крестьян и так же, как Корф, в первом же заседании заявил о своей некомпетентности в крестьянском деле, тем не менее, впоследст-

вии, как известно, сыграл значительную роль в подготовке крестьянской реформы. Таким образом, вопреки объяснениям самого Корфа, можно утверждать, что единственной причиной отказа работать в Комитете явилось «как бы вроде его оппозиции»⁶⁸⁶ официальной точке зрения на то, с чего нужно начинать дело освобождения крестьян.

Корф и университетский устав 1863 г.

Деятельное участие принял Корф и в подготовке университетской реформы 1863 г.⁶⁸⁷ С проблемами высшего образования он был хорошо знаком. Когда в 1849 г. по высочайшему повелению был отменен прием в университеты, он представил отдельное мнение, в котором выразил несогласие с сокращением «комплекта» студентов в университетах⁶⁸⁸. В 1856 г. Корф стал почетным опекуном и членом Главного совета женских учебных заведений, в 1857 г. – членом Главного правления училищ, на заседаниях которого был всегда очень активен. Существуют косвенные свидетельства того, что одно время он имел большое влияние на министра народного просвещения А.С. Норова (1854–1858 гг.)⁶⁸⁹. Некоторые мероприятия, проведенные при этом министре⁶⁹⁰, «легко поддававшемуся посторонним влияниям»⁶⁹¹, скорее всего, были «подсказаны» ему его близким другом (каковым считал его Норов) Модестом Андреевичем. Легко заметить, что именно при Норове Корф попадает в высшие органы при министерстве просвещения; характерна в этом отношении запись А.В. Никитенко. «Говорят, – писал он, – барон Корф назначен членом Главного правления училищ. Авраама Сергеевича, очевидно, вяжут по рукам и ногам: там Ростовцев, здесь Корф»⁶⁹².

Корф первым выступил в защиту принципа «открытости» университетов. В самом начале 1860 г. на заседании Главного правления училищ был поднят вопрос о приемных экзаменах в университеты. По сути, он являлся одной из сторон проблемы служебных преимуществ, приобретаемых вместе с универси-

тетским дипломом, и, таким образом, непосредственно затрагивающей вопрос о цели и назначении университетского образования. Корф представил отдельное мнение: исходя из мысли, что «дом науки должен быть открыт всякому, как дом молитвы, без спроса о том, насколько кто достоин войти туда», он предложил уничтожить все приемные и переводные экзамены, предоставив всем желающим посещать лекции и держать испытание на получение ученых степеней. Подобные изменения в работе университетов неизбежно должны привести к преодолению «корпорационного духа» учащейся молодежи, что, по мнению Корфа, позволит избежать студенческих беспорядков⁶⁹³. Поддержал Корфа только А.В. Головнин. Все остальные, включая и действующего министра просвещения Е.П. Ковалевского, высказались за возобновление приемных испытаний и нашли, что предложенные им преобразования не соответствуют «состоянию элементарного образования, организации и средствам университетов, и, наконец, общему гражданскому устройству России»⁶⁹⁴. Тем не менее, вплоть до утверждения университетского устава в 1863 г. Корф последовательно отстаивал свою позицию.

Так, в ходе работы Комиссии, созданной для рассмотрения отчета министра народного просвещения Е.П. Ковалевского за 1859 г., и затянувшейся почти на год⁶⁹⁵, при обсуждении вопроса о переводных испытаниях в университетах вновь затрагивалась проблема прав выпускников этих учебных заведений. Большинство Комиссии высказалось за восстановление экзаменов, как лучшего средства контроля за занятиями студентов, признавая, тем самым, нецелесообразность каких-либо изменений в самой структуре университетов. Корф снова подал отдельное мнение. В университетском уставе, писал он, много заимствований из уставов германских университетов, устройство которых почти «средневековое». В средние века, продолжал он, корпоративное устройство университетов было вполне понятно и естественно – оно и университетские привилегии защищали науку, ее служителей и питомцев от насилий, почти повсеместных в средние века мрака и невежества. Теперь, когда ничто и никто университетам не угрожает, напротив, университеты пользуются особым покровительством сильного прави-

тельства, корпоративное устройство, казалось бы, не должно иметь места. Университет должен давать каждому желающему средства к получению высшего образования, и только; а вместо этого университет есть нечто замкнутое, как бы государство в государстве; поддерживаемая историческая традиция создает корпоративный дух среди студентов, верящих в свои мнимые права и потому оказывающих сопротивление целыми массами; виновата в этом не молодежь, не она дурна, а дурно учреждение. Почему, спрашивал Корф, слушатели в университете студенты, а не дворяне, не сыновья священников? Повторив, что «дом науки должен быть открыт всякому, как дом молитвы, без спроса о том, насколько кто достоин войти туда», он заявил, что университет должен быть учреждением вроде Публичной библиотеки, в которой, с гордостью писал ее директор барон Корф, бывают тысячи посетителей, но не бывает беспорядков. Лекции в университете должны носить характер публичных чтений, не должно быть никаких приемных и переводных экзаменов. Испытания же для поступления на государственную службу производятся отдельно, к ним вправе являться все, окончившие гимназический курс, независимо от того, были ли они в университете или нет.

Конечно, слушатели, поступающие в учебные заведения без помышления о дипломах и связанных с ними правах, гораздо желательнее, чем те, для которых университет – только ступень в жизненной карьере, ступень неизбежная, а потому, может быть, часто неприятная, утверждал Корф. Предлагая уничтожить все приемные и переводные экзамены и предоставить всем желающим права посещать лекции и держать испытание на получение ученых степеней, он исходил из того, что предоставление окончившим университеты служебных прав убивало научное значение этих учреждений: они становились «местом, пройдя которое можно было впоследствии выиграть по службе»⁶⁹⁶. Среди членов Комиссии идеи Корфа не нашли отклика.

Результатом деятельности Комиссии стали отставка министра просвещения Е.П. Ковалевского и принятие в мае 1861 г. Временных правил, в которых декларировалось уничтожение корпоративного устройства университетов (ликвидировались

все зародыши корпоративной организации студентов, даже форменное платье). Казалось, точка зрения Корфа восторжествовала, хотя ряд положений новых правил и не вполне соответствовал его взглядам⁶⁹⁷.

Однако этот документ так и не суждено было вступить в силу. Его действие должно было начаться осенью 1861 г., но известие о Временных правилах вызвало волну студенческих беспорядков, которые во многом предрешили судьбу министра народного просвещения – его отставка стала неизбежной. В обществе гадали, кто придет на смену крайнему реакционеру, полгода возглавлявшему главное культурное ведомство страны, адмиралу Е.В. Путятину. Одно время первым среди наиболее возможных кандидатов на этот пост называли Корфа. Это обстоятельство, возможно, активизировало его деятельность по подготовке университетского устава. 23 ноября 1861 г. А.В. Никитенко записал в дневнике: «Вечером заседание у министра. Совещание о преобразовании университетов по поводу проекта барона М.А. Корфа. Он предлагает сделать университеты совершенно открытыми для всех и каждого, через что уничтожается само имя студентов и, таким образом, прекращается их корпоративное значение. Не будет переводных экзаменов и курсов, – словом университеты лишаются своего школьного характера. Я подал голос в пользу этого проекта, полагая, что в настоящее время это чуть ли не единственное средство борьбы с корпоративным духом молодых людей в университетах»⁶⁹⁸.

В самом конце 1861 г. Корфа назначают главноуправляющим Вторым отделением СЕИВК. Тогда же по рекомендации великого князя Константина Николаевича министром просвещения становится либеральный А.В. Головин. С его приходом активизировалась работа по подготовке нового университетского устава. Через год его проект был опубликован. Началась горячая полемика в печати и в правительственных кругах, по существу вопрос стоял о сохранении или изменении *типа* русского университета. Корпорация или «открытые настежь двери», воспитательная или исключительно образовательная роль университетов в судьбе юношества – вот основные идеи, поставленные во главу угла сторонниками двух подходов, двух систем

университетского образования. Одна из них, поклонником и защитником которой в печати выступил Н.И. Костомаров, фактически совпадала с точкой зрения Корфа. В основание проекта нового устава была положена противоположная система, сторонниками которой были ученики Т.Н. Грановского во главе с профессором К.Д. Кавелиным. В прессе ее апологетом выступал Б.Н. Чичерин.

Все это время Корф продолжал отстаивать свою программу преобразования университетов. Осенью 1863 г. В.Н. Чичерин писал брату о Корфе: «Некоторые из сановников добиваются, чтобы его пустили в Совет министров, чтобы защищать свою программу». 26 октября 1863 г. Корф зачитал в Совете министров особое мнение, в котором прямо указал на причины реформы: главная цель задуманных преобразований, с его точки зрения, состояла в том, чтобы «сколько возможно отворотить и предупредить на будущее время те бедственные между студентами события, которыми омрачился исход 1861 года». Во избежание в дальнейшем подобных инцидентов он предлагал ликвидировать все признаки корпоративного устройства студентов⁶⁹⁹.

Несмотря на то, что основу нового устава, утвержденного 18 июня 1863 г., составили идеи корпоративного устройства университетов (а может быть, именно поэтому), Корф был включен в Комиссию для его обсуждения⁷⁰⁰. Борьба вокруг проекта завершилась, можно сказать, ничьей: новый устав стал компромиссом сторон. В нем наряду с передовыми идеями по устройству университетов, среди которых мы встречаем и положения программы Корфа – Костомарова, были сохранены некоторые установки старого устава 1835 г.⁷⁰¹

Участвуя в заседаниях Комиссии, Корф защищал свои взгляды об «открытости» университетов, отстаивая свою давнюю мысль о превращении университетов в места для чтения публичных лекций для людей обоого пола, всякого звания и возраста, бесплатно или за весьма незначительную плату⁷⁰². Некоторые его идеи нашли отражение в окончательном варианте проекта: новый устав принял постановление 1861 г. об отмене приемных испытаний в самом университете, мысль об этом была высказана и обоснована Корфом. В сильно урезанном, практически

неузнаваемом, виде в устав попало и положение об «открытости» университетов: к слушанию лекций были допущены посторонние лица с обязанностью соблюдать университетские правила, хотя их число строго регламентировалось. И в отношении к студентам устав отразил точку зрения Корфа: создав корпорацию профессоров и дав им автономию в виде самоуправления совета и факультетов, он не допускал никаких студенческих корпораций; устав подчинил студентов «вне зданий университетов» полицейским установлениям на общих основаниях. Интересно отметить, что исправленный в соответствии с указаниями Комиссии и отпечатанный проект был передан именно Корфу для последней редакции, о чем он впоследствии вспоминал в письме к А.В. Головнину.

Какую бы цель ни преследовал Корф, выдвигая свои предложения по реорганизации университетов, идеи его были сообразны с духом времени, когда на смену устаревшим феодальным структурам должны были рано или поздно неизбежно прийти структуры буржуазные. Объективно, требование уничтожения корпоративного устройства университетов, при котором они как бы варятся в собственном соку, поставляя «профессиональную и бюрократическую элиту»⁷⁰³, было, безусловно, прогрессивным. Однако, учитывая политические реалии российской жизни того времени, нужно признать, что корпоративность гарантировала университетам большую самостоятельность и независимость от центральной власти, пытающейся регламентировать буквально до мелочей все стороны их жизни. Поэтому сложно дать однозначную оценку позиции Корфа по данному вопросу.

*Решающая роль Корфа в разработке
Положения о губернских и уездных
земских учреждениях 1 января 1864 г.*

Последовательным и твердым в своих реформаторских устремлениях показал себя Корф при подготовке земской реформы. Современный историк считает, что в вопросе устройства земств «Корф был, так сказать, “более либерал”, чем Миллю-

тин», и что «Корфа нельзя отнести ни к консерваторам, ни к «конституционалистам», поскольку он пошел гораздо дальше последних в вопросе о земском устройстве»⁷⁰⁴. Каковы же основания для такого вывода?

В течение пяти лет (март 1858 – март 1863 г.) шла работа по подготовке земской реформы. Наконец, в марте 1863 г. Комиссия министерства внутренних дел под председательством министра П.А. Валуева представила Положение о губернских и уездных земских учреждениях. На этой-то решающей стадии в работу над проектом включился Корф. Во Второе отделение, руководителем которого он стал в конце 1861 г., были присланы на заключение документы Комиссии и с его существенными замечаниями возвращены им в министерство внутренних дел.

Во вступлении к представленному критическому отзыву Корф подчеркнул полное одобрение им главных оснований проекта. К этому его заявлению необходимо отнестись с осторожностью. По мнению исследователя земской реформы, оно является не чем иным, как «тактическим приемом, при помощи которого Корф пытался замаскировать свое несогласие с рядом очень важных положений проекта», поскольку при занимаемом им положении не мог себе позволить иначе сказать о проекте министерства, уже прошедшем обсуждение в Совете министров под председательством великого князя Константина Николаевича (при участии Корфа, не выдвинувшего никаких контрпредложений!) и получившем официальное одобрение императора. Анализ текста представленных Корфом замечаний подтверждает это предположение: они касались вовсе не «частностей» и «деталей», как писал Корф в преамбуле своего отзыва, а основных положений проекта⁷⁰⁵.

Корф считал, что основная цель реформы – «в изменении самых коренных условий нашей системы местного управления, в разрушении ее старых основ и построении ее на начале, почти совершенно ей до сих пор чуждом, децентрализации и самоуправления»⁷⁰⁶. Такое понимание земской реформы далеко не совпадало со взглядом Комиссии; ни Милютин, ни Валуев не собирались полностью разрушать старые основы.

Далее Корф указывал на две возможные системы организации самоуправления. Одна состоит в том, чтобы, создав местные органы управления, постоянно их контролировать и регламентировать, согласовывая местные интересы с общегосударственными; вторая предполагает четко определить круг деятельности этих органов и предоставить им свободно действовать в пределах этого круга. Корф склонялся ко второй системе, где посредником между местными и государственными интересами будет не административная, а судебная власть, карающая выход за четко очерченный круг прав и обязанностей.

Основную часть своего отзыва Корф разделил на два отдела. В первом он рассматривал вопрос о составе и устройстве земских учреждений, во втором — вопрос о круге их действия и степени их власти.

Корф считал нецелесообразным допускать различия в избирательном цензе для дворян и недворян. Он предлагал установить различный ценз для заселенных и обрабатываемых (более низкий) и для незаселенных (более высокий) земель, а также учредить особый разряд *saracites*, которым предоставить участие по пониженному имущественному цензу (постоянно живущие в уезде лица, занимавшие определенные должности) или вовсе без такового (лица с высшим образованием). Осуществление таких предложений нанесло бы ощутимый удар по сословным привилегиям дворян, сохранение которых предусматривалось проектом Комиссии⁷⁰⁷.

Отказался Корф признать и ту статью проекта, согласно которой выбор в гласные фабрикантов и арендаторов допускался только при условии принадлежности их к потомственному дворянству, он настаивал на исключении этого сословного ограничения. Оспаривал он также и те параграфы, в которых предлагалось председателями земских управ назначать предводителей дворянства. Поправки Корфа по этим вопросам означали отказ от признания принципа сословных различий при организации избирательной системы земства⁷⁰⁸.

Существенное изменение Корф предложил внести и в порядок организации крестьянского представительства. Он возражал против ограничения его сельскими административными

лицами, волостными старшинами и сельскими старостами, которые по проекту должны были избирать земских гласных от сельских обществ на своих сходах. Волостные старшины и сельские старосты, по мнению Корфа, являлись, как правило, представителями уездной полицейской администрации, с которой они были непосредственно связаны и перед которой были ответственны. Их представительство только усилило бы влияние местной администрации в земских учреждениях, что противоречило проповедуемому им принципу децентрализации. Выступал Корф и против основания представительства крестьян при выборе гласных на поземельном цензе наравне с крупными земельными собственниками. Он полагал, что разница в размерах владения, с которого полагается один гласный от того и от другого сословия, настолько бросается в глаза, что «может дать повод к весьма неблагоприятным толкам». Поэтому он предлагал вовсе отказаться от идеи поземельного ценза в отношении крестьян и организовать представительство по числу душ (одного гласного на четыре тысячи душ сельского населения)⁷⁰⁹.

Таким образом, Корф был последователен в своем стремлении устранить любые элементы сословного начала из процедуры выборов земских учреждений. Его предложения по составу и устройству земских учреждений шли вразрез с положениями проекта министерства.

В еще большей мере основания проекта валуевской Комиссии нарушали предложенные Корфом изменения в определении степени власти земств. Он добивался возможно большей самостоятельности земств в местных делах, идя в данном вопросе гораздо дальше и Валуева, и Н.А. Милютина. Его предложения были направлены на то, чтобы дать больший простор деятельности земских учреждений и по возможности стеснить в этом отношении права местной и центральной администрации⁷¹⁰. Он расходился с Комиссией в определении самого *tuna* земских учреждений, в которых Валуев хотел видеть органы исключительно хозяйственные, а Корф предлагал создать органы по управлению местными делами вообще⁷¹¹. Корф выступал за предоставление земским управам не только исполнительных функций, как предполагалось Комиссией, но и права самостоя-

тельного заведования местными делами. Он считал необходимым предоставить земским учреждениям право исполнительной власти⁷¹², выступал против опеки и вмешательства в земские дела со стороны центрального правительства, прежде всего, против утверждения губернаторами председателя и членов земской управы.

Таким образом, в лице Корфа (как и в лице Д. Милютин) министерство внутренних дел имело сильного противника, отстаивавшего создание сословного и самостоятельного местного самоуправления.

Остается добавить, что при обсуждении проекта валуевской Комиссии в Государственном совете, Корф последовательно и убедительно отстаивал свои позиции по организации местного самоуправления, и у него было значительное число сторонников. Итогом этой борьбы стало внесение в проект существенных изменений и дополнений, главным образом в соответствии с изложенными в его записке положениями, нередко даже в его формулировках. Таким образом, ему в немалой степени принадлежит заслуга устранения сословного начала, выразившегося в уравнении в цензе дворян и недворян, а также землевладельцев и крестьян при выборе гласных, предоставления избирательных прав крестьянам – вместо волостных старшин и сельских старост, некоторого расширения самостоятельности земских учреждений и их компетенции – в число земских дел было включено попечение о народном образовании и народном здравии, что стало в дальнейшем главными видами земской деятельности, – и внесения в проект некоторых других важных дополнений⁷¹³.

К вопросу о земской реформе относится и проблема управления начальными народными школами. В начале 1863 г. Ученый совет Главного правления училищ составил новый проект Положения о начальных народных училищах, где предусматривалось, что школы состоят в ведении местных училищных советов из представителей разных ведомств. Перед тем, как проект был представлен в Государственный совет, возникла «интересная», по мнению официального историка, переписка между ми-

нистром А.В. Головниным и главноуправляющим Вторым отделением СЕИВК М.А. Корфом по вопросу об участии проектируемых земских учреждений в деле народного образования⁷¹⁴. Корф уведомлял министра, что некоторые губернские собрания, а именно – Нижегородское и Санкт-Петербургское, выразили мысль, что народные школы должны быть подчинены земским учреждениям. Корф решительно поддержал эту мысль. Заслуживают внимания аргументы, которые он приводит в пользу такого решения: «как ни обдуманно и осторожно составлены правила об училищных советах, все они будут совершенным подобием или повторением существующих уже у нас многочисленных и разнородных местных комиссий и комитетов, общий характер коих составляет бюрократическое направление, т.е. форма, лишенная, в большей части случаев, жизни». Земские учреждения представляют, по его мнению, более ручательства в успехе настоящего дела, чем предполагаемые училищные советы⁷¹⁵. Как видим, Корф был последователен в своем стремлении *коренным* образом изменить старые структуры управления, справедливо полагая, что их частичное обновление не будет иметь никакого позитивного результата. Здесь также четко прослеживается его позиция по вопросу о необходимости предоставления местным органам власти большей самостоятельности (т.е. ослабления излишней централизации) и расширения их компетенции.

Обсуждение проекта в соединенных департаментах Государственного совета открылось заявлением бывшего министра народного просвещения Е.П. Ковалевского о необходимости предоставить земствам попечение о народном образовании, поскольку, с его точки зрения, «необходимо, чтобы общество, как и во всех странах Европы, приняло деятельное в этом участие, сколько для воспособления правительству в финансовом отношении, столько же и потому, чтобы развить в самом себе начало предполагаемого самоуправления в хозяйственном смысле и возбудить в нем энергию к общественным делам, уснувшую от непрерывно и везде продолжавшейся над ним опеки, породившей в нем апатию и привычку возлагать все на правительст-

во». Корф присоединился к этому мнению. Однако большинство высказалось против, и в итоге было принято решение, что земские собрания могут заботиться об увеличении средств на начальные школы, но управление ими сосредотачивается в центральном управлении министерства народного просвещения, участие же земств в управлении училищами должно выражаться в форме назначения членов от них в уездные и губернские училищные советы⁷¹⁶.

Корф и судебные преобразования

Участвовал Корф и в подготовке судебной реформы 1864 г. Когда в Государственном совете шло обсуждение проекта нового устава гражданского судопроизводства, он представил записку о необходимости гласности в этой области (март 1858 г.). Однако император тогда согласился с мнением Д.Н. Блудова, доказывающего, что гласность в этом деле преждевременна⁷¹⁷.

В начале 1860-х гг., как главноуправляющий Вторым отделением, Корф занимался продолжением Свода законов: им были представлены по этому вопросу три записки на высочайшее имя. По его мнению, необходимо строго определить, что такое закон и чем от него отличаются постановление и распоряжение; на практике обязательно должен осуществляться принцип разделения властей: «все, что относится до законоположений, сосредотачивается в Государственном совете; все меры, которые служат к исполнению законов, – в Комитете министров, Сенату же представляется контроль за действительным исполнением законов»⁷¹⁸. Таким образом, Корф относился к юристам, добивавшимся введения в России буржуазного законодательства, в котором вопрос «о взаимном соотношении высших государственных учреждений»⁷¹⁹ ставился во главу угла.

В том же направлении он продолжал работать и во время обсуждения «Основных положений преобразования судебной части в России». 24 мая 1862 г. в Комитете министров рассматривалась его записка «Об отделении в законодательстве собст-

венно законов от распоряжений администрации». С точки зрения Корфа, «впредь законами должны считаться только те законоположения, которые будут утверждены императором по предварительном рассмотрении в назначенном для того учреждении, то есть в Государственном совете». Изменять или отменить их можно только законами, принимаемыми в установленном порядке. Все прочие, «подходящие под эту категорию указы и повеления ... относятся к разряду постановлений или распоряжений административных». В тот же день Александр II утвердил это мнение. Разграничение нормативных актов по юридической силе диктовалось объективной необходимостью. Без этого судебной реформе могла угрожать опасность: ведомственное распоряжение могло зачеркнуть положения судебных уставов.

Корф принял активное участие в обсуждении проекта реформы. Став во главе Второго отделения буквально сразу после того, как Блудов отдал дело преобразований в государственную канцелярию, он попытался вернуть его в Отделение. Так, он выступил инициатором написания записки по проекту гражданского судопроизводства (записка К. Бунге), в которой обосновывалась необходимость его переделки⁷²⁰. Речь в основном шла о редакции. Ведущий заседание соединенных департаментов (28 апреля 1862 г.) П.П. Гагарин помешал намерениям Корфа. Об отсутствии принципиальных разногласий свидетельствуют признание, которое Корф сделал Гагарину в тот же день: он заявил, что проекты судебной реформы готов поднимать «двумя руками»⁷²¹. Несмотря на неудачную попытку взять в свои руки дело реформы, он поддержал все прогрессивные начинания судебных проектов, выносимые на обсуждение соединенных департаментов и общего собрания Государственного совета.

Корф был среди юристов, выступивших против автономии мировой юстиции: они считали, что мировой суд – лишь низшая инстанция в судебной системе, поэтому мировые судьи должны судить по закону, а не «по справедливости». Корф защищал суд присяжных («всякий суд присяжных будет заслуживать более доверия, чем прочий»), в том числе и по делам о государственных преступлениях, высказывался за последователь-

ное проведение принципа равенства перед судом представителей всех сословий, например, был против исключительного права монарха утверждать приговоры судов о лишении прав состояния дворян. Эти и другие факты позволяют утверждать, что Корф выступал сторонником радикальной реформы правосудия⁷²² и считал установление прогрессивного порядка в этой сфере необходимым условием для дальнейших положительных преобразований во всех отраслях российской жизни.

Передовые позиции он занимал и по вопросу применения телесных наказаний. Его точка зрения на эту проблему и проблему смертной казни определилась в 1840-е гг. Когда в 1844 г. при Государственном совете была образована Комиссия «для рассмотрения проектов новых уложений о наказаниях уголовных и исправительных для Империи и Царства Польского», Корф стал ее членом. С самого начала работы Комиссии он последовательно добивался отмены наиболее тяжелых телесных наказаний и сокращения статей, предусматривавших смертную казнь. Именно благодаря ему число таких статей, вошедших в Уложение о наказаниях, было значительно уменьшено⁷²³. При Втором отделении в бытность Корфа его руководителем учреждается специальный Комитет для пересмотра военно-уголовных законов. Ученик Корфа Н.А. Орлов подал в Комитет записку «Об отмене телесных наказаний в Империи и в Царстве Польском». В ней телесные наказания определялись как «зло в христианском, нравственном и общественном отношениях», указывалось на их бесполезность, жестокость и несовместимость с сколько-нибудь развитым чувством чести. Члены Комитета (и, прежде всего, Корф) согласились с запиской и выработали предложения об отмене телесных наказаний, которые после обсуждения разными ведомствами послужили основой указа 17 апреля 1863 г. «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных». Указ фактически отменил телесные наказания для большинства населения⁷²⁴. Много позже в письме к Корфу его бывший ученик Николай Алексеевич Орлов вспоминал: «В уроках Ваших Вы не раз говорили об ужасах телесных наказаний, и Вы ... спасли Россию от ... смертной казни»⁷²⁵.

Корф в цензурной политике правительства. Обсуждение правил о печати 1865 г.

Нельзя однозначно оценить позицию Корфа в ходе подготовки самой осторожной из реформ 1860-х гг. — цензурной, впрочем, так же, как и всю его деятельность в этой области. Его имя было связано с цензурной политикой правительства задолго до начала работы над реформой книгопечатания: при Николае I он состоял членом двух негласных цензурных комитетов — временного, для рассмотрения действий цензуры и соблюдения журналами их программы, т. н. меншиковского, и Комитета для постоянного надзора за духом и направлением книгопечатания, или Комитета 2 апреля 1848 г. Первый из этих комитетов, образованный 27 февраля 1848 г., по мнению многих исследователей, был создан исключительно «стараниями» Корфа: 24 февраля, в день получения в Петербурге известий о революционных событиях во Франции, он составил записку «О состоянии русской журналистики и мерах к упорядочению ее», которую представил цесаревичу. Эта записка, как правило, и фигурирует в исторической литературе в качестве главной причины открытия негласных комитетов по делам цензуры. Но так ли это?

Записка Корфа была не единственной в своем роде. Подобная докладная Третьего отделения о журналах «Современник» и «Отечественные записки» была вручена А.Ф. Орловым царю почти одновременно с запиской Корфа и послужила главным основанием для учреждения 27 февраля 1848 г. особого Комитета «по выявлению упущений цензуры и ее начальства». С аналогичными предложениями выступили и некоторые другие, например, князь П.А. Вяземский⁷²⁶.

В своей записке Корф писал: «Настоящее ужасное событие на Западе Европы указывает необходимость всячески охранять низшие наши классы от вторжения таких идей, которые могли бы влить в них ... восприимчивость к злонамеренным политическим внушениям». Для этого, полагал Корф, надо, прежде всего, исправить то положение, которое существует в цензуре, и он перечисляет характерные цензурные недосмотры. С его точки

зрения, ученые и литературные статьи в журналах «отзываются чем-то политическим». Судя по дневнику, он имел в виду «Современник» и «Отечественные записки», однако, важно подчеркнуть, что в самой записке он не конкретизирует, о каких журналах идет речь.

Между тем из исследования в исследование кочует выражение – «записка Корфа об “Отечественных записках” и “Современнике”». Как мы выяснили, *подобной* записки не существовало, зато мало кем был отмечен тот факт, что, помимо негативной критики в адрес цензуры, Корф выступил с рядом позитивных предложений по преодолению существующих в ней недостатков. Так, он предлагал увеличить число цензоров, укрепить их материальное положение, значительно повысив им жалованье, кроме того, указывал, в каких случаях и как цензоры должны проявлять особую бдительность, а также приводил примеры мер, которые можно использовать в качестве ограничительных против журналов⁷²⁷. Этими мерами могло стать закрытие журналов или, что еще лучше, передача их в другие руки. Последнее предложение дало повод усмотреть в Корфе сторонника ревизии периодической печати, которая должна была быть произведена специально учрежденным для этого комитетом. Между тем такого результата действия своей записки он не предвидел, для него это явилось совершенной неожиданностью. Князь А.С. Меншиков, встретив Корфа в Государственном совете, нашел его очень «бледным, желчным и расстроенным» своим назначением в «цензурно-фискальный» комитет⁷²⁸. Поэтому утверждать, что «инициатива создания особого комитета по ревизии печати принадлежит Корфу»⁷²⁹, вряд ли справедливо. Можно согласиться – Корф невольно стал «косвенным творцом» первого из цензурных комитетов⁷³⁰, но при этом необходимо отметить, что, составляя свою записку он преследовал иные цели. И если бы император не прочитал тогда же ряд других подобных «посланий» (и прежде всего доклад Третьего отделения), учреждение негласного цензурного комитета, скорее всего, не состоялось бы.

Так чем же руководствовался Корф, выдвигая свои предложения по преобразованию цензуры? По свидетельству боль-

шинства современников, Корф составил свою записку, «желая свергнуть графа Уварова, чтобы занять его пост», так как «ему очень хотелось увенчать свою счастливую служебную карьеру министерским портфелем»⁷³¹. Отношение Корфа к тогдашнему министру просвещения было всегда резко враждебным. Подтверждением этому служат его дневниковые записи: Уваров, по мнению Корфа, «совершенно небрежет о священных обязанностях своего звания и не надзирает сам ни за чем, окружив себя дураками, совершенно не способными ни к какому делу»; с точки зрения Корфа, этот человек стремился «всю жизнь не за пользою, а за одними суетными почестями, за одним внешним блеском»⁷³². Однако прав и современный исследователь, отметивший «довольно панический тон» записки Корфа⁷³³. Он, если опять же судить по его дневнику, под впечатлением революционных событий в Европе, был искренне озабочен необходимостью охранить и укрепить идеологические устои абсолютной монархии в России, чтобы с ней, не дай Бог, не случилось того же, что произошло с монархией во Франции. Даже, несмотря на это, Корф все-таки попытался уклониться от участия в Комитете⁷³⁴. Правда, настаивать на своем отказе не стал, поскольку боялся лишиться расположения Николая I, и, кроме того, по его собственному признанию, руководствуясь соображениями, что тогда приищут другого человека, и он уже не сможет «иногда что-нибудь устраивать в пользу преследуемых»⁷³⁵. Итак, Корф вошел в оба Комитета, с 1855 г. стал председателем последнего из них, хотя, по его собственному признанию, был его фактическим руководителем и в предшествующие годы⁷³⁶.

Деятельность так называемого Бугурлинского комитета (или Комитета 2 апреля) подверглась серьезному и многостороннему изучению в исторической литературе, исследователями были подняты материалы многих архивов, выводы, к которым они приходят, характеризуют Корфа не с лучшей стороны. Сам Комитет 2 апреля один автор даже назвал комитетом «обезумевших вандалов», другой считает, что «цензурный террор, порожденный действиями бугурлинского комитета, привел к тому, что общество почти полностью лишилось печати, как средства самовыражения»⁷³⁷. Правда, один мемуарист, отмечая карьер-

ные расчеты Корфа в деле с подачей записки о слабости цензуры, упоминает и о том, что последний по просьбе близких знакомых зачастую конфиденциально «консультировал» авторов, указывая им, как лучше избежать цензурных строгостей⁷³⁸. Другой свидетель рассказывал, как Корф неоднократно выступал против второго официального председателя Комитета Н.Н. Анненкова. Так, когда тот «набрал шестнадцать обвинительных пунктов против нашей литературы», Корф «успел» вмешаться и доказать их нелепость, хотя в двух пунктах все-таки принужден был уступить. Брату Модест Андреевич признавался, «что все, что делается в негласном Комитете, приводит его в омерзение»⁷³⁹. Это признание относится к 1850 г., а в 1848 г., в самом начале деятельности, Комитет, по словам Корфа, «принес большую и существенную пользу»⁷⁴⁰. Как совместить эти его позднейшие высказывания с попытками с самого начала избежать членства в цензурных комитетах? В каком случае он был искренен?

Попробуем спроецировать его поведение в ходе создания отдельного министерства цензуры (Главного управления по делам книгопечатания) в 1859 г. на его действия в феврале – марте 1848 г. Глубокой осенью 1859 г., слушая предложение Александра II возглавить «гласное и самостоятельное учреждение в виде особого министерства» цензуры, Корф все глубже и глубже «проникал всем ужасом и всюю безысходностью готовящегося положения», осознавая, что это «дело не только многозаботливо, трудно и неприятно, но, во многих отношениях, и опасно». Тем не менее, прекрасно понимая, что отказ непременно приведет к подрыву «ненарушенной еще ничем девственности доверия и милости» к нему со стороны императора, Корф вынужден был согласиться⁷⁴¹. Еще больше оснований опасаться за свое положение имел Корф в случае отказа императору Николаю I (в феврале 1848 г.): этому монарху, как известно, нелегко было перечить. Поэтому попытки Корфа в 1848 г. были так робки и не увенчались успехом; в 1859 г. он два раза порывался отказаться от порученного дела, в итоге сам подал просьбу об отставке⁷⁴².

При «его большом уме» Корф не мог не тяготиться своим положением. Однако, привыкнув делать любое дело добросовестно, а на первых порах подгоняемый своей неприязнью к Уварову, он рьяно взялся за работу и, то ли по убеждению, то ли по инерции, продолжал ее добросовестно исполнять все семь лет существования Комитета 2 апреля 1848 года, несмотря даже на то, что со временем стал считать его «родом нароста на нашей администрации», деятельность которого «только парализовала действия и власть самого министра, вредя косвенно всякому полезному развитию и успехам отечественной письменности»⁷⁴³.

Так с чем же связано участие Корфа в цензурных мероприятиях правительства? Многим современникам, как уже упоминалось, казалось очевидным, что цензурная деятельность Корфа связана с его карьерными устремлениями⁷⁴⁴. Сам он ссылаясь, как мы выяснили выше, на свою подневольность: как верно-подданный он не мог ослушаться своего государя. Возможно, Корф под впечатлением революций 1848 г. в Европе искренне желал предохранить Россию от подобных потрясений, поставив им идеологический заслон в виде цензуры. Кроме того, как было уже замечено, Корф особое внимание сосредотачивал на проблеме профессионализма цензоров и, в связи с этим, считал свою кандидатуру на должность главного цензора страны не самой худшей, поскольку, с его точки зрения, являлся «человеком, любящим литературу и давно ею занимающимся»⁷⁴⁵.

Проблему профессиональной пригодности цензоров Корф поднимал много раз. Коснулся он ее и в одном частном письме 1855 г.⁷⁴⁶ Признавая необходимость «благоразумной» цензуры «во всяком благоустроенном государстве», он отмечал, что в российской цензуре происходят «невероятные и страшные вещи, потому что несколько человек ... совсем не по строгому выбору, а почти наудачу и ... без возможности какой-либо над ними расправы, накладывают цепи своего искусства на все умственное наше развитие». Эти недостатки Корф объясняет рядом причин, в том числе случайным и потому неудачным подбором людей в цензурном ведомстве. Заканчивает Корф это письмо следующими словами: «Дай Бог, дай Бог, чтобы дело при нынешнем составе высшего управления министерства просвеще-

ния пошло иначе»⁷⁴⁷. Таким образом, дело, по мнению Корфа, в *кадровом составе*, в том, *кто* будет осуществлять цензуру. Тот же вывод он повторяет и через четыре года: если цензура – «это страшное дело, этот обоюдоострый меч» попадет в руки достойного человека, последний может «обратить это дело к общей пользе»⁷⁴⁸. А может быть, таким человеком станет он? Даже при таком подходе, Корф все-таки сомневается, сможет ли в роли цензора принести пользу, признавая, что для него участие в делах цензуры – «вечный Дамоклов меч, повешенный на весь остаток дней над покоем, даже над всею моральною будущностию» его, «горькая чаша, которую приходилось бы испивать без всякой верной надежды *быть полезным общему благу*. Но покамест еще оставалась хотя тень такой надежды, – продолжал он, – возникавшая из неограниченного, по-видимому, доверия государя, я считал постыдным и преступным бежать с поля сражения, не испробовав на нем своих сил»⁷⁴⁹. Вот – один из мотивов поведения Корфа: надежда (или ее тень?) «быть полезным общему благу». Вполне возможно, что это всего лишь попытка оправдаться перед далеким и близким потомством. И все-таки, учитывая ту последовательную позицию, которую занимал Корф в течение всей жизни по отношению к «пользе общей», а также значение, которое он придавал этому словосочетанию, представляется возможным принять его уверения не только как попытку самооправдания, но и как обоснование им мотивов своей деятельности в сфере цензуры.

Кстати, деятельность Корфа в негласном цензурном Комитете протекала одновременно с его директорством в Императорской Публичной библиотеке. Заседания Комитета проходили в ее здании, из чего Корф сумел извлечь пользу. Остатки сумм, предназначенных для Комитета и оставшиеся не использованными, перечислялись на счет Библиотеки. Все издания для Комитета присылались в виде второго обязательного экземпляра в Библиотеку. Это не только обогатило ее новыми книгами, но и спасло для потомства многие издания, осужденные на уничтожение⁷⁵⁰.

А может быть, деятельность Корфа как цензора не выходит за рамки такого жизнепонимания, как «добровольное самозаклание либеральной личности на алтаре существующего порядка во имя буду-

щей свободы»? Образец такого либерального самопожертвования – жизнь другого цензора А.В. Никитенко. Памятник этой форме общественного служения – его знаменитый многолетний дневник, за пределами которого либерализм автора едва прослеживается⁷⁵¹.

У Александра II, как видим, фигура Корфа тоже ассоциировалась с цензурной политикой. Именно ему Александр поручает в 1859 г. организовать и возглавить отдельное министерство цензуры⁷⁵². О том, как это происходило, рассказано выше. Несмотря на то, что, по его словам, Корф согласился возглавить новое ведомство с большой неохотой, за дело он взялся с присущей ему основательностью. Вскоре он представил императору свой проект с изложением основных положений и принципов деятельности Главного управления по делам книгопечатания. Главное, по мнению Корфа, заключалось в том, чтобы «для пользы дела» «не облекать новое учреждение одним характером карательным», а, «напротив, так сказать, кокетничая с литературой, знаменем нового ведомства выкинуть покровительство и направление, а из взыскания или кары сделать же только оборот медали»⁷⁵³. Как видим, Корф собирался строить свою работу на совершенно новых принципах, речь шла об изменении самого характера цензуры. Реализация такого плана могла бы привести к весьма позитивным сдвигам в области книгоиздания. Вообще, «мысль отделить цензуру от всех других министерств, всегда так или иначе могущих быть ею лично недовольными», весьма прогрессивна, это «едва ли не самая удачная мысль из всех других, вдохновляющих последующих реформаторов», поскольку здесь налицо «идея независимости и свободы»⁷⁵⁴.

Активная деятельность Корфа и его помощников по устройству нового ведомства длилась сравнительно недолго – около шести недель⁷⁵⁵. По истечении этого срока император распорядился прекратить дальнейшие работы по созданию министерства цензуры. С чем это было связано? Большинство исследователей среди причин, по которым открытие цензурного ведомства так и не состоялось, чаще всего называют разглашение Корфом своих намерений следовать в цензурных делах «либеральной системе»⁷⁵⁶ (подобные намерения не могли не вызвать недовольствие влиятельных ретроградов), а также предусмотр-

ренные им расходы на обустройство своего ведомства (особенно, на покупку дома для Управления), которые показались непомерно высокими его недоброжелателям, в чем они сумели убедить и императора. Но, скорее всего, главная причина – в другом: Александр II настаивал на включении в состав нового министерства членов т. н. Тройного комитета⁷⁵⁷, Корф категорически возражал – ведь среди них был начальник штаба корпуса жандармов и управляющий делами Третьего отделения А.Е. Тимашев. Корф же с самого начала был против создания из цензурного ведомства еще одного отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии именно потому, что в ней уже есть Третье отделение «со страшною репутациею». А ему хотели навязать «главного» жандарма страны в постоянные члены! Да и другие две кандидатуры не вызывали у Корфа энтузиазма – А.В. Адлерберг и Н.А. Муханов! Он не без оснований боялся, что включение троих членов экс-комитета в состав нового управления помешает ему «усвоить с первых пор некоторую популярность», отнимет «у него всякий кредит в публике, а, следовательно, и средства приносить пользу»⁷⁵⁸. Но Александр настаивал, и «в последнюю минуту Корф разошелся с государем». Таким образом, какой бы повод ни был использован для того, чтобы избавиться от вновь учреждаемого министерства, главным явилось то обстоятельство, что против Корфа и «против самого начала нового управления возникла сильная оппозиция в верхних слоях». Поэтому дело было обречено на неудачу, а кончилось тем, что Корф *сам* «отказался от возложенного на него поручения, и государь приказал передать все дела обратно в руки министра народного просвещения»⁷⁵⁹.

В силу всего вышеизложенного неудивительно, что Корфу принадлежит наиболее обстоятельный отзыв на проект устава о книгопечатании, составленный очень «умно и искусно»⁷⁶⁰. С его точки зрения, Комиссия министерства внутренних дел, подготовившая проект⁷⁶¹, не обратила должного внимания на необходимость коренного изменения цензурного законодательства в смысле перехода от системы предварительной цензуры к карательной. Положения проекта лишь подновляли действующий цензурный устав и даже предусматривали для периодической

печати, не изъятой из предварительной цензуры (книги объемом меньше двадцати листов), новые строгости и ограничения. Корф защищает карательную цензуру и выступает против предварительной, главный вред которой видит не в произволе, который более или менее встречается во всякой административной и политической деятельности, а в самой идее такой цензуры. Свою точку зрения он аргументирует следующим образом: «На первый взгляд по идее своей цензура могла бы показаться учреждением самым благодетельным, необходимым в благоустроенном государстве. Ее назначение, по-видимому, указывать лучшую и правильную дорогу умственному развитию общества, устранять из области его все ложное и вредное, опасное и расчищать путь всему истинному и полезному. В самом деле, если бы существовало такое неизменно безошибочное мерило для распознавания, что истинно и что ложно, что в произведениях человеческой мысли может принести пользу и что обратиться во вред; если бы нашелся ареопаг, который, обнимая прошедшее, настоящее и будущее человечества, в состоянии был бы непогрешимо указать, каким путем должна идти наука, и в какие окончательные формы должно вылиться общество; если бы при этом контролируемая правительством печать была единственным средством распространения мнений и учений между людьми, – установление цензуры было бы идеалом, лучше которого нечего было бы желать». Ссылаясь на многовековой опыт (а возможно, и на свой собственный, ведь Корф в течение семи лет фактически руководил цензурным Комитетом 2 апреля 1848 года), он, однако, считает доказанным, что цензура не в состоянии выполнить эту миссию, превосходящую силы человеческие: многие, если не все, истины, которыми постепенно обогащалось человечество, по его мнению, первоначально встречались с недоверием и должны были выдержать борьбу и только среди ее выяснились, приобретали силу и окончательно утвердились, а с другой стороны, ложные и опасные доктрины распространялись, несмотря на все запрещения. По глубокому убеждению Корфа, только карательная система, предоставляющая печати свободу и карающая только за посягательства на главные начала общественного порядка, чужда указанных недостатков.

Далее, обращаясь к российским реалиям, Корф замечает, что перелом, происшедший в последние годы в направлении внутренней политики, привел к необходимости дать печати полный простор, так как убедились, что только при содействии свободного общественного мнения возможно плодотворное движение и осуществление законодательных реформ. Корф пишет: «На опыте правительство убедилось, что только в свободе печати находится противоядие против злоупотреблений печатью. В этом свободном обращении некоторой доли неправды наряду с истиною одно из драгоценнейших свойств карательной системы, и через это она делается могущественным орудием воспитания народа».

Однако, продолжает Корф, в то время, когда в России еще отсутствуют «правильные суды» (отзыв составлялся во второй половине 1863 г.) и «привычка к свободному слову», нельзя требовать немедленного перехода к карательной цензуре. Необходимо соблюдать «постепенность» и «осторожность», что вовсе не означает «нерешительности» и «робости» в разрешении проблемы. Исходя из этого, Корф предлагает пока перейти к смешанной системе цензурных установлений: «В жизни общественной и частной ближайшей целью не всегда бывает тотчас безусловно хорошо, часто приходится искать сперва не лучшего, а наименее худшего»⁷⁶².

Резко отрицательно относился Корф к институту административных взысканий и залогов, предусмотренных проектом. Он полагал, что первые – «это новая язва, заключающая в себе такую массу вреда, произвола и несправедливости, что против них протестовали и протестуют все благочестивые люди. Система административных взысканий еще более заражена произволом и неисправностью, нежели предупредительная цензура, ибо наказывает за вину, не предвиденную никаким положительным законом ... Самая же опасная сторона административных взысканий, как они, например, применяются во Франции, состоит в том, что одному лицу дается власть по индивидуальному воззрению, иногда по одному минутному настроению духа без всякой дальнейшей перед законом ответственности лишать человека права собственности, права на занятие, которым он, может быть, жил, и что еще важнее, исключает из круга

вращающихся в обществе мнений целое учение или направление!». Корф категоричен: если «мы желаем не утеснения, а расширения свободы слова», необходимо убрать из проекта пункт о взысканиях⁷⁶³. Таким же образом он хотел поступить и с залогами для периодической прессы, отмечая в своих замечаниях, что истинным (хотя и не высказанным) мотивом для залогов является желание власти сосредоточить периодическую печать в руках людей более зажиточных и удержать прессу от слишком сильного развития. Однако, считает Корф, «первое условие нисколько не служит гарантией для увеличения в журналистике здравомыслия и других желаемых качеств». Что касается сокращения журналистики, то оно искусственно создает монополию для немногих изданий, которые получают власть и возможность господствовать над умами. При отсутствии же искусственного стеснения журналы, хотя и умножаются, но исчезает их неестественное обаяние: народ начинает относиться к печатному слову, как к «обыкновенному говору людскому, в котором смесь дурного и хорошего, ложного и истинного никого не смущает. Стремиться к водворению такого порядка вещей нам в настоящее время в особенности необходимо: мы теперь вступили в тот именно период полуобразованности и полужнакомства с гласностью и с печатным словом, который неизбежен в жизни каждого народа, но через который для блага государства желательно пройти, как можно, скорее».

Решительно возражал Корф против установленной в проекте нормы – книги объемом до двадцати листов не должны подвергаться предварительной цензуре, а только карательной. Эту норму он предлагал снизить до десяти листов. Выступил он и за большую независимость цензуры от министерства внутренних дел и, в этой связи, за большую самостоятельность совета главного управления по книгопечатанию и его коллегиальность.

В целом замечания Корфа по цензурному законодательству были направлены против основных положений представленного проекта⁷⁶⁴. А.В. Никитенко восхищался отзывом Корфа, отмечая, что «Корф, видимо, склоняется в пользу большей свободы печати, хотя и признает необходимым некоторые ограничения» и что «он мыслит и пишет как государственный человек»⁷⁶⁵.

Однако, при слушании дела в департаменте законов усиленного состава⁷⁶⁶, Корф не поддержал изложенные в своем отзыве взгляды, и выступивший в том же духе А.С. Норов (записку для него составил Никитенко) оказался в одиночестве, а его предложения «гласом вопиющего в пустыне». Когда Норов начал упрекать Корфа, тот назвал все это «пустяками»⁷⁶⁷. Никитенко приписывает такое отступничество Корфа его беспринципности. Один из исследователей «эпохи цензурных реформ» связывал подобное поведение с другим обстоятельством. «Но ларчик просто открывался: сорвавшееся у Корфа в 1859 г. министерство цензуры, – писал он, – снова вдруг было кем-то выдвинуто, и барон, в чаянии бесполезности настоящих департаментских заседаний, раз цензуре была бы дана совершенно иная организация, действительно, считал все это пустяками»⁷⁶⁸.

Каковы еще причины отказа Корфа от поддержки своих же предложений? Если отзыв составлялся Корфом, как главным-управляющим Вторым отделением СЕИВК, то на заседании департамента законов он присутствует в качестве хозяина – председателя этого департамента⁷⁶⁹. В таком случае его поведение можно объяснить тем, что, как говорится, «положение обязывает». Может быть, прав М.К. Лемке: Корфом двигали иные причины – он собирался в недалеком будущем возглавить отдельное, ни от кого не зависящее министерство цензуры и, следовательно, обсуждавшийся проект не представлял для него никакого интереса, поскольку он знал, что устав все равно не успеет вступить в силу. Тогда к чему же копыя ломать? Все равно создание нового ведомства повлечет за собой выработку совершенно нового устава, ничем не похожего на предыдущие, ведь они предусматривали подчинение цензуры то министру просвещения, то министру внутренних дел. Возможно и еще одно объяснение: реально оценив расстановку сил, Корф осознает тщетность усилий что-либо изменить на данном этапе, ведь он всегда отличался осведомленностью обо «всех дворцовых веяниях»⁷⁷⁰ и всегда старался учесть конъюнктурные моменты.

К радости Корфа, на общем собрании Государственного совета в начале марта 1865 г. проект Устава о книгопечатании не был одобрен большинством членов, а было решено ограничиться вместо об-

шего цензурного устава «отдельными дополнительными мероприятиями впредь до ближайших указаний опыта»⁷⁷¹. Проект возвращается к нему, в департамент законов, и в него вносятся кое-какие дополнения, несколько смягчающие цензурные установления.

Корф с самого начала полагал, что та смешанная система, которая предлагалась проектом, на самом деле являлась не чем иным, как видоизмененной предварительной цензурой лишь с небольшими уступками в пользу карательной системы. В своем отзыве он требовал, чтобы «в основании нового устава были решительно приняты начала карательной системы, составляющей окончательную цель законодателя, чтобы духом этой системы весь устав был пропитан, и, чтобы она стояла в нем на первом плане, цензура же и другие ненормированные ограничения – остаток прежнего порядка, представлялись лишь в виде временных изъятий, долженствующих отпасть с минованием причин, которые делают их покамест еще нужными». Именно при вторичном рассмотрении проекта в департаменте законов 10 и 13 марта в него были внесены некоторые из тех существенных изменений, которые предлагал Корф. Так, признавались преимущества карательной цензуры, но «в виду неустройства еще судебной части», было оговорено, что, как переходная мера, пока будет существовать смешанная система⁷⁷², при которой ряд изданий совсем освобождаются от предварительной цензуры, правда, периодические – только с разрешения министра внутренних дел⁷⁷³, листовая норма таких изданий была понижена до 10 листов; конфискация изданий могла осуществляться лишь по приговору суда⁷⁷⁴. Корф рассматривал факт принятия Временных правил о печати вместо постоянного цензурного устава как большую удачу: еще ничего не потеряно, можно будет вернуться к уставу позже, и тогда он, как глава цензурного ведомства, сможет провести в него те положения, которые считает нужными. Увы! надеждам, в который раз, не суждено было сбыться! Временные правила просуществовали более полувека, и устав о книгопечатании так и не был принят.

Таким образом, позиция Корфа в годы Великих реформ совершенно ясна: он был не просто сторонником реформирования

всех сторон российской действительности, но сам сыграл не последнюю роль в проведении большинства буржуазных преобразований первой половины 60-х гг. XIX в. Исследователи, как правило, считали, что «излишне либеральная» позиция Корфа в это время никоим образом не связана со всеми его предшествующими взглядами, мнениями, всей его предыдущей деятельностью. Однако предложения, которые им вносились по ходу работы над проектами различных реформ, не выбивались из руслу его общих мировоззренческих установок. И позиция его, которую он в большинстве случаев твердо и последовательно отстаивал в эти годы, отнюдь не случайна. К мысли о необходимости прогрессивных изменений в России Корф приходит еще в годы лицейской юности. Служебная деятельность сводит его с такими крупными фигурами государственной жизни России, как Канкрин и Сперанский. Идущая от Сперанского традиция просвещенного реформаторства, сочетающаяся с прекрасной образованностью и высоким профессионализмом, была продолжена его лучшим учеником, а основная идея Сперанского – идея установления в России правового государства, где посредником между обществом и правительством выступает судебная власть, – прослеживается во всех проектах Корфа 1860-х гг. Такое отношение к реформам вовсе не означало, что он являлся сторонником ограничения самодержавной власти. Все его предложения предполагали сохранение этой власти, необходимость которой для России он, вслед за Сперанским, считал «аксиомой», не требующей доказательств.

В самый разгар реформаторского бума в 1861–1864 гг. Корф занимал пост главноуправляющего Вторым отделением СЕИВК, и его не мог миновать ни один из проектов какой бы то ни было реформы. Деятельность Корфа в процессе переустройства общественного строя России середины XIX в. позволяет отнести его к «либеральным», или «просвещенным» бюрократам. Это подтверждается и его личными связями: он был своим в кружке великой княгини Елены Павловны, одно время он был близок с великим князем Константином Николаевичем. В лице Корфа перед нами предстает крупный государственный чиновник, в данном качестве окончательно сложившийся в николаевское царствование, высокообразованный, с высокоинтеллектуаль-

ными запросами, сочетавший в одном лице бюрократа и ученого-историка, не чуждый литературного творчества. Подобное сочетание определяло и характер его связей: с одной стороны – высокопоставленные чиновники и члены царской семьи, с другой – представители научной и литературной элиты. Таким образом, фигуру Корфа можно рассматривать и как одно из тех связующих звеньев, которое соединяло силы прогресса в правительственных и общественных кругах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование посвящено трем представителям российского правительственного реформизма первой половины XIX в. – П.Д. Киселеву, Д.Н. Блудову и М.А. Корфу. Это – государственные деятели *нового типа*, тесно связанные не только с государственной политикой, но и с общественными силами. Их жизненная позиция может рассматриваться как проявление менталитета определенной группы высокопоставленных деятелей, которые в условиях царствования Николая I пытались реализовать политическую программу, направленную на приспособление существующего в России общественно-экономического уклада к новым условиям общеевропейского «бытия». Изучение таких «попыток»⁷⁷⁵ позволяет выявить тип политического мышления целого слоя умеренных реформаторов, сочетавших в своем мировоззрении преобразовательные тенденции и консервативные элементы (сами они называли себя деятелями «либерально-консервативного направления»⁷⁷⁶). Исследование данной проблемы способствует углублению и конкретизации знаний о процессе формирования кадров «просвещенной бюрократии», ставших движущей силой буржуазных реформ последующего царствования. Сановные либералы во многом предопределили форму и характер этих реформ, в этом процессе центральные персонажи настоящей работы сыграли значительную роль.

П.Д. Киселев не случайно стал «начальником штаба по крестьянской части» императора Николая I. В 1815–1816 гг. он был конфидентом его старшего брата при попытках того изменить отношения между помещиками и крестьянами. Тогда Александр I дал личную свободу эстляндскому крестьянству и задумал разработку проекта отмены крепостного права в Малороссии. Киселев написал для монарха записку «О постепенном уничтожении рабства в России», где предложил целый ряд мер, многие из которых впоследствии попытался претворить в жизнь. Так, он планировал разрешить крепостным выкупаться

«по установленной правительством цене», а дворянам устраивать майораты, причем крестьяне таких имений должны были переходить в сословие свободных хлебопашцев. Покупка владельческих крестьян малоземельных губерний в казну и дальнейшее переселение их на казенные земли также должны были сопровождаться превращением их в свободных хлебопашцев. Положение записки о разрешении «капиталистам» покупать имения при условии, «чтобы отношения крестьян к новым владельцам были определены законом», стало впоследствии основой всех задуманных и осуществленных Киселевым преобразований.

В своем следующем проекте (1826 г.), поданном другому императору, Николаю I, он прямо называет такое «определение отношений» уже между помещиками (правда, поляками по национальности – речь шла об Украине) и их крепостными инвентарями, или «сельскими подворными ведомостями», подчеркивая необходимость их введения и предлагая при этом заменить подушное обложение поземельным.

Даже находясь под строгим контролем центра, в свою бытность председателем диванов Молдавии и Валахии, Киселев прилагает все усилия для корректировки Органических регламентов этих государств по вопросам отношений между земледельцами и боярами. В окончательном варианте этих документов утверждалась свобода перехода крестьян, регламентировались размеры их наделов, в соответствии с которыми определялись повинности (поземельное обложение).

После возвращения из Дунайских княжеств Киселев почти сразу становится основной фигурой в деле преобразования крепостных отношений: Николай I открывает ему неограниченный кредит доверия. Помимо отчета по Молдавии и Валахии Павел Дмитриевич представляет вниманию императора записку «Взгляд на юго-западные губернии в отношении господствующего духа и необходимости оному дать другое направление», которая стала важным этапом в оформлении его взглядов на упразднение крепостного права. Речь шла о создании в западных областях фольварков (имений) из конфискованных владений участников польского восстания 1830–1831 гг. Эти имения Киселев предлагал раздать «чиновникам греко-российской ве-

ры, не имеющим в России поместий», в них должно было быть введено обязательное регулирование крестьянских повинностей и наделов. Устроенные по-новому крестьяне фольварков получали название «обывателей земли, обязанных к оной определительною работою или платою деньгами по мере и стоимости владеемого каждым участка земли». Так, впервые появляется термин «обязанные земле работою или платою», уточнявшийся и детализировавшийся во всех последующих проектах второй четверти XIX в., в большей степени связанных с именем Киселева.

К тому же 1835 г. относится и документ, вышедший из-под его пера и ставший своеобразным манифестом политики правительства в крестьянском вопросе. В нем определена стратегия и тактика наступления власти на крепостнические отношения. Признается, что «виды правительства относительно крестьян стремятся к постепенному уничтожению в России крепостного состояния», поэтому необходимо использовать «все частные случаи, могущие служить удобными средствами для достижения сей цели», не дожидаясь «принятия общих мер». Записка касалась разрешения крестьянам имений, доставшихся по наследству разночинцам, выкупаться на основании закона, действовавшего в Грузии с 1824 г. Киселев предлагал, чтобы такие имения либо продавались, либо оставались у новых владельцев, но на особых условиях: крестьяне должны были «нести обязанности на известных, законом определенных условиях» и называться «условными земледельцами». Такие же отношения он рекомендовал ввести в майоратных владениях. Практической реализации этот проект не получил, но стал важной вехой в теоретическом осмыслении путей перевода крестьян в свободное состояние.

Влияние Киселева на ход обсуждения крестьянского вопроса и на императора росло. Об этом свидетельствовала его победа в деле управления государственными имуществами, увенчавшаяся образованием в самом конце 1837 г. министерства государственных имуществ. Киселев стал главным распорядителем в крестьянском деле, его ограничивала только власть монарха. Продолженная им реформа казенной деревни не принесла ожидаемых результатов, но стала «репетицией» реорганизации по-

мещицкой деревни, создала новые сельские административные и судебные органы, опыт строительства которых был использован впоследствии в реформе 1861 г.

Попытка провести через Комитет 1839–1842 гг. проект обязательных договоров между крепостными и их владельцами в великорусских губерниях, предпринятая Николаем I и Киселевым, потерпела крах. Принятый этим Комитетом закон об обязанных крестьянах не имел почти ничего общего с первоначальным проектом: в нем не было ни идеи об инвентаризации помещичьих имений, ни мысли о предоставлении владельческим крестьянам личной свободы и частичного подчинения их министерству государственных имуществ.

Тогда Киселев вновь обращает внимание императора на западные области и предлагает ввести категорию обязанных крестьян в практику земельных отношений этого региона через учреждение там майоратов. В результате был принят указ 6 декабря 1842 г. о правилах учреждения майоратов в Западных губерниях. Однако, как это нередко случалось, реализация указа шла крайне медленно, что очень огорчало его инициатора.

Учитывая, что именно Киселев еще в 1826 г. привлек внимание императора к западным регионам, предлагая начать установление новых отношений между крестьянами и владельцами земли именно там, что в 1840 г. он опять убеждал Николая в необходимости введения там инвентарей, что после неудачи Комитета 1839–1842 гг. он снова вернулся к положению крестьян в западных губерниях и т.п., можно утверждать: во многом благодаря его усилиям во второй половине 1840-х гг. там началась инвентаризация крестьянских повинностей, проводимая государством.

Киселев решил на практике показать помещикам преимущества хозяйства с обязанными крестьянами. По его инициативе на основании указа 2 апреля 1842 г. было перестроено Грибановское имение Московской губернии, с тем, чтобы «не только в административном, но и в хозяйственном отношении» стать «образцом для владельцев, которые пожелали бы ввести подобное устройство в своих поместьях». В первую очередь была составлена вотчинная роспись, или инвентарь, где, среди прочего,

четко определялись права и обязанности крестьян и их владельца. В ходе переустройства (оно продолжалось до 1859 г.) не только находили практическое применение положения указа об обязанных крестьянах, авторы Грибановского проекта пошли дальше, углубляя и детализируя их. Многие наработанные при создании этого образцового имения решения использовались при подготовке Положений 19 февраля 1861 г. Киселев связывал с Грибановской вотчиной большие надежды, поскольку верил, что обязанное состояние – путь, который приведет в будущем к отмене крепостного права. Действительно, именно эта модель освобождения была использована разработчиками крестьянской реформы 1861 г.

Павел Дмитриевич использовал любую возможность для сокращения класса частновладельческих крестьян, он искренне верил, что перевод этой категории населения в сословие казенных поселян способствует облегчению их жизни. Поэтому всегда и везде он старался поддержать такой переход, что убедительно доказывает его борьба с противниками указа 8 ноября 1847 г., его действия в ходе обсуждения закона о разрешении крестьянам иметь недвижимую собственность (3 марта 1848 г.). При этом он не забывал и фискальные интересы своего ведомства.

В целом нельзя не согласиться с мнением В.Я. Гросула, что вся деятельность Киселева по крестьянскому вопросу была «лабораторией реформы», а последняя была «проведена примерно в тех рамках, которые он наметил»⁷⁷⁷.

Д.Н. Блудов долгие годы (1839–1861 гг.) руководил всей кодификационной деятельностью империи, поскольку возглавлял Второе законодательное отделение собственной его Императорского Величества канцелярии и одновременно был председателем департамента законов Государственного совета, призванного корректировать законы, вышедшие из недр... Второго отделения. В молодости Блудов мечтал о карьере литератора, но жизнь сложилась так, что он стал администратором. С его именем связаны два издания Свода законов (1842 г. и 1857 г.), составление местных Сводов, появление первого российского уголовного кодекса – Уложения о наказаниях уголовных и ис-

правительных (1845 г.), первые проекты судопроизводственных кодексов, работа над гражданским уложением. К ряду этих начинаний можно применить слова Н.И. Тургенева по поводу написанного Блудовым «Донесении Следственной комиссии» 1826 г.: «он слишком много заботился о литературной роскоши своего произведения и весьма мало о юридических принципах, о юридической правде»⁷⁷⁸. Не всегда более опытные в законодательных вопросах подчиненные могли повлиять на своего начальника. Подобное положение вещей приводило к «пробуксовке» ряда проектов, которые годами разрабатывались в Отделении. Примеров тому – множество: второе, никуда негодное издание Свода, Уложение о наказаниях, составленное тяжелым малопонятным языком, от работы над которым из личных соображений был отстранен лучший тогда в России специалист по уголовному праву П.И. Дегай. Во второй половине 1840-х гг. Блудов, наконец, начинает прислушиваться к советам более компетентных в юриспруденции людей – работа по процессуальным кодексам пошла быстрее и успешнее.

С 1849 по 1854 г. в Отделении готовился проект по гражданскому судопроизводству, смерть Николая I помешала его утверждению. В работе над проектом принимал активное участие будущий деятель судебной реформы С.И. Зарудный (вот откуда появлялись кадры для преобразований). Подготовительные материалы, содержащие анализ предшествующих процессуальных норм в русском праве и существующие нормы иностранных законодательств, сравнительные таблицы и т. п., стали основой для разработки Уставов 1864 г. Однако сами принципы, на которых был построен проект (известный как проект 1857 г.), уже устарели: не предусматривались гласность процесса, институт адвокатуры. Авторы нового устава не намеревались менять что-либо в корне, они собирались лишь подновить судебную систему. Блудову удалось склонить императора на свою сторону, рассмотрение проекта в Государственном совете 15 ноября 1857 г. началось с оглашения высочайшей воли: при обсуждении не упоминать ни о гласности, ни об адвокатах, ни о суде присяжных. Тем не менее, именно с этого заседания собственно

начинается история судебной реформы, через несколько лет изменившей свои первоначальные очертания.

В последующие несколько лет с 1857 по 1861 г. Блудов внес в Государственный совет 14 законопроектов. Предлагая много бесспорных улучшений и новых начал в виде ограничения числа инстанций, введения отдельных элементов устности, гласности, состязательности, допущения защиты и т. п., они, в то же время, останавливались на полпути, не решаясь ни на последовательное проведение указанных начал, ни на такие коренные «опасные» меры, как введение суда присяжных, установление независимости суда от администрации, уничтожение теории формальных доказательств и др. Реформа в этих проектах имела характер компромисса между старым и новым; осуществиться ей не пришлось – дело судебного преобразования вступило на новый путь.

К осени 1861 г. стало ясно, что подготовка судебных преобразований зашла в тупик: непрекращающаяся борьба направлений во взглядах на судебную реформу и отсутствие единой концепции среди ее разработчиков вели к несогласованности друг с другом отдельных законопроектов. 19 октября 1861 г. Блудов сам предложил передать подготовку судебной реформы из Второго отделения в государственную канцелярию, что и было сделано в 1862 г.

Почему Блудов сам отказался от дела реформы? Его решение, на мой взгляд, можно объяснить только одним: давлением со стороны императора, который и был инициатором подобной расстановки сил. Симптоматично, что Александр II решился на это только после крестьянской реформы, когда уже вступил на путь преобразований, и дороги назад не было.

Комиссия государственной канцелярии, готовившая новые проекты, оставляла «блудовские законопроекты в части, соответствовавшей взглядам членов Комиссии»: например, не были составлены записки о гражданском судопроизводстве, поскольку вопрос достаточно полно был разработан II Отделением и департаментами Государственного совета, а содержащиеся в предложенном Блудовым проекте о судоустройстве идеи о мировых судах, по сути, остались неизменными вплоть до приня-

тия судебных уставов⁷⁷⁹. Таким образом, работы Второго отделения, руководимого Блудовым, все-таки были востребованы при выполнении новых задач.

М.А. Корф был человеком, осознающим необходимость преобразований и размышляющим над путями их проведения в жизнь. Краеугольный камень в его мировоззрение заложил Лицей, общение со Сперанским и Канкриным способствовало дальнейшему формированию общественно-политических взглядов: Корф впитал в себя те идеи просвещенного реформаторства, носителем которых они были. Подобно Блудову и Киселеву, он окончательно сформировался как деятель государственного управления при императоре Николае I. Его действия соответствовали его убеждениям. Так, в 1847 г. он выступил инициатором распространения закона, действовавшего в Грузии, о разрешении крестьянам продаваемых за долги имений выкупаться на свободу. В том же году он пишет работу о Сперанском, в которой подробно излагает планы его преобразований. С 1849 г. Корф развернул бурную и, по сути, реформаторскую деятельность в Императорской Публичной библиотеке, которую рассматривал как «могучий рычаг русской государственной машины» в деле просвещения, полагая, что Библиотека – «могущественный двигатель в деле народной образованности»⁷⁸⁰. Но наиболее полное воплощение взглядов Корфа на дальнейшее развитие России приходится на годы проведения буржуазных реформ.

В то время, когда большинство реформ находилось в стадии активной разработки, Корф назначается главноуправляющим Вторым отделением СЕИВК. Он принял участие в окончательной корректировке проектов будущих преобразований, проходившей в обстановке упорной борьбы между реакционными и передовыми силами. Выбор Александра II не был случаен: император давно знал Корфа и был хорошо осведомлен о его общественно-политической позиции и о том, что он всегда настойчив и активен в осуществлении задуманного. Вместе с тем, Модест Андреевич показал себя гибким политиком, способным найти компромиссное решение в неоднозначной ситуации.

В основе его замечаний на проекты различных реформ – идея превращения России в правовое государство. Действия Корфа в ходе подготовки Положения о губернских и уездных земских учреждениях привели к победе либерального направления по многим пунктам: было устранено сословное начало при выборе в земские учреждения, расширена их компетенция.

Активное участие принял Корф в работе над уставом университетов. Он являлся последовательным сторонником принципа «открытости» этих высших учебных заведений, поскольку был убежден в необходимости устранения любых корпоративных элементов из всех сфер жизнедеятельности общества. Подобные взгляды на проблемы высшего образования – еще одно свидетельство либеральной ориентации Корфа.

Замечателен его отзыв на проект реформы книгопечатания, где он признавал преимущества карательной цензуры, ратовал за ее независимость, высказывался за то, чтобы посредником между цензурой и литературой была не административная, а судебная власть. Последнее вписывается в его общую концепцию о необходимости «приучения России к большей законности».

С цензурными мероприятиями правительства Корф был связан еще при Николае I. В начале 1848 г. он стал членом сначала временного – меншиковского (для рассмотрения действий цензуры и соблюдения журналами их программы), а затем и постоянного – бутурлинского (для постоянного надзора за духом и направлением книгопечатания, учрежденного 2 апреля 1848 г.) негласных цензурных комитетов. Одно время он даже «*de facto* исправлял должность» председателя последнего из них⁷⁸¹.

Распространенное в исторической литературе мнение, будто бы Корф был главным инициатором создания негласных цензурных комитетов, вряд ли справедливо. Поданная им записка «О состоянии русской журналистики и мерах к упорядочению ее» была не единственной в своем роде. Подобная докладная Третьего отделения о журналах «Современник» и «Отечественные записки» была вручена А.Ф. Орловым царю почти одновременно с запиской Корфа и послужила главным основанием для учреждения особого Комитета «по выявлению упущений цензуры и ее начальства». Корф писал о слабости цензуры и

предлагал меры по ее укреплению. При этом он не называл конкретных изданий. Не в последнюю очередь им двигала личная антипатия к министру народного просвещения С.С. Уварову, против которого его записка и была направлена. Последствия явились для Корфа совершенной неожиданностью. Он был крайне обескуражен своим назначением в «цензурно-фискальный» комитет вместо ожидаемого поста министра народного просвещения и даже попытался уклониться от этого назначения.

Деятельность Корфа в негласных цензурных комитетах вписывается в его позицию по вопросу о цензуре: это была именно та карательная цензура, за которую он ратовал. Но механизм исполнения решений такой цензуры мыслился им по-другому. При создании отдельного министерства цензуры (Главного комитета по делам книгопечатания) в 1859 г. Корф с самого начала пытается задать направление новому учреждению в том смысле, что оно будет покровительствовать литераторам и литературе. Как только он осознал утопичность планов создания «хорошей» и независимой цензуры, он отказался от этого дела.

Таким образом, М.А. Корф – крупный государственный деятель, внесший вклад в дело реформирования России: в начале 1860-х гг. не было реформы, в разработке которой он не принял бы участия. Рисуя Корфа как человека с широкими преобразовательными взглядами, я несколько не преувеличиваю⁷⁸². Конечно, в течение жизни его воззрения претерпевали определенные изменения в соответствии с меняющимися социально-политическими условиями, но в основе своей они оставались неизменными: Корф был сторонником «развития ... общественного строя» России по пути прогресса⁷⁸³, а основным жизненным принципом его оставался лицейский девиз – «для общей пользы».

Герои настоящего исследования вошли в царствование Александра II как представители старшего поколения правительственных реформаторов, активно включившихся в осуществление программы буржуазного переустройства страны. Их формирование пришлось на предшествующее царствование. К концу правления императора Николая I они занимали достаточно вы-

сокие посты, чтобы иметь возможность оказывать существенное влияние на государственные дела⁷⁸⁴. По своему мироощущению это были типичные представители той части чиновничества, которую в исторической литературе называют «либеральной», или «просвещенной» бюрократией.

Наряду с молодыми государственными деятелями, группировавшимися вокруг великого князя Константина Николаевича, они стали непосредственными участниками буржуазных преобразований 1860-х гг. Эти сановники примкнули к молодым реформаторам в силу своих либеральных убеждений, которым до поры до времени не всегда представлялась возможность проявиться, а также – в силу своей «порядочности и профессиональной компетентности»⁷⁸⁵. Их политические взгляды, сформировавшиеся под влиянием просветительской идеологии, практически полностью совпадали с концептуальными установками лагеря «новых» реформаторов. Безусловно, консервативные элементы были присущи их мировоззрению, как и мировоззрению подавляющего большинства (если не всех) российских либералов. Консерватизм чиновников-прогрессистов выражался, прежде всего, в безоговорочной поддержке самодержавия⁷⁸⁶.

Таким образом, в 1830–1840-е гг. сформировался *целый слой* высших чиновников, в деятельности которых в той или иной степени прослеживались реформаторские тенденции. К ним относились П.Д. Киселев, Д.Н. Блудов, М.А. Корф, а также С.С. Уваров, Д.В. Дашков, Л.А. Перовский, Д.Г. Бибиков, М.С. Воронцов, А.И. Лёвшин и др. Однако отдельные представители правительственного реформизма действовали на ниве отечественной администрации и раньше.

Некоторые исследователи историю «просвещенных бюрократов» начинают с Негласного комитета⁷⁸⁷. Однако, хотя В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев П.А. Строганов и А. Чарторыйский были людьми, исповедовавшими идеи Просвещения, им не хватало административной «школы», масштабности в делах управления. Пожалуй, только В.П. Кочубей времени правления Николая I может рассматриваться как один из представителей нового типа чиновников.

Зато Сперанский, несомненно, принадлежал к этому типу административных деятелей, он сам был его созидателем. Сперанский мечтал вывести Россию на передовые рубежи европейской жизни. Он предполагал осуществить масштабные преобразования в большом объеме и в достаточно сжатые сроки, его замыслы охватывали целые пласты государственной жизни и в корне должны были изменить «лицо» управления. В этом его коренное отличие от идущих за ним «преобразователей», предлагавших реорганизацию строя общественной жизни по частям (к таковым относился, например, П.Д. Киселев)⁷⁸⁸.

Сперанский внес решающий вклад в становление Второго отделения СЕИВК, результатом деятельности которого стала систематизация российских законов, послужившая правовой базой реформ 1860-х гг. С Отделением тесно связаны служебные биографии Блудова и Корфа. Последний обязан Сперанскому своей карьерой. Советы «великого реформатора» способствовали оформлению позиции Киселева по крестьянскому вопросу, они помогли ему определить направления деятельности в этом деле.

Киселев и Корф тесно соприкоснулись в своей служебной деятельности с другим сановным реформатором – с Е.Ф. Канкриним. С его именем связаны начало преобразований государственной деревни, финансовая реформа и т.п.⁷⁸⁹ Он был сторонником коренных перемен, проведенных постепенно, с обязательным переходным периодом, иногда весьма длительным. Так, его план ликвидации крепостного права был рассчитан на 50 лет. Современники видели в нем и в Сперанском «гениев» русской администрации.

В целом исследование генезиса такого явления, как «просвещенная» бюрократия, только начинается; хочется надеяться, что появление конкретно-исторических работ по этой теме позволит углубить и расширить наши знания об общих чертах и особенностях, присущих этому новому типу чиновников. Подобные исследования могут стать составной частью учений о реформах, их предпосылках, движущих силах, итогах. Откуда берутся реформаторы? Как их личные качества, система взглядов, тип поведения влияют на конечные результаты реформаторских усилий власти? Эти вопросы всегда будут актуальны и всегда будут волновать людей, особенно, живущих в годы перемен.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ В данном случае модернизация – это процесс эволюции российского общества от одного качественного состояния (традиционное общество) к другому (индустриальное общество). О различных толкованиях термина «модернизация» и его применении к отечественной истории XVIII–XX вв. см.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 2. С. 284–358; Критический анализ буржуазных теорий модернизации. М., 1985.
- ² *Захарова Л.Г.* Великие реформы: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 1. С. 5.
- ³ См.: *Lincoln W.B.* In the vanguard of reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. Illinois, 1982; *Wortman R.S.* The development of a Russian legal consciousness. Chicago, 1976; *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М., 1984.
- ⁴ См., напр.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 3–24.
- ⁵ Там же. С. 7.
- ⁶ *Акульшин П.В.* Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): Автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра ист. наук. М., 2004. С. 24.
- ⁷ *Элиас Н.* Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 10.
- ⁸ *Балзер Харли Д.* Интеллигентные профессии и интеллигентно-профессионалы // Из истории русской интеллигенции. СПб., 2003. С. 202.
- ⁹ *Акульшин П.В.* Указ. соч. С. 13–14. Некоторые требования рационального управления, по мнению этого автора, впервые были сформулированы В.П. Кочубеем в период его пребывания на посту министра внутренних дел в 1802–1807 гг.
- ¹⁰ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М., 1946. С. 264.

- ¹¹ Д.В. Давыдов писал Киселеву в связи с назначением последнего начальником штаба Второй армии: «Дай Бог после и мне быть чиновнее тебя, т.е. полезнее для России, ибо первое у меня ценится последним» (*Ланда С.С. Дух революционных преобразований...: Из истории формирования идеологии и полит. организации декабристов, 1816-1825. М., 1975. С. 158*); Корф, получив повышение по службе, сообщал своему лицейскому товарищу в 1835 г.: «Делать добро частное в этой должности менее случая, нежели в моей прежней, но поприще добра общественного обширно и необъятно» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Л. 20).
- ¹² П.А. Вяземский отмечал, что многие его сверстники «были либералами той политической школы, которая возникла во Франции с падением Наполеона» (*Вяземский П.А. Старая записная книжка. М., 2003. С. 949*).
- ¹³ *Парсамов В.С. Декабризм и французский либерализм. М., 2001. С. 25.*
- ¹⁴ См.: *Дружинин Н.М. Государственные крестьяне... Т. 1. С. 234; Шебунин А.Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. Л., 1925.*
- ¹⁵ *Минаева Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина // История СССР. 1982. № 5.*
- ¹⁶ *Рудницкая Е.Л. Поиск пути: русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999. С. 96.*
- ¹⁷ *Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 63.*
- ¹⁸ *Басаргин Н.В. Записки // Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 53-54*
- ¹⁹ *Корф М.А. Записки. М., 2003. С. 104.*
- ²⁰ Например, виленский губернатор (1830-е гг.) Николай Андреевич Долгоруков (см.: *Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 2. СПб., 1882. С. 216-218; см. также: Акулышин П.В. Указ. соч. С. 30-32*).
- ²¹ Ряд исследователей историю «просвещенных бюрократов» начинали с Негласного комитета. Однако, на мой взгляд, хотя В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, П.А. Строганов и А. Чарторыйский были людьми, исповедовавшими идеи Просвещения, им не хватало административной «школы», масштабности в делах управления. Пожалуй, только В.П. Кочубей времени правления Николая I может рассматриваться как один из представителей нового типа чиновников.

- ²² Периодизация и основные направления изучения проблемы даны по: *Акульшин П.В.* Указ. соч. С. 1-7.
- ²³ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1-2. СПб., 1861.
- ²⁴ *Ковалевский Ег. [П.]*. Граф Д.Н. Блудов и его время. СПб., 1866; *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1-4. СПб., 1882.
- ²⁵ *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. СПб., 1892; *Он же.* История местного управления в России. Т. 1-3. М., 1868; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 1-2. СПб., 1891.
- ²⁶ *Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1885; *Он же.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1906.
- ²⁷ *Кизиветтер А.А.* Николай I как конституционный монарх // *Кизиветтер А.А.* Исторические очерки. М., 1912.
- ²⁸ *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX в. М., 1909.
- ²⁹ *Полиевктов М.А.* Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918; *Пресняков А.Е.* Александр I. Пг., 1924; *Он же.* Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925.
- ³⁰ *Дружинин Н.М.* «Журнал землевладельцев», 1858–1860 гг. М., 1927; *Пиксанов Н.К.* Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934; *Шебунин А.Н.* Указ. соч.
- ³¹ *Шебунин А.Н.* Указ. соч.
- ³² *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т. 1. М.; Л., 1946; Т. 2. М., 1958.
- ³³ См.: *Федоров В.А.* Академик Николай Михайлович Дружинин (по поводу кандидатской диссертации о Северном обществе и Конституции Никиты Муравьева) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1996. № 1. С. 47.
- ³⁴ *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1970.
- ³⁵ *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты в первой половине XIX в. М., 1981.
- ³⁶ *Киняпина Н.С.* Политика самодержавия в области промышленности (20–50-е гг. XIX в.). М., 1968; *Гросул В.Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30-е гг. XIX в.). М., 1966.
- ³⁷ *Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение в России в начале XIX в. Саратов, 1982; *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. М., 1989; *Он же.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX в. М., 1990; *Сафонов М.М.* Проблема ре-

форм в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1982.

¹⁰⁰ *Высочков Л.В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001; *Федоров В.А.* М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997; *Шевченко М.М.* Конец одного величия: власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003.

¹⁰¹ *Riasanovsky N.V.* Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855. Berkeley; Los Angeles, 1959; *Idem.* A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia. Oxford, 1976.

¹⁰² *Lincoln W.B.* In the vanguard of reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. Illinois, 1982; *Pintner W.* The social characteristics of early nineteenth century Russian bureaucracy // *Slavic Review*. 1970. Vol. 29, N 3; *Starr S.F.* Decentralization and self-government in Russia, 1830–1870. Princeton, 1972; *Wortman R.S.* The development of a Russian legal consciousness. Chicago, 1976.

¹⁰³ *Уортман Р.* Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 13.

¹⁰⁴ *Раев М.* Понять дореволюционную Россию: Государство и общество в Российской империи. London, 1990. С. 179, 194, 204–205. Он перечисляет их: реформа «административной реорганизации государственных крестьян, политика народного просвещения, реформа городской администрации Санкт-Петербурга... “кодификация” законов, оздоровление финансов, поощрение начинающейся индустриализации».

¹⁰⁵ Цит. по: *Степанов В.Л.* Немецкая историография истории России XIX в. // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 157–158. Толчок к появлению нового типа чиновника был дан, по мнению Торке, в начале XIX в. Александром I и его молодыми друзьями, сторонниками создания правового государства на основе «наполеоновской модели». Однако при Александре I и, особенно, при Николае I декларируемые принципы резко расходились с действительностью. Гнетущая атмосфера николаевского царствования подавляла новую этику чиновничества, призванную совершенствовать его моральный облик и укреплять связи с обществом. И все же идеи правового государства и законности продолжали жить в чиновной среде. См. также: *Байрау Д.* Аграрная структура и крестьянский протест: к условиям освобождения крестьян в 1861 году // Новейшие подходы к изучению истории России и СССР в современной западноевропейской историографии. Ярославль, 1997. С. 3–51.

- ⁴⁴ Великие реформы в России, 1856–1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992; Американская версия: Russia's Great Reforms, 1855–1881 / Edited by Ben Eklof, John Bushnell, and Larissa Zakharova. Indiana: Indiana University Press, 1994.
- ⁴⁵ Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России. С. 3–24. Данное ею определение приведено в начале настоящей работы.
- ⁴⁶ Цимбаев Н.И. Российский феномен «либеральной бюрократии» // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 32–36.
- ⁴⁷ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 174–175.
- ⁴⁸ Виттакер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время. СПб., 1999.
- ⁴⁹ Готье Ю.В. Граф П.Д. Киселев // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911.
- ⁵⁰ Гросул В.Я. Павел Дмитриевич Киселев // Российские реформаторы (XIX – начало XX вв.). М., 1995.
- ⁵¹ Долгих Е.В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М., 2006.
- ⁵² Там же. С. 7.
- ⁵³ Акульшин П.В. Указ. соч. С. 14.
- ⁵⁴ Там же. С. 1.
- ⁵⁵ Там же. С. 14.
- ⁵⁶ В том числе из его фондов в ОР РГБ (ф. 129) и в ИРЛИ (ф. 143).
- ⁵⁷ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 1274; РГИА. Ф. 1251.
- ⁵⁹ Переводы Заблочно-Десятковского зачастую неточны и тенденциозны; кроме того, часть используемых им дневников в фонде отсутствует.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Дневник Корф вел непрерывно с 1838 по 1850 г.; за 1851, 1852, 1864, 1867 и другие годы (без даты) есть отдельные записи.

Глава 1

- ⁶¹ Император Николай I и его сподвижники: (Воспоминания графа Оттона де Брэ, 1849–1852) // Русская старина. 1902. № 1. С. 128.
- ⁶² ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 11. Л. 167 (дневник М.А. Корфа).
- ⁶³ Цит по: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне... Т. 2. С. 525–526. Критиковали министерство и за излишнее «законосочинение». Д.А. Милотин 4 марта 1858 г. писал, что деятельность министер-

ства государственных имуществ положила начало решению крестьянской проблемы (ОР РГБ. Ф. 129. Д. 17.55).

⁶⁴ Род Киселевых занесен в VI часть «Родословной книги Московской и Пензенской».

⁶⁵ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне... Т. 1. С. 246. Связи родителей в высшем обществе определили «высоких» покровителей; одним из таких покровителей был, например, Ф.В. Ростопчин.

⁶⁶ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 461.

⁶⁷ ОР РНБ. Ф. Головнина. Л. 4. Свидетельство М.А. Корфа.

⁶⁸ Продолжение этой фразы таково: «хотя в его тоне и приемах все еще проявляется иногда прежний легкомысленный и ветреный флигель-адъютант» (Там же).

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне... Т. 1. С. 246–247.

⁷¹ Там же. С. 252 (инструкция составлена в 1833 г.).

⁷² Там же. С. 247. Вывод этого ученого об укреплении в связи с этим «феодално-консервативной позиции» Киселева выглядит уступкой тому одностороннему подходу, который господствовал в советской историографии при освещении жизни и деятельности представителей царской администрации.

⁷³ Там же. С. 256.

⁷⁴ Там же. С. 256–257. Н.М. Дружинин считал, что автором мог быть М.Ф. Орлов, поскольку некоторые утверждения проекта поразительно совпадали с позднейшим уставом «Ордена русских рыцарей».

⁷⁵ Цит. по: Там же. С. 267–258. Перевод с французского Н.М. Дружинина. Возможно, что среди тех, кто разделял взгляды автора «Проекта», были названные позднейшим историком люди (среди них, кстати, М.Ф. Орлова нет): «Влечение императора Александра к иностранцам вообще и к немцам в частности было известно и сказывалось во все годы царствования <...>. Военным из русских это пристрастие не нравилось. Хотя не роптали, но критиковали многие. Группа любителей всего исключительно русского состояла из таких лиц, как А.П. Ермолов, А.А. Закревский, М.С. Воронцов. К ним примыкали другие, а именно: П.М. Волконский, Н.Н. Раевский, Д.В. Давыдов, П.Д. Киселев, братья Вельяминовы, И.В. Сабанеев, А.Я. Рудзевич и еще другие. Из переписки между этими лицами на каждом шагу видны критика и порицание как Александра, так и все-сильного Аракчеева, за их особое покровительство немцам» (Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. М., 1999. С. 321).

⁷⁶ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне... Т. 1. С. 259.

- ⁷⁷ Мать будущей русской императрицы, жены Николая I, Александры Федоровны.
- ⁷⁸ Визит состоялся с 26 декабря 1808 по 19 ноября 1809 г.
- ⁷⁹ Награжден орденами Анны 4-й степени (за Бородино), Владимира 4-й степени (за Черышну), Анны 2-й степени (за Вязму), золотой шпалой «За храбрость» (за Красное), алмазными знаками к Анне 2-й степени, прусским орденом «За заслуги», баварским военным орденом Максимилиана 3-й степени и австрийским орденом Леопольда (за заграничный поход 1813–1814 гг.).
- ⁸⁰ Состоял в Свите Его Императорского Величества в Вене с сентября 1814 по май 1815 г. и в Париже в июне – сентябре 1815 г.
- ⁸¹ О близком знакомстве Апраксина с Павлом Дмитриевичем свидетельствует подпись под письмом: «Целую тебя милой дружок, будь здоров и весел. Истинный твой друг по гроб. В. Апраксин» (РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 35. Л. 2). Известен Степан Федорович Апраксин (1792–1862), служивший вместе с Киселевым в 1804–1812 и 1813–1833 гг. в Кавалергардском полку; впоследствии его командир (1824–1833); в данном случае речь идет о его брате.
- ⁸² Там же. Письмо из Петербурга, так как речь идет о визитах автора во дворец для того, чтобы «ругтчку пацелавать у матушки Марии Федоровны» и о бывшем начальнике Киселева М.А. Милорадовиче. Апраксин также сообщает Киселеву: «Про тебя говорят, храбрый малый, милый» (Там же. Л. 1 об.).
- ⁸³ *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. С. 68.
- ⁸⁴ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 259–260.
- ⁸⁵ Институт Русской Литературы. Ф. 143. (П.Д. Киселева). Д. 29.7.123. Л. 12. (Далее: ИРЛИ).
- ⁸⁶ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д.Киселев и его время. Т. 1. С. 24.
- ⁸⁷ См.: Введение настоящей книги.
- ⁸⁸ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д.Киселев и его время. Т. 4. С. 197.
- ⁸⁹ Там же. Т. 2. С. 203–204.
- ⁹⁰ Беннигсен к тому времени оставался единственным участником убийства Павла I, занимавшим высокий пост. Возможно, инспекторская проверка неслучайно была организована именно во Второй армии и именно дотошным Киселевым.
- ⁹¹ Теодор-Антон-Генрих Шмальц (1760–1831) – немецкий юрист и публицист.
- ⁹² В предыдущий приезд Киселева И.В. Сабанеев, генерал-майор и командир корпуса во Второй армии, писал Закревскому, что от

«таких инспекторов ... вред для службы величайший», ибо царская доверенность к полковнику Киселеву подрывает авторитет командира корпуса в глазах подчиненных. Цит. по: *Давыдов М.А.* Оппозиция его величества. М., 2005. С. 121.

⁹³ У А.П. Заблоцкого-Десятовского приведена переписка в связи с назначением Киселева начальником штаба Второй армии. П.Х. Витгенштейн написал императору резкое письмо, протестуя против этого назначения и прося об отставке. Ему не понравилось, что у него «забрали» преданного ему бывшего начальника штаба А.Я. Рудзевича (в командиры 16 пехотного корпуса) и несправедливо обошлись с генерал-майором Д.Л. Игнатьевым. Александр I в ответном письме главнокомандующему уверял его, что ничего страшного не произошло, это просто кадровые перестановки. В связи с этим А.Ф. Орлов в письме из Петербурга по-дружески предупреждает Киселева о сложившейся ситуации и посылает ему копии писем Витгенштейна. Сам Киселев застревает в Москве. Один из его друзей (А.А. Закревский) советует ему, как вести себя с Витгенштейном, чтобы понравиться тому и стабилизировать обстановку вокруг его назначения (*Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1. С. 62).

⁹⁴ *Басаргин Н.В.* Указ. соч. С. 54; Ср.: Киселев «умел в Тульчине приобрести более власти, чем сам главнокомандующий Витгенштейн» (*Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 473).

⁹⁵ Сборник Русского Императорского Исторического Общества. Т. 78. С. 34. (Далее: Сб. РИО). Он писал: «Я устроил себе комнату, из которой почти не выхожу, с бумагами провожу часов десять, остальное время с книгами».

⁹⁶ *Басаргин Н.В.* Указ. соч. С. 54.

⁹⁷ ИРЛИ. Ф. 143 (П.Д. Киселева). Д. 29.6.92. Л. 2 об. Дальше в письме ссылка на «Государственное хозяйство» Сея и «Politique constitutionnelle» Benjamin Constant ou J. Bentham, коего у корреспондента «целое сочинение».

⁹⁸ Там же. Д. 26.6.92, 29.6.99. Письмо Давыдова от 7 августа, Орлова от 23 июня 1819 г.

⁹⁹ Ответ Волконского был неутешителен: «письмо Ваше об институте в Одессе я читал Его Величеству, но, к сожалению, мало вижу успеха»; по поводу заведения новых ланкастерских школ Волконский советует повременить – готовится их проверка, очевидно, по доносу (*Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 4. С. 7-8).

¹⁰⁰ *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 36.

¹⁰¹ Долгоруков П.В. Петербургские очерки, 1860–1867. М., 1934. С. 347.

¹⁰² Павел Дмитриевич Киселев и Михаил Федорович Орлов в 1819–1820 гг. // Русская старина. 1887. № 7. С. 231.

¹⁰³ Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д.Киселев и его время. Т. 1. С. 237.

¹⁰⁴ Адьютант Киселева Н.В. Басаргин вспоминал: «Я был свидетелем его <Аракчеева> стычки с Киселевым, который его не любил и не унижался перед ним, и где он его славно отделал. Услышав от Государя, что он остался доволен 2-ю армией, и, вероятно, будучи этим недоволен, Аракчеев в первое свидание с Киселевым, когда Государь ушел в кабинет, обратился к нему при оставшемся многочисленном собрании с следующими словами: “Мне рассказывал государь, как вы угодили ему Павел Дмитриевич. Он так доволен вами, что я желал поучиться у вашего превосходительства, как угождать его величеству. Позвольте мне приехать для этого к вам во 2-ю армию; даже не худо было бы, если бы ваше превосходительство взяли меня к себе в адъютанты”. Слова эти всех удивили, и взоры всех обратились на Киселева. Тот без замешательства отвечал: “Милости просим, граф; я очень буду рад, если вы найдете во 2-й армии что-нибудь такое, что можно применить к военным поселениям. Что же касается до меня, чтобы взять вас в адъютанты, то, извините меня, – прибавил он с усмешкою, – после этого вы, конечно, захотите сделать и меня своим адъютантом, а я этого не желаю”. Аракчеев закусил губу и отошел» (*Басаргин Н.В.* Указ. соч. С. 72). Эпизод «случился» в 1823 г.

¹⁰⁵ Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1905. С. 330. В ходе процесса по делу декабристов имена высокопоставленных лиц, связанных с заговорщиками, очень интересовали Следственную комиссию. Личный осведомитель Николая I в Комиссии генерал В.И. Болгарский сообщал императору, что «усердные патриоты не могут верить, чтобы одна молодежь предпринимала такую важную в государстве перемену, не имея скрытых и осторожных, но важнейших сообщников. Слишком много толков о подозрении на адмирала Мордвинова, Сперанского и Булгакова» (ГА РФ. Ф. 109. 1826 г. Оп. 5. Д. 3174. Л. 15). Как видим, общественность не относилась к Киселеву, в отличие от покойного императора, к лицам, причастным к заговору.

¹⁰⁶ *Басаргин Н.В.* Указ. соч. С. 80–81.

¹⁰⁷ Киселев был среди тех немногих, которые присутствовали при помолвке великого князя Николая в 1815 г.

¹⁰⁸ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д.Киселев и его время. Т. 2. С. 207.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Ср.: «Многие из предложений <Киселева> остались на бумаге, а остальные были претворены в жизнь лишь после утверждения сверху» (*Гросул В.Я.* Реформы в Дунайских княжествах... С. 291). Основным «разработчиком» программы преобразований и ее «куратором» в столице был товарищ министра юстиции (с апреля 1829 г., с 1832 г. – министр) Д.В. Дашков, он же в 1830 г. был председателем Комиссии по рассмотрению проектов регламентов.

¹¹¹ Они были утверждены в начале 1831 г. и вступили в действие в Валахии с 1 июля 1831 г., в Молдавии с 1 июля 1832 г.

¹¹² *Гросул В.Я.* Реформы в Дунайских княжествах... С. 290.

¹¹³ *Он же.* Павел Дмитриевич Киселев // *Российские реформаторы (XIX – начало XX вв.).* М., 1995. С. 96 (по данным Архива внешней политики Российской империи).

¹¹⁴ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д.Киселев и его время. Т. 1. С. 352. Сокотельники (скутельники) и послушники – особые категории крестьян в Молдавии и Валахии. *Сокотельники* – крестьяне, освобожденные от большинства государственных податей и повинностей и вместо того обязанные выплачивать отдельным боярам соответствующую сумму денег или обрабатывать ее в их имениях; *послушники* – постоянные работники боярских и монастырских хозяйств, набранные из представителей местной крестьянской общины и также освобожденные от уплаты прямого налога и несения государственных повинностей.

¹¹⁵ Там же. С. 390 (письмо от 16 января).

¹¹⁶ *Гросул В.Я.* Реформы в Дунайских княжествах... С. 293.

¹¹⁷ Киселев в донесении Нессельроде тоже писал о 24-х рабочих днях в году (*Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д.Киселев и его время. Т. 1. С. 351. Деша от 13 октября 1830 г.).

¹¹⁸ Там же. Т. 4. С. 143.

¹¹⁹ *Гросул В.Я.* Павел Дмитриевич Киселев. С. 96.

¹²⁰ Там же. С. 97.

¹²¹ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1. С. 208.

¹²² *Lacroix P.* Histoire de la vie et du règne de Nicolas I-er. Т. VI. Paris, 1871. P. 369–372.

¹²³ ОР РНБ. Ф. 380. Ед. хр. 90. Дело со сведениями о Молдавии и Валахии в царствование Николая I, полученными от Федора Андреевича Бюлера. 1859 г. Л. 8 об.–9.

¹²⁴ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 2. С. 5. Письмо А.Х. Бенкендорфа от 8 января 1835 г. То же самое писали А.Ф. Орлов и К.Я. Булгаков.

¹²⁵ Киселев приволил данные по Уманскому уезду (перепись 1834 г.): помещиков – 62, шляхты, однодворцев, купцов и мещан – 6 124, крестьян – 61 657, евреев – 5 458; из числа крестьян 17 137 – крестьяне конфискованных имений в 42 деревнях. Из последних Киселев предполагал составить 38 фольварков, от 200 до 1000 душ в каждом. Раздав эти «фольварки на ленном праве 38 чиновникам, не имеющим в России поместий», повет (уезд) будет иметь «2/5 помещиков греко-российской веры, которые вскоре брачными союзами умножатся, и, обратив на себя доверие единоверцев, получают по праву выборов влияние на дела гражданского управления и малопомалу дадут умам направление, противное тому, которое ныне существует, и, которое без сего не престанет усиливаться, как дух общественный, из рода в род передаваемый и не имеющий никакого противодействия». Но кроме политического и социального аспекта, Киселев подчеркивает и экономический: благосостояние крестьян в фольварках увеличится, считал он, и, следовательно, «казна приобретет от них дохода более, чем от казенных крестьян»; по подсчетам Павла Дмитриевича, после уплаты казенных податей вновь учрежденные фольварки смогут давать владельцам от 600 до 3 000 ежегодного дохода (*Киселев П.Д.* О политическом положении Юго-Западных губерний // *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 4. С. 148). Черновик этой записки озаглавлен «Взгляд на юго-западные губернии в отношении господствующего духа и необходимости оному дать другое направление» (РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 722).

¹²⁶ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 4. С. 146–148.

¹²⁷ М.С. Воронцов писал Киселеву 6 февраля 1835 г.: «По слухам вы назначаетесь в Грузию ... Вы можете принести огромную пользу». Новороссийский наместник выражал надежду на тесное сотрудничество в будущем с главнокомандующим соседней областью; П.Д. Киселев писал брату, С.Д. Киселеву, 13 марта 1835 г. уже из столицы: «Люди, доверия заслуживающие, сказывали мне, что к назначению в Париж я был ближе других, но по другим уверениям, Государь предпочел меня здесь оставить» (Там же. Т. 2. С. 5, 8).

¹²⁸ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1 т. XV архива Гос. совета. Д. 94. Л. 758–759 об.

¹²⁹ См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 284.

- ¹³⁰ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1 т. XV архива Гос. совета. Д. 94. Л. 765 об.–766.
- ¹³¹ Там же. Л. 760.
- ¹³² ИРЛИ. Ф. 143 (П.Д. Киселева). № 29.7.128 (собственноручные «Заметки на память»); цит. по: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 286–287.
- ¹³³ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1 т. XV архива Гос. совета. Д. 94. Л. 760 об.–761.
- ¹³⁴ Там же. Л. 761–761 об.
- ¹³⁵ Там же. Л. 765–765 об.
- ¹³⁶ Там же. Л. 765–765 об., 767 об. Выделено мною. – *И.Р.*
- ¹³⁷ См.: *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005. С. 38–39.
- ¹³⁸ Какое интересное выражение – «часть крепостного права»!
- ¹³⁹ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1 т. XV архива Гос. совета. Д. 94. Л. 767 об.–768 об.
- ¹⁴⁰ Люстрации – в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине в XVIII–XIX вв. периодические описи государственных имуществ для учета доходов.
- ¹⁴¹ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1 т. XV архива Гос. совета. Л. 763–763 об.
- ¹⁴² Комитет долго не возобновлял работу именно из-за отсутствия Киселева, который ездил в Карлсбад для «поправления» здоровья. Но в отпуске он не только лечился: много времени посвятил сбору сведений о «быте» богемских крестьян и о «законодательных мерах в отношении к улучшению их прежнего положения»; в Вене обсуждал с русским послом Д.П. Татищевым положение австрийских крестьян (в начале 1836 г. Татищев прислал Киселеву записку «о преобразовании крестьянского состояния в Австрии»; в 1837 г. то же повторилось в Берлине, где нашим посланником был А.И. Рибопьер). Это свидетельствует о серьезности намерений Павла Дмитриевича в отношении крестьянского вопроса (*Заблоцкий-Десятковский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 2. С. 211–216).
- ¹⁴³ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 291–292.
- ¹⁴⁴ Позднее, они были распространены на старобитинские имения (бывшие владения польского короля).
- ¹⁴⁵ *Заблоцкий-Десятковский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 2. С. 224. К 1835 г. Канкрин был автором трех достаточно взвешенных проектов отмены крепостного права – 1818, 1827 и 1833 гг. (См.: *Ружицкая И.В.* Указ. соч. С. 29–33, 42).
- ¹⁴⁶ Указом 8 ноября 1847 г. это правило было распространено на венгеро-русские губернии, об этом ниже.
- ¹⁴⁷ *Заблоцкий-Десятковский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 2. С. 225–227.
- ¹⁴⁸ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1 т. XV архива Гос. совета. Д. 94. Л. 265 об.

- ¹⁴⁹ «Наследнику уплачивается из казны за каждую ревизскую душу мужского пола сумма, какая причтется по цене, установленной для писания купчих крепостей на заселенные имения в той губернии, где отбираемые деревни и крепостные люди с землею находятся или где крепостные люди без земли имели пребывание при своем владельце».
- ¹⁵⁰ Такая же перестройка шла и в Псковской губернии.
- ¹⁵¹ См.: *Ружижская И. В.* Указ. соч. С. 77–81.
- ¹⁵² *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 2. С. 10–11.
- ¹⁵³ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 523.
- ¹⁵⁴ Основу реформы составило «Учреждение о управлении государственными имуществами в губерниях», принятый Государственным советом в апреле 1838 г. и высочайше утвержденный 30 апреля. Дополнения к «Учреждению» – сельские полицейский и судебный уставы – были рассмотрены в Государственном совете в конце 1838 – начале 1839 г. и после незначительных исправлений и оговорки об их временном действии утверждены императором 23 марта 1839 г. (2 ПСЗ. Т. 13, отд. 1; Т. 14, отд. 1).
- ¹⁵⁵ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 631.
- ¹⁵⁶ К управлениям были приставлены писари, к волостным – назначенные палатами государственных имуществ, к сельским – окружными начальниками.
- ¹⁵⁷ *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 165.
- ¹⁵⁸ В 30 губерниях из 43 они не располагали наделом в 4,5 десятины, в 13 из этих 30 имели меньше 3 десятин (*Линков Я.И.* Очерки истории крестьянского движения в России в 1825–1861 гг. М., 1952. С. 19–20).
- ¹⁵⁹ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 4. С. 173.
- ¹⁶⁰ 1839 и 1840 гг. – годы неурожая. Киселев издал специальные циркуляры от 28 августа 1840 г. и 31 января 1841 г., обязывавшие государственных крестьян в тех селениях, где была общественная запашка, отводить специальные участки для посева картофеля, а в волостях, где казенная запашка не применялась, было приказано отводить участки по десятина на волость (*Линков Я.И.* Указ. соч. С. 61).
- ¹⁶¹ *Токарев С.В.* Крестьянские картофельные бунты. Киров, 1939. Приложение. С. 83–84 (Доклад департамента полиции в Комитет министров «О крестьянах Вятской губернии, судимых за неповиновение»). Здесь, по-видимому, министр государственных иму-

шеств Киселев «трансформировался» в Перовского, министра внутренних дел.

¹⁶² *Середа Н.А.* Позднейшие волнения в Оренбургском крае // Вестник Европы. 1862. Кн. IV. С. 593 (перечислены введенные новые должности).

¹⁶³ ОР РНБ. Ф. 208. Д. 39. Л. 2а об.

¹⁶⁴ *Иванов Л.М.* Рецензия на 1-й том книги Н.М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева» (М.; Л., 1946) // Известия Академии наук СССР. Сер. ист. и филос. 1949. Т. IV, № 4. С. 381.

¹⁶⁵ Речь идет о первоначальных проектах Комитета 1839–1842 гг.

¹⁶⁶ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 627. При этом он добавлял: «нельзя было отрицать, что в случае своего успеха реформа государственной деревни окажет определенное воздействие» на помещиков «образцовым примером попечительного и вместе с тем доходного управления» и «на политическое настроение крепостного населения империи».

¹⁶⁷ Министры жаловались императору, что оклады в МГИ в два раза больше, чем в других министерствах.

¹⁶⁸ *Левенитерн В.И.* Воспоминания. Цит. по: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 2. С. 74-75.

¹⁶⁹ Наиболее полные сведения о работе этого Комитета содержатся в кн.: *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. С. 104-195.

¹⁷⁰ 2 ПСЗ. Т. 17, отд. 1. № 15462.

¹⁷¹ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1 т. XV архива Гос. совета. Д. 145. Л. 2.

¹⁷² См. напр.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 611; *Мироненко С.В.* Секретный Комитет 1839–1842 гг.: Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1977. С. 5–7.

¹⁷³ *Мироненко С.В.* Секретный Комитет... С. 17.

¹⁷⁴ Это право личной свободы подвергалось ряду ограничений так же, как это имело место в казенных имениях: 1) крестьяне были обязаны отбывать в пользу владельца работы или уплачивать ему денежный оброк; 2) они были связаны круговой ответственностью в выполнении повинностей перед владельцем земли и государством, чем были обусловлены и ограничения при их переходе; 3) крестьяне оставались подчинены власти помещика, сохранившего за собой право суда и расправы.

¹⁷⁵ *Мироненко С.В.* Секретный Комитет... С. 16.

¹⁷⁶ *Он же.* Страницы тайной истории самодержавия. С. 192.

- ¹⁷⁷ Об этом шел разговор еще в Комитете 6 декабря 1826 г.
- ¹⁷⁸ *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. С. 193.
- ¹⁷⁹ *Он же.* Секретный Комитет... С. 17.
- ¹⁸⁰ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 624.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² *Корф М.А.* Император Николай I в совещательных собраниях // Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 98. С. 107, 110, 117. («Гласно и во всех условиях разнеслась молва... что готовятся дать крепостным людям вольность») (Там же. С. 107)).
- ¹⁸³ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 625–626.
- ¹⁸⁴ *Корф М.А.* Император Николай I в совещательных собраниях. С. 114–116.
- ¹⁸⁵ *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. С. 194.
- ¹⁸⁶ «Единственная цель указа заключается в том, чтобы – и при определении повинностей крестьянских по желанию помещиков» такими договорами «земли, на коих крестьяне водворены, оставались по-прежнему полной вотчинной собственностью помещиков» (Сборник циркуляров и инструкций министерства внутренних дел с учреждения министерства до 1853 г. СПб., 1855. Т. 3. № 540).
- ¹⁸⁷ *Корф М.А.* Император Николай I в совещательных собраниях. С. 67.
- ¹⁸⁸ Первоначально правительство предполагало обратить в состав майоратов конфискованные имения, однако значительная и лучшая их часть была отдана под военные поселения, оставшиеся «по раздробительности, чресполосности и обременению долгами» не подходили под майораты.
- ¹⁸⁹ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 4. С. 157–160.
- ¹⁹⁰ 2 ПСЗ. Т. 17, отд. 1. № 16927.
- ¹⁹¹ РГИА. Ф. 1589. Оп. 1 (МГИ). Д. 886. Л. 6.
- ¹⁹² Павел Дмитриевич Киселев и Михаил Федорович Орлов в 1819–1820 гг. // Русская старина. 1887. № 7. С. 233.
- ¹⁹³ Если сравнить его с другим нашим героем, М.А. Корфом, то последний при императоре Николае I не обладал достаточной властью, чтобы добиваться реализации каких-либо своих «предположений», хотя в следующее царствование доказал, что способен не только к составлению, но и к отстаиванию своих проектов на практике.
- ¹⁹⁴ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 2. С. 77.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 78.
- ¹⁹⁶ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 259. Документ переписан набело писарской рукой на гербовой бумаге с вензелем императора.

- ¹⁹⁷ Далее добавлено: «это же самое устройство может быть приложено и к имениям, состоящим не менее, как из 20 наличных душ и более, до 10.000 душ, соображаясь с расстоянием деревень от средоточия их управления». — Там же. Л. 1 об.
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 2 об. В плане устройства собственно вотчины, многие положения подкорректированы. Так, если в «Основаниях» говорится, что помещик за отдаваемые крестьянам участки своей земли пользуется от них работой круглый год три дня в неделю, то в инвентаре Грибановской вотчины говорится о трех днях летом (с 1 мая по 1 сентября) и двух в другое время года.
- ¹⁹⁹ РГИА. Ф. 1589. Оп. 1 (МГИ). Д. 864, 865, 866. Дело продолжалось до 30 мая 1859 г.
- ²⁰⁰ Там же. Д. 864. Л. 4–9.
- ²⁰¹ Там же. Д. 865. Л. 193–194.
- ²⁰² Там же. Д. 864. Л. 73–74.
- ²⁰³ Там же. Д. 864. Л. 119–144, 273–276, 397–409; Д. 865. Л. 110–130; Д. 866. Л. 177–337.
- ²⁰⁴ Ефим Степанович Карнович (1793–1855). См.: Там же. Д. 865. Л. 202–209.
- ²⁰⁵ Там же. Д. 864. Л. 312–348; Д. 865. Л. 57–86, 210–262.
- ²⁰⁶ Там же. Д. 865. Л. 134–189.
- ²⁰⁷ Там же. Ф. 651. Оп. 1. Д. 263. Л. 4.
- ²⁰⁸ Там же. Л. 4 об.–5.
- ²⁰⁹ Там же. Л. 5–14 об.
- ²¹⁰ Там же. Л. 14 об.–25.
- ²¹¹ Там же. Л. 11 об.–14.
- ²¹² Там же. Л. 12. Вот как были «расчислены» повинности: «Разделяя 1801 четверть ржи пропорционально ценности рабочих дней, получится, что крестьяне должны отбыть в помещичьем хозяйстве 20 583 рабочих дня, пеших и столько же упряжных, полагая, что как тех, так и других работ производится мужчинами, а другая половина женщинами. Таким образом, на тягловый участок земли причитается 84 тяглых дня (в имении 225 тягол. — *И.Р.*); а денежного оброка, как выше сказано, 21 р. 26 коп. сер.» (Там же. Л. 10).
- ²¹³ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* О крепостном состоянии в России // *Конец крепостничества в России.* М., 1994. С. 44, 46.
- ²¹⁴ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 263. Л. 44.
- ²¹⁵ Кортота — аренда, оброчное содержание.
- ²¹⁶ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 263. Л. 10.
- ²¹⁷ Там же. Л. 45–45 об.

- ²¹⁸ Личный архив Киселева хранит многочисленные и разнообразные документы по хозяйству его имений – отчеты и ведомости управляющих, его собственноручные инструкции бурмистрам, заметки и записки. (См.: *Дружинин Н.М. Государственные крестьяне...* Т. 1. С. 248–255; РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 847). Здесь находится переписка Киселева с управляющим имением на Украине, соседствующим с его, где корреспондент сообщает хозяйственные перспективы региона и конфиденциально – предполагаемые цены на хлеб. Здесь же – «Ведомость об урожае хлеба за 1827 г.», «Годовой оборот Носачевской экономии за 1828 г.» (по хлебу) и другие ведомости о приходе и расходе денежных сумм, посеве и урожае хлеба соседнего имения за 1827–1828 гг.
- ²¹⁹ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 263. Л. 35 об.–37.
- ²²⁰ Там же. Л. 37–43 об.
- ²²¹ Местное Положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: великороссийских, новороссийских и белорусских. Раздел I. Гл. 3. Ст. 98, 113–116.
- ²²² Там же. Гл. 1. Ст. 20, 29.
- ²²³ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. Введение. Ст. 9.
- ²²⁴ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 263. Л. 21. Далее указывалось, что «натуральные земские повинности, как то дорожная, подводная, квартирная и проч. отбываются крестьянами также, не касаясь владельца, своими средствами и из своих дней работы, но потребный материал для мостов и гатей отпускается от помещика безденежно».
- ²²⁵ Там же. Л. 22.
- ²²⁶ Там же. Л. 15 об.–16 об. Нижеизложенное устройство вотчинного управления дано по грибановскому проекту, поскольку в указе 2 апреля этот вопрос не был детализирован. В этом плане проект Киселева можно рассматривать как «приложение» или «дополнение» к указу.
- ²²⁷ Там же. Л. 16 об.–17.
- ²²⁸ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. Раздел I. Гл. 1. Ст. 21; Раздел II. Гл. 2. Отделение 2. Ст. 58. Пункт 10.
- ²²⁹ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 263. Л. 20–20 об.
- ²³⁰ «В случае неисполнения крестьянами приемлемых на себя по договору обязанностей, они понуждаются к тому земской полицией, под руководством уездных предводителей дворянства и под выс-

шим управлением губернского правления» (2 ПСЗ. Т. 17, отд. 1. № 15462. С. 261).

- ²³¹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 8. Л. 296. Из журнала заседания Государственного совета от 20 декабря 1845 г. В том же журнале записано, что зачастую и сами крестьяне уклонялись от обращения их в обязанные, «потому, что более страшатся полицейской власти, нежели помещицкой, и боятся притом потерять в помещике не только покровителя, но и лицо, обязанное пещись об их продовольствии и нуждах».
- ²³² Речь идет о проекте «Положения о власти помещиков над крестьянами, уволенными в обязанные»; первоначально он был составлен действ. ст. сов. Чичаговым в январе 1844 г. («Положение о взаимных отношениях помещиков и обязанных крестьян»); в данном случае речь идет о переработанном проекте (РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. 1845 г. Д. 92. Л. 6–20; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 12. Л. 6–12 об.).
- ²³³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 8 (1845). Л. 294 об.
- ²³⁴ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. 1845 г. Д. 92. Л. 27.
- ²³⁵ Комиссия 1844–1845 гг. для рассмотрения проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.
- ²³⁶ Подобная мера предусматривалась и в указе о свободных хлебопашцах: «если крестьянин или целое селение не исполнит своих обязательств, то возвращается помещику с землей и семейством его во владение по прежнему» (1 ПСЗ. Т. 27. № 20 620).
- ²³⁷ ГА РФ. Ф. 728. Д. 1817. Ч. 8 (1845 г.). Л. 295–295 об. См. также: РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. 1845 г. Д. 92. Л. 32 об.–33.
- ²³⁸ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. 1845 г. Д. 92. Л. 35.
- ²³⁹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Л. 296–296 об. «Возбужден был даже косвенно вопрос: не следует ли подвергнуть его в целом составе новому пересмотру».
- ²⁴⁰ Там же. Ч. 9 (1846 г.). Л. 96; РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. 1845 г. Д. 92. Л. 52–53 об.
- ²⁴¹ Корф прибавил, что «обеспечение» надо дать, но, «не постановляя ничего обязательного или принудительного, оставить все на свободный произвол».
- ²⁴² ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 8. Л. 96 об.–97; РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. 1845 г. Д. 92. Л. 62–64 б.
- ²⁴³ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 263. Л. 24–24 об. Пункт 8 указа об обязанных крестьянах гласил, что «помещики и обязанные крестьяне сохраняют заключенные между собой договоры навсегда ненарушимо, имея, однако, право особыми частными условиями делать изменения в наделе земель и повинностях на определенные сроки с

обоюдного согласия... не иначе, как с предварительного утверждения правительства» (2 ПСЗ. Т. 17, отд. 1. № 15462). В «Основаниях, на коих крестьяне могут перейти из состояния крепостных в состояние обязанных по указу 2 апреля 1842 г.» специальный пункт посвящен возможности изменить условия договора, исходя из увеличения ценности земли и ее произведений с ростом народонаселения. Имеется и ссылка на 8 пункт указа 2 апреля (РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 259. Л. 3).

²⁴⁴ Там же. Д. 263. Л. 24.

²⁴⁵ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 2. С. 266-274; См. также: *Ружицкая И.В.* Указ. соч. С. 99-100, 263.

²⁴⁶ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 2. С. 290-291.

²⁴⁷ Учрежден 23 апреля 1840 г.

²⁴⁸ Об инвентаризации Западного края см: *Ружицкая И.В.* Указ. соч. С. 111-122.

²⁴⁹ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 2. С. 294-296. Киселев выразил желание «обратить к законодательному рассмотрению вопрос о крестьянской собственности»; в собственноручной его записке он признавался, что заседание Комитета министров 19 августа 1847 г. «почитает для себя наисчастливейшим».

²⁵⁰ По указу 16 января 1830 г. удельные имения сосредотачивались в 11 губерниях вместо 36 путем обмена удельных селений на казенные; по указу 24 января 1830 г. изменялась система податного обложения удельных крестьян – подушный оброк заменялся поземельным сбором. В отчете III Отделения (1839 г.) пишется о «благоустройстве удельных крестьян и оказываемой им защите», которые «сильно подействовали на возбуждение еще большего омерзения к крепостному состоянию»; таким образом, это преобразование не рассматривалось как нечто ретроградное, скорее, наоборот.

²⁵¹ РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 885. Л. 1. Прошение датировано 8 мая; имя помещика – Николай Иванович Пажинский.

²⁵² Там же. Л. 2. При отношении возвращена и подписка помещика о согласии на продажу его крестьянина.

²⁵³ Там же. Ф. 958. Оп. 1. Д. 610. Первый адрес – от августа 1848 г., второй – от 10 сентября 1856 г. В последнем написано: «более десяти лет находимся под мудрым управлением Вашего сиятельства, и в продолжение сего времени имели только одно удовольствие и спокойствие по управлению во всех делах Кимрской вотчины». Здесь же крестьяне вспоминают, что поступили «из помещичьего

звания в ведомство государственных имуществ в 1846 г. промыслом Всевышнего творца державною властью Государя императора и попечением Вашего сиятельства» (Там же. Л. 3).

²⁵⁴ Между тем, Манифест 5 апреля 1797 г. повелевал «всем и каждому наблюдать, чтобы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные и праздничные дни принуждать крестьян к работе» (1 ПСЗ. Т. 24. № 17909. С. 577).

²⁵⁵ РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 609. Л. 1–2 об. Прошения относятся к концу 1848 г.

²⁵⁶ 2 ПСЗ. Т. 22, отд. I. № 21689 (именной, данный Сенату).

²⁵⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. IX. Ст. 1004 (выражение из последнего 9-го пункта).

²⁵⁸ Однако приобретенную таким образом землю крестьяне имели право передавать, посредством продажи, обмена или других сделок не иначе, как по мирским приговорам и с утверждения министерства государственных имуществ. Подобные ограничения вызваны, видимо, заботой правительства о том, чтобы у крестьян всегда оставалось не менее 2 десятин земли на душу (усадебной, огородной, пашенной и сенокосной по совокупности); это – «неотделимая принадлежность имения», на которую не должны «упадать и никакие долги крестьян».

²⁵⁹ Состав Комитета: А.Ф. Орлов (председатель), П.Д. Киселев, Л.А. Перовский, В.Н. Панин и Д.Н. Блудов.

²⁶⁰ Комитет учрежден 10 июня 1848 г. под председательством наследника, Александра Николаевича. В него вошли В.В. Левашев, А.Ф. Орлов, П.Д. Киселев, Ф.П. Вронченко, Л.А. Перовский, статс-секретарь А.Л. Гофман и государственный секретарь Н.И. Бахтин (производителем дел).

²⁶¹ *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX веках. СПб., 1888. Т. 2. С. 189–192.

²⁶² Важным итогом работы Комитета стало также издание указа 15 июля 1848 г., давшего безобразным крестьянам, наряду со свободными хлебопашцами, новое название: «государственных крестьян, водворенных на собственных землях» (2 ПСЗ. Т. 23. № 22444); См. также: РГИА. Ф. 1149. Оп. т. III архива Гос. совета. Д. 56 (О переименовании «свободных хлебопашцев» и «безобразных крестьян» в «государственных крестьян, водворенных на собственных землях»). Л. 37.

²⁶³ Условие, весьма невыгодное министерству государственных имуществ.

- ²⁶⁴ Вместо умершего В.В. Левашева в Государственном совете председательствовал А.И. Чернышев, заменивший своего предшественника и в секретном Комитете.
- ²⁶⁵ *Семевский В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 203. Семевский считал ответ Киселева не особенно убедительным.
- ²⁶⁶ Там же.
- ²⁶⁷ Министр внутренних дел сообщил, что из 266 имений, продававшихся с публичного торга на основании указа 8 ноября, выкупилось только 7 имений, крестьяне 39-ти заявили о желании выкупиться, но не внесли денег, 10 имений куплено в казну, беспорядки вследствие указ были в 14 имениях, в 3-х из которых была применена военная сила.
- ²⁶⁸ 2 ПСЗ. Т. 24. № 23405. В статье 188 Положения говорилось, что владельцу описанного для публичной продажи имения предоставляется «для удовлетворения долга» заключать со своими крепостными по правилам 20 февраля 1803 г. договор об увольнении их в государственные, на собственной земле поселенные крестьяне с передачей в их собственность всей или части земли.
- ²⁶⁹ Наибольшее количество выкупившихся крестьян приходится на 1849 и 1852 гг.
- ²⁷⁰ Комитет тогда предложил открыть министру государственных имуществ, без всякой о том огласки, годичный кредит в Заемном банке на первый раз, в виде опыта до 300 тысяч рублей серебром. Именно после этого в проекте указа о разрешении крестьянам выкупаться при продаже имения появилась фраза о том, что крестьяне не должны ожидать «никакого от казны пособия», хотя вопрос о таком пособии первоначально рассматривался.
- ²⁷¹ См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 628.
- ²⁷² *Гросул В.Я.* Павел Дмитриевич Киселев. С. 78.
- ²⁷³ 11 июля 1856 г. Киселев был уволен от должности министра государственных имуществ и назначен чрезвычайным и полномочным послом во Францию. Причины такого перемещения не совсем ясны; существует точка зрения, что этого добились враги крестьянского освобождения.
- ²⁷⁴ *Хрущев Д.* Несколько слов о необходимости земельной собственности для крестьян (РГИА. Ф. 958. Д. 663. Л. 17 об.). В деле имеется сопроводительное письмо Хрущева Киселеву от 3 (14) мая 1858 г.
- ²⁷⁵ Там же. Л. 18.
- ²⁷⁶ Алексей Ираклиевич Лёвшин (1798 или 1799–1879) – с 1823 г. по просьбе М.С. Воронцова был определен к нему секретарем; градо-

начальник Одессы (1831–1837 гг.); в 1844–1855 гг. – возглавлял департамент сельского хозяйства и Ученый комитет министерства государственных имуществ; 1855–1859 гг. – товарищ министра внутренних дел С.С. Ланского; написал для Александра II краткую историю крепостного права.

²⁷⁷ Программа Киселева!

²⁷⁸ Это признавала и дореволюционная историография: в юбилейном сборнике о главных деятелях реформы его имя стоит вторым после Александра II (*Готье Ю.В.* Граф П.Д. Киселев // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911).

²⁷⁹ *Гросул В.Я.* Павел Дмитриевич Киселев. С. 109.

Глава 2

²⁸⁰ Цит. по: *Шевченко М.М.* Конец одного величия... С. 58.

²⁸¹ *Ковалевский Ег.[П.]*. Указ. соч. С. 18.

²⁸² В Архиве с 1762 г., его управляющий – с 1783 г.; историк, архивист, археограф; учился в Киевской и Московской духовных академиях и Московском университете; упорядочил архивные материалы и составил свыше 70 описей; автор ряда библиографических трудов; издал ряд учебников, в том числе «Латинскую грамматику».

²⁸³ А.Ф. Малиновский заставлял своих молодых подчиненных иногда переводить пьесы А.-Ф.-Ф.Коцебу, которые между собой «архивные юноши» называли «коцебятиной». Малиновский не знал ни слова по-немецки, он только исправлял уже переведенный текст; позже он издал эти пьесы и получил приличный гонорар (*Пыляев М.И.* Старая Москва. М., 1990. С. 341-350).

²⁸⁴ Цит. по: *Ковалевский Ег.[П.]*. Указ. соч. С. 35-36.

²⁸⁵ Там же. С. 254.

²⁸⁶ Там же. С. 241.

²⁸⁷ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 129-131.

²⁸⁸ Антуан Ривароль – французский политический деятель и писатель, издавший в 1783 г. «Маленький альманах наших великих людей», содержащий ядовитые характеристики мелких французских писателей, а в 1790 г. выпустивший «Малый словарь великих людей революции», представлявший собой коллекцию злых характеристик.

²⁸⁹ См., напр.: *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. М., 2005. С. 632. («Меня порадовала его живость и теплота отношения ко всему, что касается ума, знания и поэзии»).

- ²⁹⁰ По свидетельству Н.И. Греча, «Блудов прибыл в Молдавию с Каменским из карамзинского теплого гнезда чувствительным пенцом, напутствуемый томными стихами Жуковского. Из первых его слов Саражинович увидел, что новоприезжий не имеет понятия о делах и о порядке службы, и порядочно подурачил его... Блудов обиделся». (П.Г. Саражинович – секретарь П.Х. Безака, начальника штаба командующего Молдавской армией П.И. Багратиона). Через 22 года Блудов – министр внутренних дел, а Саражинович у него директором: «Блудов, человек добрый и благородный, но ... гневливо племя поэтов (Гораций), и чем менее писатель известен, тем более он дорожит собой» (*Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 67*).
- ²⁹¹ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 131 (Жан-Франциск Лагарп (1740–1803) – известный французский критик и историк литературы, автор книги «Лицей» или «Курс древних и новых литератур». До революции – ее сторонник, после 1793 г. – ярый противник).
- ²⁹² Там же. С. 66–67.
- ²⁹³ См.: *Шевченко М.М.* Конец одного величия... С. 33–34.
- ²⁹⁴ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 130.
- ²⁹⁵ *Вересаев В.В.* Спутники Пушкина. М., 1993. С. 132, 134; *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 276.
- ²⁹⁶ *Вересаев В.В.* Указ. соч. С. 132.
- ²⁹⁷ Там же. С. 132–133 (Из статьи А.Ф. Воейкова в юмористическом «Парнасском адрес-календаре»).
- ²⁹⁸ *Тургенев Н.И.* Ответы: 1. На IX главу книги *Граф Блудов и его время Ег. Ковалевского*, 2. На статью *Русского инвалида* о сей книге. Paris, 1867 (Цит. по: *Тургенев Николай.* Россия и русские. М., 2001. С. 675).
- ²⁹⁹ *Майков П.М.* Второе отделение собственной его императорского величества канцелярии, 1826–1882: Исторический очерк. СПб., 1906. С. 303.
- ³⁰⁰ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 304; *Майков П.М.* Указ. соч. С. 269. Из формулярного списка Сперанского следует, что он тоже был назначен начальником II Отделения (*Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. СПб., 2002. С. 673).
- ³⁰¹ *Майков П.М.* Указ. соч. С. 269. См. также: *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. С. 109.
- ³⁰² *Майков П.М.* Указ. соч. С. 312.
- ³⁰³ *Медем М.М.* Мои воспоминания об отце моем Михаиле Андреевиче Балугьянском // *Русский архив.* 1885. № 11. С. 421.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 6. Л. 97 об. «Таким образом, хотя новое издание вышло только *вчера* <4 марта 1843 г.>, если б собрать все, что издано после его напечатания, опять составилс^я бы уже *сегодня* препорядочный том. Это особенно заметно в тех частях, где теперь идет ломка. Наши Своды, к сожалению, даже в *самый день их издания* всегда более – история, нежели *статистика* законодательства» (Там же. Л. 98).

¹⁰⁵ Там же. Л. 152 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 97 об.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. Л. 113–113 об.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. Л. 167–167 об.

¹¹¹ Там же. Л. 203 об.

¹¹² Там же. Л. 167 об.

¹¹³ *Майков П.М.* Указ. соч. С. 257. См. также следующую главу настоящей работы.

¹¹⁴ *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 420.

¹¹⁵ *Кошелев А.И.* Записки А.И. Кошелева. М., 1991. С. 58 (запись 1828 г.; Блудов в то время был управляющим департаментом духовных дел иностранных исповеданий министерства просвещения и товарищем министра).

¹¹⁶ Речь идет о В.Ф. Одоевском.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 6. Л. 198.

¹¹⁸ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 6. Л. 88.

¹²⁰ Там же. Л. 198 об.–199.

¹²¹ Там же. Л. 152.

¹²² Из всеподданнейшего доклада Главноуправляющего Вторым отделением Д.В. Дашкова от 18 мая 1839 г. о порядке дальнейших занятий по составлению уголовного уложения (Исторический очерк деятельности Министерства юстиции за сто лет. 1802–1902 гг. СПб., 1902. С. 62–64).

¹²³ Павел Иванович Дегай считался одним из авторитетнейших юристов своего времени, был автором более десяти книг по юриспруденции, в том числе «Учебной книги российского гражданского судопроизводства», которая выдержала несколько изданий и была основным учебным пособием до 1864 г.

¹²⁴ *Ленц В.В.* Приключения лифляндца в России // Русский архив. 1878. № 4. С. 445.

- ³²⁵ Общая объяснительная записка по проекту Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.
- ³²⁶ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1029. Л. 5; Д. 1031. Л. 8 об.
- ³²⁷ А.И. Герцен в 1850 г. писал «Достаточно бросить взгляд на законы об оскорблении величества, столь успешно перенятые недавно императором Николаем I и его юрисконсультом Губе» (*Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 233*).
- ³²⁸ Председатель – В.В. Левашев, члены – министр юстиции В.Н. Панин, главноуправляющий Вторым отделением Д.Н. Блудов, директор Императорской Публичной библиотеки и сенатор Д.П. Бутурлин, член департамента законов М.А. Корф, член департамента по делам Царства Польского К.Ф. Друцкой-Любецкой, принц П.Г. Ольденбургский, Д.В. Кочубей и министр статс-секретарь Царства Польского И.Л. Туркул.
- ³²⁹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 7. Л. 261 об.
- ³³⁰ Была одобрена «основная в составлении проекта мысль именно в том, что оный составлен на аргюі, на одних чистых умозрительных началах, и на началах теперь действующего уголовного нашего законодательства, с соглашением оногo, очищением, дополнением частию из судебной практики, частию из лучших законодательств иностранных», поскольку «сии предположения одобрены Государем Императором» (Там же. Л. 235–238).
- ³³¹ Там же. Л. 86.
- ³³² Там же. Л. 89.
- ³³³ Там же. Л. 87 об., 383 об.
- ³³⁴ Там же. Л. 347.
- ³³⁵ Там же. Л. 383 об.
- ³³⁶ В Уложении было много «диких, неудобопонятных и нескладных выражений», например, встречающееся на каждой странице «лишение всех любых лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ» (Там же. Л. 89 об.).
- ³³⁷ Манифест касался финских преступников, подпавших по местным законам под смертную казнь, и предписывал заменять ее ссылкой в Сибирь, если только целью преступления не являлось «нарушение общего спокойствия» и т.д. (2 ПСЗ. Т. 1. № 275. С. 388-389).
- ³³⁸ Один раз дело кончилось указом 1817 г. об отмене вырезания ноздрей, уничтожение кнута тогда было отложено до издания нового уголовного уложения. Подобное решение было принято и в 1824 г.
- ³³⁹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 7. Л. 172–172 об.
- ³⁴⁰ РГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 7. Л. 238–238 об.

- ³⁴¹ 1847, 1848, 1849 г.
- ³⁴² Цит. по: *Леонтович В.В.* Указ. соч. С. 127.
- ³⁴³ Цит. по: *Латкин В.М.* Учебник истории русского права (XVIII–XIX вв.). СПб., 1899. С. 92.
- ³⁴⁴ 2 ПСЗ. Т. 26. № 25055.
- ³⁴⁵ Краткий очерк деятельности Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1826–1876. СПб., 1876. С. 35–37.
- ³⁴⁶ Там же. С. 349. (Таковы все законы, относящиеся к бракам, опеке, наследству, духовным завещаниям и др.).
- ³⁴⁷ Там же.
- ³⁴⁸ *Майков П.М.* Указ. соч. С. 346.
- ³⁴⁹ РГИА. Ф. 651 (Васильчиковых). Оп. 1. Д. 57. Л. 4–4 об. Письмо от 22 июля 1845 г. Т. V. Устав о пошлинах. Ст. 363 (изд. 1842 г.).
- ³⁵⁰ Там же. Л. 11.
- ³⁵¹ Там же. Л. 7, 9.
- ³⁵² РГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 7. Л. 239, 240.
- ³⁵³ Например, в архиве нередко попадают дела такого плана: «По высочайше утвержденному мнению Государственного совета о мнении при общем пересмотре гражданских законов вопроса о нераздробляемости домов» (Там же. Оп. 1. 1846 г. Д. 3).
- ³⁵⁴ Министерство юстиции за сто лет, 1802–1902 гг. СПб., 1902; *Ефремова Н.Н.* Министерство юстиции Российской империи, 1802–1917 гг. М., 1983. С. 50.
- ³⁵⁵ См.: *Ковалевский Ег.[П.]*. Указ. соч. С. 123 (письмо Блудова).
- ³⁵⁶ Постановление 11 ноября 1833 г.
- ³⁵⁷ Несколько месяцев (с апреля по декабрь 1839 г.) во главе Второго отделения стоял Д.В. Дашков.
- ³⁵⁸ РГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 9. 1849 г. Л. 16 об.
- ³⁵⁹ Там же. Л. 17–17 об.
- ³⁶⁰ Там же. Л. 17 об. – 105.
- ³⁶¹ Там же. Л. 105 об. – 106.
- ³⁶² Там же. Л. 106 об. – 109.
- ³⁶³ Там же. Д. 9. 1849 г. Л. 167–172 об.
- ³⁶⁴ Там же. Д. 10. 1850 г. О положении дела по проекту нового устава гражданского судопроизводства. 6 апреля 1850.
- ³⁶⁵ Там же. Л. 72–74.
- ³⁶⁶ Там же. Д. 11. 1851 г. Л. 103–105.
- ³⁶⁷ Там же. Л. 157.
- ³⁶⁸ О проекте нового устава судопроизводства гражданского, 2 декабря 1854 г. (Там же. Д. 12 (1853–1854). Л. 405–423).

- ³⁶⁹ Там же. Д. 13. 1855 г. Л. 56.
- ³⁷⁰ Там же. Л. 55 об.
- ³⁷¹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 455. Л. 7 об.
- ³⁷² Там же. Л. 15 об., 11–11 об., 10.
- ³⁷³ Там же. Л. 1.
- ³⁷⁴ Проект рассматривался почти год – до 23 сентября 1858 г. См.: Журнал о главных началах, принятых соединенными департаментами при рассмотрении проекта нового устава гражданского судопроизводства 15 июня 1857 г. – 8 мая 1859 г. (ОР и РК РНБ. Ф. 637. Д. 289).
- ³⁷⁵ Плетнев В. Работа по составлению проектов судебного преобразования до 1861 г. // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1. С. 296.
- ³⁷⁶ Там же. С. 296–297.
- ³⁷⁷ Д.А. Оболенский (1822–1881), князь. Закончил Училище правоведения. С середины 1850-х гг. – в Морском министерстве, которым руководил великий князь Константин Николаевич, и которое шло в авангарде реформ 1860-х гг. По отзывам современников, Оболенский оказывал очень большое влияние на великого князя. Член кружка великой княгини Елены Павловны, где разрабатывались планы многих будущих преобразований. Был близок с Н.А. Милютиним. В начале 1860-х гг. – председатель Комиссии для пересмотра, дополнения и изменения постановлений о книгопечатании. В 1871–1872 гг. – товарищ министра государственных имуществ. Член Государственного совета (1872 г.).
- ³⁷⁸ Таким образом, они попали в архив члена Государственного совета М.А. Корфа в ГА РФ, этот экземпляр используется ниже. Оригинал «Замечаний» Оболенского хранится в ОР и РК ГПБ (Ф. 120. Д. 120).
- ³⁷⁹ В записке министерства отмечается, что выборные в судах «по большей части не знают ни законов, ни форм, ни порядка гражданского судопроизводства, довольно сложного и трудного, в особенности, для людей не только не имеющих предварительных юридических знаний, но часто безграмотных». Второе отделение прибавляет: «выборные судьи наши весьма часто не соответствуют важности обязанностей возложенных на них законами» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3207. Л. 5, 6 об.)
- ³⁸⁰ Там же. Л. 7 об. – 9 об.
- ³⁸¹ Там же. Л. 9 об.–10.
- ³⁸² Там же. Л. 18.
- ³⁸³ Там же. Л. 1–1 об.
- ³⁸⁴ Там же. Л. 4 об., 5, 18–18 об., 19.

- ³⁸⁵ Власть и реформы. СПб., 1996. С. 311.
- ³⁸⁶ Плетнев В. Указ. соч. С. 297.
- ³⁸⁷ Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989. С. 51.
- ³⁸⁸ См.: Соловьев М.П. Судебная реформа в Царстве Польском // Русский вестник. 1875. № 5. С. 246.
- ³⁸⁹ См.: Коротких В.Г. Указ. соч. С. 51–54.
- ³⁹⁰ Хотя уже в мае 1858 г. в записке, составленной специально для великого князя Константина Николаевича, отмечалось, что к тому времени у членов Государственного совета исчезло «всякое сомнение относительно необходимости и возможности коренных изменений в существующем порядке нашего гражданского судопроизводства». Признавалось, что проект Второго отделения «в том виде, в каком он ныне представлен, есть не что иное, как прекрасный материал для составления нового устава гражданского судопроизводства», но не более, поскольку в нем отсутствует «строгая последовательность и система» и «он весь составлен из частей, не крепко между собой соединенных» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 460. Л. 6 об., 7, 45).
- ³⁹¹ Так, «в виде дополнения» к проекту гражданского судопроизводства Блулов внес «положение о производстве дел гражданским порядком сокращенным, постановления о присяжных стряпчих, правила о порядке исполнения судебных решений по делам гражданским» (из доклада председателя Государственного совета А.Ф. Орлова императору от 17 октября 1859 г.). 12 ноября 1859 г. Блулов представил Александру II «Проект положения о судоустройстве», 10 декабря – «Проект устава по преступлениям и проступкам».
- ³⁹² См.: Журнал соединенных департаментов законов и гражданского Государственного совета об основных началах судоустройства за 1861 г. № 48 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. СПб., 1864. Т. 16. С. 6; Журнал соединенных департаментов и гражданского по замечаниям на проект присяжных поверенных // Там же. С. 15.
- ³⁹³ ЦГИАМ. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 57. Л. 4 об.–5 об.
- ³⁹⁴ Там же. Л. 92–93.
- ³⁹⁵ Коротких М.Г. Указ. соч. С. 93.
- ³⁹⁶ 8 января 1861 г. Блулов был назначен «председательствовать» в Государственном совете и Комитете министров, 6 декабря уволен от должности главноуправляющего Вторым отделением, 1 января 1862 г. стал председателем Государственного совета, каковым оставался до своей смерти 9 февраля 1864 г. Однако в 1862–1863 гг. почти постоянно нахо-

дился в отпуске по здоровью, его замещали П.П. Гагарин и великий князь Константин Николаевич.

³⁹⁷ *Коротких М.Г.* Указ. соч. С. 97–98.

Глава 3

³⁹⁸ Так же как и дед Корфа – барон Фридрих Сигизмунд Корф, пожалованный в тайные советники после присоединения Курляндии к России и ставший первым белорусским губернским маршалом. Отец М.А. Корфа – Гейнрих Ульрих Казимир (Андрей) Корф обучался в Митавской гимназии и в университетах в Лейпциге, Геттингене, Страсбурге. «Умер, оставив несколько сочинений» (*Майков П.М.* Указ. соч. Приложения. С. 60).

³⁹⁹ *Корф М.А.* Из предисловия к переводу «Курляндских статуттов» (1818 г.) // *Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы, 1811–1843. СПб., 1911. С. 149.

⁴⁰⁰ *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899; *Грот К.Я.* Пушкинский лицей (1811–1817): Бумаги I-го курса, собранные академиком Я.К.Гротом. СПб., 1912; *Гроссман Л.* Пушкин. М., 1960; *Томашевский Б.В.* Пушкин. М., 1990. Т. 1.

⁴⁰¹ *Селезнев И.Я.* Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского Лицея за первое его 50-летие. СПб., 1861; *Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский Лицей...; *Руденская М.П., Руденская С.Д.* С лицейского порога: Выпускники 1811–1917. Л., 1984; *Они же.* «Наставникам... за благо воздадим». Л., 1986. Последние две работы содержат наиболее полные в советской литературе сведения о Лицее.

⁴⁰² Письмо Е.А. Энгельгардта к И.И. Пущину от 2 ноября 1841 года (*Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский Лицей... С. 444).

⁴⁰³ См., напр.: *Мейлах Б.С.* Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 23–24; *Теплова В.А.* Общественно-политические взгляды и литературно-публицистическая деятельность И.И. Мартынова // Освободительное движение в России. Саратов, 1971. № 2. С. 63.

⁴⁰⁴ *Селезнев И.Я.* Указ. соч. С. 4. Возможно, Селезнева ввела в заблуждение книга другого Лагарпа – Жана-Франциска – «Лицей» или «Курс древних и новых литератур» (см. примечание 291).

⁴⁰⁵ *Сперанский М.М.* Дружеские письма к Масальскому. СПб., 1861. С. 65.

⁴⁰⁶ Лицейский журнал. Год IV (1906–1907). № 3. С. 132–134.

⁴⁰⁷ Его черновик был найден Б.С. Мейлахом в бумагах М.М. Сперанского в РГИА. Этот документ и стал впоследствии основой Постановления о Лицее.

- ⁴⁰⁸ Из записки М.М.Сперанского о Лицее.
- ⁴⁰⁹ Тынянов Ю.Н. Пушкин. Минск, 1979. С. 184.
- ⁴¹⁰ Сохранилось пять писем Ж. де Местра от 1810 г., посвященных данному вопросу (*Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. II. С. 249–261*).
- ⁴¹¹ *Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский Лицей... С. 12-13.*
- ⁴¹² Там же. С. 297; *Грот К.Я. Труды Я.К. Грота: в 5 т. Т. 3. СПб., 1901. С. 228; Ср.: у Разумовского: по данным программам и за данное время обучения можно получить «обо всем понятия смешанные, скороспелые, кои такового многоведа сделают скорей несносным и вредным педантом, нежели основательным знатоком»* (*Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский Лицей... С. 13*).
- ⁴¹³ Ранее предполагалось 10-15 человек, а теперь не менее 20-ти, но не более 50-ти.
- ⁴¹⁴ Выделено мною. – *И.Р.*
- ⁴¹⁵ Дата эта основывается на свидетельстве М.А. Корфа (См.: *Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 222*) и мемуарах И.И. Пущина (См.: *Пущин И.И. Записки о Пушкине // Декабристы. Избр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 176*).
- ⁴¹⁶ Разумовский считал Лицей средним звеном между гимназией и университетом.
- ⁴¹⁷ *Селезнев И.Я. Указ. соч. С. 16.*
- ⁴¹⁸ Б.В. Томашевский считал, что «последняя редакция Устава Лицея» принадлежала Сперанскому (*Томашевский Б.В. Указ. соч. С. 13*). Однако прямые указания Мартынова в его «Записках», а также совпадения его почерка с почерком черновика Постановления подтверждают авторство Мартынова (*Памятники новой русской истории. СПб., 1872. Т. 2. С. 172-190*).
- ⁴¹⁹ *Селезнев И.Я. Указ. соч. С. 91.* Помимо того, Мартынов, видимо, старался, учитывая замечания Разумовского, все-таки сохранить как можно больше формулировок первоначального текста, написанного Сперанским.
- ⁴²⁰ *Томашевский Б.В. Указ. соч. С. 13.*
- ⁴²¹ *Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский Лицей... С. 444.*
- ⁴²² Членами Сената будут Корнилов и Матюшкин, а Государственного совета – Горчаков и Корф. В 1839 г. Корф в своем дневнике подвел итоги служебных успехов лицейстов I курса: к этому времени 10 человек уже отошли в мир иной (Корф пишет о 9-ти, не имея сведений о Броглио), двое (Кюхельбекер и Пущин) «умерли политически», из оставшихся 17-ти – 13 вполне благополучны (служили, и служили довольно успешно), у четырех карьера не

удалась (среди последних – князь Горчаков, получивший признание уже при Александре II).

⁴²³ Графодромия, или искусство скорописи, сочинение г. Астье, переделанное и примененное к русскому языку бароном Модестом Корфом. СПб., 1820. С посвящением Царскосельскому лицей.

⁴²⁴ *Томашевский Б.В.* Указ. соч. С. 14–16.

⁴²⁵ *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 225.

⁴²⁶ *Селезнев И.Я.* Указ. соч. С. 85.

⁴²⁷ Часть рукописных «листочков» пропала при аресте М.И. Пушина, брата И.И. Пуцина. Сохранились такие журналы, как «Вестник», «Лицейский мудрец», «Неопытное перо» (См.: *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники... С. 246, 271–272).

⁴²⁸ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 2. Л. 12.

⁴²⁹ Русский архив. 1895. № 11. С.353. По поводу ведения лицеистами дневников Я.К. Грот замечает: «Обычность этого занятия у первых лицеистов заставляет думать, что мысль о нем была внушена им кем-нибудь из их наставников, может быть, Малиновским, Куницыным, Пилецким или Энгельгардтом». Грот использует сохранившиеся записи лицейских лет С.Д. Комовского, Ф.Ф. Матюшкина; «остатки подобных заметок» найдены у Пушкина (*Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 281).

⁴³⁰ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1084.

⁴³¹ *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 246.

⁴³² Там же. С. 87.

⁴³³ *Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский Лицей... С. 49. Из лицейских рисунков Корфа сохранился портрет С. Есакова. В архиве Корфа в ГА РФ есть целая «портретная галерея» членов Государственного совета, набросанная Корфом во время одного из заседаний (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2903. «Характеристика состава Государственного совета в марте 1869 года»).

⁴³⁴ *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 87, 281.

⁴³⁵ *Руденская М.П., Руденская С.Д.* С лицейского порога... С. 208.

⁴³⁶ *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 228.

⁴³⁷ См.: Грот Я.К.: «Характеристики (наставников Лицея у Корфа. – *И.Р.*) весьма замечательные, хотя, к сожалению, не всегда согласные с тем беспристрастным отношением к прошлому, какого мы были бы вправе ожидать от одного из просвещеннейших лиц своего времени» (Там же. С. 88). Н. Гастфрейнд: «пристрастен взгляд Корфа вообще на Лицей и лицейское воспитание». В этом, по мнению исследователя, Корф отдал дань «чисто русской черте хаять, оплевывать свою alma mater» (*Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина

по Царскосельскому Лицею. Т. 1. СПб., 1911. С. 486–487). С. и М. Руденские: «Корф отзывался о Лицее резко, желчно, недоброжелательно» (*Руденская М.П., Руденская С.Д. С лицейского порога...* С. 215).

⁴³⁸ *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 228.

⁴³⁹ *Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский Лицей... С. 296;

Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 30. Советский пушкинист Б.В. Томашевский считал, что Корф «вряд ли был далек от истины в общей оценке преподавания» в Лицее, т.к. подбор лицейских профессоров не назовешь удачным (исключение: Куницын, Будри) (*Томашевский Б.В.* Указ. соч. С. 16).

⁴⁴⁰ *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 232.

⁴⁴¹ *Гастфрейнд Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 468.

⁴⁴² Русский архив. 1895. № 11. С. 346–53. Эта тетрадь дневника была передана самим бароном Корфом А.С. Норову, племянник последнего впоследствии ее опубликовал.

⁴⁴³ «Курляндские статуты, или Права и узаконения Курляндскому и Семигальскому дворянству. 1617 г.» (1818 г.) (РНБ. Ф. 380. Д. 35).

⁴⁴⁴ *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 233, 229.

⁴⁴⁵ Корф читал курс законовдения великим князьям с 1847 по 1870 г.

⁴⁴⁶ *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 228.

⁴⁴⁷ Там же. С. 227

⁴⁴⁸ Почти каждый чем-либо выделялся: А.С. Пушкин, В.К. Кюхельбекер, А.А. Дельвиг, А.Д. Иличевский, А.И. Мартынов, М.Л. Яковлев были поэтами, Яковлев имел еще музыкальные способности, а, главное, был замечательным пародистом; Н.А. Корсаков – «кудрявый наш певец» – прекрасно пел под гитару; В.Д. Вольховский – Суворочка – выделялся своей целеустремленностью и аскетизмом, а Матюшкин – «Плыть хочется» – своим увлечением морем и морскими путешествиями; А.М. Горчаков отличался феноменальной памятью и блестящими познаниями; Корф был лицейским запевалой. Даже малозаметный К.Д. Костенский имел большие способности к рисованию. Помимо отдельных «танталов» почти все воспитанники 1-го курса много читали, обменивались мнениями и книгами, об издании рукописных журналов уже говорилось выше.

⁴⁴⁹ *Томашевский Б.В.* Указ. соч. С. 23–24.

⁴⁵⁰ Ср.: из письма Пушина Матюшкину: «Обними всех наших сенаторов и других чинов людей» (*Эйдельман Н.Я.* Прекрасен наш союз... М., 1991. С. 382).

- ⁴⁵¹ Когда Пушкин посетил опального поэта в Михайловской ссылке, последний «заставил» друга «рассказать ему про всех ... первокурсных Лицея» (*Пушкин И.И. Записки о Пушкине. С. 213*).
- ⁴⁵² Там же. С. 186–187.
- ⁴⁵³ *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. М., 1969. С. 255. Ср.: из письма Пушкина к Матюшкину: «Ура Лицею старого чекана! Когда будешь писать ко мне, перебери весь наш выпуск по алфавитному списку. Я о некоторых ничего не знаю. Где Броглио? Где Тырков? ... Мне бы хотелось иметь в резких чертах полные сведения о всех» (*Эйдельман Н.Я. Прекрасен наш союз... С. 384*).
- ⁴⁵⁴ Декабристы. Избр. соч. Т. 2. С. 255 (1836 г.), 248 (1828 г.).
- ⁴⁵⁵ *Эйдельман Н.Я.* Прекрасен наш союз... С. 351.
- ⁴⁵⁶ Из письма И. Малиновского М. Корфу (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Л. 29).
- ⁴⁵⁷ *Эйдельман Н.Я.* Прекрасен наш союз... С. 356, 361.
- ⁴⁵⁸ Из письма И.И. Пущина Е.П. Оболенскому от 8 января 1857 г. о своем приезде в Петербург, где к нему «явились лицейские друзья. Во главе всех Матюшкин и К.К. Данзас. Корф и Горчаков, как люди занятые, не могли часто видаться, но сошлись как старые друзья» и пр. (Там же. С. 387).
- ⁴⁵⁹ *Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский Лицей... С. 478. «Общая польза» понималась как «общественное благо» – благо человека и общества, являющееся одним из основных этических и социальных постулатов Просвещения.
- ⁴⁶⁰ *Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина по Царскосельскому Лицею. Т. 3. СПб., 1912. С. 267.
- ⁴⁶¹ *Мейлах Б.С.* Указ. соч. С. 168–169.
- ⁴⁶² ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Л. 20.
- ⁴⁶³ *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 228.
- ⁴⁶⁴ *Пушкин И.И.* Записки о Пушкине. С. 201.
- ⁴⁶⁵ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Л. 172. Интересно отметить, что корреспондент обращается к Корфу на «ты».
- ⁴⁶⁶ Там же. Л. 235–236. Корф оказывал покровительство не только своим соученикам и их родственникам, но и лицеистам других выпусков. В его архиве сохранилось письмо бывшего лицеиста М. Белуха-Кохановского (из Полтавы, 1831 г.); последний сопровождает свою просьбу следующими словами: «зная Вашу снисходительность, особенно к тем, которые воспитывались в Лицее» (Там же. Л. 77).
- ⁴⁶⁷ Речь идет об «Обществе 19 года и XIX века» и его журнале «Российский XIX века» (позже «Архив политических наук и Российской

словесности»). В письме Н. Тургенева к младшему брату от 24 января 1819 г. среди «нескольких молодых людей, бывших воспитанников Лицея», которые «присоединились» к Обществу, упомянуты Д.Н. Маслов, А.С. Пушкин, И.И. Пущин и В.К. Кюхельбекер (*Шебунин А.Н. Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи // Декабрист Н.И. Тургенев. Письма, 1811–1821. М.; Л., 1936. С. 69*). См. также: *Ланда С.С. Дух революционных преобразований... М., 1975. С. 103*.

⁴⁶⁸ В начале 1920-х гг. Модзалевский разыскал черновик этой анонимной записки в III Отделении, озаглавленной «Нечто о Царском-сельском Лицее и о духе онога». Он утверждал, что почерк черновика, несомненно, принадлежит Ф.В. Булгарину. С тех пор авторство последнего считается бесспорным (*Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925. С. 34–35*).

⁴⁶⁹ *Томашевский Б.В. Указ. соч. С. 24.*

⁴⁷⁰ *Базанов В.Г. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 177.* А может быть этот «подозрительный союз» и есть пресловутое «лицейское братство»? Кстати, в примечании к этому месту В.Н. Каразин пишет: «Кто сочинители карикатур и эпиграмм, каковы, например, на двуглавого орла и на Стурдзу, в которой высочайшее лицо названо весьма непристойно, и пр. Это лицейские питомцы!..» (Там же).

⁴⁷¹ *Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский Лицей... С. 256.*

⁴⁷² *Томашевский Б.В. Указ. соч. С. 25.*

⁴⁷³ *Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский Лицей... С. 250, 254.*

⁴⁷⁴ *Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 44.*

⁴⁷⁵ Тогда же попечителем Лицея стал великий князь Константин Павлович; военным министром был в то время П.И. Меллер-Закомельский.

⁴⁷⁶ *Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский Лицей... С. 343.*

⁴⁷⁷ Деша была отправлена 17 апреля 1826 г. австрийскому послу в Петербурге (*Томашевский Б.В. Указ. соч. С. 26*). Ф.М. Гауеншильд, австрийский подданный, преподавал в Лицее немецкий язык и словесность; после смерти В.Ф. Малиновского одно время исполнял должность директора Лицея.

⁴⁷⁸ *Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 223.* Первая часть этой записки такова: «В.Ф. Малиновский был человек добрый и с образованием, хотя несколько семинарским, но слишком простодушный, без всякой людкости».

⁴⁷⁹ *Пущин И.И. Записки о Пушкине. С. 180.*

⁴⁸⁰ *Селезнев И.Я. Указ. соч. С. 42–44.*

- ⁴⁸¹ Из доклада А.К. Разумовского царю (в Париж, от 7 мая 1814 г.); далее министр пишет, что все-таки именно Малиновский «положил прочное основание тому устройству, которое соделывает сие заведение почти единственным в своем роде» (Там же. С. 45).
- ⁴⁸² Там же. С. 44.
- ⁴⁸³ *Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский Лицей... С. 22–25.
- ⁴⁸⁴ Кобеко приводит полный текст трех писем (1811 г.) В. Малиновского к младшему брату Павлу, действительному статскому советнику, директору государственного Ассигнационного банка. Эти письма, по мнению Кобеко, доказывают, что инициатором ходатайства о назначении В.Ф. Малиновского директором Лицея был Павел. Пользуясь дружбу сенатора М.И. Донаурова и знакомством с Р.А. Кошелевым, он с их помощью повлиял на графа А.К. Разумовского (женой последнего была В.П. Шереметева, сестра умершего в 1809 г. Н.П. Шереметева, душеприказчиком которого был П.Ф. Малиновский, а опекуном малолетнего Д.Н. Шереметева – Донауров). Кобеко добавляет: «Участие в этом деле графа Разумовского было, конечно, решающим, но не исключало участия в нем Самборского, а, может быть, и Сперанского» (*Кобеко Д.Ф.* Первый директор Царскосельского Лицея. Пг., 1915. С. 5–7).
- ⁴⁸⁵ Там же. С. 15. Эти слова взяты автором из записки графа Ф.В. РаSTOPчина о мартинистах; РаSTOPчин здесь также писал: «Они (мартинисты. – *И.Р.*) все более или менее преданы Сперанскому, который не придерживаясь в душе никакой секты, а, может быть, и никакой религии, пользовался их услугами для направления дел и держал их в зависимости от себя» (Русский архив. 1875. Кн. III. № 9).
- ⁴⁸⁶ *Кобеко Д.Ф.* Первый директор... С. 17. Он приводит слова и другого лицеиста, А.М. Горчакова: «Доброго почтенного Малиновского ... не постыжусь назвать перед целым светом благодетелем моим».
- ⁴⁸⁷ *Араб-Оглы Е.А.* Выдающийся русский просветитель-демократ // Вопросы философии. 1954. № 2.
- ⁴⁸⁸ Там же. С. 184, 186, 181.
- ⁴⁸⁹ Араб-Оглы утверждает, что Горчаков в своих дневниках и письмах писал о влиянии на него В. Малиновского; он также пропагандировал идеи Малиновского (Там же. С. 197).
- ⁴⁹⁰ *Мейлах Б.С.* Указ. соч. С. 28.
- ⁴⁹¹ Малиновский был женат на дочери протоиерея А.А. Самборского; Самборский же, как известно, был одним из тех, кто оказывал

- серьезное влияние на М.М. Сперанского, все трое были единомышленниками по духу.
- ⁴⁹² Вышло восемь номеров журнала, все статьи, по-видимому, были написаны самим Малиновским.
- ⁴⁹³ Русские просветители. М., 1966. Т. 1. С. 255.
- ⁴⁹⁴ *Араб-Оглы Е.А.* Указ. соч. С. 191.
- ⁴⁹⁵ Русские просветители. Т. 1. С. 254.
- ⁴⁹⁶ Там же. С. 256-260, 251.
- ⁴⁹⁷ Трудно согласиться с мнением Араб-Оглы о том, что «взгляды Малиновского отличались гораздо более выраженным радикализмом, прогрессивностью и демократизмом» (*Араб-Оглы Е.А.* Указ. соч. С. 196).
- ⁴⁹⁸ Русские просветители. Т. 1. С. 249, 251.
- ⁴⁹⁹ Например, он писал, что власть должна регулироваться законами и, что эти законы должны быть «изъявлением общей воли», что «надлежит всемерно пригласить все государство к соучастию в создании его благоденствия» (*Малиновский В.Ф.* Избранные общественно-политические сочинения. М., 1958. С. 116-117).
- ⁵⁰⁰ Малиновский был сторонником конституционной монархии: «Бесспорно, надлежит России управляемой быть единым. Но не мешает, чтобы сей единый ограничен был от самопроизвольного делания зла» «собранием доверенных от общества» (Русские просветители. Т. 1 С. 250).
- ⁵⁰¹ На них было выбито: «Для общей пользы».
- ⁵⁰² В ГА РФ хранится переплетенная объемистая рукопись М. Корфа «Об обвинении евреев в употреблении крови христиан для какого-либо религиозного или суеверного обряда», в которой он показывает несостоятельность такого обвинения (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2294). В. Малиновский, владевший ивритом, оставил работу «О переводе евреев на поземельную собственность»; в ней он также выступает с позиций противника антисемитизма.
- ⁵⁰³ В своем дневнике Малиновский записал: «Пространства и состав России требуют исполнительной власти в особе монарха, но законодательная власть есть постоянный и непременный устав общезжития какого-либо народа... Смешение двух властей, различных по существу своему, смешивает все законы с единою волею государей и рождает состояние незаконности лютейшее турецкого самовластия» (Русские просветители. Т. 1. С. 265). О предположениях Корфа по тем же вопросам см.: Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 2, ч. II. С. 29-31. Их мы коснемся ниже.

- ⁵⁰⁴ Галантных кавалеров и дамских угодников (*фр.*). Из рукописи Е.А. Розена «Владимир Дмитриевич Вольховский, 1798–1841» (*Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. С. 241).
- ⁵⁰⁵ Там же. С. 242–243.
- ⁵⁰⁶ Мейлах также приводит доказательства недобросовестности Е.А. Розена как мемуариста (См.: *Мейлах Б.С.* Указ. соч. С. 43). О том, что Энгельгардт и не думал менять общего направления в Лицее, свидетельствует отчет конференции о шестилетнем обучении воспитанников, прочитанный 9 июня 1817 г. (Там же. С. 44).
- ⁵⁰⁷ Там же. С. 46. Эта записка – косвенное свидетельство верности Энгельгардта намеченным Сперанским и реализуемым Малиновским принципам лицейского воспитания.
- ⁵⁰⁸ *Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский Лицей... С. 272. Из письма великому князю Константину Павловичу; последний в качестве примера плачевного лицейского воспитания называл имена К. Гурьева, Пушкина и Кюхельбекера (*Томашевский Б.В.* Указ. соч. С. 27).
- ⁵⁰⁹ *Пуцин И.И.* Записки о Пушкине. С. 183.
- ⁵¹⁰ *Мейлах Б.С.* Указ. соч. С. 40.
- ⁵¹¹ *Смирнов Ф.Н.* Мирозозрение А.П. Куницына // Вестник Московского университета. Сер. История. 1963. № 5. С. 74; *Каменский З.А.* Философские идеи русского Просвещения. М., 1971. С. 39. Автор считает И.П. Пнина и А.П. Куницына двумя крупнейшими представителями русского Просвещения начала XIX в., а их взгляды «типом, реальной моделью социально-политических идей русского просветителя того времени».
- ⁵¹² *Каменский З.А.* Указ. соч. С. 131. Имеются «в виду годы, когда декабристская идеология уже сформировалась, и просветители объективно выступали как союзники декабристов на теоретическом фронте».
- ⁵¹³ Такие упоминания есть в делах Н.А. Бестужева, А.Н. Сутгофа, Е.П. Оболенского, И.Г. Бурцева, Ф.П. Шаховского, Д.И. Завалишина, М.А. Нарышкина, братьев Муравьевых, И.Д. Якушкина, П.И. Калошина и др. Например, Бурцев показывал: «Подобно многим другим гвардейским офицерам в свободные от службы часы я посещал профессоров Германа, Галича и Куницына, преподававших лекции о политических науках» (См.: *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. М., 1955. С. 149–150; *Декабристы и их время.* М.; Л., 1951. С. 169–170)
- ⁵¹⁴ Характеристика книги Куницына взята из распоряжения А.Н. Голицына от 16 февраля 1821 г. (См.: *Смирнов Ф.Н.* «Дело»

русского просветителя-правоведа А.П. Куницына (по архивным материалам) // Вестник Московского Университета. Сер. История. 1964. № 1. С. 65). Тем не менее, Куницын продолжал читать лекции в Пажеском корпусе до 1826 г.

⁵¹⁵ О приятельских отношениях с Тургеневыми можно судить по переписке Куницына с ними и по письмам Николая Тургенева к старшему брату Александру (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. СПб., 1911).

⁵¹⁶ А. Фомин не согласен с этой точкой зрения: «рукопись “Proserectus’a” не дает никаких, даже косвенных, указаний на то, чтобы в этой работе принимал участие профессор Куницын, или еще кто другой». Этот же автор считает, что «интимной дружбы между Куницыным и Николаем Ивановичем Тургеневым ... не было». (Фомин Александр. К истории вопроса о развитии в России общественных идей в начале XIX века. Пг., (1917?). С. 66, 13). Действительно, существует лишь письмо Н. Тургенева к брату Александру по поводу задуманного им общества, где он пишет: «Я сообщил мою идею Куницыну. Он ее принял» (Шебунин А.Н. Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи. // Декабрист Н.И.Тургенев. Письма, 1811–1821. М.; Л., 1936. С. 274). См. сн. 467.

⁵¹⁷ Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 228.

⁵¹⁸ Там же. С. 280.

⁵¹⁹ Найдены Мейлахом в РГИА, затем переданы в ИРЛИ. Частично опубликованы в журнале «Красный Архив» (1937. Т. 1 (80). С. 75–109).

⁵²⁰ Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 228.

⁵²¹ Лицейские лекции (по записям А.М. Горчакова) // Красный Архив. 1937. Т. 1 (80). С. 85.

⁵²² Сын Отечества. 1812. № 5. С. 183–184.

⁵²³ Лицейские лекции (по записям А.М. Горчакова). С. 82.

⁵²⁴ Словарь «является сводом философских, моральных, политических и литературных вопросов»; из Ф.-Р. Вейсса – 115 выписок, из Руссо – 46, на третьем месте – Ф. Шиллер – 26 (Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. С. 248). Интересно сравнить лицейский девиз с некоторыми выписками Кюхельбекера из Вейсса: «Добро может быть то, что способствует к общему благополучию... Зло есть то, что вредит общему благу» (Там же. С. 280. Выделено мною. – И.Р.).

⁵²⁵ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 2. Л. 12.

⁵²⁶ У Пушкина:

Златые дни! Уроки и забавы...

И наш словарь...

- ⁵²⁷ См.: Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. С. 249, 279–281.
- ⁵²⁸ См., напр.: Куницын А.П. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С Куницыным все было не так однозначно. Известны слова Е.А. Энгельгардта, что «Куницын на кафедре беспрестанно говорил против рабства и за свободу». Однако дальше Энгельгардт писал: «...а между тем несчастных своих рабов держал хуже собак и до полусмерти бивал. Куницын на кафедре насмеялся над пиетизмом, а после ... каждое воскресенье в церкви князя Голицына всю обедню на коленях простоял» и. т.д. (*Бродский Н.Л.* А.С. Пушкин. М., 1937. С. 56).
- ⁵²⁹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 12. Л. 12.
- ⁵³⁰ Там же. Л. 505.
- ⁵³¹ *Гастфрейнд Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 467, 470, 472.
- ⁵³² Там же. С. 471, 472. Из писем Ф. Матюшкину 1832 г. и 1838 г.
- ⁵³³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Ч. II. Л. 18, 20.
- ⁵³⁴ *Гастфрейнд Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 371. Письмо от 17 февраля 1837 г.
- ⁵³⁵ *Корф М.А.* Из дневника барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1904. № 1. С. 61.
- ⁵³⁶ Там же. С. 86. Его служебное рвение, объяснимое не только карьерными соображениями, но и стремлением сделать что-нибудь «для пользы общей», воспринималось мелкими чиновниками как что-то не совсем естественное.
- ⁵³⁷ Там же.
- ⁵³⁸ Перевод Корфа использовался в Сенате до 1917 г. 6 мая 1819 г. Корф был определен к исправлению должности помощника редактора Комиссии составления законов, с оставлением при министерстве юстиции. 9 июня 1821 г. он был утвержден помощником редактора Комиссии. 25 февраля 1824 г. он был перемещен в чиновники особых поручений при Комиссии. В апреле 1826 г. был зачислен во вновь созданное Второе отделение СЕИВК.
- ⁵³⁹ Так, в одном из номеров журнала «Сын Отечества» за 1818 г. (часть 45), рядом со статьей Куницына «О конституции» помещен перевод из «Morgenblatt» (немецкий журнал): «Отрывок из путешествия Маринера на о-ва Дружбы в Тихом море», подписанный «Барон Корф» (с. 155–159, 198–201). В 1819 г. встречаем работу «О древних эстонцах. Из записок молодого путешественника» за подписью «Б.К.» (Ч. 53. С. 124–130, 219–226). Корф признавался «...все журналы полны моих статей о Ревеле».

¹⁴⁰ Эта дата указана в списках Общества, напечатанных в 1823 г. (Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 24. С. 299), в отчете же о заседании 14 июня 1820 г. в 5 пункте повестки дня читаем: «Гг. члены-сотрудники О.М. Сомов и барон М.А. Корф особенным трудом и усердием обративши на себя внимание Общества на основании параграфов 26 и 37 переименованы в действительные члены» (Там же. 1820. Ч. 10. С. 381).

¹⁴¹ «Первые четыре божества Индии» и «Юпитер Аммон» (Там же. 1820. Ч. 9. С. 3–21; Ч. 11. С. 139–146). Примечание к первой из этих статей раскрывает замысел автора: «В опыт сей должно войти все сказанное лучшими древними и новыми писателями о языческих исповеданиях – не одной классической древности... но всех известных народов. Все обыкновения древних, относительно их религии, будут также помещены в сем Словаре, а посему археологическая часть оного будет довольно обширна. Разумеется, в приведенных здесь статьях заключается только общее обозрение понятий индейцев о каждом божестве; особенные же их качества и подвиги надо искать в Словаре под именем тех богов или лиц, к которым они относятся»; «Краткое историческое обозрение римского права» (Там же. 1820. Ч. 10. С. 229–247); «Страсбургская колокольня». (После названия статьи идет в скобках пояснение: «Датский писатель Баггезен, путешествуя по Германии и Швейцарии... осматривает Страсбургский собор и, описав самыми живыми красками его великолепие, возводит с собой читателя на вершину Мюнстера»). Соответственно повествование ведется от первого лица; переведено, скорее всего, с немецкого (Там же. 1821. Ч. 14. С. 345–356).

¹⁴² ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 12. Л. 62. Запись сделана в 1849 г. по поводу свадьбы Плетнева; здесь же Корф пишет, что Плетнев – «очень старый знакомый нашего семейства».

¹⁴³ В протоколе заседания за 18 августа 1824 г. сказано, что Плетневым «доставлены» два перевода с французского неизвестного «из Мальте – Брюка», они были опубликованы и подписаны «К.»: «Теория морского прилива» и «Об изменении поверхности земного шара» (Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. Ч. 27. С. 74–89; Ч. 28. С. 3–19).

¹⁴⁴ Дельвиг принят в члены-сотрудники 22 сентября, а Кюхельбекер – 10 ноября 1819 г., соответственно – в действительные члены – 3 октября того же года и 3 января 1820 г. В «Невском зрителе» в марте 1820 г. Кюхельбекер писал: «Что касается до нас, то мы с большим любопытством читали описание их первых божеств Ин-

- дии из опыта полного мифологического словаря барона Корфа, сочинения, не вышедшего еще в свет» (с. 89).
- ⁵⁴⁵ Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 24. С. 299. В.Г. Базанов, повторивший ошибку с отчеством Корфа, тем не менее, пишет именно о Модесте Андреевиче Корфе, поскольку говорит о нем как о «товарище А.С. Пушкина по Царскосельскому лицей и действительном члене Вольного общества любителей российской словесности» (Базанов В.Г. Ученая республика. М.; Л. 1964. С. 136).
- ⁵⁴⁶ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 2. Д. 1084 (листы не пронумерованы). Журнал «Неопытное перо» (когда-то в Лицее выходил журнал под таким названием) «издавался» в 1819–1820 гг.
- ⁵⁴⁷ Там же. Д. 1155; РО РНБ. Ф. 380.
- ⁵⁴⁸ *Гастфрейнд Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 463.
- ⁵⁴⁹ *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. С. 38.
- ⁵⁵⁰ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 23. М., 1914. С. 645.
- ⁵⁵¹ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. II. М., 1836. С. 20.
- ⁵⁵² Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 10. С. 521.
- ⁵⁵³ Там же. С. 522.
- ⁵⁵⁴ *Корф М.А.* Из дневника // Русская старина. 1904. № 1. С. 86.
- ⁵⁵⁵ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. Ч. II. С. 320, 322. Тот же автор приводит длинный список облагодетельствованных министром лиц (в основном это офицеры или офицерские вдовы), а также факт отказа Лобанова-Ростовского от аренды земли, пожалованной ему за успешное создание резервных полков, в пользу неимущих сослуживцев.
- ⁵⁵⁶ *Долгорукий И.М.* Капище моего сердца. М., 1890. С. 184-185. Здесь автор пишет, что Лобанов-Ростовский после отставки Долгорукого «чернил его всячески», хотя ни его самого, ни его дел не знал. Как министр юстиции, Лобанов-Ростовский был генерал-прокурором в Верховном уголовном суде над декабристами.
- ⁵⁵⁷ *Корф М.А.* Из дневника // Русская старина. 1904. № 1. С. 62.
- ⁵⁵⁸ Там же. С. 87.
- ⁵⁵⁹ Однако Корф продолжал числиться в Комиссии составления законов. В своих записках Корф уверял, что он сам не знает «до сих пор, как это сделалось». Во всяком случае, не через Лобанова-Ростовского, который был удивлен не меньше Корфа. Изумление же самого Модеста Андреевича вряд ли было до конца искренним: скорее всего, он просто старался сохранить образ человека без

«настоящей и сильной протекции», созданный им на страницах своего дневника.

⁵⁶⁰ Корф М.А. Из дневника // Русская старина. 1904. № 1. С. 62.

⁵⁶¹ 4 апреля 1823 года Корф был уволен от министерства юстиции, а 21-го определен чиновником особых поручений в министерство финансов в департамент разных податей и сборов, 9 июня 1823 г. утвержден начальником 1-го отделения этого департамента (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. кн. 4. Д. 1977. Копия формулярного списка Корфа).

⁵⁶² Исторический вестник. 1883. Т. XX. С. 645.

⁵⁶³ Корф М.А. Император Николай в совещательных собраниях. С. 156.

⁵⁶⁴ Корф М.А. Из дневника // Русская старина. 1904. № 2. С. 62.

⁵⁶⁵ Корф М.А. Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Там же. 1899. № 11. С. 299. В зрелые годы Корф по-другому оценивал Канкрин: признавая его «одним из гениальнейших людей того времени» и отдавая должное его «умственным достоинствам», обширным, если и не всегда равно глубоким сведениям по всем «отраслям знаний человеческих», «прозорливой дальновидности» и т. п., он отмечал, что Канкрин – «министр, который соединял в себе всё, чтобы записать свое имя в историю и приобрести огромную популярность, был полезен только вполтину», «сделав многое... не сделал всего, даже и такого, что мог по своим силам сделать» из-за «пороков» своего характера (Он же. Император Николай в совещательных собраниях. С. 139–140).

⁵⁶⁶ Так, например, за 10 лет до назначения последнего министром финансов Сперанский из Пензы писал: «Нет у нас во всем государстве человека способнее Канкринна быть министром финансов». А.П. Ермолов в письмах отзывался о нем так: «Какое внезапное падение Гурьева! и многих, я думаю, удивило назначение Канкринна? Но финансы, без сомнения, будут в лучшем состоянии, судя по его знаниям и способностям» (из письма к А.А. Закревскому); «От Канкринна, как человека умного, можно ожидать большой пользы, и по расстройству финансов наших как не желать того?» (из письма М.С. Воронцову) (Сб. РИО. Т. 73. С. 417; Архив князя Воронцова. Т. 36. М., 1890. С. 239).

⁵⁶⁷ См., напр.: Блюмин И.Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М.; Л., 1940. С. 139.

⁵⁶⁸ Усов П.С. Столетие дефицитов // Исторический вестник. 1885. Т. XX. С. 521.

⁵⁶⁹ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 171.

- ⁵⁷⁰ Канкрин прекрасно понимал преимущества свободной торговли, но указывал, что при системе свободной торговли России угрожает опасность в своей промышленной жизни попасть в полную зависимость от иностранных интересов (в частности, от Англии).
- ⁵⁷¹ См. об этом подробнее в первой главе настоящей работы.
- ⁵⁷² Бунге Н.Х. Примечания к русскому переводу книги А. Вагнера «Русские бумажные деньги». Киев, 1871. С. 128. По поводу «не любви» Канкрин ко всему русскому, хочется отметить, что все его письма к Корфу – тридцать одно – написаны на русском языке! (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1609).
- ⁵⁷³ Отрывки, касающиеся военного искусства с точки зрения военной философии; О средствах продовольствия больших армий (1811); Экономия человеческих обществ и финансовая часть. 1845. Штутгарт (переведена и издана в Петербурге в 1894 г. под названием «Очерки политической экономии и финансии»).
- ⁵⁷⁴ Записка «Об освобождении крестьян в России от крепостной зависимости», составленная в 1818 году, по повелению Александра Павловича // Русский архив. 1865. Т. III. Стб. 1373, 1364.
- ⁵⁷⁵ См.: Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. С. 228.
- ⁵⁷⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 31. Д. 27. Л. 51 и сл.; См. также: Боровой С.Я. К истории промышленной политики России в 20–50-е годы XIX в. // Исторические записки. Т. 64. 1961. С. 282.
- ⁵⁷⁷ Записка «Об освобождении крестьян в России...»... Стб. 1367.
- ⁵⁷⁸ Корф М.А. Император Николай в совещательных собраниях. С. 204.
- ⁵⁷⁹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 12. Л. 598.
- ⁵⁸⁰ Речь шла о заключительном этапе денежной реформы (см. Корф М.А. Император Николай в совещательных собраниях. С. 175–207). Корф также пишет о Комитете 1842 г. по устройству питейных сборов (Там же. С. 169).
- ⁵⁸¹ «Dagobert, eine Geschichte aus dem jetzigen Freiheitskrieg = [Дагобер, роман из теперешней войны за освобождение]» (Altona, 1797–1798); «Картины воображения слепца» (Берлин, 1845). (В старости Канкрин стал очень плохо видеть). Из последнего П.А. Плетнев напечатал в своем журнале повесть «Танцовщица». Все свои произведения, в отличие от деловых бумаг, Канкрин писал на немецком языке.
- ⁵⁸² В 1836 г. издал книгу «Элементы прекрасного в зодчестве». Но теорией дело не ограничилось: сам Канкрин составлял первоначальные проекты многих построенных при нем зданий и сооружений: Технологического института, часть строений т. н. Лесного

- корпуса, пакгаузов и маяков в виде ростральных колонн вокруг Биржи, ряда мостов, в том числе Певческого на Дворцовой площади. Под контролем Канкрин реставрировался Растреллиевский собор на территории Смольного монастыря, он благоустраивал Петровский остров (*Боже-рянов И.С. Граф Егор Францевич Канкрин. СПб., 1897. С. 174*).
- ¹⁸³ Впоследствии она была преобразована в Общество поощрения художников, он же открыл рисовальные классы при гимназиях.
- ¹⁸⁴ Так же, как и в организованные им начальные школы при горнозаводских округах. «Это было такое нововведение, какого не знала в то время Франция», – пишет один из биографов Канкрин (*Боже-рянов И.С. Указ. соч. С. 174*). В связи с этим, хотелось бы отметить, что много позже Корф занимался вопросами женского образования: он был почетным опекуном и членом Главного совета женских учебных заведений (с 1856 г.).
- ¹⁸⁵ Значителен вклад Канкрин в озеленение и благоустройство Петербурга. П.А. Плетнев назвал местность вокруг Лесного института (т. н. Лесной корпус), превращенную Канкриным из «дикой пустыни» в прекрасную «новую часть для городского населения», Канкринополем. (Из письма к Я.К. Гроту; адресат согласился с таким названием) (*Грот Я.К. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. II. С. 717*).
- ¹⁸⁶ Это были выставки отечественной промышленности. 2-я (1831 г.) и 4-я (1835 г.) прошли в Москве, 3-я (1833 г.) – опять в северной столице (Там же. С. 143).
- ¹⁸⁷ Интересовался он и археологией. В «Отечественных записках» опубликована статья Канкрин «Монограммы или ряд гербовых знаков на стенах замка Изборского» (Отечественные записки. 1827. № 81. С. 28).
- ¹⁸⁸ *Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 312.* Так ли уж случаен выбор Сперанского? Ведь «кадровый» вопрос, по-видимому, обсуждался им и раньше. Так, В.П. Кочубей писал ему: «Извелись чиновники ... какой недостаток знаний и какая трудность искать людей, сколько-нибудь образованных» (письмо от 4 января 1821 г.) (*Русская старина. 1904. № 2. С. 291*).
- ¹⁸⁹ *Гастфрейнд Н. Указ. соч. Т. 1. С. 468.*
- ¹⁹⁰ *Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 312–313.* Здесь же Корф прибавляет: «Не все между ними были равны по дарованиям и знаниям».
- ¹⁹¹ «Свод законов ... был не только важным научным фактом и дельным практическим руководством. Он стал базой, на которой на-

рождающаяся в России юридическая мысль могла начать работу над будущей судебной реформой» (Наше Отечество. М., 1991. Т. 1. С. 188).

⁵⁹² Корф М.А. Из дневника // Русская старина. 1904. № 1. С. 87.

⁵⁹³ Еще В.Е. Клоков, тоже окончивший Педагогический институт, преподаватель Горного института (с 1816 г.), чиновник Комиссии составления законов; он почти одновременно был назначен во II-е отделение и в министерство финансов заведующим опытным управлением государственными крестьянами в Петербургской губернии (управление создано по инициативе Канкрин). Таким образом, ему приходилось делить свое время между двумя ведомствами.

⁵⁹⁴ Майков П.М. Указ. соч. С. 148. В книге «Жизнь графа Сперанского» Корф рассказал о ежедневных совещаниях старших редакторов, среди которых с самого начала был и он (Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 315). Куницын стал старшим чиновником только в 1827 г., а Корф в 1826 г. Время показало, что Сперанский не ошибся в выборе: в отчете за вторую половину 1827 г. отмечалось: книги законов земских (а к пяти прибавилась еще и шестая) «настолько подготовлены», что с ними возможна дальнейшая работа.

⁵⁹⁵ Корф М.А. Из дневника // Русская старина. 1904. № 1. С. 62. Однако эти слова, возможно, относятся к более позднему времени.

⁵⁹⁶ Бычков А.Ф. Граф М.А. Корф // Древняя и новая Россия. 1876. № 4. С. 325.

⁵⁹⁷ Корф М.А. Из дневника // Русская старина. 1904. № 2. С. 286. По словам Корфа, Сперанский, как до этого Канкрин, «исчерпывал до дна весь запас» его усердия и небольших способностей, но зато щедро награждал за труды (Там же. № 1. С. 62).

⁵⁹⁸ Балугьянский, профессор Пештского университета (Австро-Венгрия), был приглашен в Россию в 1803 г. вместе с другими иностранными учеными Н.Н. Новосильцевым, тогдашним попечителем Петербургского учебного округа. Приехав в Петербург, он становится профессором политической экономии в Педагогическом институте, позже – членом Комиссии составления законов. Человек скромный, без амбиций, по выражению Сперанского, «добрейшее и благороднейшее существо в мире» (Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 313), с прекрасным знанием пяти европейских и латинского языков, энциклопедически образованный, он пользовался уважением и симпатиями окружающих его людей. Был избран первым ректором Петербургского университета (1819 г.). В должности ректора пробыл около двух лет. Осенью

1821 г. во время кампании, развязанной Д.П. Руничем против части профессоров университета, подал в отставку. Многие его коллеги по университету, не без его участия, были приняты на службу в Комиссию составления законов, а затем во Второе отделение, начальником которого он был с 1826 по 1847 г.

⁵⁹⁹ В работах последних лет заслуги Балугьянского, наконец, признаются. Так, С.В. Мироненко отмечает, что Балугьянский «в царствование Николая I ... сделался ближайшим помощником М.М. Сперанского в деле кодификации и сыграл большую роль в подготовке как свода законов, так и Полного собрания законов Российской империи (*Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. С. 109; См. также: Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 154-155).

⁶⁰⁰ Из письма Сперанского В.П. Кочубею (1809 г.). Цит. по.: *Косачевская Е.М.* М.А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. М., 1971. С. 212. Курсив мой. – *И.Р.*

⁶⁰¹ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 313.

⁶⁰² Там же. С. 313; 304–305.

⁶⁰³ *Майков П.М.* Указ. соч. С. 275.

⁶⁰⁴ Запись относится к 1838 г. Тогда Корф видится с Балугьянским уже редко («хотя мы редко видимся») (*Корф М.А.* Из дневника // Русская старина. 1904. № 1. С. 62).

⁶⁰⁵ Там же. № 2. С. 297. Может быть, прохладное отношение к Балугьянскому связано и с недостаточным вниманием к своему бывшему преподавателю со стороны императора Николая Павловича? Если больного Сперанского он лично навещал, то к умирающему Балугьянскому послал Корфа.

⁶⁰⁶ Так считал сам Корф (см.: Там же. № 1. С. 62).

⁶⁰⁷ *Медем М.М.* Мои воспоминания об отце моем Михаиле Андреевиче Балугьянском // Русский архив. 1885. № 11. С. 421. Дочь Балугьянского больше других обижалась именно «на барона К.», который, так же, как «многие другие...» отпал от него (Балугьянского. – *И.Р.*) после того, как исчерпал у него всё, что могло принести пользу и не нуждался более в нем при своих повышениях и искательствах» (Там же).

⁶⁰⁸ Очевидно, памятуя об этом, Корф, и приехал на похороны своего бывшего начальника, хотя они и были «невзрачные» (т. е. не престижные: из знати почти никого не было) (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 10. Л. 94–95).

⁶⁰⁹ Дочь Балугьянского баронесса Медем вспоминала: «Я хорошо помню, как барон К. осаждал его своими изящными записками и

бесконечными визитами, пока нуждался в расположении и ходатайстве» (*Медем М.М.* Указ. соч. С. 426). Балугьянский жил в том же здании, где располагалось Второе отделение.

⁶¹⁰ «Рассуждение об учреждении губерний», «Размышления о проекте учреждения правительствующего Сената», записка на тему «О состоянии высших правительственных мест и средствах к лучшему их устройству», «Рассуждение о средствах исправления учреждений и законодательства в России» (Сб. РИО. Т. 90. С. 214–274; Т. 74. С. 264–267; Т. 90. С. 24–39).

⁶¹¹ Балугьянский в своих проектах стремился основать монархическое правление на «непреложных законах»: «в государстве все зависит от учреждения законов, ибо управление есть последствие оных», — писал он; для «производства дел» необходимо разделить верховную власть на законодательную, исполнительную и судебную, хотя и зависящие друг от друга; «правильное законодательство дает более силы правительству, нежели неограниченное самовластие» (Там же. Т. 90. С. 27–28).

⁶¹² Заметим, что структура и содержание курса «Изображение системы политических наук», излагаемого А.П. Куницыным лицеистам (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 25. Д. 370. Л. 13–86), полностью совпадает с лекционным курсом Балугьянского. Во многих местах лицейского курса Куницына — прямые заимствования и текстуальные совпадения (См.: *Косачевская Е.М.* Указ. соч. С. 79).

⁶¹³ Вполне вероятно, что Корф принимал участие в «доведении до ума» проектов Балугьянского для Комитета 6 декабря 1826 г.

⁶¹⁴ Журнал министерства народного просвещения. 1895. № 7. С. 47. См. также: *Майков П.М.* Указ. соч. С. 276.

⁶¹⁵ *Корф М.А.* Сперанский в 1808–1811 гг.: (из бумаг академика А.Ф. Бычкова) // *Русская старина.* 1903. № 4. С. 33–35. В 1809 г. Балугьянский принимал непосредственное участие в подготовке материалов для «Плана государственного преобразования» Сперанского. В вопросе о степени участия Балугьянского в данной работе историки не пришли к единому мнению. С.М. Середонин, ссылаясь на две записки Балугьянского конца 1808 — 1809 г., носящие подготовительный характер и явно написанные для кого-то, утверждал, что над планом государственного преобразования Сперанский работал вместе с Балугьянским. Так же считает и Косачевская. Часть авторов не согласна с этим, среди них, например, В.И. Семевский (*Середонин С.М.* Граф М.М. Сперанский. СПб., 1909; С. 11; *Косачевская Е.М.* Указ. соч. С. 210; *Семевский В.И.* Либеральные планы в правительственных сферах в первой поло-

вине царствования Александра I // Отечественная война и русское общество. Т. II. М., 1912. С. 174).

⁶¹⁶ Одна его часть – о государственных крестьянах – известна давно, другая – о помещичьих – обнаружена в самое последнее время, хотя упоминалась дочерью Балугьянского в воспоминаниях (*Меддем М.М.* Указ. соч. С. 427–428).

⁶¹⁷ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1940.

⁶¹⁸ Там же. Д. 3209, 2514. Отметим, что и Корф, и Балугьянский, каждый в свое время, преподавали законоведение великим князьям.

⁶¹⁹ РГИА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 339. С. 150. См. также: *Баранов П.С.* М.А. Балугьянский. Биографический очерк. СПб., 1882. С. 40; *Косачевская Е.М.* Указ. соч. С. 30. Он играл на флейте, вел переписку с Ф. Листом, не пропускал концертов и театральных премьер.

⁶²⁰ Среди них профессор К.Ф. Герман, основатель российской статистики, и его ученик – К.И. Арсеньев.

⁶²¹ Э.Б. Раупах известен как немецкий драматург, написавший громадное количество пьес и рассказов, «европейская знаменитость»; его имя попало в «Алфавит декабристов» (*Майков П.М.* Указ. соч. Приложения. С. 71). На одну из его пьес Г.-В.-Ф. Гегель написал положительную рецензию.

⁶²² ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624 (I). Л. 432. Письмо Кукольника к Корфу относится к 1846 г.

⁶²³ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 3. М.; Л., 1956. С. 14, 19, 35. Два раза Никитенко сам заходил к Корфу, в третий – Корф оставил ему материалы.

⁶²⁴ Корф не только написал книгу об этом человеке, он в своих записках много раз говорит о нем и о роли, которую он сыграл в судьбе России и в его личной судьбе. При характеристике Сперанского он постоянно употребляет такие эпитеты как «гений», «великий» и т.п. Вот, например, один из характерных для него отзывов о Сперанском: «С огромными сведениями по всем частям, с гениальным и быстрым умом, с живым воображением, с пером, какого нет у нас другого» (*Корф М.А.* Из дневника // *Русская старина.* 1904. № 2. С. 88).

⁶²⁵ Ф.Ф. Гежелинский – управляющий делами Комитета министров, в 1831 г. был уличен в злоупотреблениях, лишен чинов и дворянства и отдан в солдаты. Его должность стал исполнять Корф (см.: *Корф М.А.* Записки. М., 2003. С. 10–28).

⁶²⁶ *Он же.* Самовосхваление против Герцена // 14 декабря 1825 года и его истолкователи: (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 375.

- ⁶²⁷ *Гастфрейнд Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 467. В письме к одному из своих учеников лицейский директор писал: «Я сам от Сперанского, который довольно скуп на похвалы, слышал: “Барон Корф лучший наш работник”».
- ⁶²⁸ *Корф М.А.* Из записок // Русская старина. 1899. № 7. С. 5.
- ⁶²⁹ Он, начав свою службу «простым писцом» в министерстве юстиции, затем работал в Комиссии составления законов и во Втором отделении СЕИВК, занимал должность статс-секретаря, был государственным секретарем, главноуправляющим II-м Отделением, закончил службу председателем департамента законов Государственного совета. Любопытная деталь: графский титул был пожалован Корфу в день столетия Сперанского – 1 января 1872 г.
- ⁶³⁰ Первая записка относится к 1861 г., вторая – к 1862 г., третья написана осенью 1863 г. (*Майков П.М.* Указ. соч. С. 29–31). Сам Сперанский рассматривал Свод лишь как «подготовительную основу» для составления Уложений.
- ⁶³¹ В бумагах Корфа сохранилось упоминание об этом отчете (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2484). По мере накопления нового материала составлялись ежегодные продолжения и «своды губерний привилегированных» (*Корф М.А.* Из дневника // Русская старина. 1904. № 1. С. 90). Корф также не смог преодолеть ошибок Свода; для этого было необходимо строго разграничить законы и распоряжения: акты Государственного совета, Комитета министров и Сената, о чем он неоднократно докладывал. Однако это так и не было сделано. Более подробно – см. ниже.
- ⁶³² *Бычков А.Ф.* Указ. соч. С. 326. «Преобразование делового нашего языка» сам Корф считал одной из наиболее важных заслуг Сперанского, наряду с учреждением министерств, Государственного совета и созданием Свода законов. Эти «четыре вещи», по его мнению, ставят Сперанского «в ряд первых исторических лиц России, и вообще его времени» (*Корф М.А.* Из дневника // Русская старина. 1904. № 1. С. 89).
- ⁶³³ *Грот Я.К.* Воспоминания о графе М.А. Корфе // Русская старина. 1876. № 2. С. 423.
- ⁶³⁴ *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 2, ч. I. С. 34, 36.
- ⁶³⁵ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 314–315.
- ⁶³⁶ *Гастфрейнд Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 470. (Из письма Е.А. Энгельгардта).
- ⁶³⁷ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 315.
- ⁶³⁸ Там же. С. 370.

- ⁶³⁹ При сравнении курсов лекций по праву, прочитанных великим князьям Сперанским и Корфом, обнаруживаются не только общие идеи, но и схожие формулировки. Николай I, поручая Корфу заниматься со своими сыновьями, прямо назвал его преемником Сперанского, сказав: «Что касается до плана, я ни в чем тебя не ограничиваю; ты знаешь, что Сперанский оставил записки о своих разговорах с Александром Николаевичем; тебе надобно будет их отыскать» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 10. Л. 280–281). Беседы Сперанского с наследником в 1835–1837 гг. см.: Сб. РИО. Т. 30. С. 333–490. Корф читал курсы законовещения с 1847 по 1870 г., в архиве сохранились их записи (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2066). Даже юмористическое описание Сперанским одного из заседаний Государственного совета, на котором он присутствовал как секретарь, имеет аналог у Корфа (*Корф М.А.* Описание в лицах заседания 1-го марта 1843 года общего собрания Государственного совета // Там же. Д. 1975; *Он же.* Дневник. Год 1843–й. М., 2004. С. 111–121).
- ⁶⁴⁰ Так, 24 февраля 1838 г. Корф «обедал у гр. Новосильцева втроем со Сперанским. Но тут больше имелся в виду не обед... а переговоры по делу» проекта учреждения С.-Петербургской полиции, написанного Сперанским. По поводу провала данного проекта Корф замечает: «И слава Богу: тут не полиция учреждается для жителей, а некоторым образом жители предполагаются существующими для полиции» и т.д. (*Корф М.А.* Из дневника // Русская старина. 1904. № 1. С. 71, 72).
- ⁶⁴¹ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 325. Далее Корф продолжал: «Во всяком случае “Свод” послужил весьма важной ступенью к тому самомышлению и к той самодеятельности, которых развитие, обуславливаемое еще и другими обстоятельствами, хотя и началось у нас при содействии правительства, конечно, уже гораздо позже, но для которых основные камни были положены, как нельзя в том усомниться, творением Сперанского».
- ⁶⁴² Так, идея правового государства, столь ярко выраженная во взглядах Сперанского, разделяемая и другими учеными-правоведами, с которыми жизнь свела Корфа, – Балугьянским и Куницыным, нашла свое воплощение в обширной записке Корфа о «Своде законов и издании продолжения к нему», где он поднимал вопрос о взаимных соотношениях высших государственных учреждений (*Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 3, ч. I. С. 28). Собственно, Корф составил три записки (в 1862–1863 гг.), в них большое место занимает тема раз-

граничения законодательных актов, исходящих от разных органов власти, – идея разделения властей. Полная реализация этих предложений привела бы все к той же «большей законности», помогла бы создать гражданское общество путем постепенного введения правового сознания; основой этого процесса должно было стать приведение в еще более стройную систему текущего законодательства, т.е. продолжение работы, начатой Сперанским.

⁶⁴³ Корф М.А. Из дневника // Русская старина. 1904. № 2. С. 285.

⁶⁴⁴ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 10. Л. 7.

⁶⁴⁵ Корф М.А. Из дневника // Русская старина. 1904. № 2. С. 286.

⁶⁴⁶ Запись 1838 г. (Там же. № 1. С. 89). Упрекая Сперанского в отсутствии у него «твердого характера», «непоколебимости в избранных однажды правилах», он заключает: «Сперанский всегда искал более милости, чем славы».

⁶⁴⁷ Там же. С. 89-90.

⁶⁴⁸ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. VIII; Он же. Из дневника // Русская старина. 1904. № 1. С. 98. Дневниковая запись начинается следующими словами Корфа: «Я сказал ему, что явился к нему без большой надежды быть допущенным по отказу, который на днях получил его статс-секретарь Балугьянский. “Совсем другое дело, – отвечал он, – с Балугьянским не связывает нас ничего, кроме отношений службы, и мне не об чем было бы говорить с ним, кроме дел, которыми мне еще запрещено заниматься, а вас я принимаю как друга, которого мне давно уже хотелось обнять”».

⁶⁴⁹ Обычное обращение Сперанского к Корфу в письмах – «любезный барон» или «любезный Модест Андреевич»; в одной из записок читаем: «Если бы барону Модесту Андреевичу угодно было навесить меня больного и огорченного: то он сделал бы доброе дело и принес бы мне истинное удовольствие». В связи с пожалованием Корфу чина, дающего право на «превосходительство», Сперанский пишет ему: «Вы давно уже были превосходительством» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1415).

⁶⁵⁰ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 370.

⁶⁵¹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 10. Л. 7.

⁶⁵² Ср.: И.В. Васильчиков, сразу после своего назначения председателем Государственного совета, говорил Корфу: «У обоих нас одна цель и одно желание: слава государя и польза России» (Корф М.А. Из дневника // Русская старина. 1904. № 1. С. 79). Таким образом, для истинного монархиста практически всегда эти два «желания» как бы сливались, представляя единую «цель». Если в пору «Плана государственного преобразования» Сперанский, «живя более мыс-

лительную, кабинетную, нежели практическою жизнью, к тому же еще не изучивший России», не мог понять, что для России необходимо самодержавие и стремился ограничить его, то позднее, как считал Корф, «опыт и глубокое душевное убеждение превратили [его] в ... ревностного поборника самодержавия для России» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3204. Л. 7). Таким образом, в этом вопросе учитель и ученик были близки.

⁶⁵³ Корф М.А. Самовосхваление против Герцена. С. 376.

⁶⁵⁴ Сын Отечества. 1818. Ч. 49, № 45. С. 334. (Из письма «лицейского ветерана» Вильгельма К. к другому «лицейскому ветерану» о праздновании годовщины Лицея в Царском Селе).

⁶⁵⁵ Сам Корф писал, что Николай считал его «заносчивым», поскольку некоторые его поступки были «плодом или неосторожности или неопытности, или побуждений всегда чистых, но не всегда довольно обдуманых». Так, два раза Корф посылал напрямую императору свои предложения, минуя председателя Комитета министров, что вызвало неудовольствие и первого, и последнего (Корф М.А. Из дневника // Русская старина. 1904. № 1. С. 63–65).

⁶⁵⁶ В фонде Корфа в РО РНБ (ф. 380) в Петербурге сохранилась часть этого отчета: «Часть III. Полиция. Обзорение всех частей государственного управления»; остальное, видимо, находится в ведомственных архивах.

⁶⁵⁷ Бычков А.Ф. Указ. соч. С. 326. Знакомством с только встававшей на ноги в России статистической наукой Корф обязан, скорее всего, ее основателю в России профессору Петербургского университета К.Ф. Герману и его ученику, сослуживцу Корфа по II-му Отделению, К.И. Арсеньеву.

⁶⁵⁸ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 2. Л. 207.

⁶⁵⁹ Там же. Ч. 11. Л. 316, 323, 330.

⁶⁶⁰ Корф М.А. Из дневника // Русская старина. 1900. № 5. С. 282.

⁶⁶¹ Так, в 1849 г. на странице дневника, обозначенной в алфавитном указателе как «Безгласное мое редакторство по многим частям», Корф записал: «И действительно, кроме этих заветных листов и моей жены, никто не узнает, что я приложил тут мою руку (речь идет о написанном Корфом в 1849 г. манифесте в связи с делом М.В. Петрашевского. – *И.Р.*). И между тем, какая странность, какая особенность моего положения: я пишу и все журналы нашего Цензурного комитета, и множество журналов департамента законов, и, наконец, и эту, совсем уже для меня постороннюю бумагу, – и все это только так из одобрения, или просто для себя, без всякой личной выгоды, даже без знания кем-либо что это – мое»

- (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 12. Л. 266). В 1839 г. он отмечал: «Я все секретарем как и тогда (15 лет назад; в 1821 г. он был секретарем т. н. Энциклопедического общества, об этом рассказано выше. – *И.Р.*), только с другим кругом действия» (Там же. С. 28).
- ⁶⁶² Весной 1823 г. Корф перешел в министерство финансов (см. ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 2. Л. 30).
- ⁶⁶³ *Собольщиков В.И.* Воспоминания старого библиотекаря // Исторический вестник. 1889. № 10. С. 73.
- ⁶⁶⁴ *Стасов В.В.* Воспоминания гостя библиотеки // Барону Модесту Андреевичу Корфу в день пятидесятилетия его службы 9 июня 1867 г. Корректюра. С. 178.
- ⁶⁶⁵ Императорская публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. СПб., 1914. С. 184.
- ⁶⁶⁶ Например, такой факт: за десять лет, с 1851 по 1860 г., было выдано больше читательских билетов, чем за все время существования библиотеки (*Афанасьев Ю., Мильников А.* Публичная библиотека 150 лет. Л., 1964. С. 38–39, 36).
- ⁶⁶⁷ *Голубева О.Д.* М.А. Корф. СПб., 1995. Корф, по мнению автора, превратил Библиотеку в один из главных центров отечественной культуры.
- ⁶⁶⁸ Так, например, когда Корф «посвятил» библиотеку великим князьям Николаю и Михаилу Николаевичам, и они стали ее «опекать с царственным размахом» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 13. Л. 27).
- ⁶⁶⁹ Сам Корф подарил Библиотеке более 32 тысяч рублей, вырученных от продажи двух его сочинений.
- ⁶⁷⁰ Так, при нем библиотека стала продавать «дублетные экземпляры» (*Собольщиков В.И.* Указ. соч. С. 297). Доказательством одержимости этого человека является и то, что он в 1856 г. специально поехал в Париж, хотя Россия находилась в то время в состоянии войны с Францией, чтобы приобрести редкое французское издание “Imitation de Jesus-Christ” (Paris, 1856), отпечатанное лишь в ста экземплярах, причем почти весь тираж был раздарен французским императором Наполеоном III и только около 20 книг поступили в продажу. Корф купил книгу за 5 тысяч франков.
- ⁶⁷¹ Отделение книг на церковнославянском и русском языках быстро росло вследствие приобретения Корфом многочисленных коллекций, среди приобретенных Корфом книг и рукописей были и библиографические редкости.
- ⁶⁷² *Собольщиков В.И.* Указ. соч. С. 306.

- ⁶⁷³ Гринченко Н.А. Иностранные сочинения о России в русском обществе первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 6–7; Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. М., 1973. С. 26.
- ⁶⁷⁴ Например, был напечатан каталог всех изданий Императорской публичной библиотеки и сочинений, имеющих к ней отношение. Большое значение имело завершение работы над каталогом отделения Russica. Этот каталог вышел в 1873 г. в двух томах (Catalogue de la section des Russica). В его составлении и печатании Корф принимал самое деятельное и непосредственное участие. Именно он правил последнюю корректуру каталога, несмотря на то, что уже давно не был директором Библиотеки. Как видно из письма директора московского архива МИДа Ф.А. Бюлера, Корф сам рассылал каталог. Бюлер писал Корфу (письмо с собственноручной подписью): «эти книги и самое основанное Вашим сиятельством отделение, для которого они служат указателем, суть памятники столь богатой результатами заботливости Вашей об одном из замечательнейших рассадников науки и, вообще, о преуспевании просвещения». П.В. Анненков, поздравляя Корфа «с печатаньем каталога иностранных сочинений о России», добавляет при этом: «который тоже должен быть Вашим семейным праздником. Часто и долго будут поминать Ваше имя, Граф, на Руси!» (ГА РФ. Ф. 728. Д. 1624 (I). Л. 112, 5 об.-6).
- ⁶⁷⁵ Савельева Е.А. А.А. Куник и его собрание книг о России XVIII в. // Книга в России XVII – середине XIX в. Из истории библиотеки Академии наук. Л., 1989. С. 93.
- ⁶⁷⁶ Стасов В.В. Указ. соч. С. 179-180.
- ⁶⁷⁷ Он часто приобретал для Библиотеки книги и рукописи, так, за три недели до смерти интересовался, будет ли куплена библиотекой вторая коллекция еврейских рукописей Фирковича и не нужно ли ему заняться этим делом. Характерно, что в 1867 г., когда праздновался юбилей полувековой службы М.А. Корфа, Императорская публичная библиотека, несмотря на то, что уже 6 лет он не был ее директором, подарила своему бывшему начальнику отпечатанную всего в двух экземплярах книгу «Барону Модесту Андреевичу Корфу в день пятидесятилетия его службы 9 июня 1867».
- ⁶⁷⁸ Бычков А.Ф. Указ соч. С. 341; Соболевиков В.И. Указ. соч. С. 311.
- ⁶⁷⁹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1940.
- ⁶⁸⁰ Там же. Д. 1817. Ч. 9. Л. 81.

- ⁶⁸¹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Собр. соч.: в 9 т. Т. V. М., 1988. С. 256. О том, как это произошло, см. главу 1 настоящей работы.
- ⁶⁸² Корф, П.П. Гагарин и Я.И. Ростовцев.
- ⁶⁸³ Всеподданнейший доклад А.Ф. Орлова от 21 июня 1857 г., отправленный Александру II в Киссинген (РГИА. Ф. 1180. Оп. 1 т. XV архива Гос. совета). Д. 9. Л. 376). См. также: *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. С. 209.
- ⁶⁸⁴ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2565. Л. 1; Д. 2564. Л. 1–1 об.
- ⁶⁸⁵ Там же. Д. 1624. (В данном случае управляющий посылает Корфу отчет и просит дальнейших указаний).
- ⁶⁸⁶ *Корф М.А.* Самовосхваление против Герцена. С. 377.
- ⁶⁸⁷ Свой отчет университетская реформа начала с проекта, составленного по указанию попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Г.А. Щербатова в 1858 г.
- ⁶⁸⁸ *Корф М.А.* Записка моя о неудобствах ограничения числа студентов в Университетах (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 12. Приложение «М»). Корфу принадлежит и проект объединения университета с педагогическим институтом (Там же. Д. 2293. Корф М.А. Записка о соединении Педагогического института с Университетом). В 1849–1856 гг. Корф был членом Комитета для пересмотра постановлений и учреждений по части министерства народного просвещения под председательством Д.Н. Блудова.
- ⁶⁸⁹ 29 августа 1855 г. в конфиденциальном послании Норов сетует, что Корф не сообщил свои замечания относительно цензуры ему, «своему товарищу и другу в министерство народного просвещения или в Главное управление цензуры», а через частное лицо вынес на суд публики (речь шла о письме Корфа к Ф.М. Толстому, о котором будет рассказано ниже). 5 декабря 1856 г. Норов, поздравляя Корфа с назначением в Главное правление училищ, пишет ему: «Чувства мои к Вам известны Вам. Помогите нам Господь *единодушно совоюкупить труды наши* для пользы нашему возлюбленному Государю и нашему Православному отечеству ... Доступ к Вам еще прегражден, благоволите известить, скоро ли преграды будут сняты ... Душевно Вам преданный слуга А. Норов» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Ч. I. Л. 95–96 об.; Д. 2177. (Письма А.С. Норова к Корфу). Л. 8–8 об. Выделено мною. – *И. Р.*)
- ⁶⁹⁰ Норов, например, предложил дать широкое развитие женскому образованию, с этой целью он намеревался открыть школы для девочек в губернских и уездных городах – император согласился только на губернские. Он ратовал за принятие мер по подготовке

большого количества профессоров и деятелей науки, для чего предполагал необходимым возобновить заграничные командировки и т.п.

⁶⁹¹ *Рождественский В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб., 1902. С. 341.

⁶⁹² *Никитенко А.В.* Дневник. М.; Л., 1955. Т. I. С. 450. Запись от 6 декабря 1856 г. Далее автор продолжает: «Печальна судьба русского просвещения! не раз страдало оно в тяжком плену: то был плен татар, обскурантов и т. д., а нынче оно томится в плену подьячих». Возможно, позже Никитенко изменил свое мнение о Корфе, так, 4 ноября 1862 г. он, рассказывая об освящении «читательной залы» в Императорской публичной библиотеке, отмечает, что «Зала, да и все внешнее устройство библиотеки действительно превосходно. Всем этим обязаны бывшему директору, барону Корфу» (Там же. Т. II. М., 1955. С. 302). А 24 февраля 1864 г. он сетует, почему президентом академии наук назначен Ф.П. Литке, а не Корф (или С.Г. Строганов) (Там же. С. 413). Сам Никитенко в 1854–1855 гг. был доверенным лицом Норова в министерстве (Там же. Т. I. С. 381).

⁶⁹³ Корфа не устраивало, что университетские слушатели «составляют как бы род самобытного гражданского состояния, отделенного от всех прочих», вместо того, чтобы оставаться в рамках тех сословий, из которых они вышли. Автор предлагал отменить экзамены, открыть доступ в университеты всем желающим (по билетам, за плату), установить, что в зданиях университета посетители подчиняются определенным правилам, а вне его каждый «разбирается и судится единственно по гражданскому своему званию без всякого участия в том университета» (*Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы. М., 1993. С. 36).

⁶⁹⁴ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 3. СПб., б.г. С. 523–524.

⁶⁹⁵ Помимо Корфа в нее входили: принц П.Г. Ольденбургский, С.Г. Строганов и петербургский генерал-губернатор П.Н. Игнатьев.

⁶⁹⁶ *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 3, ч. II. СПб., 1902. С. 179; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2692.

⁶⁹⁷ Этот документ отменял свидетельства о бедности и освобождение студентов и вольнослушателей недостаточного состояния от платы.

⁶⁹⁸ *Никитенко А.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 234. Продолжение этого отрывка таково: «Дух этот в своем настоящем виде такое глубокое и опасное зло, что я не считаю излишним никакие жертвы для его

ослабления. Плетнев говорил в таком же духе, а больше и сильнее всех <А.М.> Савич. Министр возражал, что он сомневается в действенности этих средств, и защищал переводные экзамены. Но все остальные были решительно в пользу проекта, предложенного бароном Корфом. Делянов тоже сильно поддерживал нас. Министру, видимо, не хотелось согласиться с Корфом».

⁶⁹⁹ *Эймонтова Р.Г.* Указ. соч. С. 146.

⁷⁰⁰ Большинство Комиссии (по другим сведениям: Особого совещания для рассмотрения нового устава и штатов российских университетов) – известные консерваторы: С.Г. Строганов (председатель), В.А. Долгорукий, П.А. Валуев и П.К. Мейендорф. А.В. Головин в то время был уже сторонником корпоративной организации университетов.

⁷⁰¹ Хочется отметить, что начальники Корфа по Второму отделению – Сперанский и Балугьянский в свое время были членами Комитета устройства учебных заведений при министерстве просвещения; Комитет занимался подготовкой университетского устава 1835 г. Окончательная его редакция была выполнена Сперанским; в основу были положены уставы четырех университетов, в том числе Санкт-Петербургского. Устав же последнего был в 1823 г. составлен Балугьянским. Правда, Корф в 1860-е годы выступал с иных позиций, нежели когда-то его начальники.

⁷⁰² В этом он видел лучшую гарантию предотвращения студенческих волнений. Другой возможный путь к предотвращению беспорядков Корф видел в «восстановлении авторитета университетской власти, находящегося в настоящее время в столь видимом упадке». Проект устава, основанный на других началах, совершенно не удовлетворял его. По мнению Корфа, такие половинчатые меры, как замена инспектора проректором и учреждение университетского суда, не помогут справиться с «беспорядками». К числу недостатков проекта Корф относил и то, что «некоторые из главных вопросов, относящихся к дисциплине университетов, в новом уставе или совсем обойдены, или предоставлены особому усмотрению министра, или отнесены к особым правилам, которые имеют быть составлены порознь для каждого университета его советом» (*Эймонтова Р.Г.* Указ. соч. С. 166).

⁷⁰³ Слова из программы Б.Н. Чичерина (Замечания на Проект общего устава Императорских Российских университетов: в 2 т. СПб., 1863. Т. I. С. 363).

⁷⁰⁴ *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива? М., 1991. С. 237, 240.

- ⁷⁰⁵ Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957. С. 207–208. В работе В.В. Гармизы Корфу отведена отдельная глава (Глава V: Записка М.А. Корфа и обсуждение проекта земской реформы в Государственном совете). Автор, признавая позитивную роль Корфа в ходе подготовки и утверждения Положения о земских учреждениях, при объяснении причин, побудивших его принять активное участие в разработке проекта преобразования местного самоуправления, ограничивается следующими рассуждениями: «Ошибочно было бы толковать отзыв Корфа на проект земской реформы как свидетельство его либеральных убеждений. Очевидно, нужно искать иное объяснение его взглядам на данный вопрос. Но не в этом состоит наша задача» (Там же. С. 207).
- ⁷⁰⁶ Материалы по земскому общественному устройству. СПб., 1886. Т. II. С. 434–435.
- ⁷⁰⁷ Там же. С. 414–415. Среди владельцев земель, на которых «существует заселение» или «заведено хлебопашество», были и недворяне, а среди крупных землевладельцев, допущенных Корфом к выборам, владевшими, правда, не десятками тысяч и не тысячами, а двумя или тремя сотнями десятин, в 1860-е гг. были представители различных сословий. С другой стороны, владельцами огромных пространств «пустошных» земель, лесных и степных массивов, к которым Корф предлагал применить повышенный ценз, являлись дворяне. Наконец, среди окончивших курс в высших учебных заведениях тогда было уже много разночинных элементов.
- ⁷⁰⁸ Позднее при обсуждении проекта в Государственном совете Корф говорил, что сословное начало несовместимо с самим понятием о земских учреждениях, и что сохранение сословных различий было бы несогласно с направлением общей политики правительства после отмены крепостного права (Историческая записка о ходе работ по составлению и применению Положения о земских учреждениях. [Без даты]. С. 61–62).
- ⁷⁰⁹ Материалы по земскому общественному устройству. Т. II. С. 424–425.
- ⁷¹⁰ При этом Корф руководствовался следующими соображениями: «Необходимо относиться к обществу с доверием, – писал он. – Оно прежде всего желает, чтобы земские учреждения, как бы ни был ограничен круг их деятельности, имели действительную самостоятельность. Было бы крайне неосторожно ныне, когда возбуждено общее ожидание устройства земских учреждений, на началах доверия правительства к обществу, дать слишком мало, не удовлетворить общие надежды и тем возбудить только неудовольствие» (Историческая записка... С. 295).

- ⁷¹¹ Материалы по земскому общественному устройству. Т. II. С. 29.
- ⁷¹² Корф считал, что земства должны иметь право издавать *правила или постановления, обязательные для всего местного населения*, чему должна быть посвящена отдельная статья проекта (Там же. С. 445).
- ⁷¹³ Вопрос о роли Корфа в либеральной корректировке земской реформы является дискуссионным. Большинство исследователей, подобно Б.Г. Литваку, оценивают эту роль положительно. Например, Н.Я. Эйдельман отмечал, что земская реформа «могла быть куда более куцей, если бы Д. Милютин и Корф не добились в Государственном совете “в последнюю минуту” некоторого расширения прав для крестьянских депутатов, а также официального разрешения земствам заниматься школами, больницами, тюрьмами (и для этого располагать определенными денежными средствами)» (Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России // Наука и жизнь. 1988. № 2. С. 21). Однако есть и противоположное мнение. Так, Е.Н. Морозова полагает, что все внесенные Корфом в земскую избирательную систему поправки не что иное, как маневр, прикрывающий «действительную цель этих изменений»: достигнуть в земствах преобладания крупного и среднего дворянства (Земское самоуправление в России, 1864–1918. М., 2005. Т. 1. С. 165–167).
- ⁷¹⁴ *Рождественский В.* Указ. соч. С. 447.
- ⁷¹⁵ Там же.
- ⁷¹⁶ Там же. С. 449–450.
- ⁷¹⁷ Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. 1893. № 4. С. 376.
- ⁷¹⁸ ГА РФ. Ф.728. Оп. 1. Д. 2484. Л. 3.
- ⁷¹⁹ *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 3, ч. I. С. 32, 28. (Середонин добавлял, что только «через пять лет очень близко подошел к этому министр юстиции Замiatнин»).
- ⁷²⁰ *Бунге К.* Возражения против соображений Государственной канцелярии об основных началах гражданского судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. СПб., 1864.
- ⁷²¹ *Коротких М.Г.* Указ. соч. С. 111–112.
- ⁷²² Там же. С. 11, 116, 124.
- ⁷²³ Подробно об этом см. в предыдущей главе настоящей работы.
- ⁷²⁴ ПСЗ. Т. 38. № 39504. Остались наказания для крестьян по приговору волостных судов, не более 20 ударов розгами (оно называлось только в том случае, если обвиняемый не имел образования, никогда не занимал выборных должностей, не служил в ар

мии, не был болен или был старше 60 лет), а также для ссыльнока-
торжных, ссыльнопоселенцев, арестантов. Указами от того же
числа были отменены для нижних чинов армии и флота прогнание
сквозь строй и наказание шпицрутенами (Там же. № 39506,
39597).

⁷²⁵ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2688. Л. 5.

⁷²⁶ П.А. Вяземский, по слухам, тоже должен был войти в цензурный
комитет.

⁷²⁷ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2074. Л. 1–6. Он, кстати, категорически
возражал против совмещения должности цензора и редактора или
профессора.

⁷²⁸ *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование.
СПб., 1903. Т. 2. С. 633–637.

⁷²⁹ *Нифонтов А.* 1848 год в России. М.; Л., 1931. С. 182.

⁷³⁰ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 633.

⁷³¹ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 335; *Веселовский К.*
Отголоски старой памяти // Русская старина. 1899. № 10. С. 11–12.

⁷³² ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 11. Л. 60; Ч. 12. Л. 511.

⁷³³ *Шевченко М.М.* Правительство, цензура и печать в России в 1848 г.
// Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1992. № 1.
С. 24.

⁷³⁴ Наследник, настаивая на участии Корфа в Комитете, упрекал его:
«Речь идет о том, чтобы завязать ожесточенный бой, а вы внезапно
ретируетесь с поля сражения» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817.
Ч. 11. Л. 180–181).

⁷³⁵ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 335.

⁷³⁶ Тот факт, что Корф «de facto исправлял должность» за Бутурлина,
подтверждают как его дневниковые записи, так и свидетельства
других людей, например, А.Ф. Орлова (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1.
Д. 1817. Ч. 11. Л. 131, 153–154).

⁷³⁷ *Джаншиев Гр.* Эпоха цензурных реформ. СПб., 1907. С. 341; *Шев-
ченко М.М.* Правительство, цензура и печать в России в 1848 г.
С. 20.

⁷³⁸ *Веселовский К.* Указ. соч. С. 18–21.

⁷³⁹ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 334–335.

⁷⁴⁰ *Корф М.А.* Из записок // Русская старина. 1900. № 3. С. 573.

⁷⁴¹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2612. Бумаги, относящиеся до предпола-
гавшегося в 1859 г. учреждения Главного управления по делам
книгопечатания во главе с М.А. Корфом. Л. 2–4, 12.

⁷⁴² Один раз в письме к Александру II Корф, перечисляя неудобства
своего нового положения, не забывает обронить, что собирался

просить императора предоставить ему отпуск из-за расстроенного здоровья (на полях письма Корфа царь написал: «Надейтесь на Бога! Я со своей стороны Вас не оставлю»); в другой раз жена и брат с трудом отговорили Корфа не просить отставки от этого дела, чтобы не испортить своих отношений с императором (Там же. Л. 6, 12).

⁷⁴³ Корф М.А. Из записок // Русская старина. 1900. № 3. С. 573.

⁷⁴⁴ См.: Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 633–637; Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. Ч. II. С. 192–193; Эпоха Николая I. М., 1911. С. 102–103.

⁷⁴⁵ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2612. Бумаги, относящиеся до предполагавшегося в 1859 г. учреждения Главного управления по делам книгопечатания во главе с М.А. Корфом. Л. 3.

⁷⁴⁶ Письмо было написано писателю Феофилу Матвеевичу Толстому, но стало известно в обществе (Там же. Д. 1624. Л. 95–96 об.).

⁷⁴⁷ Там же.

⁷⁴⁸ Там же. Д. 2612. Бумаги, относящиеся до предполагавшегося в 1859 г. учреждения Главного управления по делам книгопечатания во главе с М.А. Корфом. Л. 5. (Корф М.А. Шестинедельный эпизод моей жизни).

⁷⁴⁹ Там же. Л. 6. Выделено мною. – И.Р.

⁷⁵⁰ В феврале 1850 г. Корф создал специальную библиотеку Комитета, выделив для нее помещение, которое закрывалось на ключ.

⁷⁵¹ Наше Отечество. М., 1990. Т. 1. С. 128.

⁷⁵² 12 ноября 1859 г. в Государственном совете было составлено и оглашено высочайшее повеление об отделении Главного управления цензуры от министерства просвещения. В нем предусматривалось, что «лицо, которое будет назначено государем императором для председательствования в Главном управлении цензуры» (потом новое ведомство получило название Главного управления по делам книгопечатания) должно будет заняться и выработкой цензурного устава; министру просвещения в связи с этим давались указания передать этому «лицу» проект министерства (Первоначальный проект устава о книгопечатании, составленный комиссией, высочайше учрежденной при министерстве народного просвещения. СПб., 1862. С. 65–67).

⁷⁵³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2612. Бумаги, относящиеся до предполагавшегося в 1859 г. учреждения Главного управления по делам книгопечатания во главе с М.А. Корфом. Л. 5.

⁷⁵⁴ «Важна была основная идея – идея независимости и свободы, как будто умышленно близкая к осуществлению в эпоху наибольшего

успеха идеи свободы вообще в русском обществе. На ней-то и хотел сыграть будущий министр» (*Лемке М.К.* Указ. соч. С. 20).

⁷⁵⁵ Фактически – месяц: 12 декабря Корф подает письмо, в котором отказывается возглавить новое цензурное ведомство; после этого он приводит в порядок дела несостоявшегося министерства.

⁷⁵⁶ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 2. С. 103. Запись 22 ноября 1859 г.

⁷⁵⁷ Речь идет о Комитете по делам книгопечатания, который был создан 21 января 1859 г. как наблюдательный орган в области цензуры (см., напр.: *Щебальский П.К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 85; *Абакумов О.Ю.* А.Е.Тимашев против литературы // Освободительное движение в России. Вып. 14. Саратов, 1991. С. 119–120; *Герасимова Ю.И.* Из истории русской печати в период первой русской революционной ситуации. М., 1974. С. 67).

⁷⁵⁸ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2612. Бумаги, относящиеся до предполагавшегося в 1859 г. учреждения Главного управления по делам книгопечатания во главе с М.А. Корфом. Л. 14.

⁷⁵⁹ О несостоявшемся министерстве цензуры // Русский архив. 1896. № 6. С. 297. (Из письма главного помощника Корфа по этому делу, А.Г. Тройницкого).

⁷⁶⁰ Мнение А.В. Никитенко.

⁷⁶¹ 10 января 1863 г. по ходатайству министра народного просвещения А.В. Головнина цензура была передана в ведение министерства внутренних дел, где 13 марта была создана Комиссия по подготовке устава о книгопечатании (или Комиссия для пересмотра, дополнения и изменения постановлений о книгопечатании) во главе с Д.А. Оболенским. Он ранее руководил работой подобной комиссии в министерстве просвещения, к началу 1863 г. уже составившей один проект. Новый проект был готов к концу мая 1863 г. (его называют проектом П.А. Валуева), в начале июня он был разослан на отзыв главноуправляющим и министрам.

⁷⁶² Материалы, собранные особой комиссией, высочайше утвержденной 2 ноября 1869 г. для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб., 1870. Ч. I. С. 75. Выделено Корфом.

⁷⁶³ Там же. С. 68.

⁷⁶⁴ Там же. Даже если принять во внимание тот факт, что, по утверждению Никитенко, отзыв был составлен не самим Корфом, а подчиненным ему чиновником Д.М. Сольским, поставив под этим документом свое имя, он, тем самым, выразил полное одобрение изложенным в нем идеям. Сильное противодействие Корфа на этапе обсуждения проекта напугало П.А. Валуева. Министр не забыл, во

что подобное противодействие вылилось во время работы над проектом земской реформы.

- ⁷⁶⁵ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 2. С. 496. Запись от 7 января 1865 г.
- ⁷⁶⁶ 16 января состоялось первое, а 20, 21 и 23 января – второе, третье и последнее заседания.
- ⁷⁶⁷ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 2. С. 49. «Однако, есть признаки, – продолжал Никитенко, – что барон не считает этого такими пустяками, потому что добивается совершенной отдельности Управления по делам печати и себя прочит в начальники этого управления» (Там же).
- ⁷⁶⁸ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 382.
- ⁷⁶⁹ Отзыв представлен Корфом 7 февраля 1864 г. (был готов к 19 декабря 1863 г.). Указ о назначении его в департамент законов датирован 27 февраля 1864 г.
- ⁷⁷⁰ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 357.
- ⁷⁷¹ Такое решение было принято по инициативе Н.А. и Д.А. Милютиных.
- ⁷⁷² Когда департамент законов единогласно одобрил в виде переходной меры смешанную систему, с этим согласился и А.С. Норов, мотивируя свое согласие тем, что «правительство не произносит еще теперь последнее слово, и речь идет только о мерах переходных».
- ⁷⁷³ Эта мера для начала была распространена на столбчатые издания.
- ⁷⁷⁴ Однако были сохранены, наряду с судебным преследованием, административные взыскания и залогов для бесцензурных изданий, против существования которых Корф протестовал в 1864 г.

Заключение

- ⁷⁷⁵ Эти попытки, как правило, находили свое выражение в бурных дебатах на заседаниях Государственного совета и многочисленных секретных комитетов, а также в подаче записок на высочайшее имя с изложением «особых мнений».
- ⁷⁷⁶ Выражение М. Корфа. Консерватизм выражался, прежде всего, и безоговорочной поддержке абсолютной монархии.
- ⁷⁷⁷ *Гросул В.Я.* Павел Дмитриевич Киселев. С. 109.
- ⁷⁷⁸ *Тургенев Н.И.* Ответы: 1. На IX главу книги *Граф Блудов и его время* Ег. Ковалевского, 2. На статью *Русского инвалида* о сей книге. Paris, 1867. Цит. по: *Тургенев Николай.* Россия и русские. М., 2001. С. 675.
- ⁷⁷⁹ См.: *Коротких М.Г.* Указ. соч. С. 97–98.
- ⁷⁸⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 9 (53). 1857 г. Д. 138/29. Л. 18.

⁷⁸¹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 11 (1848 г.). Л. 131, 153–154.

⁷⁸² Возможно, кто-то возразит: Корфа нельзя записывать в такие последовательные и убежденные реформаторы. Однако, основные положения 3-й главы данной работы, основанные на фактах, представляют Корфа как человека с реформаторскими взглядами. Правда, открыто исповедовать их он смог себе позволить только по достижении определенного положения; его взгляды изложены в докладных записках, проектах и других служебных документах, содержание которых оглашалось либо в Государственном совете, либо в его комитетах и комиссиях, либо в других структурах государственного управления.

⁷⁸³ Бычков А.Ф. Указ. соч. С. 329.

⁷⁸⁴ См.: Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России. С. 3–24.

⁷⁸⁵ Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М., 1993. С. 9.

⁷⁸⁶ Даже «такие крупные фигуры либерального лагеря как Б.Н. Чичерин и К.Д. Кавелин вообще были противниками конституционных планов» (Сладкевич Н.Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX века. Л., 1979. С. 121). То же можно сказать и о других, например, о «красном» Н.А. Милютине.

⁷⁸⁷ См.: Ковалевский Ег.[П.]. Граф Д.Н. Блудов и его время. СПб., 1866; Тарасов Е.И. Декабрист Н.И. Тургенев в Александровскую эпоху. Самара, 1923; Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 24.

⁷⁸⁸ Тактика Киселева: если нельзя осуществить коренной переворот, нужно частными мерами продвигаться размеренно, но верно к цели (да и коренная ломка иногда слишком опасна, потом можно не справиться с последствиями). Эта тактика была сформулирована им в 1835 г. См. 1 главу настоящей работы.

⁷⁸⁹ О нем, как особой «разновидности» «просвещенного бюрократа», см. 3 главу настоящей работы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ.	– английский
бар.	– барон
вел.	– великий(ая)
внутр. дел	– внутренних дел
воен.	– военный
впосл.	– впоследствии
ген. от арт.	– генерал от артиллерии
ген. от инф.	– генерал от инфантерии
ген. от кав.	– генерал от кавалерии
ген.-ад.	– генерал-адъютант
ген.-губ.	– генерал-губернатор
ген.-лейт.	– генерал-лейтенант
ген.-майор	– генерал-майор
ген.-фельдмаршал	– генерал-фельдмаршал
гос.	– государственный
гр.	– граф
гражд.	– гражданский
д. ст. с.	– действительный статский советник
д. т. с.	– действительный тайный советник
деп-т	– департамент
Е.И.В.	– Его Императорское Величество
иностр.	– иностранный
и. д.	– исполняющий должность
итал.	– итальянский
кн.	– князь
моск.	– московский
ок.	– около
проф.	– профессор
светл. кн.	– светлейший князь
СЕЙМК	– собственная Его Императорского Величества канцелярия
СПб.	– Санкт-Петербург
спб.	– санкт-петербургский
ст.-секр.	– статс-секретарь
ст. с.	– статский советник
т. с.	– тайный советник
упр-щий	– управляющий
ум.	– умер
урожд.	– урожденная
фл.-ад.	– флигель-адъютант
фр.	– французский

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абакумов О.Ю., современный историк – 315
- Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888), ген. от инф. – 234
- Акульшин П.В., современный историк – 22, 254-256, 258, 317
- Александр I Павлович (1777–1825), российский император (1801–1825) – 13, 17-18, 21, 23, 29-35, 37, 39, 42, 46-47, 56, 115, 130, 132, 158-160, 171, 173, 177, 186, 190, 198, 203, 242, 256-257, 259, 261-262, 296, 288, 301
- Александр II Николаевич (1818–1881), российский император (1855–1881) – 11-12, 19, 21, 34-35, 102, 105-106, 108, 117, 130, 132, 143-145, 154, 157, 211-212, 219, 225, 230, 233-234, 242, 248-249, 251, 273, 275, 281, 284, 303, 308, 313
- Александр Македонский – 174
- Александр Николаевич, наследник – см. Александр II
- Александра Федоровна (1798–1860), урожд. прусская принцесса Фредерика-Луиза-Шарлотта, дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III, жена Николая I, российская императрица (1825–1855) – 42, 260

- Анненков Николай Николаевич (1799–1865), ген. от инф., ген.-ад. – 230
- Анненков Павел Васильевич (1813–1887), историк литературы, критик – 307
- Апраксин В. – 32, 260
- Апраксин Степан Федорович (1792–1862) – 260
- Араб-Оглы Е.А., современный историк – 174, 288-289
- Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), гр., ген. от арт. – 42, 257, 259, 262
- Арсеньев Константин Иванович (1789–1865), ученый-статистик – 119, 194-195, 301, 305
- Астье, изобретатель стенографии – 284
- Афанасьев Ю., современный исследователь – 306

Б

- Баггезен – 293
- Багратион Петр Иванович – 276
- Базанов В.Г., современный историк – 287
- Байрау Д., современный немецкий историк – 257
- Бакунин Александр Павлович (1799–1862), лицеист первого выпуска – 161
- Балзер Харли Д., современный историк – 254

- Балугьянский Михаил Андреевич (1769–1847), первый ректор Петербургского университета, начальник 2-го Отделения СЕИВК (1826–1847) – 118-119, 194-199, 276, 298-301, 304, 310
- Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737–1814), историк, археограф – 109, 186, 294
- Баранов П.С., историк – 301
- Басаргин Николай Васильевич (1799–1861), декабрист – 39-40, 42, 255, 261-262
- Батюшков Константин Николаевич (1787–1855), поэт – 113, 116
- Бахтин Николай Иванович (1796–1869), гос. секретарь (1843–1853) – 121, 273
- Безак Павел Христианович (1769–1831), правитель канцелярии главнокомандующего Дунайской армией (1806–1810) – 276
- Белуха-Кохановский М. – 286
- Бенкендорф Александр Христофорович (1781–1844), ген.-ад. (1819), ген. от кав. (1829), член Гос. совета (1831), шеф корпуса жандармов и начальник 3-го Отделения СЕИВК (с 1826) – 264
- Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745–1826), гр., ген. от кав. (1802) – 37, 260
- Бентам Иеремия (Bentham J.) (1745–1832), английский юрист и философ, родоначальник философии утилитаризма – 39, 261
- Бестужев Николай Александрович, декабрист – 290
- Бибиков Дмитрий Гаврилович (1791–1870), ген. от инф. и ген.-ад. (1843), подольский и волынский ген.-губ. и киевский воен. губернатор с управлением и гражд. частью (1837–1852) – 12, 74-75, 252
- Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864), гр., д. т. с. (1839), член Гос. совета (1832), председатель деп-та законов, главноуправляющий 2-м Отделением СЕИВК (1839–1862) 4, 8-10, 12, 14, 22, 24-25, 71, 77, 90-91, 95, 100-103, 108-145, 150-156, 224-225, 242, 246-249, 252-254, 256, 258, 273, 276-279, 281, 308, 316-317
- Блудова Анна Андреевна (1777–1848), урожд. Щербатова, жена Д.Н. Блудова – 24, 110, 113
- Блудова Антонина Дмитриевна (1813–1891), дочь Д.Н. Блудова, мемуаристка – 24
- Блудова Екатерина Еромолаевна (1754–1807), урожд. Тишина, мать Д.Н. Блудова – 108, 110, 112-113
- Блюмин И.Г., современный историк – 295
- Божерянов И.С., историк – 297
- Болгарский В.И., ген. – 262

- Боровой С.Я., современный историк – 296
- Броглио Сильверий Францевич (1799–1820-е гг.), гр., лицеист первого выпуска – 170, 283, 286
- Бродский Н.Л., литературовед – 292
- Брэ Оттон де, баварский посланник в СПб., автор мемуаров – 26, 258
- Брюк – 293
- Брюллов Карл Павлович (1799–1852), художник – 25
- Будберг Андрей Яковлевич (1750–1812), ген. от инф. – 113
- Будри Давид Иванович де (1756–1821), проф. фр. словесности в Царскосельском лицее – 164, 181, 285
- Булгаков Константин Яковлевич (1782–1835), т. с. (1826), московский (1816–1819) и спб. (с 1831) почт-директор, одновременно директор Почтового деп-та (1831) – 262, 264
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859), журналист, писатель – 170-172, 287
- Бунге К. – 225, 312
- Бунге Николай Христианович (1823–1895), министр финансов (1881–1886) – 296
- Бурбоны, династия фр. королей – 34
- Бурцев (Бурцов) Иван Григорьевич (1794–1829), декабрист – 40, 290
- Бутков Владимир Петрович (1813–1881), гос. секретарь – 154, 156
- Бутурлин Дмитрий Петрович (1790–1849), сенатор (1833), член Гос. совета (1840), директор Императорской публичной библиотеки (с октября 1843), глава негласного цензурного Комитета 2 апреля 1848 г. – 128-129, 131, 278, 313
- Бушнелл Дж. (Bushnell J.), современный историк – 258
- Бычков Афанасий Федорович (1818–1899), археолог, историк, хранитель отдела рукописей Императорской публичной библиотеки (1844), помощник ее директора (1868), директор (1882), мемуарист – 298, 300, 302, 305, 307, 317
- Бюлер Андрей Яковлевич (1763–1843), бар., д. т. с., сенатор, близкий друг отца М.А. Корфа – 46, 183
- Бюлер Федор Андреевич, сын А.Я. Бюлера – 263, 307

В

- Вагнер А., историк – 296
- Валуев Петр Александрович (1814–1890), гр., министр внутр. дел (1861–1868) – 219, 221, 310, 315
- Васильчиков А.А., биограф Разумовских – 283
- Васильчиков Илларион Васильевич (1776–1847), кн.

- (1838), ген.-ад. (1801), ген. от кав. (1823), председатель Гос. совета и Комитета министров (1839–1847) – 24-25, 47-48, 57, 62, 69, 73, 80, 83-85, 94, 121, 128, 135-136, 304
- Васильчиковы – 279
- Вебер Макс (1864–1920), немецкий социолог, историк, экономист и юрист – 5
- Веймарн А.Ф. – 142
- Вейсс Франсуа Родольф (1751–1802), швейцарский философ и гос. деятель – 180, 291
- Вельяминовы, братья, участники заграничного похода 1813–1814 гг. – 259
- Вергилий Публий Марон (70–19 до н. э.), римский поэт – 165
- Вересаев В.В., писатель – 276
- Веселовский Константин Степанович (1819–1901), экономист, географ, мемуарист – 313
- Вигель Филипп Филиппович (1786–1856), директор Депта духовных дел иностр. исповеданий (1829–1840, с 1840 в отставке), мемуарист – 25, 28, 111, 114, 116, 259, 261, 275-276
- Витгенштейн Петр Христианович (1768–1843), светл. кн. (1836), ген.-фельдмаршал (1826), член Гос. совета (1818) – 39, 42, 261
- Виттакер Ц.Х., современный историк – 258
- Виттенгейм Отто – 183
- Воейков Александр Федорович (1778–1839), писатель, журналист, критик – 117, 276
- Волконский Дмитрий Петрович, ген.-интендант – 29
- Волконский Петр Михайлович (1776–1852), член Гос. совета (1821), светл. кн. (1834), министр Императорского двора и уделов (1826–1852) – 24, 40, 42, 96, 259
- Волконский Сергей Григорьевич (1788–1865), декабрист – 30, 33
- Вольтер (наст. имя Мари Франсуа Аруэ) (1694–1778), фр. писатель и философ-просветитель – 7, 39, 165
- Вольховский Владимир Дмитриевич (1798–1841), лицеист первого выпуска – 167, 169, 172, 182, 285, 290
- Воронцов Михаил Семенович (1782–1856), гр., ген.-губ. Новороссии (1823) и полномочный наместник (с 1828 – ген.-губ.) Бессарабии и Кавказа (1844), член Гос. совета – 10, 24, 32, 40, 89, 93, 252, 259, 264, 274, 295
- Вронченко Федор Павлович (1780–1852), гр., д. т. с. (1842), ст.-секр. и сенатор (1840), товарищ министра финансов (с 1840), министр (1845–1851) – 102, 273
- Высочков Л.В., современный историк – 257

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878), кн., поэт, литературный критик, мемуарист – 25, 227, 255, 313

Г

Гагарин Павел Петрович (1789–1872), кн., сенатор (1831), член Гос. совета (1844), д. т. с. 1-го класса (1868) – 225, 282, 308

Галич Александр Иванович (1783–1848), проф. СПб. унта, параллельно преподавал литературу в Царскосельском лицее (в 1814 г.) – 181, 199, 290

Ган Павел Васильевич (1793–1862), бар., член Гос. совета (1840–1847), член Закавказского комитета, автор Положения об управлении Закавказским краем – 128

Гармиза В.В., современный историк – 311

Гастфрейнд Н., историк – 284, 286, 292, 294, 297, 302

Гауеншильд Фридрих Матвеевич (?–1830), преподаватель немецкой словесности в Царскосельском лицее, исполнял должность директора (1814) – 172–173, 287

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1830), немецкий философ – 301

Гежелинский Федор Федорович, упр-щий делами Комитета министров (1822–1831) – 200, 301

Герасимова Ю.И., современный историк – 315

Герман К.Ф., основоположник статистической науки в России – 290, 301, 305

Герцен Александр Иванович (1812–1870), писатель, публицист – 14, 278, 301, 307

Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт – 165

Голицын Александр Николаевич (1773–1844), д. т. с. 1-го класса, министр народного просвещения (1817–1824), главноначальствующий над Почтовым деп-том (1819–1842), член Гос. совета (1810) – 177, 290, 292

Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844), светл. кн., ген. от кав. (1814), ген.-ад. (1831), моск. воен. ген.-губ. (с 1820), член Гос. совета (1821) – 73, 79

Голицын Лев Михайлович (1774–1859), кн. – 98

Головин Александр Васильевич (1821–1886), министр просвещения (1861–1866) – 4, 214, 216, 218, 223, 259, 310, 315

Голощапов, капитан – 135

Голубева О.Д., современный историк – 306

Гольтгоер Федор Григорьевич (1771–1848), директор Царскосельского лицея (1824–1840) – 172, 177

Гораций Флакк Квинт (65–8 до н. э.), римский поэт – 165, 276

- Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), канцлер иностр. дел (1867), лицеист первого выпуска – 161, 167, 169, 174, 179, 283-286, 288, 291
- Готье Ю.В., историк – 21, 258, 275
- Гофман Андрей (Генрих) Логгинович (1798–1863), ст.-секр., вполн. д. т. с. – 100, 102, 273
- Градовский А.Д., юрист, историк права – 256
- Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855), историк, общественный деятель, глава моск. западников – 217
- Гревениц Павел Федорович (1798–1848), бар., д. ст. с., лицеист первого выпуска – 161
- Греч Николай Иванович (1787–1867), журналист, издатель, мемуарист, член-корреспондент СПб. Академии наук – 173, 276-277
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), поэт, дипломат – 256
- Гринченко Н.А., современный историк – 307
- Гросул В.Я., современный историк – 18, 21-22, 44-45, 256, 258, 263, 274-275, 316
- Гроссман Л., литературовед – 282
- Грот Карл Яковлевич, сын Я.К. Грота – 282-283
- Грот Яков Карлович (1812–1893), философ, историк, проф. кафедры русского языка, словесности и истории Гельсингфорского университета (1841–1852), – 164, 201, 282-287, 291, 297, 302
- Губе Ромуальд Михайлович (1803–1890), вполн. д. т. с. – 125-127, 131, 142, 278
- Гурьев Александр Дмитриевич (1786–1865), гр., член Гос. совета (1839), сын Д.А. Гурьева – 73
- Гурьев Дмитрий Александрович (1751–1825), гр., министр финансов и министр уделов, член Гос. совета – 198, 295
- Гурьев Константин, лицеист – 290

Д

- Давыдов Денис Васильевич (1784–1839), ген.-лейт. (1831), поэт – 24-25, 32, 39-41, 255, 259, 261
- Давыдов М.А., современный историк – 261
- Данзас Константин Карлович (1801–1871), лицеист первого выпуска – 167
- Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839), д. т. с. (1839), министр юстиции (1832–1839) – 9, 12, 48, 56-58, 61, 109-110, 117-119, 125-127, 137, 252, 263, 277, 279

Дегай Павел Иванович (1792–1849), т. с. (1834), ст.-секр. (1839), директор деп-та министерства юстиции (1831), прикомандирован ко 2-му Отделению СЕИВК (с 1839), автор работ по различным вопросам права – 125-126, 247, 277

Делянов Иван Давыдович (1818–1897), д. т. с., министр просвещения (1882–1897) – 310

Дельвиг Антон Антонович (1798–1831), поэт, лицеист первого выпуска – 168, 184, 285, 293

Державин Гаврила Романович (1743–1816), поэт, гос. деятель – 108, 110, 112

Джаншиев Гр., историк – 313

Дмитриев Иван Иванович, (1760–1837), поэт и гос. деятель – 111, 114

Долгих Е.В., современный историк – 22, 258

Долгорукий (Долгоруков) Василий Андреевич – 310

Долгорукий (Долгоруков) И.М. – 187, 294

Долгоруков Николай Андреевич, виленский губернатор – 255

Долгоруков Петр Владимирович, мемуарист – 262

Донауров М.И. – 288

Дружинин Н.М., историк – 16-17, 21, 30-31, 67, 254-256, 258-260, 264-268, 270, 274

Друцкой-Любецкой – см. Любецкий

Дубенский Николай Порфирьевич, директор деп-та в министерстве финансов – 63, 187-188, 195

Е

Елена Павловна (1806–1873), принцесса Вюртембергская, вел. княгиня, жена вел. кн. Михаила Павловича – 105, 240, 280

Ермолов Алексей Петрович (1772–1861), ген. от инф., командующий Отдельным Грузинским (впосл. Кавказским) корпусом (с 1816), главнокомандующий в Грузии (с 1819, в отставке с 1827), член Гос. совета (1831) – 42, 259, 295

Ерошкин Н.П., современный историк – 18, 256

Есаков Семен Семенович (1799–1831), лицеист первого выпуска – 284

Ефремова Н.Н., современный историк права – 279

Ж

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт – 25, 109-110, 112, 116, 276

З

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфенович (1808–1881/82), гос. деятель, экономист, служил в министерстве гос. иму-

ществ (1837–1859), автор биографического труда о П.Д. Киселеве – 11, 14, 21, 24–25, 42, 62, 83, 106, 255–256, 258, 260–266, 268–269, 272

Завалишин Дмитрий Иринович (1804–1892), декабрист – 290

Зайончковский П.А., современный историк – 17–19, 256

Закревский Арсений Андреевич (1783–1865), гр., ген. от инф. (1829), министр внутр. дел (1828–1831), моск. ген.-губ. (1848–1859) – 24, 30, 39, 42, 259–260, 295

Зарудный Сергей Иванович (1821–1887), т. с. – 142, 152–156, 247

Захарова Л.Г., современный историк – 20, 254, 257

И

Иванов Л.М., современный историк – 267

Игнатъев Дмитрий Львович (1782–1833), ген.-майор – 261

Игнатъев Павел Николаевич (1797–1879), спб. ген.-губ. (1854–1861) – 309

Илличевский Алексей Демьянович (1797–1837), лицеист первого выпуска, лицейский поэт – 168

Илличевский Павел Демьянович, товарищ министра юс-

тиции, брат А.Д. Илличевского – 142

Иисус Христос – 97, 182

К

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), публицист, общественный деятель, один из идеологов русского либерализма – 15, 217, 317

Кайданов Иван Кузьмич (1780–1843), преподаватель истории в Царскосельском лицее – 163

Калошин (Колошин) Петр Иванович (1794–1848), декабрист – 290

Каменский З.А., современный историк – 290

Каменский Николай Михайлович (1776–1811), ген. от инф. (1809) – 113–114, 276

Канкрин Егор Францевич (1774–1845), министр финансов (1823–1844) – 13, 21, 25, 48–49, 52, 57–58, 61–63, 123, 187–195, 198, 204, 240, 253, 295–298

Каподистрия Иван Антонович (1776–1831), гр., греческий гос. деятель, в 1809–1827 гг. – на русской дипломатической службе – 113

Каразин Василий Назарьевич (1773–1842), общественный деятель, просветитель, ученый, основатель Харьков-

- ского университета – 170-171, 287
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, писатель – 110, 112-114, 255
- Карнеев Василий Иванович – 97
- Карниолин-Пинский Матвей Михайлович (1796–1866), д. т. с. – 142
- Карнович Ефим Степанович (1793–1855) – 80, 269
- Карцев, чиновник министерства юстиции – 142
- Карцов Яков Иванович (1784–1836), преподаватель физико-математических наук в Царскосельском лицее – 165
- Кизеветтер А.А., историк – 15, 256
- Киняпина Н.С., современный историк – 18, 256
- Киселев Дмитрий Иванович (1761–1820), д. ст. с., отец П.Д. Киселева – 29
- Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), гр., ген.-ад. (1823), ген. от инф. (1834), член Гос. совета (1834), министр гос. имуществ (1838–1856) – 4, 8-12, 14, 17, 21-44, 46-49, 51-54, 56-72, 74-78, 80, 84-87, 90-107, 109, 115-116, 136, 188, 190, 242-246, 249, 252-256, 258-268, 270, 272-275, 316-317
- Киселев Сергей Дмитриевич, младший брат П.Д. Киселева – 264
- Киселевы – 27, 259
- Клоков Валерьян Емельянович (1796–1843), д. ст. с., директор 2-го деп-та министерства гос. имуществ (с 1838) – 298
- Ключевский В.О., историк – 210, 308
- Кобеко Дмитрий Фомич, историк, гос. деятель – 173-174, 282-288, 290
- Ковалевский Евграф Петрович (1790–1867), д. т. с., министр просвещения (1858–1861) – 214-215, 223
- Ковалевский Егор Петрович (1811–1868), писатель, путешественник, автор биографии Д.Н. Блудова – 14, 256, 275-276, 279
- Комовский Сергей Дмитриевич (1798–1880), лиценст первого выпуска – 161, 167, 284
- Констан Бенжамен Анри (Constant Benjamin) (1767–1830), фр. писатель-романтик, публицист – 7, 39, 261
- Константин Николаевич (1827–1892), вел. кн., второй сын Николая I – 4-5, 20, 23, 105, 146, 149-150, 152, 219, 240, 252, 280-282
- Константин Павлович (1779–1831), цесаревич, вел. кн., старший брат Николая I – 287, 290
- Коркунов Н.А., историк права – 256
- Корнилов А.А., историк – 15, 256, 266, 295

- Корнилов Александр Алексеевич (1801–1856), лицеист первого выпуска – 161, 283
- Коротких М.Г., современный историк – 281–282, 312, 316
- Корсаков Николай Александрович (1800–1820), лицеист первого выпуска – 285
- Корф Андрей Федорович (1765–1823), бар., т. с., президент Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел (1804–1819), сенатор (1819), отец М.А. Корфа – 157, 282
- Корф Модест Андреевич (1800–1876), бар. – 4, 8–10, 12, 14, 22, 24–25, 91, 99, 111, 115–116, 119, 121–124, 128–131, 133, 155, 157–167, 169–171, 173–174, 176, 179–188, 190–242, 249–253, 255–256, 258–259, 268, 271, 276–278, 280, 282–286, 292–316
- Корф Ольга Сергеевна (1780–1844), баронесса, урожд. Смирнова, мать М.А. Корфа – 157
- Корф Фридрих Сигизмунд, бар., дед М.А. Корфа – 282
- Косачевская Е.М., современный историк – 300–301
- Костенский Константин Дмитриевич (1797–1830), лицеист первого выпуска – 168, 285
- Костомаров Николай Иванович (1817–1885), историк – 217
- Коцебу Август Фридрих Фердинанд (1861–1819), немецкий драматург – 275
- Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), кн., председатель Гос. совета (1827–1834) – 13, 25, 170, 175, 187, 200, 252, 254–255, 297, 299
- Кочубей Демьян Васильевич (1786–1859), д. т. с. – 128, 278
- Кошелев Александр Иванович (1806–1883), публицист, общественный деятель, славянофил, мемуарист – 123, 277
- Кошелев Родион Александрович (1749–1827), д. т. с. – 288
- Кукольник Нестор Васильевич (1809–1868), поэт, прозаик, драматург – 199, 301
- Куник Арист Аристович (1814–1899), историк, филолог – 307
- Куницын Александр Петрович (1783–1841), проф., преподаватель «нравственных и политических наук» в Царскосельском лицее (1811–1821) – 119, 163, 177–181, 194–195, 198, 284–285, 290–292, 298, 300, 303
- Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797–1846), поэт, декабрист, лицеист первого выпуска – 167, 170, 180, 184, 283, 285, 287, 290–291, 293, 305

Л

- Лагарп Жан-Франциск (1740–1803), фр. литературный критик – 114, 276, 282

- Лагарп Фредерик Сезар де (1754–1838), швейцарский просветитель и гос. деятель, воспитатель вел. князей Александра и Константина Павловичей (1784–1795) – 32-33, 158
- Ланда С.С., современный историк – 255, 287
- Ланской Сергей Степанович (1787–1862), министр внутр. дел (1855–1861) – 211, 275
- Латкин В.М., юрист – 279
- Лебедев Кастор Никифорович, мемуарист – 312
- Левашев Василий Васильевич (1783–1848), гр., ген.-ад., ген. от кав., председатель Комитета коннозаводства (с 1841), член Гос. совета (1838), председатель Гос. совета и Комитета министров (с 1847) – 25, 121, 129, 273-274, 278
- Левенштерн Владимир Иванович (1771–1858), ген.-майор, мемуарист – 267
- Лёвшин Александр Ираклиевич (1799–1879), товарищ министра внутр. дел (1856–1859) – 12, 80, 106-107, 211, 252, 274-275
- Лемке М.К., историк – 238, 314
- Ленц В.В., мемуарист – 277
- Леонтович В.В. – 279
- Лессинг Готхольд Эфраим (1729–1781), немецкий драматург – 165
- Линков Я.И., современный историк – 266
- Линкольн В.Б. (Lincoln W.B.), современный историк – 19, 254, 257
- Лист Ференц (1811–1886), венгерский композитор, музыкант, дирижер – 301
- Литвак Б.Г., современный историк – 310, 312
- Литке Федор (Фридрих-Бенжамен) Петрович (1797–1882), ген.-ад. (1842), воспитатель и попечитель вел. кн. Константина Николаевича (1832–1852), адмирал (1855) – 309
- Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758–1838), кн., ген. от инф., министр юстиции (1817–1827) – 183, 185-187, 195, 294
- Ломоносов Сергей Григорьевич (1799–1857), дипломат, лицеист первого выпуска – 161
- Луиза, прусская императрица, мать Александры Федоровны – 31, 260
- Любецкий (Друцкой-Любецкой) Франтишек Ксаверий, гр. Друцкий (1778–1846), кн., министр финансов Царства Польского (с 1821), член Гос. Совета (1832) – 278
- Любошинский Марк Николаевич (1816–1889), д. т. с. – 143

М

- Мабли Габриэль Бонно де (1709–1785), фр. коммунист-утопист – 39

- Майков П.М., историк – 134-135, 276-277, 279, 282, 298-302
- Малиновский Алексей Федорович (1762–1840), в Моск. архиве Коллегии иностр. дел (с 1778), упр-щий Архивом (с 1814) – 109, 275
- Малиновский Василий Федорович (1865–1814), русский просветитель, первый директор Царскосельского лицея – 166, 173-177, 180-181, 284, 287-290
- Малиновский Иван Васильевич (1795–1871), сын В.Ф. Малиновского, лицеист первого выпуска – 167, 169, 176, 182, 286
- Малиновский Павел Федорович, брат А.Ф и В.Ф. Малиновских – 288
- Малышев А., мемуарист – 187
- Мальте – 293
- Маринер – 292
- Мария Федоровна (1759–1828), российская императрица (1796–1801), жена Павла I – 260
- Мартынов Аркадий Иванович (1801–1850), лицеист первого выпуска, сын И.И. Мартынова – 119, 285
- Мартынов Иван Иванович, дир. деп-та министерства народного просвещения – 160, 162, 282-283
- Масальский – 158, 282
- Маслов Дмитрий Николаевич (1799–1856), ст.-секр., лицеист первого выпуска – 161, 170, 287
- Матвеев Василий, крестьянин – 97
- Матюшкин Федор Федорович (1799–1872), контр-адмирал, известный путешественник, лицеист первого выпуска – 161, 170, 283-286, 292
- Медем Мария Михайловна, дочь М.А. Балугьянского – 276, 301
- Мейендорф Петр Казимирович (1796–1863), д. т. с. – 310
- Мейлах Б.С., литературовед – 174-175, 177, 282, 286, 288, 290
- Меллер-Закомельский Петр Иванович (1755–1823), ген. от арт. – 287
- Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869), кн., начальник Гл. морского штаба (с 1827), член Гос. совета (1830), морской министр (1836–1856), известный острослов – 30, 71-72, 84, 123, 228
- Местр Жозеф Мари де (1753–1821), гр., фр. философ, публицист, гос. деятель, сардинский посланник в СПб. (1802–1817), один из вдохновителей клерикально-монархического движения в Европе 1-й половины XIX в. – 159, 283
- Меттерних Клеменс Венцель Лотар (1773–1859), авст-

- рийский министр иностр. дел (1809–1821), канцлер (1821–1848) – 172
- Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825), гр., петербургский ген.-губ. (1818–1825) – 32, 260
- Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), гр., воен. министр (1864–1881) – 4, 222, 258, 312, 316
- Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), товарищ министра внутр. дел (1859–1861), руководил подготовкой крестьянской реформы, брат Д.А. Милютина – 4, 218–219, 221, 280
- Минаева Н.В., современный историк – 255–256
- Миркович Федор Яковлевич (1789–1866), ген. от инф., виленский воен., гродненский, минский и белостокский ген.-губ. – 74–75
- Мироненко С.В., современный историк – 18, 69, 71, 73, 256, 267–268, 276, 294, 296, 299, 308
- Миронов Б.Н., современный историк – 254, 258
- Михаил Николаевич (1832–1909), вел. кн., сын Николая I – 306
- Михаил Павлович (1798–1849), вел. кн., брат Николая I, главный начальник военно-учебных заведений (с 1831) – 124, 158, 160
- Модзалевский Б.Л., историк – 170, 287
- Монтескье Шарль Луи (1689–1755), фр. философ-просветитель – 7, 39
- Мордвинов Николай Семенович (1754–1845), гр., адмирал, сенатор (1802), член Гос. совета – 262
- Морозова Е.Н., современный историк – 312
- Муравьев Александр Николаевич (1792–1863), декабрист – 290
- Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866), т. с. и сенатор (с 1842), могилевский гражд. губ. (1828), гродненский гражд. губ. (1831), курский воен. губ. (1835–1839) – 290
- Муравьев Никита Михайлович (1795–1843), декабрист – 256
- Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793–1886), декабрист – 33
- Муханов Николай Алексеевич (1802–1871), д. т. с. – 234
- Мыльников А., современный историк – 306
- Мясоедов Павел Николаевич (1799–1868), лицеист первого выпуска – 168

Н

- Назимов Владимир Иванович (1802–1874), виленский военный ген.-губ. (1855–1863) – 211
- Наполеон I Бонапарт (1769–1821), фр. император (1804–

1815) – 30, 34, 145, 151, 186, 255

Наполеон III, фр. император (1852–1870), племянник Наполеона Бонапарта – 306

Нарышкин Михаил Михайлович (1798–1863), декабрист – 290

Небольсин, сенатор – 80

Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), гр., канцлер, министр иностр. дел России (1816–1856) – 25, 44, 263

Нечкина М.В., современный историк – 290

Никитенко Александр Васильевич (1804–1877), литератор, проф. русской словесности СПб. университета (1832–1864), цензор (с 1833) – 199, 213, 216, 237–238, 275, 301, 309, 313, 315–316

Николай I Павлович (1796–1755), российский император (1825–1855) – 3–4, 10, 12–13, 15, 17–19, 21, 23, 25, 42–43, 46–49, 56–58, 60–63, 68–73, 78, 94, 98–101, 103–104, 121, 125, 127–128, 132–140, 142–143, 158, 160, 172, 177, 190, 195, 200, 202, 207, 227–230, 242–245, 247, 249–251, 255–258, 260, 262–263, 265, 268, 278, 295–296, 299, 303, 305, 313–314

Николай Михайлович (1859–1919), вел. кн., историк – 259

Николай Николаевич (1831–1891), вел. кн., сын Николая I – 306

Нифонтов А., современный историк – 313

Новиков Николай Иванович (1744–1818), писатель, общественный деятель – 175

Новосильцев (Новосильцов) Николай Николаевич (1761–1838), гр., д. т. с. (1824), член (1831) и председатель Гос. совета (с 1834) – 25, 60, 252, 255, 298, 303

Норов Авраам Сергеевич (1795–1869), министр народного просвещения (1854–1858) – 213, 238, 285, 308–309, 316

Норов В.А., тульский губернский предводитель дворянства – 100–101

О

Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881), директор комиссариатского деп-та морского министерства (1850-е), товарищ министра гос. имуществ (1870–1872), член Гос. совета (1872) – 146–153, 280

Оболенский Евгений Петрович (1796–1865), декабрист – 290

Огарев Николай Платонович (1813–1877), поэт, публицист – 301

Одоевский Владимир Федорович (1803–1869), кн., писатель, помощник директора

Императорской публичной библиотеки (1835–1862) – 124, 277

Оже Ипполит – 116

Озеров Владимир Александрович (1769–1816), драматург – 112

Оленин Алексей Николаевич (1763–1843), д. т. с. (1830), ст.-секр., член Гос. совета (1827), директор Императорской публичной библиотеки (1811–1843), президент Академии художеств (с 1817) – 112

Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881), принц Голштейн-Ольденбургский, сын вел. княгини Екатерины Павловны – 102, 278, 309

Омельяненко, чиновник моск. палаты гос. имуществ – 80

Орлов Алексей Федорович (1786–1861), гр., кн., ген.-ад. (1820), ген. от кав. (1833), член Гос. совета – 100, 102, 227, 250, 261, 264, 273, 281, 308, 313

Орлов Михаил Федорович (1788–1842), ген.-майор, декабрист, брат А.Ф. Орлова – 30, 40-42, 259, 268

Орлов Николай Алексеевич (1827–1885), ген.-ад., ген. от кав., сын А.Ф. Орлова – 226

Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1785–1848), графиня – 77

Остерман-Толстой Александр Иванович (1770–1857), гр.,

ген. от инф. (1817), ген.-ад. (1814) – 98

II

Павел I (1754–1801), российский император (1796–1801) – 260

Пажинский Николай Иванович, помещик – 272

Панин Виктор Никитич (1801–1874), гр., ст.-секр., министр юстиции (1841–1862) – 71, 91, 95, 121, 128, 130-131, 141, 273, 278

Парсамов В.С., современный историк – 255

Перовский Лев Алексеевич (1792–1856), гр., министр внутр. дел (1841–1852) – 12, 65, 76, 89-91, 100-102, 252, 273

Пестель Павел Иванович (1793–1826), декабрист – 40-41

Петр I Алексеевич Великий (1672–1725), царь (с 1682), российский император (с 1721) – 66, 170

Петрашевский (Бутаевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821–1866), утопический социалист – 305

Пиксанов Н.К., литературовед – 256

Пилецкий-Урбанович Мартын Степанович (1780–1859), лицейский надзиратель – 284

Пинтнер У. (Pintner W.), современный историк – 19, 257

Плетнев В., историк – 280-281
Плетнев Петр Александрович
(1792–865/66), поэт, критик,
журналист – 25, 184, 199,
293, 296-297
Плисов М.Г. – 119, 194
Пнин Иван Петрович (1773–
1805), просветитель, поэт –
290
Покровский М.Н., историк –
16-17
Полиевктов М.А., историк –
256
Потемкин Григорий Алексан-
дрович (1749–1791), ген.-
фельдмаршал – 186
Предтеченский А.В., исто-
рик – 17
Пресняков А.Е., историк – 256
Пулятин Ефим Васильевич
(1804–1883), адмирал, ми-
нистр просвещения (июнь-
декабрь 1861) – 216
Пушкин Александр Сергеевич
(1799–1837), поэт, лицеист
первого выпуска – 109, 158,
161, 166-172, 174, 185, 276,
282-287, 290-292, 294
Пушкин Сергей Львович, отец
А.С. Пушкина – 185
Пушкина Ольга Сергеевна,
сестра А.С. Пушкина – 185
Пушин Иван Иванович (1798–
1859), декабрист, лицеист
первого выпуска – 167-170,
173, 178, 282-287, 290
Пушин Михаил Иванович
(1800–1869), декабрист, брат
И.И. Пушина – 170, 284
Пыляев М.И., историк – 275
Пыпин А.Н., историк – 15, 256

Р

Раев М., современный исто-
рик – 19, 257
Раевский Николай Николае-
вич (1771–1829), ген. от
кав. (1813) – 24, 32, 42, 259
Разумовские – 283
Разумовский Алексей Кирил-
лович (1748–1822), министр
просвещения (1810–1816) –
159-160, 162, 181, 283, 288
Расин Жан (1639–1699), фр.
драматург – 110
Раупах Эрнст (1784–1852), не-
мецкий драматург, проф. –
199
Реми, гувернер Д.Н. Блудова –
108
Репнин-Волконский Николай
Григорьевич (1778–1845),
кн., ген.-ад. (1813), ген. от
кав. (1828), малороссийский
генерал-губернатор (1816–
1834), член Гос. совета
(1834), брат С.Г. Волкон-
ского – 35
Рибопьер Александр Ивано-
вич (1781–1865), гр., д. т. с.
(1830), обер-шенк, член
Гос. совета (1838) – 265
Ривароль Антуан (1753–1801),
фр. писатель – 113, 275
Рождественский В., историк –
309, 312
Розен Григорий Владимиро-
вич (1782–1841), ген. от
инф., ген.-ад. – 48
Розен Евгений Андреевич,
сын декабриста А.Е. Розена,
мемуарист – 290

- Ростовцев Яков Иванович (1803–1860), ген.-ад. (1849), ген. от инф. (1859), первый председатель Редакционных комиссий (1859–1860) – 212-213, 308
- Ростопчин (Растопчин) Федор Васильевич (1763–1826), гр., ген.-ад. (1796), ген. от инф. (1812) – 259, 288
- Руденская М.П., литературовед – 282, 284-285
- Руденская С.Д., литературовед – 282, 284-285
- Рудзевич Александр Яковлевич (1775–1829), ген. от инф. (1826) – 259, 261
- Рудницкая Е.Л., современный историк – 255
- Румянцев Николай Петрович (1754–1826), д. т. с., министр иностр. дел (1808–1814), канцлер – 113
- Рунич Дмитрий Павлович (1778–1860), попечитель спб. учебного округа (1821–1826) – 119, 194, 299
- Руссо Жан Жак (1712–1778), фр. писатель и философ, один из идеологов Просвещения – 7, 39, 291
- Рязановский Н.В. (Riasanovsky N.V.) – 19, 257
- С**
- Сабанеев Иван Васильевич (1770–1829), ген. от инф. (1823) – 259-260
- Савельева Е.А., современный историк – 307
- Савиньи Фридрих Карл (1779–1861), немецкий юрист, глава исторической школы права – 134
- Савич А.М. – 310
- Салтыков Александр Николаевич (1775–1837), гр., т. с. – 113
- Самборский Андрей Афанасьевич, протоиерей – 288
- Самойлова Юлия Павловна, графиня – 97-98
- Саражинович П.Г. – 276
- Саратов – 78
- Сафонов М.М., современный историк – 256
- Сей Жан Батист (1767–1832), фр. экономист – 261
- Секиринский С.С., современный историк – 317
- Селезнев И.Я., историк – 158, 173, 282-284, 287
- Семевский В.И., историк – 273-274, 300
- Семевский М.И., историк – 170
- Семенов А.В., минский гражданский губернатор – 76
- Семенова Екатерина Семеновна (1786–1849), актриса – 112
- Середа Н.А., историк – 267
- Середонин С.М., историк – 201, 300, 312
- Сладкевич Н.Г., современный историк – 317
- Смирнов Ф.Н., современный историк – 290
- Смит Адам (1721–1790), шотл. экономист и философ – 39

- Собольщиков Василий Иванович (1813–1872), библиотекарь Императорской публичной библиотеки – 306-307
- Соловьев М.П., историк – 281
- Соловьев Яков Александрович (1820–1876), т. с., служил в министерстве гос. имуществ (1843–1857) и министерстве внутр. дел (с 1857), активный участник подготовки Положений 19 февраля 1861 г. – 106
- Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910) – 315
- Сомов Орест Михайлович (1793–1833), писатель – 293
- Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), гр., гос. деятель, фактически возглавлял 2-е Отделение СЕИВК (с 1826) – 13-14, 19, 21, 43, 48, 53, 58, 60-62, 117-119, 128, 132, 135, 158-160, 162, 166, 175, 187, 193-205, 240, 253, 256-257, 262, 276-277, 282-283, 288-290, 295, 297-305, 310
- Сталь Анна Луиза Жермена де (1766–1817), фр. писательница – 7
- Старр Ф. (Starр S.F.), современный историк – 19, 257
- Старынкевич Н.А. – 38
- Стасов Владимир Васильевич (1824–1906), художественный и музыкальный критик, в Комиссии по сбору материалов к истории императора Николая I (с 1856), библиотекарь художественного отдела Императорской публичной библиотеки (1872) – 306-307
- Стевен Федор Христианович (1797–1851), лицеист первого выпуска – 161, 167
- Степанов В.Л., современный историк – 257
- Столыпин Дмитрий Алексеевич (1785–1826), ген.-майор – 42
- Строганов Александр Григорьевич (1795–1891), гр., ген. от инф., ген.-ад., брат С.Г. Строганова – 71
- Строганов Павел Александрович (1774–1817), гр., ген.-ад., член Негласного Комитета Александра I – 252, 255
- Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882), гр., ген. от кав., ген.-ад., брат А.Г. Строганова – 309-310
- Суворов Александр Васильевич (1729–1800), генералиссимус – 186
- Сутгоф Александр Николаевич (1801–1872), декабрист – 290

Т

- Тальони Мария (1804–1884), итал. балерина – 25
- Тарасов Б.Н., современный историк – 317
- Татищев Дмитрий Павлович (1767–1845), дипломат – 265
- Теплова В.А., историк – 282

Тимашев Александр Егорович
(1818–1893), ген. от кав.,
ген.-ад. – 234, 315

Токарев С.В., современный
историк – 266

Толстой Феофил Матвеевич –
314-315

Томашевский Б.В., литерату-
ровед – 282-285, 287, 290

Торке Г.-И., современный не-
мецкий историк – 257

Тройницкий Александр Гри-
горьевич (1807–1871), това-
рищ министра внутр. дел
(1861–1867) – 315

Тургенев Александр Иванович
(1784–1845) – 109, 113-114,
291

Тургенев Андрей Иванович
(1781–1803), поэт – 109, 114

Тургенев Николай Иванович
(1789–1872), декабрист, эконо-
мист, брат Ал-дра И. и
Анд.И. Тургеневых – 117,
170, 178-179, 247, 276, 287,
291, 316-317

Туркул Игнатий Лаврентьевич
(1798–1856), министр ст.-
секр. Царства Польского –
278

Тучков Павел Алексеевич
(1775–1858), д. т. с. (1840),
член Гос. совета (1838) – 71

Тынянов Ю.Н., литературове-
д – 159, 176-177, 180, 283,
286, 290-292

Тырков Александр Дмитрие-
вич (1799–1843), лицеист
первого выпуска – 286

У

Уваров Сергей Семенович
(1786–1855), гр., президент
Академии наук (1818), ми-
нистр народного просвеще-
ния (1833–1849) – 9, 12, 19,
21, 25, 229, 252, 258

Уортман Р. (Wortman R.), со-
временный американский
историк – 19, 255, 257

Усов П.С., историк – 295

Ф

Федоров В.А., современный
историк – 256-257

Филиппова Т.А., современный
историк – 317

Фиофилат, архиепископ – 160

Фиркович, библиофил – 307

Фовель, няня Д.Н. Блудова –
108

Фомин Александр, историк –
291

Х

Хрущев Дмитрий, товарищ
министра гос. имуществ –
105-106, 274

Ц

Цезарь Юлий Гай (102 или
100 – 44 до н. э.), римский
гос. деятель, полководец, пи-
сатель – 174

Цимбаев Н.И., современный
историк – 19, 258

Ч

- Чарторыйский Адам Адамович (1770–1861) – 252, 255
- Чернышев Александр Иванович (1785–1857), кн. (1841), светл. кн. (1849), воен. министр (1832–1852), член Гос. совета (1828), его председатель (с 1848) – 25, 32, 101–102, 274
- Чингисхан (ок. 1155 – 1227), основатель Монгольской империи – 174
- Чириков Сергей Гаврилович (1776–1853), учитель рисования и гувернер в Царско-сельском лицее – 163, 165
- Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), публицист, общественный деятель, теоретик русского либерализма – 15, 217, 310, 317
- Чичерин В.Н., брат Б.Н. Чичерина – 217
- Чулковы, помещики – 79

Ш

- Шалашников, откупщик – 77
- Шатобриан Франсуа Рене де (1768–1848), виконт, фр. писатель и полит. деятель консервативного направления – 39
- Шаховской Александр Александрович (1777–1846), драматург – 112, 117
- Шаховской Федор Петрович (1796–1829), декабрист – 290
- Шебунин А.Н., историк – 15, 17, 255–256, 287, 291

- Шевченко М.М., современный историк – 257, 275–276, 313
- Шереметев Дмитрий Николаевич (1803–1871) – 288
- Шереметев Николай Петрович (1751–1809), обер-камергер – 288
- Шереметева Варвара Петровна (1750–1824), графиня – 288
- Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805), немецкий поэт, драматург – 165, 291
- Шилов Д.Н., современный историк – 276
- Шильдер Николай Карлович (1842–1902), ген-лейт., историк – 262, 313–314
- Шмальц Теодор-Антон-Генрих (1760–1831), нем. юрист и публицист – 37, 260
- Шпет Густав Густавович (1879–1940), русский философ-идеалист – 8
- Штейн Генрих Фридрих Карл (1757–1831), глава прусского правительства (1807–1808), реформатор – 38

Щ

- Щебальский П.К., историк – 315
- Щербатова Антонина Васильевна (ок. 1759 – 1812), княгиня, урожд. Яворская – 113
- Щербатовы – 111

Э

- Эймонтова Р.Г., современный историк – 310

Эклоф Б. (Eclouf B.), современный историк – 258

Элиас Н. – 5, 254

Энгельгардт Егор Антонович (1775–1862), второй директор Царскосельского лицея (1816–1822) – 158, 161, 172–173, 177–178, 182, 185, 200, 282, 284, 290, 292, 302

Эйдельман Н.Я., современный историк – 159, 285–286, 307, 312

Ю

Юдин Павел Михайлович (1798–1852), лицеист первого выпуска – 161

Юпитер Аммон – 293

Юшневский Алексей Петрович (1786–1844), декабрист – 24

Я

Якушкин Иван Дмитриевич (1798–1857), декабрист – 41, 261, 290

Яковлев Михаил Лукьянович (1798–1868), лицеист первого выпуска – 119, 161, 167, 170, 194, 285

В

Bentham J. – см. Бентам Иеремия

Bushnell J. – см. Бушнелл Дж.

С

Constan Benjamin – см. Констан Бенжамен Анри

Е

Eclouf B. – см. Эклоф Б.

L

Lacroix P. – 263

Lincoln W.B. – см. Линкольн Б.В.

P

Pintner W. – см. Пинтнер У.

R

Riasanovsky N.V. – см. Рязановский Н.В.

S

Starr S.F. – см. Старр Ф.

W

Wortman R. – см. Уортман Р.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. «Просвещенные бюрократы» – представители правительственного реформизма первой половины XIX в.	3
«Просвещенные бюрократы» – новый тип российского чиновника: опыт характеристики	3
Разработка проблемы в исторической литературе. Ис- точниковая база исследования	13
ГЛАВА I. П.Д. Киселев – «начальник штаба по крестьян- ской части»	26
Становление и зрелость. Первый проект по упразднению крепостного права	27
Первые административные опыты: Вторая армия и Дунай- ские княжества	38
В «Комитете Васильчикова» 1835 г.	47
Борьба за министерство государственных имуществ. Ре- форма казенной деревни	61
Указ об обязанных крестьян 2 апреля 1842 г.: теория и практика	67
Киселев как инициатор ряда законопроектов о крестьянах. К вопросу о его убеждениях	93
ГЛАВА II. Д.Н. Блудов (1785–1864) и развитие законода- тельства Российской империи	108
Выбор пути: служба или литература	108
Во главе Второго отделения собственной Его Импера- торского Величества канцелярии	117
Второе отделение с Блудовым и без него	118
Первый уголовный кодекс Российской империи или Блу- дов как продолжатель дела Сперанского и Дашкова	125
Почему гражданское уложение так и не было принято ...	132
Проекты Второго отделения по судопроизводству и их роль в подготовке судебной реформы	138
ГЛАВА III. М.А. Корф и реформы 1860-х гг.	157
Корф в Царскосельском лицее: один из носителей «ли- цейского духа»	157

Первые шаги по служебной лестнице. Под началом Е.Ф. Канкринна	183
Второе отделение собственной Его Императорского Ве- личества канцелярии и М.М. Сперанский в судьбе Корфа	194
Корф во главе Публичной библиотеки (1849–1861): ди- ректор-реформатор	207
Вклад Корфа в решение крестьянского вопроса	209
Корф и университетский устав 1863 г.	213
Решающая роль Корфа в разработке Положения о гу- бернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г.	218
Корф и судебные преобразования	224
Корф в цензурной политике правительства. Обсуждение правил о печати 1865 г.	227
Заключение	242
Примечания	254
Список сокращений	318
Указатель имен	319

Редактор
О.А. П р у ц к о в а

Корректор
Г.Я. Д а н и л и н а

Компьютерная верстка
Л.Г. С а п р ы к и н о й

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 21.04.09. Формат 60x84/16. Заказ № 4
Тираж 300 экз. 21,5 п.л. 20,27 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Ружицкая Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, специалист по истории внутренней политики императора Николая I (1825 – 1855). Автор монографий «Барон М.А. Корф – историк: по материалам его архива» (1996) и «Законодательная деятельность в царствование императора Николая I» (2005). Публикатор Дневника М.А. Корфа (Корф М.А. Дневник. Год 1843. М., 2004).